К. ПОПОВЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ КАВКАЗСКАГО ГРЕНАДЕРА 1914—1920.

БѢЛГРАДЪ
1 9 2 5

Русская Типографія, Бѣлградъ, Космайская, 20.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Отправляясь на войну въ 14 году, всѣ офицеры мечтали о томъ счастливомъ днѣ, когда кончится для насъ побѣдоносно война, и заранѣе завидовали тому счастливцу, который будетъ свидѣтелемъ этого дня.

Желанный день окончанія войны насталъ съ тою только разницей, что не принесъ онъ счастія Россіи. Офицеровъ, когда то мечтавшихъ объ этомъ, почти не осталось въ живыхъ и съ каждымъ днемъ ихъ становится все меньше и меньше. Вотъ и я недѣлю тому назадъ, послѣ четвертой операціи раненой руки, едва не переступилъ ту грань, откуда нѣтъ возврата, откуда ничего уже не сообщишь, а вѣдь по смыслу я тотъ самый „счастливецъ", который не только дожилъ до того завѣтнаго дня, въ который должно было случиться „великое", но и пережилъ его...

Это послужило толчкомъ къ возникновенію идеи записать то, что пришлось мнѣ пережить за послѣдніе шесть лѣтъ войны и революціи. За эти годы я былъ свидѣтелемъ великихъ надеждъ и ихъ крушеній, великихъ подвиговъ и не менѣе великихъ преступленій, я испыталъ сладость упоенія побѣдой и полностью вкусилъ горечь пораженія. Я видѣлъ море крови и слезъ... и все то, чего страшится человѣчество, то, чего оно стремится избѣжать... то, что неизбѣжно — войну.

Въ крупныхъ событіяхъ войны я былъ маленькой песчинкой — обыкновеннымъ рядовымъ офицеромъ, какихъ были тысячи и каковые всѣ такъ были похожи другъ на друга.

Я былъ тѣмъ офицеромъ, который зналъ только то, что написано въ приказѣ и слышно было въ телефонъ, видѣлъ ровно столько, насколько хватало зрѣніе, я былъ „маленькимъ зубчикомъ" въ сложной машинѣ современной Великой Арміи.

То, о чемъ я пишу, пережито мною или въ рядахъ славнаго 13-го Лейбъ-Гренадерскаго Эриванскаго Царя Михаила Өеодоровича полка, или въ рядахъ „Своднаго полка Кавказской Гренадерской дивизіи" — прямомъ наслѣдникѣ и потомкѣ четырехъ полковъ Кавказскихъ Гренадеръ. Все остальное служитъ лишь связующимъ звеномъ цѣпи событій, имѣющихъ между собой непосредственную связь.

Моя цѣль — правдиво записать все то, что казалось мнѣ значительнымъ, запечатлѣть, насколько это удастся, роль моего Родного Полка въ Великой и Гражданской войнахъ и сохранить для будущаго поколѣнія Россіи имена тѣхъ. кто счастье и честь Родины ставилъ выше своихъ личныхъ интересовъ, разсказать, какъ они страдали и отдавали жизнь...

. . . .

Но память не ждетъ, нужно спѣшить... Живыхъ свидѣтелей пережитого становится все меньше и меньше.

Шт.-Кап. ПОПОВЪ.

Панчево.
1921 г.

МОБИЛИЗАЦІЯ И ВЫСТУПЛЕНІЕ ПОЛКА НА ТЕАТРЪ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

Объявленіе мобилизаціи застало меня на границѣ съ Персіей. Въ то время я былъ младшимъ офицеромъ команды развѣдчиковъ нашего полка, приданной въ помощь Бакинской бригадѣ Пограничной стражи и находился на посту Эшакчи Ленкоранскаго уѣзда. Команда состояла изъ 64 гренадеръ при двухъ офицерахъ, однимъ изъ коихъ былъ я, другимъ — мой начальникъ Штабсъ-Капитанъ Сабель. На посту мы были не одни. Кромѣ насъ здѣсь находилось такое же, приблизительно, количество солдатъ пограничниковъ при одномъ офицерѣ Ротмистрѣ Пацевичѣ и семья доктора Бочкова, жившая при маленькомъ госпиталѣ, находившемся тутъ же на посту. Служба наша текла однообразно изо дня въ день и заключалась въ выставленіи постовъ днемъ и секретовъ ночью. Случались ночныя тревоги и небольшія перестрѣлки съ мѣстными контрабандистами и разбойниками, но они мало вносили разнообразія въ нашу жизнь. Большимъ развлеченіемъ для меня и моего начальника служила прекрасная охота на дикихъ кабановъ и козъ, которыхъ въ этихъ краяхъ было очень много и за которыми мы съ Капитаномъ Сабелемъ по очереди охотились, такъ какъ одинъ изъ насъ въ любой моментъ долженъ былъ находиться на посту на случай тревоги. Связь съ внѣшнимъ міромъ поддерживалась при помощи почты, приходившей разъ въ недѣлю, а вмѣстѣ съ нею и газетъ. Газетъ мы выписывали двѣ: традиціонный „Тифлисскій Листокъ" и популярную Московскую газету „Русское Слово". Въ памятный день 17-го Іюля 1914 года часовъ въ 6 вечера, къ намъ въ каморку, гдѣ жилъ я съ начальникомъ команды, вбѣжалъ Ротмистръ П. и съ большимъ подъ-

емомъ объявилъ, что получена телефонограмма о всеобщей мобилизаціи въ Россіи, что будетъ война съ Австріей и одновременно со всѣмъ Тройственнымъ Союзомъ. Въ это время изъ газетъ намъ было извѣстно только о „Сараевскомъ убійствѣ“, а потому такая развязка „Сараевскаго узла“ явилась полнымъ сюрпризомъ. Такъ или иначе нужно было готовиться къ немедленному выступленію на присоединеніе къ родному полку въ ур. Манглисъ, ибо существовало положеніе, по которому всѣ командированные отъ полка команды и отдѣльные чины, по общей мобилизаціи подлежали возвращенію въ свои части. Отлично помню свое приподнятое радостное настроеніе въ этотъ день. Война не казалась тогда чѣмъ то ужаснымъ, воображеніе рисовало скорѣй праздничныя картины. На первомъ планѣ, заслоняя все остальное, стоялъ полкъ и первой мыслью было желаніе вплести въ его сѣдые лавры, — свѣжіе благоухающіе.

Будучи военнымъ по призванію, я свято чтилъ героизмъ во всѣхъ его проявленіяхъ, а въ дѣлѣ огражденія дорогой Родины отъ грозившей опасности, считалъ за счастье одну только возможность быть въ рядахъ ея защитниковъ. Много различныхъ мыслей и чувствъ волновало меня въ этотъ день и всю ночь, и конечно, заснуть я не могъ. Гренадеры встрѣтили вѣсть о мобилизаціи и о возможности войны довольно равнодушно, но потомъ, какъ будто очнувшись, стали готовиться къ походу. Это выразилось у нихъ въ разбиваніи своихъ сундуковъ, въ сжиганіи и разбрасываніи казавшихся имъ ненужныхъ вещей. Утромъ, чуть свѣтъ, все готово было къ выступленію. Капитанъ Сабель поручилъ мнѣ вести команду въ село Пришибъ (переходъ 40 верстъ), а самъ обѣщалъ догнать по дорогѣ, такъ какъ ему предстояло разсчитаться съ персами подрядчиками. Стояла нестерпимая жара. Мы шли нервно и быстро. Команда, состоявшая изъ сильныхъ молодцеватыхъ гренадеръ, хорошо втянутыхъ въ ходьбу, справи-

лась съ первымъ, довольно труднымъ, переходомъ очень быстро. Въ четыре перехода мы были въ Ленкорани, гдѣ должны были погрузиться на пароходъ для слѣдованія моремъ на Баку. Въ Пришибѣ 19 Іюля 1914 г. быля получена телеграмма: „Германія объявила намъ войну. Сухомлиновъ . Теперь сомнѣній быть не могло — война началась. Гдѣ то далеко на западѣ, уже быть можетъ льется кровь, гремятъ первые выстрѣлы и витязи русской земли стали на защиту своей Матери-Родины. Мысль одна — скорѣй туда. На станціи Баладжары встрѣчаемъ эшелонъ своихъ „кунаковъ“ — Нижегородскихъ драгунъ. Съ ними хоръ трубачей. Гремитъ нашъ полковой маршъ. Нижегородцы привѣтствуютъ представителей Эриванцевъ. Совмѣстный товарищескій обѣдъ на вокзалѣ. Тосты, пожеланія. Трогаемся дальше, въ Елизаветполѣ грузятся стрѣлки 3-го полка. Вотъ мы въ Тифлисѣ. По улицамъ идутъ манифестанты, настроеніе бодрое — всюду ажитація. Проходимъ Тифлисъ вечеромъ и выходимъ на Коджорское шоссе. Красивъ Тифлисъ въ теплую лѣтнюю ночь съ Коджорскаго шоссе у ботаническаго сада. Онъ горитъ милліонами огней и являетъ собой какъ бы отраженіе звѣзднаго неба въ прозрачной водѣ горнаго озера. Идемъ всю ночь. Подъ утро достигаемъ станціи Пріютъ, что въ 40 верстахъ отъ Тифлиса. Правда, зная въ горахъ каждую тропинку, мы идемъ сокращенной дорогой — благо съ нами нѣтъ обоза. Къ 10 часамъ мы уже въ Штабъ-Квартирѣ, нашемъ дорогомъ Манглисѣ, гдѣ полкъ стоитъ уже 100 лѣтъ, откуда неоднократно уходилъ на войны и гдѣ воспиталъ не одно поколѣніе героевъ. Насъ встрѣчаютъ — мы среди своихъ. Я попалъ въ объятія своего брата — гимназиста шестого класса, гостившаго у меня въ Манглисѣ.

Полкъ мобилизовался. Большинство офицеровъ было въ разъѣздѣ, кто за лошадьми, кто велъ партіи укомплектованій, кто получалъ снаряженіе — работа кипѣла.

По мобилизаціонному плану нашъ полкъ выдѣлялъ изъ себя кадръ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ для запаснаго полка. Запасный полкъ доженъ былъ остаться на нашемъ пепелищѣ и доформировываться, а мы ждали со дня на день приказа о выступленіи. Съ утра до вечера шли занятія съ запасными. Производились тактическія ученья и стрѣльбы ротами боевого состава. Тотчасъ по прибытіи, команда развѣдчиковъ была распущена по ротамъ, а я получилъ назначеніе, въ новую для меня, 9-ю роту къ Капитану князю Геловани. Князь Геловани, участникъ Японской войны, обладалъ большими достоинствами, какъ боевой офицеръ и товарищъ, но не пользовался почему то благоволеніемъ начальства въ мирное время.

Кромѣ меня въ ротѣ было еще два офицера: мой сверстникъ по выпуску Подпоручикъ Долженковъ и прибывшій по мобилизаціи Прапорщикъ запаса Гаврюшко; оба прекрасные офицеры и товарищи. Качественный составъ роты, какъ и всего полка, былъ средній, ибо полученныя пополненія изъ мѣстныхъ туземцевъ оставляли желать лучшаго и сильно понизили общій боевой коеффиціентъ полка. Кромѣ того долженъ признать, что многія важныя отрасли боевой подготовки у насъ хромали.

Пулеметная команда оказалась въ рукахъ у недостаточно самоотверженнаго офицера — Шт.-Кап. Ж который къ счастью для полка былъ въ первомъ же бою раненъ весьма легко, эвакуировался и появившись затѣмъ метеоромъ, какъ то во время стоянки на Бзурѣ на нѣсколько дней — удалился въ спокойный тылъ. Пулеметы наши въ первыхъ бояхъ, можно сказать, не принимали активнаго участія, между тѣмъ какъ въ первые же дни войны въ нашемъ 2-мъ Кавказскомъ арм. корпусѣ выдѣлились своей работой команды Мингрельцевъ и Стрѣлковъ, особенно 2-го Кавказскаго стрѣлковаго полка, свидѣтелемъ работы которыхъ я былъ въ октябрьскихъ бояхъ 14 года въ лѣсу подъ Бакаларжево. Команда связи, „висѣв-

шая все время на носу" въ походѣ, въ первые дни боевъ совершенно отсутствовала и приходилось прибѣгать къ очень неудобнымъ способамъ передачи донесеній — людьми. Самоокапываніе тоже было поставлено неудовлетворительно, а разница въ постановкѣ дѣла у насъ и у стрѣлковъ особенно бросилась въ глаза, и не въ нашу пользу, когда я съ Капитаномъ Пильбергомъ побывалъ въ окопахъ 2 го Кавк. стр. полка въ лѣсу подъ Бакаларжево. Благодаря только что изложеннымъ причинамъ намъ пришлось учиться тому, чему мы недоучились въ мирное время, уже подъ огнемъ и жестоко за все платиться. Война воочію показала, что въ Русской Императорской арміи не было плохихъ полковъ. Были плохіе и хорошіе командиры, а полки ими командуемые носили на себѣ отпечатки индивидуальныхъ качествъ своихъ командировъ. Нашъ блестящій и старѣйшій полкъ Русской арміи, былъ въ этомъ отношеніи весьма несчастливъ въ первые мѣсяцы войны. Полкомъ командовалъ Флигель-Адъютантъ Полковникъ Мдивани весьма картинная и импозантная фигура блиставшая на всѣхъ парадахъ. Хотѣлось вѣрить, что подъ водительствомъ Полк. Мдивани, полкъ будетъ совершать сказочныя дѣла. Къ сожалѣнію мечты не сбылись. Въ первыхъ бояхъ, когда у нашего командира въ рукахъ находился такой исключительной цѣнности боевой матеріалъ какъ кадровый полкъ,—успѣхи наши были ничтожны. Причину неудачъ многіе видѣли въ слабости его характера и неумѣніи разбираться въ людяхъ.

Дѣйствительно, наши баталіонные командиры, за исключеніемъ одного, были совсѣмъ небоеспособны и послѣ перваго же боя испарились изъ полка на все время войны не будучи ранеными. Къ счастію составъ ротныхъ командировъ, въ большинствѣ, былъ прекрасный и „баталіоннымъ" нашлись достойные замѣстители. Неудивительно, что въ первомъ же бою мы потерпѣли довольно крупную неудачу. 15 Августа 1914 г. стало извѣстно, что нашъ 2-й

Кавк. арм. корпусъ въ составѣ: Кавказской гренад. дивизіи, 51-й пѣх. дивизіи и 1-й бригады Кавказскихъ стрѣлковъ, съ ихъ артиллеріей и техническими частями перебрасывается на Западный фронтъ. И вотъ отданъ приказъ: „полку построиться на церковномъ плацу въ 7 часовъ вечера... для прощанія со знаменами". Нельзя забыть этого вечера какъ и многія минуты въ дальнѣйшемъ врѣзавшіяся въ память. Молебенъ носилъ мрачный характеръ. У всѣхъ напряженное настроеніе. Молитвы и слезы, явныя и затаенныя читались на каждомъ лицѣ. Мрачно колыхались сѣдыя знамена — свидѣтели былой славы полка. Какъ то особенно заунывно служилъ полковой священникъ, и ему вторили хоръ и эхо горъ. Было совсѣмъ темно, когда церемонія прощанія со знаменами кончилась и роты стали расходиться. На утро было назначено выступленіе по баталіонно. Проводы на войну въ 14 году, даже для меня, показались сильной и тяжелой картиной. А я уходилъ не оставляя ничего позади: ни жены ни дѣтей, ни нѣжной привязанности, если не считать двухъ лицъ мнѣ близкихъ и родныхъ — младшаго брата и старухи бабушки. Все же несмотря на это, мое сердце навѣрное сократилось до минимума въ своемъ объемѣ, когда была подана команда „Шагомъ маршъ". Но чѣмъ дальше мы уходили, тѣмъ спокойнѣе становилось на душѣ и на первомъ привалѣ все было забыто. Начиналась новая жизнь — подобная лоттереѣ, гдѣ предметомъ розыгрыша служила сама жизнь. На станціи Пріютъ насъ поджидали представители мѣстныхъ жителей. По кавказскому обычаю появился шашлыкъ, филе, и невыпиваемое количество единственнаго и несравненнаго „кахетинскаго". На другой день въ полдень жители Тифлиса могли видѣть какъ мы спускались съ горъ, обходя городъ. Пройдя по захолустнымъ улицамъ безъ всякой помпы и шума мы вышли въ Навтлугъ, гдѣ сосредоточивалась вся Гренадерская дивизія. Нашъ Корпусъ былъ ввѣренъ извѣстному Генералъ-Адъютанту Мищенко — герою

Японской войны, получившему назначеніе въ моментъ отправленія Корпуса на театръ военныхъ дѣйствій. Эшелонъ грузился за эшелономъ. Наконецъ наступила очередь и моего третьяго баталіона. 18 Августа мы тронулись въ путь. Нашъ третій баталіонъ шелъ въ составѣ 15 офицеровъ и около 900 гренадеръ, Командовалъ баталіономъ Подполковникъ Р. До войны онъ считался выдающимся офицеромъ-знатокомъ стрѣлковаго дѣла. Но какъ это ни странно, большинство офицеровъ, считавшихся въ мирное время выдающимися, не проявили себя таковыми во дни войны. Къ числу этой группы лицъ нужно отнести въ первую очередь нашего бывшаго командира Подполковника Р. Еще въ дорогѣ онъ зашилъ свою шашку въ защитный чехолъ (офицеры нашего полка имѣли шашки кавказскаго образца въ серебрянныхъ оправахъ), а снаряженіе, т. е. всѣ ремни, футляръ бинокля, свистокъ и портупею выкрасилъ въ защитный цвѣтъ. Мало того, онъ приказалъ всѣмъ офицерамъ послѣдовать его примѣру. Таковыхъ нашлось только двое, такъ какъ остальные мотивировали свой отказъ выкраситься той простой причиной, что форма и цвѣтъ ремней снаряженія Высочайше утверждены и не подлежатъ перекраскѣ. Между собою офицеры подсмѣивались надъ примѣненіемъ „баталіонера" къ мѣстности и выражали сожалѣніе, что онъ не выкрасилъ себѣ лицо и руки.

Путь отъ Навтлуга до Гродно мы совершили въ 12 дней. По пути слѣдованія, а особенно около Кіева, стали попадаться большія партіи плѣнныхъ австрійцевъ и эшелоны нашихъ раненыхъ изъ подъ Львова. Настроеніе у нашихъ было праздничное, всѣ были увѣрены въ побѣдѣ и даже скажу больше, наиболѣе ретивые изъ насъ боялись опоздать къ рѣшительному сраженію, такъ какъ всѣмъ хорошо было вдолблено нашими военными авторитетами, что современная война должна быть молніеносной и рѣшительной по своимъ результатамъ. Я лично слѣпо вѣрилъ этой теоріи и выступилъ на войну налегкѣ,

не запасшись абсолютно теплой одеждой и хорошей походной обувью столь важной для пѣхотинца. Послѣ перваго же боя съ нѣмцами я отказался отъ многихъ кабинетныхъ истинъ, преподававшихся намъ въ военныхъ училищахъ, въ томъ числѣ и отъ теоріи молніеносности современныхъ войнъ. Въ дорогѣ разговоры вертѣлись преимущественно на темахъ: кто изъ насъ будетъ счастливчикомъ и будетъ свидѣтелемъ побѣдоноснаго окончанія войны, или кто изъ старыхъ офицеровъ уже побывавшихъ на войнѣ долженъ будетъ, по теоріи вѣроятности, отличиться и въ эту войну. Насколько помню, мнѣнія единогласно сходились на томъ, что самымъ боевымъ окажется командиръ 7-й роты Князь N., имѣвшій Владимира за Японскую кампанію и уже теперь побѣдоносно заломившій папаху. Мнѣ кажется, лучшимъ отвѣтомъ на мучившій насъ въ то время вопросъ о боеспособности Капитана Князя N послужитъ полное умолчаніе о его имени на всемъ протяженіи моихъ боевыхъ воспоминаній.

Много говорилось о будущихъ георгіевскихъ кавалерахъ и т. п. Я молчалъ, глубоко затаивъ мысль во что бы то ни стало получить хотя бы Анну 4-й ст. въ первомъ же бою, ибо на большее количество боевъ расчитывать не приходилось, такъ какъ по моимъ выкладкамъ война должна была кончиться въ Берлинѣ примѣрно черезъ два мѣсяца. Я даже нѣсколько разъ прикладывалъ масштабную линейку, измѣряя разстояніе до Берлина, и пытался перевести его на количество переходовъ.

Какимъ все это кажется теперь смѣшнымъ и далекимъ. Составъ молодыхъ офицеровъ полка у насъ былъ хорошій и дружный, особенно дружба наша всегда подчеркивалась за стаканомъ добраго кахетинскаго вина, запасъ котораго сейчасъ въ вагонѣ, „значительно" превышалъ количество офицеровъ въ баталіонѣ. Время летѣло незамѣтно. По дорогѣ встрѣчались эшелоны другихъ частей. Съ ними тотчасъ устанавливалась связь. Обыкновенно все офицерство

перекочевывало къ намъ и мы привѣтствовали другъ друга какъ могли. Тепло становилось въ эти минуты на душѣ и невольно какъ то чувствовалась мощь русскаго духа, и въ тѣ моменты мы горды были сознаніемъ, что мы русскіе.

Долго насъ везли въ невѣдѣніи относительно мѣста высадки, наконецъ заговорили, что насъ высадятъ въ Августовѣ. Немедленно были развернуты карты и отысканъ Августовъ на каналѣ того же имени, кругомъ значились лѣса и озера. Все остальное было по прежнему непроницаемо.

НАЧАЛО БОЕВЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

1914 годъ.

Наконецъ 1 Сентября въ 4 часа дня мы прибыли въ Гродно, гдѣ узнали, что 1-й и 2-й баталіоны уже высажены и ушли на форты. Накрапывалъ мелкій дождь — баталіонъ разгружался. Деньщики складывали гинтера и выносили ихъ на двуколки. Прощай вагонный уютъ и тепло — подумалъ я. Гренадерамъ былъ розданъ обѣдъ и мы двинулись черезъ городъ на форты.

Шли мы очень долго — стало совсѣмъ темно. Дождь не прекращался. По дорогѣ на форты намъ пересѣкли дорогу Кавказскіе стрѣлки. У стрѣлковъ сорвалась съ моста какая то двуколка и придавила стрѣлка. Части остановились. Изъ темноты неслись крики: „Какая часть“. „Куда ты прешь — не видишь - офицеръ“. „Землякъ! А землякъ!“ вопрошали голоса. „Нѣтъ ли средь васъ саратовскихъ? а вы откелева будете? — мы съ Кавказу. И мы тожъ“. „Носилки давайте сюда“! кричали голоса изъ подъ моста и слышались жалобные стоны придавленнаго. А все вмѣстѣ взятое покрывала трехэтажная басовая ругань.

Часамъ къ 9-ти добрались мы до мѣста располо-

женія нашего 2-го баталіона который сталъ бивакомъ на фортовомъ промежуткѣ. По близости расположились и мы. У насъ въ баталіонѣ не въ примѣръ другимъ запрещено было курить хотя противникъ находился гдѣ то за 50 верстъ. Безъ всякаго комфорта спалъ я эту ночь вмѣстѣ съ Подпоручикомъ Долженковымъ на чердакѣ въ кучѣ соломы, но мысленно благодарилъ судьбу и за это, ибо нисколько не преуменьшалъ могущихъ выпасть на нашу долю испытаній.

На утро дождь пересталъ и насъ повели углублять уже протрассированные окопы. Этимъ дѣломъ мы занимались два или три дня и я вложилъ въ дѣло укрѣпленія позиціи всѣ свои фортификаторскія способности.

За эти дни ничего особеннаго не случилось, если не считать того, что мнѣ здорово влетѣло отъ командира баталіона за то, что я снялъ съ себя во время работъ шашку. Въ результатѣ онъ пригрозилъ отдать меня подъ судъ. Я не на шутку былъ смущенъ, а вдругъ правда отдастъ. Рѣшилъ твердо носить установленную форму, чтобы не было повода лишній разъ получить замѣчаніе. Когда нашъ Корпусъ весь подтянулся, мы тронулись. Не пройдя и 2-хъ верстъ, мы подошли къ 14-му гренадерскому Грузинскому полку, стоявшему на Сапоцкинскомъ шоссе. „Ура славнымъ Эриванцамъ!“ — крикнулъ Командиръ Грузинцевъ — Полковникъ Кальницкій и ура, подхваченное семью тысячами голосовъ, вдругъ пронеслось громовымъ раскатомъ. Тутъ же рѣшено было выслать походныя заставы. Моя 9-я рота попала въ лѣвый боковой отрядъ, а мой взводъ въ лѣвую боковую заставу. Вскорѣ можно было видѣть полную схему походнаго охраненія, двинувшуюся въ сторону Сапоцкина. Я бодро шагалъ по пахоти, временами переводя духъ, такъ какъ трудно было поспѣвать за главными силами, идущими по ровному шоссе. Противникъ нигдѣ не показывался, не взирая на всѣ усилія его отыскать.

Только потомъ оказалось, что нѣмцы были гдѣ-то въ 20—30 верстахъ, и то по слухамъ. Я утѣшалъ себя надеждой, что завтра навѣрно встрѣтимся, но мои надежды ни завтра, ни послѣ завтра не оправдались. Случилось что то совсѣмъ непонятное. Мы двѣ недѣли колесили по Сувалкской губерніи, нигдѣ не находя противника. Временами вдали гудѣлъ бой, видно было зарево, но мы никакъ не могли войти въ соприкосновеніе съ противникомъ.

На 15-й день изнурительнаго марша насъ вновь остановили у Гродно. Организація походнаго движенія возмущала всѣхъ офицеровъ до глубины души. Насъ поднимали обыкновенно въ 4 часа, полкъ выстраивался. Проходилъ часъ, два, три, мы все стояли и мокли подъ дождемъ. Какъ на зло стояла дождливая осень. Наконецъ, часамъ къ 8 ми получали приказаніе о выступленіи. Куда мы шли — не знали, до ротныхъ командировъ включительно, хотя съ увѣренностью можно было сказать, что и штабъ полка былъ освѣдомленъ въ этомъ направленіи не лучше насъ. Шли обыкновенно весь день. Порядокъ въ строю тогда еще держался образцовый и колонна по отдѣленіямъ отчетливо вырисовывалась на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Когда начинало темнѣть насъ останавливали около какой нибудь деревни и опять чего то ждали. Стояли, ждали, мокли. Часовъ въ 7 или 8 вечера отдавался приказъ располагаться на ночлегъ, но хорошо если въ этой деревнѣ, а то два раза оказывалось, что мы должны ночевать въ деревнѣ, которую прошли часа два тому назадъ. Дѣлать бывало нечего поворачивали обратно, часамъ къ 10 приходили на мѣсто, а въ 4 часа насъ подымали вновь. Съ тѣхъ поръ прошло уже много лѣтъ, но я еще ясно переживаю всю безтолочь походнаго движенія того времени, безцѣльно выматывавшаго нервы и понижавшаго боеспособность частей. Обидно было сознавать, что управляютъ нами неумѣлыя и незаботливыя руки.

16-го Сентября мы вновь прошли Сапоцкинъ, пе-

решли Августовскій каналъ и втянулись въ большіе лѣса. На третій день, идя по лѣсу, мы прислушивались съ учащеннымъ біеніемъ сердца къ звукамъ артиллерійской канонады, гдѣ то близко впереди. Лѣсъ, какъ на зло, тянулся и тянулся. Къ полдню мы все же вышли изъ лѣса, перейдя на шоссе, ведущее въ Копціово. Бой къ этому времени затихъ. Нѣмцы были сбиты и отошли. Мы проходили по полю сраженія. Первое, что я увидѣлъ, была русская фуражка, залитая кровью, а рядомъ съ нею погонъ 3-го Финляндскаго стр. полка. Дальше стали попадаться убитые и раненые. Войдя въ гор. Копціово, мы остановились на грязной площади. На одной изъ боковыхъ улицъ стоялъ автомобиль съ тяжелой пушкой, взятый у нѣмцевъ, навстрѣчу двигалась партія плѣнныхъ. Это были первые нѣмцы, которыхъ я увидѣлъ за войну. Тутъ же въ ближайшихъ домахъ расположены были части Финляндскихъ стрѣлковъ, какъ они объясняли, ихъ поставили на отдыхъ. Всѣ единогласно утверждали, что „антиллеріи у нѣмцевъ больно много и ужасть какъ засыпаютъ“. „Какъ мы живы остались одному Богу извѣстно“. Видъ у разсказчиковъ былъ дѣйствительно растерянный. Въ мѣст. Копціово мы не задерживались, а двинулись впередъ. Теперь все говорило за то, что нѣмцы отступаютъ, что надо ихъ преслѣдовать. Идти приходилось по лѣсисто-озерному пространству необыкновенной красоты, но красоты какъ то не замѣчались. Шедшая впереди насъ 2-я гренад. бригада, очевидно сильно торопилась, ибо побросала свои бурочные маты, массу полустоекъ, полотнища палатокъ и прочей аммуниціи такъ, что весь путь слѣдованія буквально на нѣсколько верстъ былъ усѣянъ перечисленными предметами. Меня лично, подобное отношеніе къ казенному добру сильно покоробило. Князь Гелованн, нервно подергивая плечомъ, подошелъ ко мнѣ и, кивнувъ въ сторону бурочныхъ матъ, процѣдилъ: „св.....“.

19 го Сентября у Кавказскихъ гренадеръ былъ

первый бой съ нѣмецкимъ арріергардомъ. Нѣмцы дѣйствовали такъ искусно, что дивизіи пришлось развернуться, чтобы преодолѣть сопротивленіе противника. Мы, Эриванцы, въ этотъ день участія въ бою не принимали, находясь въ резервѣ недалеко отъ позиціи, кажется, 1-й батареи нашей артиллерійской бригады. Нѣмцы удачно пристрѣлялись къ батареѣ и артиллеристы наши понесли въ этомъ бою серьезныя потери. Тутъ же пронесли на носилкахъ перваго раненаго офицера Грузинца Капитана Теръ-Казарова. Но вотъ нѣмцы отступили, мы тронулись впередъ. Ночевали въ маленькой деревушкѣ Прудишки, а на утро пошли въ наступленіе. Сначала шли баталіономъ въ строю по ротно, немного спустя роты перешли въ строй по взводно и наконецъ разсыпались въ цѣпи. Шли мы по вспаханной землѣ настолько рыхлой, что нога каждый разъ буквально утопала, когда опускалась на землю. Почему мы приняли такой порядокъ построенія такъ и осталось секретомъ командира баталіона. Противника не было и даже нигдѣ не слышалось хотя бы отдаленной стрѣльбы. Двигаясь цѣпями, мы захватили большой раіонъ и необычайной картиной массоваго движенія людей, всполошили всѣхъ зайцевъ, которыхъ здѣсь было изобиліе. Увидя зайца, гренадеры подымали невообразимый гикъ и свистъ, а ошеломленные зайцы, натыкаясь всюду на цѣпи, до того терялись, что ихъ ловили руками. 9-я рота поймала такимъ образомъ, на моихъ глазахъ, четырехъ зайцевъ.

Такого рода развлеченія нѣсколько отвлекали мысли отъ голоднаго желудка и тѣмъ спасали положеніе, такъ какъ въ эти дни мы буквально голодали, ибо наши обозы не поспѣвали за нами по песчанымъ дорогамъ этого края. Достать что либо у мѣстнаго населенія не представлялось возможнымъ. Само населеніе жило впроголодь, а тутъ еще побывали передъ нами нѣмцы и забрали остатки. Бывало попросишь хлѣба, а старики и старухи плачутъ, сами ничего не ѣли.

Много заботъ доставляло въ эти дни расквартированіе людей. Необходима была подстилка, было холодно; гренадеры, въ поискахъ соломы, забирались въ амбары и выволакивали снопы необмолоченной ржи, ибо соломы не было. Жалобъ приходилось разбирать сотни. Платить за все не было средствъ, а потому часто наблюдались душу щемящія картины, какъ какая нибудь древняя старуха на колѣняхъ умоляла заплатить ей за уничтоженное жито. А тутъ не до нея, полученъ приказъ выступать. Плачъ и отчаянныя мольбы встрѣчали и провожали насъ на каждой остановкѣ. Въ это время главнымъ пищевымъ продуктомъ намъ служила брюква, которую мы собирали по полямъ и сырой поѣдали. Къ счастью, за всю войну такой голодовки мы больше не испытывали, и даже много разъ я поражался, насколько хорошо въ полку было поставлено дѣло снабженія продовольствіемъ, что являлось несомнѣнной заслугой командира нестроевой роты Капитана Князя Вачнадзе. Такъ шли мы вплоть до самыхъ Сувалокъ.

21 Сентября, нашъ 3-й баталіонъ, идя въ хвостѣ походной колонны, подошелъ къ дер. Бѣловоды, что въ семи верстахъ къ сѣверо-западу отъ Сувалокъ. Бѣловоды маленькая грязная деревушка, расположенвая въ небольшой котловинѣ окаймленной пологими холмами. Посреди деревни озеро, производившее впечатлѣніе грязной дождевой лужи. Войдя въ деревню, баталіонъ остановился. Офицеры вышли впередъ обмѣняться впечатлѣніями. „Слышите, господа, ружейную стрѣльу“, сказалъ кто то. Всѣ насторожились. Дѣйствительно какъ будто послышались выстрѣлы. Подъѣхалъ какой то корнетъ гусарскаго полка и передалъ, что недалеко отсюда, въ трехъ верстахъ сильная нѣмецкая позиція. Дождь все моросилъ и сырость начинала давать знать о себѣ довольно основательно. Вдругъ появился блѣдный и взволнованный Подполковникъ Р. и приказалъ баталіону двигаться. Оказалось, наши четвертый и второй баталіоны, шедшіе въ этотъ день въ аван-

гардѣ, неожиданно были обстрѣляны на шоссе, между озерами Ожево и Окуничъ, немедленно развернулись и повели наступленіе. Но нѣмцы занимали столь выгодную позицію у озернаго дефиле, что безъ труда остановили продвиженіе какъ 4-го, такъ и 2-го баталіона. Баталіоны залегли и окопались. Картина боя представилась въ дальнѣйшемъ, для нашего 3-го баталіона такимъ образомъ: получивъ приказаніе продвинуться впередъ, мы вошли въ довольно глубокую лощину, спускающуюся къ долинѣ болотистой рѣчки Ганча. Вправо отъ насъ выѣхала батарея и начала устанавливаться на позиціи. Сзади меня въ ротѣ раздались голоса: „Ваше Благородіе, глядите, это наши, али нѣмцы“? Я взглянулъ по указанному направленію и увидѣлъ, какъ на противоположномъ высокомъ и обрывистомъ берегу Ганчи появились цѣпи, проектируясь на фонѣ нѣсколькихъ домовъ, повидимому, начинавшейся деревни. Надъ цѣпями стали появляться бѣлые дымки рвущейся шрапнели. Цѣпи скатывались внизъ и залегали, слышалась рѣдкая ружейная стрѣльба. Впечатлѣніе было таково, что нашихъ сбили и вотъ вотъ сверху на нихъ насядутъ нѣмцы. Цѣпи, скатившіяся подъ бугоръ, были дѣйствительно наши. Вотъ онѣ опять идутъ наверхъ. Батарея, занявъ позицію, открыла огонь. Первые ея выстрѣлы, рѣзкіе и оглушительные, заставили меня невольно вздрогнуть.

Въ головѣ стучала мысль: „Неужели неуспѣхъ“. Но нѣмцы не показывались. Мы тѣмъ временемъ подошли къ гати черезъ Ганчу и вытянулись по ней длинной кишкой. Вдругъ съ ужаснымъ свистомъ и воемъ упалъ нѣмецкій тяжелый снарядъ, попавъ въ близь стоявшее дерево, и вырвалъ его съ корнемъ, обдавъ окружающую мѣстность фонтаномъ грязи. Для перваго раза впечатлѣніе получилось сильное. Я ожидалъ, что за первымъ снарядомъ прилетитъ второй, но этого не случилось и мы благополучно перешли гать и стали принимать куда то вправо. Впереди шелъ совершенно спокойно князь Геловани.

На правомъ флангѣ перваго взвода занималъ свое мѣсто я, на второмъ взводѣ шелъ прапорщикъ Гаврюшко и на третьемъ Долженковъ. Сзади въ порядкѣ номеровъ шли 10 и 11 рота.

Не успѣли мы пройти и двѣсти шаговъ, какъ надъ самой срединой нашего батальона разорвались двѣ шрапнели. Никто не шелохнулся, только въ 11 ротѣ вызвали санитаровъ. Вдругъ откуда то появился П. Р. и набросился на князя Геловани: „Куда Вы ведете батальонъ?“. „Къ Вамъ“, — невозмутимо отвѣтилъ кн. Геловани. Будучи озадаченъ такимъ отвѣтомъ, командиръ батальона перемѣнилъ тонъ и приказалъ подвести батальонъ поближе къ крутому скату и остановиться. Опять никто ничего не зналъ, связи никакой не было и неизвѣстность всѣхъ нервировала.

Бой повидимому разгорался, стрѣльба слилась въ общій гулъ, горѣли деревни, находившіяся въ сферѣ боя. Отовсюду несли раненыхъ. Вотъ подносятъ раненаго офицера. Съ трудомъ узнаю въ немъ Подпоручика Ситникова, только что передъ войной выпущеннаго къ намъ въ полкъ изъ Одесскаго училища. Онъ раненъ въ животъ и въ кисть руки ружейными пулями. На вопросы не отвѣчаетъ. Его перевязываютъ и уносятъ дальше. Оказывается, наша третья рота, во главѣ съ Капитаномъ Кузнецовымъ, перейдя въ наступленіе, выбила нѣмцевъ изъ деревни Черноковизны, но нѣмцы открыли страшный огонь по деревнѣ и зажгли ее. Соломеныя крыши и деревянные дома горѣли, какъ порохъ, и къ вечеру деревня обращена была въ груду пепла. Третья рота понесла большія потери, но все же удержалась на линіи Черноковизны и окопалась.

Къ вечеру выяснилось, что всѣ раненые третьей роты, снесенные въ халупы, сгорѣли. Съ наступленіемъ темноты бой прекратился и только зарева пожаровъ освѣщали картину боя.

Воспользовавшись минутой, я попытался забраться по откосу на бугоръ, чтобы увидѣть, что дѣлается

впереди, но меня замѣтилъ командиръ батальона и съ воплемъ: „Не обнаруживайте насъ“ приказалъ мнѣ немедленно слѣзть. Я пытался ему объяснить, что лучше оріентироваться и осмотрѣться никогда не мѣшаетъ, на что получилъ отвѣтъ, что меня это не касается и что если я еще разъ позволю себѣ „оріентироваться“ безъ его приказанія, то буду отданъ подъ судъ.

Какъ я уже упоминалъ, связи между баталіонами полка въ этомъ бою не было никакой, ее не было и весь слѣдующій день и мы питались исключительно слухами, а слухи были паническаго свойства: такой то офицеръ убитъ, такому то оторвало голову, третьяго совсѣмъ разорвало.

Наступила ночь. Поднялся холодный вѣтеръ. Послѣ дождя мы еще не обсохли, а потому испытывали массу непріятныхъ ощущеній.

Подъѣхала кухня, но было не до ѣды, да и бурда, которую привезли, успѣла совсѣмъ остыть.

Будучи въ тонкихъ шагреневыхъ сапогахъ и въ обыкновенной шинели безъ всякихъ намековъ на подкладку, не имѣя ни фуфайки ни чего теплаго, я буквально дрожалъ отъ холода, а самъ думалъ: „А можетъ быть я дрожу не отъ холода, а отъ страха“. И мнѣ становилось стыдно отъ одной мысли, что гренадеры превратно истолкуютъ мою дрожь. Но дрожали всѣ. Ротный командиръ, князь Г., какъ имѣвшій лошадь, возилъ съ собой бурку. Теперь онъ залѣзъ въ какую то яму, завернулся въ бурку и блаженствовалъ. Увидя меня, онъ великодушно распахнулъ одну полу бурки и пригласилъ опуститься къ нему. Я не замедлилъ принять его предложеніе и, правда, немного отогрѣлся. Послѣ меня князь Г. отогрѣвалъ такъ по очереди всѣхъ своихъ офицеровъ. Гренадеры тоже устроились по ямамъ и грѣлись „центральнымъ“ отопленіемъ, ибо костровъ приказано было не разводить.

Такъ мы прокоротали ночь.

Чуть забрезжилъ разсвѣтъ, какъ раздалась команда ротнаго командира, князя Гелованн: „Впередъ". Команда прозвучала, какъ эхо, и сразу все зашевелилось.

Гренадеры, снимая фуражки, крестились и инстинктивно осматривали винтовки. Впереди всѣхъ шелъ князь Г. Его высокая и мощная фигура сильно импонировала ротѣ. Мы, младшіе офицеры, заняли свои мѣста впереди своихъ взводовъ. Страннымъ казалось одно — никакой задачи, никакихъ свѣдѣній о противникѣ, какъ будто никто изъ руководившихъ боемъ никогда не училъ тактики и Высочайше утвержденнаго Полевого Устава. Привыкнувъ слѣпо повиноваться, мы двинулись впередъ красивой длинной лентой, выравниваясь на ходу, какъ на парадѣ. Мѣстность впереди была ровной и сѣрой, по полю были разбросаны кучи камней, правильно сложенныя въ пирамиды; вдали темнѣли контуры лѣса. Вотъ все, что бросилось въ первый моментъ въ глаза.

Кромѣ этого, я почему-то хорошо помню все, что происходило влѣво, вправо-же отъ нашей 9-ой роты никого не было видно. Лѣвѣе насъ развернулись 10 и 11 роты, 12-ая же рота пошла еще наканунѣ прикрывать артиллерію. Оглянувшись назадъ, я увидѣлъ Поручика Грузинскаго полка Зайцева, который со своими пулеметчиками тащилъ пулеметы и катилъ катушки за 10-й ротой. Тишина была мертвая. Нѣмцы не стрѣляли. Такъ прошли мы болѣе 200 шаговъ. Вдругъ гдѣ-то впереди защелкали винтовки — часто-часто, къ нимъ присоединилось рѣдкое та-та-та нѣмецкихъ пулеметовъ. Пѣхота насъ замѣтила, но пули пока насъ не тревожатъ, очевидно плохо взятъ прицѣлъ. Но еще 50 шаговъ... и пули завизжали роемъ, жалобно визжа: тьу-тьу-тью... стало жутко, но мы идемъ. Вдругъ знакомый уже гнетущій свистъ: вью-па, прорѣзалъ воздухъ и надъ нами появилось бѣлое облачко первой шрапнели. За это время мы успѣли пройти отъ исходнаго положенія

шаговъ 500. По нашей цѣпи нѣмцы открыли бѣглый огонь и надъ ротой стало рваться одновременно по 8 снарядовъ.

Рота не выдержала, безъ приказанія залегла и открыла огонь по невидимому противнику. Ясно было, что такой огонь безцѣленъ и я попытался дать направленіе и прицѣлъ. Но изъ моей затѣи ничего не вышло, такъ какъ я самъ не слышалъ своего голоса. Пришлось обойти первое отдѣленіе и возбудить вниманіе каждаго пинькомъ ноги. Заниматься этимъ дѣломъ страшно не хотѣлось, ибо никогда въ жизни я не испытывалъ такого желанія лечь на землю, какъ въ этотъ моментъ, ибо пули свистѣли и рыли землю и уже лилась кровь. Но нужно было подать примѣръ и я на сколько могъ это дѣлалъ. Я опустился на колѣно и въ цейссовскій бинокль старался разсмотрѣть расположеніе нѣмцевъ. Съ большимъ трудомъ мнѣ удалось опредѣлить линію ихъ окоповъ, ибо въ утреннемъ туманѣ все сливалось. Подавъ знакъ ближайшему отдѣленію слѣдовать за мой, я побѣжалъ впередъ. Пробѣжавъ шаговъ 50, я легъ. Около меня опустилось всего нѣсколько человѣкъ изъ тѣхъ, кто былъ ко мнѣ поближе. Прождавъ моментъ, я почувствовалъ, что не всякіе примѣры бываютъ заразительны, ибо никто не собирался подниматься. Пришлось бѣжать назадъ и поднимать гренадеръ вновь. Послѣ отчаянныхъ усилій мнѣ удалось продвинуть свой взводъ шаговъ на 100. Оставалось еще 400, но для меня уже было ясно, что порывъ нашъ убитъ и сегодня его не воскресить. Огонь ни на минуту не ослабѣвалъ. Влѣво, туда, гдѣ залегли 10, 11 роты и Грузинцы, неслись десятки тяжелыхъ снарядовъ, взметая тучи земли, мы же обстрѣливались обыкновенными гранатами. Гранаты со страшнымъ визгомъ ложились около нашей цѣпи и оглушительно рвались, не нанося намъ серьезнаго вреда. Потери въ ротѣ уже были, такъ какъ, по цѣпи передавали: „Ваше... е. е. Б..діе Вах·ра-мѣева... чижало... ранило въ животъ... прикажите... вы-

нести...“, вправо какой то гренадеръ примостился за кучей камней и усердно въ кого то выцѣливаетъ вдругъ винтовка выпадаетъ у него изъ рукъ, онъ вскакиваетъ и бѣжитъ назадъ, но по дорогѣ падаетъ и остается лежать неподвижно.

Совсѣмъ рядомъ со мной, въ пяти шагахъ гренадеръ изъ запасныхъ старается свернуть цыгарку. Въ это время, нагнетая воздухъ, проносится надъ головой снарядъ. Гренадеръ распластывается на землѣ, разсыпаетъ свою махорку и шепчетъ: „Господи, спаси, помилуй, сохрани и защити“. Снарядъ рвется съ оглушительнымъ трескомъ, гренадеръ чуть-чуть приподымаетъ голову и оглядывается назадъ. Видя, что опасность миновала, отпускаетъ по адресу снаряда трехъэтажную ругань. Это повторяется раза три и я невольно начинаю смѣяться.

Не видя никого изъ начальствующихъ лицъ и неизмѣнно неся потери, я послалъ донесеніе съ указаніемъ гдѣ и съ какой частью роты я нахожусь и просилъ дать мнѣ указанія. Черезъ часъ посланный вернулся. Вольноопредѣляющійся Цыганковъ, носившій донесеніе, оказался большимъ молодцомъ. Наблюдая, какъ онъ бѣжалъ туда и обратно, я со страхомъ ожидалъ, что вотъ-вотъ его подобьютъ, кругомъ рикошетировали пули. На обратномъ пути онъ подбѣжалъ ко мнѣ и передалъ, что командира батальона онъ не нашелъ, что Прапорщикъ Гаврюшко раненъ, а ротный командиръ приказалъ мнѣ пока оставаться на мѣстѣ.

Опять пошелъ дождь, но на этотъ разъ со снѣгомъ. Нѣмцы буквально не давали высунуть головы, все время поддерживая сильный артиллерійскій и ружейный огонь. Такъ пролежали мы до 4-хъ часовъ вечера. Начинала все больше и больше давать знать о себѣ сырость. Вдругъ гдѣ-то справа усиленно стали бить пулеметы. Я оглянулся назадъ и только тогда замѣтилъ, что далеко сзади идутъ наши отступающія цѣпи. По цѣпи же кричатъ: „В. Б-діе, приказано отходить“. Нѣмцы, увидя, что у насъ

опять задвигались, усилили свой огонь по отходящимъ. А мнѣ казалось, что вотъ-вотъ они бросятся преслѣдовать и первое на кого напорются это на меня съ десяткомъ людей. Медлить было опасно и я приказалъ по одному отходить, дабы не привлечь сильнаго сосредоточеннаго огня. Но и изъ этого ничего не вышло. Первые два-три человѣка исполнили мое приказаніе буквально, а остальные не выдержали, сорвались всѣ сразу и побѣжали назадъ. Послѣднимъ поднялся я и тоже попытался бѣжать. Но только я сдѣлалъ шагъ, какъ упалъ, ибо не разсчиталъ, что засидѣлъ себѣ ноги. Нѣмцы открыли по насъ бѣглый огонь, пулеметы пронзительно затарахтѣли. Собравъ всѣ силы, я поднялся вновь и развилъ наибольшую скорость, на которую былъ способенъ. Съ разбѣга нашъ батальонъ не остановился передъ воднымъ препятствіемъ и перешелъ вбродъ болотистую рѣчку Ганчу по колѣно въ водѣ, считавшуюся вбродъ не проходимой. Подъ огнемъ нѣмецкой артиллеріи прошли мы еще версты двѣ и наконецъ остановились, чтобы перевести духъ. Трудно описать подавленность моего душевнаго состоянія въ этотъ моментъ. Нѣмцы мнѣ показались непобѣдимыми, война затянувшейся до безконечности, позоръ нашъ несмываемымъ и я былъ въ отчаяніи. Къ счастью все обошлось лучше, чѣмъ можно было ожидать. Нѣмцы боялись насъ повидимому также, какъ и мы ихъ. Никто насъ не преслѣдовалъ, наши же остальные батальоны стояли себѣ на своихъ мѣстахъ (благодаря полному невѣдѣнію того, что творится у насъ) и вели бой. Правда, мы отсутствовали недолго. Выйдя изъ сферы боя, мы собрались и двинулись обратно. По дорогѣ насъ встрѣтилъ командиръ полка и, отчитавъ какъ слѣдуетъ, приказалъ немедленно вернуться въ свои окопы. Приказаніе командира полка было исполнено немедленно и мы водворились въ своихъ окопахъ. Нашъ командиръ батальона, П. Р., заболѣлъ отъ всѣхъ этихъ переживаній и эвакуировался разъ навсегда. За этотъ

бой наша 9-ая рота потеряла 38 человѣкъ. Изъ батальона выбыло изъ строя 5 офицеровъ, изъ коихъ двое были ранены, одинъ контуженъ, а двое заболѣли на всю войну. Къ счастью четверо офицеровъ изъ 5-ти не представляли абсолютно никакой боевой цѣнности и мы скоро о нихъ забыли, а баталіонъ не утратилъ, не смотря на это, своей боеспособности. Утромъ я узналъ, что баталіонъ нашъ принялъ Кап. кн. Шервашидзе старшій; это обстоятельство немного насъ пріободрило, ибо кн. Ш. импонировалъ намъ, молодымъ офицерамъ, своимъ молодцеватымъ видомъ, а кромѣ того имѣлъ въ мирное время репутацію строевика и хорошаго командира.

Въ этотъ день, 23 Сентября, мы приводили себя въ порядокъ; окопы наши были углублены и представляли уже почти сплошную линію, къ командиру баталіона изъ штаба полка протянули телефонъ и настроеніе сразу улучшилось. Много-ли надо. На нашемъ участкѣ было тихо — ни одного выстрѣла, зато вправо отъ насъ въ двухъ верстахъ сплошной гулъ и видны разрывы тяжелыхъ нѣмецкихъ снарядовъ, которые ложатся на буграхъ у дер. Рудки. Впослѣдствіи узнаемъ, что нѣмцы ведутъ атаки на Мингрельскій полкъ. Судя по стрѣльбѣ, бой страшный. Ночь проводимъ тревожно. Я все время высылаю для связи съ Мингрельцами дозоры. Интервалъ около версты никѣмъ не занятъ. Одинъ дозоръ приводитъ плѣннаго нѣмца. Другой приноситъ своего убитаго. Утро 24-го Сентября было весьма знаменательно. Чуть стало свѣтать, какъ густыя цѣпи нѣмцевъ въ нѣсколько линій повели наступленіе на нашу позицію. Я опредѣлилъ количество наступавшихъ въ 2—3 баталіона, гренадеры мои были щедрѣе и рѣшили, что идетъ дивизія.

„Ваше Благородіе, а есть у насъ пулеметы“? — слышались тревожные голоса; тѣмъ не менѣе, гренадеры безъ всякой команды укладывали въ это время винтовки поудобнѣе на брустверъ и склады-

вали патроны. „Первая полурота, приготовсь! Слушай мою коменду“! — торжественно скомадовалъ я. Опредѣливъ разстояніе до первой цѣпи въ 1000 шаговъ, я скомандовалъ: „Десять“ и указалъ одновременно направленіе огня, дабы увидѣть результаты пристрѣлки. Въ этотъ моментъ я не думалъ объ опасности, а только о томъ, какъ бы отомстить нѣмцамъ за наше позавчерашнее позорное бѣгство, и, сдѣлавъ паузу, совершенно спокойно и громко скомандовалъ: „Полурота... пли“! Послѣдовалъ короткій выдержанный залпъ, слѣды котораго я тщетно старался уловить въ бинокль. Рикошетовъ я не замѣтилъ и ничего какъ будто не случилось. А нѣмцы идутъ и уже ясно видны ихъ черныя шинели. Послѣдовалъ второй залпъ съ прицѣломъ 8 и видно было, какъ нѣсколько человѣкъ упало. Я полагалъ, что наша артиллерія также встрѣтитъ нѣмцевъ, какъ ихъ артиллерія насъ и что сейчасъ мы услышимъ пріятный визгъ несущихся черезъ наши головы снарядовъ нашей артиллеріи, но я глубоко ошибся. Наша артиллерія не привѣтствовала нѣмцевъ. Я былъ въ недоумѣніи. Не такъ я представлялъ себѣ бой. Артиллерія не держала съ нами связи, ея наблюдателей не было у насъ въ окопахъ и, благодаря этому, такая прекрасная цѣль осталась не обстрѣлянной. Пулеметы наши также отсутствовали. Посылать на батарею было и поздно, да и неизвѣстно куда. Предстояло отбиваться своими средствами. А была бы другая картина. Правда, гренадеры хорошо стрѣляли и охотно бы приняли, въ случаѣ надобности, штыковой бой, но для нанесенія моральнаго потрясенія противнику, одного ружейнаго огня было недостачно. Черныя шинели нѣмцевъ навели меня на мысль, что противъ насъ второлинейная пѣхота, но размышлять не приходилось и я скомандовалъ: „Постоянный. Рѣдко. Начинай“. Каждый, пользуясь сравнительной безопасностью, выцѣливалъ съ увлеченіемъ, благодаря чему огонь былъ весьма дѣйстви-

теленъ. Справа подошла наша 12 рота, смѣненая съ прикрытія артиллеріи.

Глядя, какъ она вливалась въ цѣпь, отрадно становилось на душѣ. Видны полное спокойствіе, выдержка, сноровка и умѣнье толково примѣняться къ мѣстности. 12-ая рота тоже открыла рѣдкій огонь. Нѣмцы залегли и стали окапываться въ 500, примѣрно, шагахъ отъ насъ.

Нѣмцы были также обезврежены, какъ позавчера мы. Но ихъ поддержала артиллерія. Не могу отдать себѣ отчета, гдѣ у нихъ могъ быть наблюдательный пунктъ, ибо вся мѣстность впереди была ровной, какъ столъ, и только въ одномъ мѣстѣ, влѣво отъ насъ, въ полуверстѣ было самое незначительное возвышеніе, но огонь былъ до того точенъ, что можно было подумать, что нѣмецкій наблюдатель сидитъ съ нами въ окопѣ и невольно думалось, что-бы было, если бы наша артиллерія поддержала наше позавчерашнае наступленіе также интенсивно.

Счастье, что нѣмцы стрѣляли все время шрапнелью, хотя и то впѣчатлѣніе отъ ихъ огня было подавляющее. Огонь велся до наступленія темноты непрерывно. Мы прижались къ стѣнкѣ окопа и затаили дыханіе, по временамъ кто нибудь высовывалъ голову, чтобы не пропустить момента атаки нѣмцевъ. Вдругъ кто то закричалъ: „Нѣмцы поднялись". Я вскочилъ, какъ ужаленный, и всѣ инстинктивно схватились за винтовки. Оказалось, нѣмцы дѣйствительно поднялись, но бѣжали, такъ же какъ и мы позавчера — назадъ. Мы преслѣдовали ихъ частымъ огнемъ, не взирая на рвущуюся шрапнель. Въ этотъ моментъ намъ было „море по колѣно" — страхъ отсутствовалъ. Зато въ этотъ именно моментъ мы и понесли потери за день — 2-хъ гренадеръ ранеными.

Такъ обстояло дѣло на участкѣ 3-го баталіона. Гораздо хуже пришлось въ этотъ день нашему 2-му баталіону. Начавъ утромъ наступленіе, нѣмцы вели его и противъ 2 баталіона одновременно, причемъ то возвышеніе влѣво отъ насъ, которое едва

было для насъ уловимо, по отношенію ко 2 баталіону играло роль командующей высоты. Утвердившись на ней, нѣмцы съумѣли использовать ее, какъ мѣсто для артиллерійскаго наблюдательнаго пункта. Второй баталіонъ попалъ подъ губительный разстрѣлъ тяжелой нѣмецкой артиллеріи, долбившей его весь день. Особенно пострадала 5-ая рота, потерявшая одними убитыми свыше 50-ти человѣкъ.

Командиръ 5-ой роты, храбрѣйшій изъ храбрыхъ, Адальбертъ Ивановичъ Сабель, молчаливый и замкнутый по натурѣ, описывалъ мнѣ этотъ эпизодъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ: „Двое гренадеръ у меня въ ротѣ сошли съ ума, а къ вечеру", говорилъ Сабель, — „мы были всѣ въ такомъ состояніи, что если бы нѣмцы вздумали наступать, никому бы не пришло въ голову оказать сопротивленіе".

25-го Сентября утромъ новый командиръ баталіона, Кап. кн. Шервашидзе призвалъ меня къ себѣ и приказалъ вызвать желающихъ на развѣдку, причемъ задачу далъ слѣдующую: по имѣющимся у него свѣдѣніямъ нѣмцы отступили, я долженъ былъ проникнуть въ ихъ расположеніе и подтвердить или опровергнуть эти свѣдѣнія. Указавъ мнѣ раіонъ дѣйствій, онъ предложилъ мнѣ въ помощь подпрапорщика Бондаренко. Я вызвалъ развѣдчиковъ, бывшихъ со мной на границѣ, ихъ оказаось 6 человѣкъ, и мы отправились на развѣдку. Я выбралъ для удобства слѣдованія долину рѣчки Ганча, мѣстами покрытую кустарникомъ и хвойнымъ лѣсомъ. Вскорѣ показались окопы, у подножія которыхъ въ большомъ количествѣ лежали убитые Мингрельцы. Мы попали на мѣсто боя 23 Сентября. Ввиду того, что никого по близости, казалось, не было' гренадеры мои разхрабрились и не принимали никакихъ мѣръ предосторожности. Мы прошли первую линію окоповъ, оказавшуюся не занятой, и вышли на ровное плато, какъ вдругъ по насъ грянулъ залпъ. Оказалось, что мы подошли къ основной линіи нѣмецкой позиціи, обнесенной проволочнымъ загражденіемъ.

Пришлось залечь и постепенно отползать назадъ, дабы выйти изъ подъ обстрѣла. Переведя духъ, мы пошли параллельно своимъ окопамъ, изслѣдуя тѣ мѣста, гдѣ вчера окапывались нѣмцы. Тутъ лежало много убитыхъ нѣмцевъ, причемъ большая часть убитыхъ была уже предана землѣ и только каски погибшихъ, лежавшія на могильныхъ холмахъ, свидѣтельствовали объ этомъ. Всюду въ оставленныхъ окопахъ виднѣлись слѣды крови. Одинъ нѣмецкій солдатъ получилъ громадный осколокъ синяго цвѣта въ голову (нѣмецкіе снаряды были выкрашены въ синій цвѣтъ) и лежалъ въ какой то неестественной позѣ. Мы срѣзали нѣсколько погонъ, взяли нѣсколько винтовокъ и собирались отправиться обратно, но нѣмцамъ мы надоѣли и ихъ артиллерія загнала насъ въ свои окопы на прямикъ.

Въ этотъ же день вечеромъ нашу роту сняли и послали впередъ для замѣны одной изъ ротъ 1-го батальона въ окопахъ у бывшей дер. Черноковизны. Всюду около окоповъ виднѣлись воронки отъ тяжелыхъ нѣмецкихъ снарядовъ, свидѣтельствовавшихъ о жестокомъ боѣ, здѣсь происходившемъ.

Занявъ окопы, мы просидѣли въ нихъ четыре дня. Но какіе это были дни. Четыре дня лилъ дождь, наполнившій бы наши окопы до верху, если бы гренадеры не выливали воду котелками и, не смотря на это, вода въ окопѣ стояла на $^1/_4$ аршина. Никакихъ козырьковъ и укрытій не было и мы намокли какъ губки. Къ тому же нѣмецкая артиллерія не позволяла высунуть головы до наступленія темноты, благодаря чему только ночью подходили наши кухни съ горячей пищей и приходили наши деньщики. Массу хлопотъ доставляли намъ воронки отъ снарядовъ, наполнявшіяся водой, въ нихъ то и дѣло попадалъ кто нибудь изъ гренадеръ и его уже вытаскивали оттуда общими усиліями. Положеніе было кошмарное. Нѣмцы разнахальничались до того, что свободно разгуливали у своихъ окоповъ, но однажды, когда ихъ

вылѣзло особенно много, наша артиллерія ихъ раздѣлала впервые на моихъ глазахъ.

Наконецъ, 30 Сентября вечеромъ намъ прислали смѣну и мы получили возможность обсушиться и обогрѣться. Вечеромъ 1 Октября мнѣ приказано было перейти въ 5-ю роту, стоявшую на позиціи, въ качествѣ младшаго офицера. 5-ой ротой командовалъ мой другъ и любимецъ всего полка, Капитанъ Сабель, и поэтому я чуть ли не въ припрыжку отъ радости отправился въ 5-ую роту. Гренадеръ 5-ой роты я всѣхъ отлично зналъ, такъ какъ годъ до войны служилъ въ ней младшимъ офицеромъ. Мое появленіе въ ротѣ вызвало всеобщую радость. Съ Адальбертомъ мы нѣжно расцѣловались и онъ повелъ меня въ свое логовище. Логовище имѣло форму узкой щели, въ которой можно было только лежать и съ трудомъ сидѣть. Здѣсь пошли „баталистическіе“ разсказы. Но когда я узналъ, какихъ людей потеряла 5-ая рота 24 Сентября, я чуть не заплакалъ отъ досады.

5-ая рота расположена была внѣ всякихъ фортификаціонныхъ правилъ, въ какихъ то лункахъ. Здѣсь все вниманіе было обращено на то, чтобы было теплѣе; гренадеры устроили массу ямъ, натаскали въ нихъ соломы, накрылись дверьми, ставнями, комодами и проч. и храпѣли. Впереди этого оригинальнаго „табора“ шагахъ въ 50-ти былъ вырытъ на всю роту окопъ полной профили съ укрытіями отъ шрапнельнаго огня. Къ нему вело нѣсколько ходовъ сообщеній. Въ окопѣ были часовые и былъ даже пулеметъ, который я тоже увидѣлъ у насъ въ полку впервые. Мнѣ отвели какую-то яму, наполненную соломой и я эти дни отдыхалъ. Теперь нашими сосѣдями слѣва были роты 4-го батальона, лѣвѣе которыхъ стояли Потійцы 51-ой дивизіи.

Въ эти дни, говорятъ, обсуждался вопросъ атаки междуозернаго дефиле, но нашъ командиръ мужественно отстоялъ свое мнѣніе о безполезности гибели тысячъ людей. Черезъ нѣсколько дней оказалось,

что онъ былъ вполнѣ правъ. Смѣнившіе насъ Мингрельцы въ ночь на 16 Октября атаковали противъ нашего участка и окончательно разбились о сильнѣйшій участокъ позиціи нѣмцевъ между озерами Ожево—Окуничъ и дер. Морги.

Насъ ожидала другая работа.

10-го Октября вечеромъ весь нашъ полкъ былъ смѣненъ Мингрельцами, уже пополнившимися послѣ тяжелыхъ боевъ 23—24 Сентября прибывшей партіей запасныхъ, и отведенъ въ с. Бѣловоды, что въ $1^1/_2$ верстахъ за линіей окоповъ. Въ этотъ день въ полкъ возвратился послѣ эвакуаціи первый раненый офицеръ — пом. ком. полка, Полк. Шаншіевъ. Здѣсь же намъ добавили небольшое количество людей, такъ какъ въ только что описанныхъ бояхъ мы пострадали меньше нашей 2-ой бригады. Кромѣ того у насъ взяли изъ полка 2-хъ офицеровъ и отправили на усиленіе офицерскаго состава Мингрельцевъ, которые понесли громадныя потери въ офицерскомъ составѣ. Въ Бѣловодахъ мы только разобрались и приблизительно возстановили общую картину боевъ 21-25 Сентября. За первые дни боя мы потеряли убитыми 1-го и ранеными и контуженными 17 человѣкъ офицеровъ, въ томъ числѣ Пом. Ком. Полка, Полковника Шаншіева, и Полк. Адъют. Шт.-Кап. Шлиттера, находившихся на линіи огня въ самые критическіе моменты боя, и около 500 гренадеръ, выбывшими изъ строя.

Въ полку произошли большія перемѣны. Уже тремя батальонами командовали капитаны: 1 — Кап. Шервашидзе, 2 — Кап. Балуевъ, 3 — Кап. Кузнецовъ и 4 — подп. Мачаваріани. Нѣкоторыми ротами уже командовали мои товарищи по выпуску: Зуевъ — 6-ой, Долженковъ — 9-ой. Я, хотя и оставался младшимъ офицеромъ, тѣмъ не менѣе вполнѣ былъ доволенъ судьбой. Одно было плохо. Въ батальонѣ я былъ единственнымъ младшимъ офицеромъ и всякое порученіе, урочное и сверхъурочное давалось мнѣ, какъ единственному офицеру, котораго можно было безболѣзненно оторвать отъ роты.

11-го Октября, въ обѣденное время, когда все офицерство сидѣло за общимъ столомъ, вызванъ былъ командиръ 3-го батальона, Капитанъ Кузнецовъ. Черезъ нѣсколько минутъ его батальонъ ушелъ куда-то на лѣвый флангъ 51 пѣх. дивизіи, гдѣ нѣмцы сильно напирали. На другой день въ тотъ же раіонъ подтянули и остальные 3 батальона нашего полка. Все время шелъ бой, несли отовсюду раненыхъ: 51 дивизія истекала кровью. Тогда рѣшено было произвести контръ-ударъ на Александрово, для котораго назначены роты 4 и 2 батальоновъ. Но атака не состоялась. Нѣмцы, узнавъ о нашихъ приготовленіяхъ, всю ночь не прекращали огня. Я въ этотъ день попалъ въ прикрытіе артиллеріи и сталъ съ 8 бат. нашей бригады. Разница между жизнью артиллеристовъ и нашей пѣхотной меня поразила, настолько артиллеристы были въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ мы.

Не буду описывать детально преимуществъ однихъ надъ другими, потому что каждому бывшему на войнѣ это хорошо извѣстно. А константирую лишь фактъ, что артиллеристы были весьма любезны и обходительны и, хотя они цѣлый день палили по какой то колокольнѣ и стекла въ избѣ, въ которой я находился, тряслись и дребезжали, я себя чувствовалъ прекрасно.

Двое сутокъ я провелъ въ миломъ уединеніи и не зналъ, что дѣлается въ полку, да и не пытался особенно о себѣ напоминать, но обо мнѣ вспомнили сами и прислали взамѣнъ 6-ую роту. Это было 15 Октября.

16 Октября все кругомъ гудѣло, чувствовалось, что назрѣваютъ событія. Нѣмцы вели наступленіе на нѣсколькихъ участкахъ фронта. Точно не могу указать часа, когда имъ удалось прорвать расположеніе 2-ой Финляндской стрѣлковой дивизіи. Лѣвый флангъ 51-ой дивизіи обнажился. Находившійся въ резервѣ 202-го Горійскаго полка Капитанъ Кузнецовъ съ нашимъ 3-мъ баталіономъ, по своей инициативѣ, бросилъ въ прорывъ навстрѣчу нѣмцамъ сначала 12-ую,

а потомъ 9 ую роту. Окопы Финляндцевъ были на опушкѣ густого лѣса у д. Орлени, Заіанчково и Жилино. Подготовивъ свою атаку огнемъ, нѣмцы смяли примыкавшій къ 51-й дивизіи 8 й Финляндскій стрѣлковый полкъ и распространились въ ихъ окопахъ. Въ это время изъ лѣса на встрѣчу нѣмцамъ вышла наша 12 ая рота, единственная рота, не имѣвшая до этого дня никакихъ потерь.

Окопы Финляндцевъ, теперь занятые нѣмцами, были сейчасъ же на опушкѣ и рота по командѣ ротнаго командира, Капитана Колчина, бросилась въ штыки. Нѣмцы бросили Финляндскіе окопы и отошли, но немедленно открыли бѣшеный пулеметный огонь по разстроенной и перемѣшавшейся 12-ой ротѣ. Командиръ роты, Капитанъ Колчинъ, былъ раненъ и выбылъ изъ строя. Рота, потерявъ убитыми свыше 50 человѣкъ, остановилась. Поручикъ Багель, мл. оф. 12 роты, съ остатками роты удержался въ бывшихъ Финляндскихъ окопахъ. Въ это же время лѣвѣе атаковала нѣмцевъ 9 ая рота подъ командой подпоручика Долженкова и тоже успѣшно, но командиръ 9-й роты, подпоручикъ Долженковъ былъ раненъ и рота, дошедшая до основныхъ нѣмецкихъ окоповъ и выбившая изъ нихъ защитниковъ, оставшись безъ офицера, отошла и заняла съ подпрапорщикомъ Ковтуномъ бывшіе Финляндскіе окопы. Нѣмцы всюду остановились. Въ это время подходили одна за другой роты 1-го баталіона и ими заполнялся прорывъ. Нѣмцы попробовали еще разъ прорвать нашу линію, подготовивъ артиллерійскимъ огнемъ свое стремительное наступленіе, но наткнулись на стойкое сопротивленіе 11 ой роты подъ командой штабсъ-капитана Степанова и, понеся большіе потери, въ безпорядкѣ отошли въ исходное положеніе, оставивъ на брустверѣ окопа 11 роты массу своихъ раненыхъ и убитыхъ помимо значительнаго количества плѣнныхъ. За это дѣло три офицера нашего полка, а именно: капитанъ Кузнецовъ, капитанъ Колчинъ и штабсъ-капитанъ Степановъ получили ордена Святого Велико-

мученика и Побѣдоносца Георгія 4-ой степени, а капитанъ Пурцеладзе и поручикъ Багель — Георгіевское оружіе. Эти офицеры были первые кавалеры нашего полка въ Великую войну.

Несмотря на то, что наступленіе нѣмцевъ было остановлено, положеніе все же оставалось серьезнымъ. Къ 9 часамъ вечера изъ Пржебродъ къ мѣсту боя подошелъ 2-ой баталіонъ въ трехротномъ составѣ, такъ какъ 6-ая рота осталась въ прикрытіи артиллеріи.

Въ эти дни 2-мъ баталіономъ командовалъ капитанъ Сабель, а я замѣщалъ его въ качествѣ командира 5-ой роты, 7-ой ротой командовалъ поручикъ Кандауровъ, 6-ой ротой подпоручикъ Гаттенбергеръ и 8-ой ротой капитанъ Пильбергъ.

Ночью продвинулись и мы на опушку лѣса и заняли бывшіе окопы Финляндскихъ стрѣлковъ. Въ лѣсу лежало много убитыхъ, преимущественно артиллерійскимъ огнемъ. Большой сосновый строевой лѣсъ былъ буквально искалѣченъ снарядами, всюду виднѣлись громадныя воронки отъ снарядовъ. Стояла чудная октябрьская холодная ночь. Луна свѣтила такъ ярко, что было также хорошо видно, какъ днемъ. Найдя окопы Финляндцевъ неудобно выбранными, я вынесъ новые окопы чуть влѣво и назадъ такъ, что мы были замаскированы кустарникомъ, окаймлявшимъ лѣсъ. Вправо и уступомъ впередъ стояла 7-ая рота, имѣвшая, въ свою очередь, правѣе 4-ую роту съ поручикомъ Тихоновымъ. Влѣво отъ насъ былъ промежутокъ 100 шаговъ и шла 8 рота.

Въ ночь съ 16 на 17 не удалось нашему лѣвому флангу войти въ связь съ сосѣдними нашими частями. Отъ 2-го баталіона былъ посланъ старшій унтеръ-офицеръ Жакулинъ съ развѣдчиками, чтобы найти правый флангъ нашихъ сосѣдей (21 стр. полка), но команда эта набрела на нѣмецкое расположеніе и большей частью погибла, вернулись двое раненыхъ, отъ которыхъ мы эго и узнали. Утромъ 17-го начался артиллерійскій бой. Часамъ къ 8-ми нѣмцы перешли

въ наступленіе противъ нашего 2-го баталіона и главнымъ образомъ устремились въ незаполненный прорывъ. Лѣвофланговая 8 ая рота кап. Пильберга доблестно парировала охватъ фланга, а въ 9 часовъ утра подошелъ и 2-ой Кавказскій стрѣлковый полкъ, впослѣдствіи покрывшій неувядаемой славой свои знамена. Неся большія потери отъ страшнаго артиллерійскаго огня, 2-ой Кавк. стр. полкъ выдвинулъ впередъ свою отличную пулеметную команду со штабсъ-капитаномъ Варгановымъ, которая, не взирая на страшныя потери, блестяще выполнила свою задачу – нѣмцы были окончательно отбиты. Нашъ 2-й баталіонъ въ этомъ бою понесъ тоже большія потери, въ моей 5-ой ротѣ 18 человѣкъ было убито и 21 ранено. Большой процентъ убитыхъ объясняется исключительно мѣткимъ огнемъ нѣмецкой пѣхоты. Въ этотъ бой нѣмцы залегли отъ 7 ой роты въ 40 шагахъ, я самъ впослѣдствіи точно измѣрилъ это разстояніе. А противъ 5 и 8 ротъ разстояніе не превышало 200 шаговъ. Такое близкое разстояніе при той обученности войскъ стрѣльбѣ, которой отличались кадровыя войска, буквально не позволяло сдѣлать неосторожное движеніе. Только показывался кончикъ каски, а нѣмцы были страшно смѣлы, какъ его пронизывала пуля. То же самое бывало и съ нашими зазѣвавшимися гренадерами. Самообладаніе и выдержка нашихъ гренадеръ были удивительны. Я былъ свидѣтелемъ случая, когда гренадеръ 8 ой роты Зубковъ, все время наблюдавшій за нѣмцами и стрѣлявшій по нимъ, вдругъ обратился ко мнѣ, я былъ около него, и говоритъ: „Вотъ смотрите, въ меня цѣлится нѣм...“ и не успѣлъ договорить, какъ пуля пробила ему голову и онъ опустился на дно окопа.

Понеся громадныя потери и не добившись успѣха, нѣмцы открыли сильнѣйшій артиллерійскій огонь въ ночь съ 17 на 18 Октября. Стрѣляла ихъ тяжелая артиллерія. Лѣсъ стоналъ и валился. Я говорю „стоналъ“, потому что громадныя сосны, перебитыя снарядомъ, издаютъ звукъ, повторяемый лѣснымъ эхомъ,

надрывающе заунывнаго тона, и уже потомъ съ трескомъ и грохотомъ падаютъ.

Въ описываемый періодъ боевъ стояла прекрасная погода. Правда, по утрамъ бывали заморозки. Приходилось сильно мерзнуть изъ-за отсутствія соломы, — солому старались замѣнить сосновыми и другими вѣтвями хвойныхъ деревьевъ, а отогрѣвались чаемъ, воду для котораго брали изъ болота, бывшаго въ лѣсу. Ее хорошенько кипятили сдабривали кто чѣмъ могъ и пили. Густой лѣсъ позволялъ разводить небольшіе костры, которые горѣли въ лѣсу круглые сутки. Мой денщикъ Антонъ сдѣлалъ мнѣ большую услугу. Заочно заказалъ для меня въ Сувалкахъ походные сапоги и, когда я въ нихъ влѣзъ, то почувствовалъ себя, какъ въ раю, настолько они были удобны и теплы. Сапоги оказались на бурочной подкладкѣ и изъ очень хорошаго матеріала.

Кстати нѣсколько словъ о моемъ денщикѣ Антонѣ. Антонъ Ведлуга, гренадеръ 5 ой роты, а затѣмъ мой первый денщикъ, былъ по національности литвинъ изъ-подъ Ковно. Въ моментъ, когда я былъ выпущенъ изъ училища и прибылъ въ полкъ, Антонъ почти не умѣлъ говорить по русски, плохо стрѣлялъ и былъ изъ рукъ вонъ плохимъ строевикомъ. Когда же дѣло касалось словесности, то надъ нимъ хохотала вся рота. Къ тому же природа перекосила ему какъ-то странно физіономію, а его нижняя губа придавала ему сильно комическій видъ даже тогда, когда онъ былъ совершенно серьезенъ. Теперь прошло ужъ много лѣтъ, какъ мы разстались, но, къ счастью, мы разстались въ то время, когда отношенія солдатъ къ офицерамъ и офицеровъ къ солдатамъ, прикрытыя дисциплиной, носили самый дружескій характеръ, а съ денщиками чуть ли не родственный, и я сохранилъ о своемъ дорогомъ Антонѣ тѣ хорошія добрыя чувства, которыя питалъ къ нему во все время нашей совмѣстной службы Много и горя и радости видѣли мы вмѣстѣ и если Антонъ живъ и по сію пору, то это уже не тотъ, что былъ

въ 13 году, когда фельдфебель Козловъ привелъ его ко мнѣ первый разъ на квартиру, радуясь въ душѣ сплавить никчемнаго солдата. Уже уѣзжая на войну, онъ умѣлъ читать вывѣски и расписываться. Будучи честнымъ, онъ былъ также очень аккуратенъ. Послѣднее качество я въ немъ усиленно поддерживалъ и мой Антонъ, не нарушая формы, выглядѣлъ даже среди другихъ денщиковъ щеголемъ. Будучи, какъ я уже говорилъ, безусловно честнымъ, Антонъ имѣлъ своеобразный взглядъ на собственность. Бывало пошлешь его что-нибудь купить, у него останутся деньги, но онъ ихъ не возвращаетъ, а докладываетъ: „Ваше Благородіе, сдачу я взялъ себѣ, а Вы вычитайте, когда получите мое жалованье“.

Или былъ случай, когда онъ держалъ пари съ другимъ денщикомъ (я лежалъ въ госпиталѣ) одного раненаго офицера. Оказывается ихъ волновалъ вопросъ, кто изъ офицеровъ лучше одѣвается и у кого лучше форма. Тотъ и другой выволокли изъ цейхгаузовъ чемоданы и призвали въ качествѣ жюри подпрапорщика, наблюдавшаго за цейхгаузомъ. Антонъ пари выигралъ, такъ по крайней мѣрѣ онъ мнѣ докладывалъ, но, перебирая мои вещи, онъ вынулъ мою японскую почтовую бумагу, причемъ подпрапорщику эта бумага сильно понравилась. Антонъ рѣшилъ, что для меня много будетъ цѣлой коробки и нѣсколько листовъ нашелъ возможнымъ подарить. Я совершенно случайно обнаружилъ пропажу бумаги и такимъ образомъ узналъ объ оригинальномъ пари моего денщика.

Хохотали до упаду всѣ офицеры палаты, когда Антонъ разсказывалъ, куда исчезла бумага.

Я очень радъ, что революція не отняла у меня хорошаго воспоминанія о моемъ дорогомъ Антонѣ, къ которому я сохранилъ привязанность и по сію пору.

19-го Октября, будучи смѣнены полками 2-й очереди, пришедшими только что изъ Финляндіи и не бывшими еще въ бою, мы ушли, оставляя этотъ

ужасный лѣсъ съ массой братскихъ могилъ Эриванцевъ и финляндскихъ стрѣлковъ. На другой день вечеромъ получали жалованье, въ это же время адъютантъ записывалъ адреса близкихъ, кому надлежало дать знать... въ случаѣ смерти. 21-го мы уже шли по пятамъ нѣмцевъ, отступавшихъ по всей линіи. Такъ мы пережили бои, именовавшіеся въ сводкахъ „напряженными" — у Бакаларжево. 23-го, на самой границѣ у м. Филиппово, отъ котораго ничего уже не осталось, кромѣ груды камней и дымовыхъ трубъ, произошелъ небольшой бой съ нѣмецкимъ арріергардомъ и 24-го Октября въ 5 часовъ вечера при крикахъ „ура" мы перешли границу Восточной Пруссіи. Въ этотъ моментъ я отлично понималъ, что это не побѣда, а лишь временный выигрышъ территоріи, ибо нѣмцы уходили безъ всякаго давленіи съ нашей стороны, не оставляя намъ ровно никакихъ трофеевъ.

Вмѣстѣ съ арміей исчезало и гражданское населеніе. Мы занимали помѣщичьи усадьбы, деревни, замки, города, въ которыхъ не было живой человѣческой души. Между тѣмъ видно было, что люди бросили все на произволъ судьбы за нѣсколько часовъ до нашего прихода. Становилось немного жутко. Первая деревня, въ которую мы вошли, называлась Мирунскенъ. Было уже темно, когда мы въ ней расположились. Не знаю, кто былъ въ этотъ день въ сторожевомъ охраненіи, но отлично помню, что ночью меня подняли я долженъ былъ войти въ связь или по крайчей мѣрѣ обнаружить мѣстонахожденіе 28 й дивизіи. Когда я собрался, получена была отмѣна приказа, былъ посланъ кто то другой, но сонъ пропалъ, мнѣ уже казалось всю ночь, что вотъ-вотъ опять придутъ за мной.

Вплоть до 29-го Октября мы шли по Восточной Пруссіи, останавливаясь въ прекрасныхъ усадьбахъ, замкахъ или чистенькихъ и маленькихъ деревняхъ. Въ виду того, что нѣмцы бросили весь свой скарбъ, весь скотъ, всю птицу на произволъ судьбы, подня-

лось мародерство. Пѣхота ничего не крала, ей было не до этого. Сегодня возьмешь, неси на себѣ, а завтра убьютъ, а потому все, что можно, пожирала, какъ саранча, била посуду, портреты Вильгельма, которыхъ было массовое количество въ каждомъ домѣ нѣмца, а особенно доставалось зеркаламъ. Я до сихъ поръ не могу объяснить себѣ страсти солдатъ къ разрушенію, обуревавшей ихъ при видѣ отраженія своей собственной физіономіи въ зеркалѣ.

Была и другая, не менѣе оригинальная страсть. На второй или третій день путешествія по Восточной Пруссіи, строя роту, я обратилъ вниманіе на то, что почти вся рота побросала свои фуражки, онѣ были замѣнены Богъ вѣсть чѣмъ, тутъ были и фетровыя шляпы, и мѣховыя, и охотничьи, и дамскія, и даже одинъ армянинъ одѣлъ каску, а поверхъ ея башлыкъ. Я призвалъ подпрапорщика Козлова и приказалъ немедленно посбрасывать всѣ неформенныя фуражки. Приказаніе было въ точности исполнено; къ концу перехода всѣ были въ фуражкахъ. Откуда онѣ были взяты, такъ и осталось секретомъ. Походныя движенія этого періода войны представляли невѣроятную деморализующую картину: каждая рота отмѣчала свой путь массой пуха и пера домашней птицы, которая щипалась на ходу. На штыкахъ у солдатъ можно было видѣть пронзенную свинную ляжку или утку. Никакія средства не помогали; даже подпрапорщики, эти блюстители законности и дисциплины, и тѣ были безсильны, хотя каждый разъ можно было наблюдать ихъ благой порывъ на нѣсколько измѣненныхъ профиляхъ особенно упорныхъ гренадеръ. Такъ обстояло дѣло у насъ въ пѣхотѣ. Въ артиллеріи уже можно было видѣть цѣлую свинью на передкѣ орудія, грамофоны, взятые для развлеченія и т. п. Использовалась, такъ сказать, лошадиная тяга. Всѣ же обозы, начиная съ II разрядовъ, дивизіонные, корпусные, лазареты, тѣ уже брали все, что можно было увезти. Не хватало своихъ повозокъ, запрягали нѣмецкія,

лошадей же нѣмцами было оставлено вдоволь. Въ обозахъ везлись пружинныя кровати, зеркальные гардеробы, трюмо и даже нерѣдко встрѣчались піанино. Видно было, что люди надѣются вернуться съ войны живыми. Противно было смотрѣть на эту гадость, вносившую въ войска деморализацію, но къ сожалѣнію не было принято тогда же противъ любителей чужой собственности драконовыхъ мѣръ и дурные, но заразительные примѣры нашли себѣ болѣе широкое примѣненіе въ періодъ революціи, а особенно въ гражданскую войну.

Итакъ, пѣхота отъѣдалась. Гренадеры изъ кавказскихъ туземцевъ шутили, говоря: „Ѣли мясо надоѣлъ". Дѣйствительно, въ то время въ Восточной Пруссіи было всего вдоволь и долго еще можно было видѣть, какъ за частями войскъ гнались гурты крупнаго породистаго скота, взятаго у нѣмцевъ во время пребыванія въ Восточной Пруссіи. 30 Октября нашъ 2 ой баталіонъ вошелъ въ только что занятый гор. Гольдапъ. До насъ здѣсь побывали части 28 дивизіи и казаки и разгромили всѣ до одного магазина. Грустно было глядѣть на этотъ маленькій чистенькій городъ въ этотъ моментъ. Улицы были завалены выброшенными изъ магазиновъ товарами, оказавшимися не по вкусу солдатской душѣ. На одной улицѣ я увидѣлъ, буквально, гору дамской обуви. Все это валялось въ грязи, мокло подъ дождемъ и затаптывалось. Можно было видѣть, какъ солдатъ тащилъ по пяти, шести кусковъ сукна. Куда онъ тащилъ и зачѣмъ — онъ и самъ не зналъ, просто разбѣгались у всѣхъ глаза отъ возможности легко поживиться. Безобразіе еще большее и даже опасное творилось на мѣстномъ пивномъ заводѣ. Пивной заводъ былъ полонъ солдатъ всѣхъ частей и всѣхъ родовъ войскъ. Пиво тащили ведрами обыкновенными, ведрами брезентовыми, изъ которыхъ поятъ лошадей, кастрюлями и вообще всякой посудой, способной елико возможно больше вмѣстить. Часовые, стоявшіе у воротъ, были мертвецки пьяны отъ добровольныхъ

приношеній выходившихъ. И разгулъ царилъ неописуемый. Порядокъ былъ наведенъ только тогда, когда пива не стало.

Въ эти дни стояла отвратительная погода. Все время лилъ дождь, ночи были темны и непроницаемы. Зато тепло и уютно было въ такіе вечера на мягкомъ диванѣ въ одной изъ комнатъ большихъ казармъ 44-го линейнаго Восточно-Прусскаго полка. Всѣ офицеры 2 баталіона устроились въ одной комнатѣ. Впервые къ намъ въ баталіонъ привезли денщики изъ Сувалокъ газеты и всякой снѣди и необходимыхъ въ походѣ вещей. Я получилъ электрическій фонарь, но не подозрѣвалъ, что не позже, какъ черезъ 7 часовъ онъ будетъ мнѣ прямо необходимъ.

Между прочимъ, въ этихъ казармахъ я далъ себѣ слово принять за правило на время войны: полкъ остановился, распоряженія сдѣланы, люди размѣщены спи, высыпайся, ибо тебѣ могутъ всегда въ этомъ помѣшать. Сидя въ теплѣ на мягкомъ диванѣ, я не помышлялъ о снѣ, мы весело болтали и дѣлились впечатлѣніями съ только что прибывшими изъ Сувалкскаго госпиталя подпоручиками Зуевымъ и Долженковымъ.

Часовъ въ 12 я легъ и крѣпко уснулъ. Вдругъ чувствую, что меня будятъ. Отъ командира полка получилось приказаніе вызвать 30 гренадеръ, желающихъ идти на развѣдку и идти съ ними въ усадьбу Н., гдѣ я долженъ получить дальнѣйшія инструкціи. Часы показывали $12^1/_2$, карта 14 километровъ. Разсуждать не приходилось, 30 человѣкъ желающихъ быстро набралось, къ величайшему моему удивленію, ибо погода на дворѣ была такая, про которую говорятъ: „что и собаки на дворъ не выгонишь".

Моя любовь къ прогулкамъ и небольшое знаніе нѣмецкаго языка мнѣ сильно помогли.

Взглянувъ на карту, я сразу опредѣлилъ, что мнѣ нужно идти по тѣмъ улицамъ, по которымъ я ходилъ вчера днемъ на вокзалъ, за вокзаломъ шло шоссе, по которому мнѣ и нужно было держать

свой путь. Дороги въ Восточной Пруссіи въ идеальномъ состояніи. Помимо того, что всю страну прорѣзываютъ по всѣмъ направленіямъ прекрасныя шоссе, всюду и вездѣ и на обыкновенныхъ грунтовыхъ дорогахъ на всѣхъ перекресткахъ стоятъ указатели дорогъ съ обозначеніемъ куда дорога ведетъ и сколько до указаннаго пункта километровъ. Къ указанному мнѣ пункту я прибылъ подъ утро совершенно мокрымъ. Въ большомъ домѣ какого то помѣщика расположился штабъ нашего 4-го баталіона. Когда я вошелъ, всѣ спали. Я доложилъ, что прибылъ съ 30 развѣдчиками и просилъ дать мнѣ дальнѣйшія инструкціи. Когда же я узналъ, что произошла путаница и что нужны были только гренадеры, а меня никто не вызывалъ, я страшно разсердился. Теперь мнѣ было все равно не до возвращенія и я сталъ просить послать меня съ моими людьми на развѣдку. Въ этотъ моментъ подошелъ подпоручикъ Хржановскій, одного со мной выпуска, но только изъ Одесскаго училища. Онъ мнѣ передалъ, что моихъ людей возьметъ съ собой онъ, что ему это разрѣшено сдѣлать. Когда его заявленіе подтвердилось, я передалъ ему свою команду, а самъ сѣлъ грѣться у топившагося камина.

Тутъ же въ комнатѣ сидѣлъ незнакомый мнѣ красивый офицеръ кавалергардъ. Я не замедлилъ представиться. „Князь Багратіонъ-Мухранскій", — назвалъ онъ свою фамилію. Оказалось, что гдѣ-то недалеко стоялъ ихъ полкъ, а князь, узнавъ о приходѣ нашего полка, въ которомъ у него было много друзей, поспѣшилъ насъ навѣстить. Мы придвинулись ближе къ огню и разговорились. Князь былъ очень доволенъ всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ про полкъ, съ восторгомъ отзывался о подпоручикѣ Хржановскомъ, который былъ героемъ послѣднихъ дней, о немъ какъ-то всѣ въ полку дѣйствительно заговорили, какъ о храбромъ, толковомъ и неутомимомъ офицерѣ.

За часъ до моего прихода онъ пришелъ только

что съ развѣдки и привелъ 8 плѣнныхъ нѣмцевъ 44 го Восточно-Прусскаго полка. Жажда подвига въ немъ была страшно сильна и сегодня онъ опять отправился на развѣдку, не желая уступить мнѣ возможность съ нимъ соперничать. Увы! Съ этой развѣдки онъ не вернулся, какъ не вернулась и его команда.

Потомъ уже, черезъ нѣсколько дней, выяснилось, что они слишкомъ зарвались, были окружены, отказались сдаться и дрались до послѣдняго. Подпоручикъ Хржановскій палъ смертью храбрыхъ. Не думалъ я, что и мой собесѣдникъ, князь Багратіонъ-Мухранскій, связанный узами родства съ царствующимъ домомъ, погибнетъ у насъ же въ полку смертью героя въ качествѣ рядового офицера.

Я думалъ уже распрощаться и возвратиться въ Гольдапъ, какъ получена была телефонограмма, что къ вечеру 2 ой баталіонъ подойдетъ сюда же. Баталіонъ дѣйствительно подошелъ. Я опять занялъ свое мѣсто. Баталіономъ теперь командовалъ не Сабель, а Балуевъ. Мѣстность, гдѣ происходили описываемыя событія, была холмистой и закрытой. Всюду были рощи, лѣса, чистенькія деревни и проч. Гдѣ-то въ сторонѣ бухали орудія, трещали пулеметы. По дорогѣ, ведущей къ позиціи 4-го баталіона, двигалась наша кавалерія. Внезапно кавалерія подверглась бѣглому огню нѣмецкой артиллеріи, это продолжалось нѣсколько мгновеній и кавалерія вышла изъ подъ обстрѣла, найдя болѣе скрытый путь. Судя по стрѣльбѣ, бой разгорался, чаще забила наша артиллерія. Оказалось, нѣмцы на виду у нашихъ высаживались изъ поѣздовъ и тотчасъ же шли въ наступленіе. Изъ штаба 51-ой дивизіи отъ прикомандированнаго къ ней поручика нашего полка Гвелесіани пришла записка паническаго содержанія, сообщавшая, что въ 51-ой дивизіи дѣла плохи, а кромѣ того не важны дѣла и у Грузинцевъ. Стрѣльба усилилась, рядами рвалась надъ буграми впереди нѣмецкая шрапнель. Какая-то невидимка наша батарея бѣшенно

огрызалась. Неслись зарядные ящики. Куда-то скакали одиночные всадники.

Получивъ приказъ, мы двинулись впередъ, держа направленіе на холмъ, покрытый лѣсомъ, за которымъ стоялъ эскадронъ кавалеріи. Мы были предназначены въ резервъ и встали за 1-ымъ баталіономъ нашего полка, занимавшемъ гребень холмовъ. Издали красиво было смотрѣть, какъ вдругъ появлялись бѣлыя облачка шрапнели; казалось, что ничего страшнаго, а тѣмъ болѣе смертоноснаго не несутъ съ собой эти облачка. Въ 1-омъ баталіонѣ думали иначе. Имъ было тяжело. Можно было видѣть, какъ одиночные люди по временамъ спускались медленно внизъ,—то уходили раненые. Сегодня было 1 Ноября.

Подскакавшій конный ординарецъ привезъ приказъ. Командиръ баталіона вскрылъ конвертъ. Минуту спустя 5-ая рота уже шла гуськомъ вдоль шоссе по канавѣ, остальныя роты баталіона ушли куда-то вправо. 8 рота пошла прикрывать одну изъ батарей, стоявшую у мельницы и все время стрѣлявшую по невидимому врагу. Не прошли мы и полкилометра, какъ справа съ небольшого лѣсистаго холма по насъ былъ открытъ частый ружейный огонь. Пули съ непріятнымъ свистомъ врѣзались въ землю или, попадая въ шоссе, рикошетировали, жалобно визжа. Мы вдругъ круто повернули вправо и пошли прямо на высоту, откуда по насъ стрѣляли. Впереди шелъ капитанъ Сабель. Я шелъ сбоку и по срединѣ роты. Не доходя полкилометра до указанной возвышенности, расположена была маленькая деревушка Гроссъ-Думбельнъ, тутъ же вправо было озеро. Въ деревушкѣ насъ ждалъ нашъ пулеметный взводъ съ поручикомъ Черепановымъ.

Подтянувшись и осмотрѣвшись, мы продолжали наше наступленіе. Капитанъ Сабель приказалъ идти пулеметамъ съ ротой перекатами. Дѣлалось это такимъ образомъ: былъ высланъ одинъ пулеметъ впередъ; когда онъ устанавливался, то открывалъ по нѣмецкой цѣпи огонь, а мы двигались подъ прикры-

тіемъ этого огня впередъ. Въ это время другой пулеметъ занималъ новую позицію еще впереди и тоже открывалъ огонь. Первый пулеметъ снимался и шелъ съ нами. Одновременно съ нами огибали озеро справа 6 и 7 роты, идя цѣпями въ двѣ линіи. Когда мы подошли на 200 шаговъ нѣмцы бросились бѣжать, мы заняли высоту и преслѣдовали бѣгущихъ нѣмцевъ еще дальше, но потомъ принуждены были вернуться и окопаться на опушкѣ лѣса, построивъ кольцевой окопъ. Не подойди мы во время, нѣмцы оказались бы въ тылу у нашего 1-го баталіона. Вскорѣ стемнѣло. Нѣмецкая пѣхота себя не проявляла, зато артиллерія посылала отъ времени до времени тяжелые снаряды, которые ложились больше около третьей роты или, перелетая, попадали въ озеро. Въ 10 часовъ вечера я получилъ приказаніе набрать развѣдчиковъ и освѣтить мѣстность въ смыслѣ выясненія расположенія нѣмецкой пѣхоты.

Со мной вызвалось идти 20 человѣкъ. Ночь была темная; не смотря на предшествовавшіе дожди, грязи не было и даже не было холодно. Мы спустились въ лощину и, медленно крадучись, стали двигаться впередъ, временами останавливаясь и прислушиваясь. Довольно скоро мы добрались до какой-то деревушки, около которой слышались голоса и какая-то возня. Мы прислушались. Разговоръ велся на нѣмецкомъ языкѣ. Подъѣхала кухня, зазвякали котелки. Тутъ же невдалекѣ непрерывно стучали топоры, явственно чувствовалось, какъ въ какихъ-нибудь 60-70 шагахъ нѣмцы строили окопы. Меня страшно подмывало неожиданнымъ ударомъ произвести переполохъ среди нѣмцевъ и, воспользовавшись случаемъ, прихватить плѣннаго. Когда я сообщилъ свой планъ своему унтеръ-офицеру, онъ категорически мнѣ отсовѣтовалъ это сдѣлать, ссылаясь на то, что нѣмцевъ здѣсь самое меньшее рота. Пораздумавъ минуту, я рѣшилъ никакой атаки не производить, а вернуться обратно, выждавъ еще нѣкоторое время. Такъ я и сдѣлалъ. Вернувшись, я до-

ложилъ, гдѣ остановились нѣмцы и какія работы ими производились, и предоставилъ высшему начальству производить сводку всѣхъ развѣдокъ и дѣлать изъ нихъ выводы.

Въ предразсвѣтномъ туманѣ впереди насъ появились густыя цѣпи. Я былъ увѣренъ, что это нѣмцы и оцѣнилъ разстояніе до нихъ въ 12. Командиръ баталіона кап. Балуевъ, командиръ роты и офицеръ пулеметчикъ почему-то утверждали, что это наши сосѣди Потійцы идутъ занимать высоту, что впереди и вправо насъ. Гренадеры были увѣрены, что это нѣмцы, произошелъ споръ. На всякій случай навели на нихъ пулеметы и послали трехъ человѣкъ на развѣдку. Только одно предположеніе могло говорить за то, что это наши, это что они поднимались на высоту, какъ-бы желая занять командующее положеніе. Такъ было еще плохо видно, что даже въ бинокль нельзя было разобрать, шли ли цѣпи на насъ или отъ насъ. Вдругъ видимъ, бѣжитъ одинъ изъ посланныхъ назадъ безъ фуражки. Оказывается, когда они подошли ближе къ цѣпямъ и разобрали, что это нѣмцы, было поздно и имъ приказали остановиться. Двое остановились, а третій побѣжалъ. Тогда нѣмцы открыли одиночный огонь. Побѣжали и двое другихъ, но одинъ былъ тотчасъ раненъ, а другой, бросивъ для облегченія фуражку и вещевой мѣшокъ, все-же прибѣжалъ. Немедленно былъ открытъ по цѣпямъ сильный огонь. Огонь былъ весьма дѣйствителенъ, такъ какъ на другой день мы сами были свидѣтелями своей стрѣльбы. Нѣмцы залегли. Вдругъ изъ тумана прямо противъ насъ, шагахъ въ 600, появились цѣпи нѣмцевъ; мы тотчасъ перенесли огонь по нимъ и сейчасъ же заставили ихъ остановиться. Пулеметы наши заливались. Нѣмцамъ это не понравилось. Владѣя командующей высотой, нѣмцы, какъ на ладони, видѣли наше расположеніе. Когда туманъ разсѣялся, немедленно заговорила ихъ артиллерія. Повторилась та же исторія, что и 24-го Сентября подъ Морги, но на этотъ разъ наши батареи

на каждый нѣмецкій снарядъ отвѣчали. Откуда то издали великолѣпно била батарея 51-ой бригады. Все слилось въ сплошной гулъ. Наша горка, стоявшая особнякомъ, красиво выдѣлялась своимъ очертаніемъ, увѣнчанная на самой верхушкѣ сосновой рощей. Къ вечеру отъ рощи остались одни стволы. Окопы наши были засыпаны, а частью сравнены съ землей, но мы и не подумали отойти. Нѣмцы тоже были въ скверномъ состояніи духа. Сколько они не поднимались, ихъ немедленно всѣхъ разстрѣливали. Потери наши были сравнительно не велики и большей частью отъ шрапнельнаго огня. „Чемоданы", т. е. тяжелые снаряды, ложились, слава Богу, въ озеро или за первымъ баталіономъ. Повидимому они предназначались нашимъ батареямъ, стояашимъ у мельницы. Такъ бой шелъ весь день. Рядомъ со мной въ 15 20 шагахъ въ ямѣ сидѣлъ мой товарищъ по выпуску Борисъ Гаттенбергеръ и мы съ нимъ переговаривались все время. Борисъ командовалъ 6-ой ротой и на этотъ разъ былъ моимъ непосредственнымъ сосѣдомъ слѣва. Къ вечеру я до того усталъ, что самъ не замѣтилъ, какъ опустился на дно окопа и заснулъ. Уже поздно вечеромъ, когда бой совсѣмъ уже прекратился, подъѣхали кухни и пришли денщики. Меня разбудили. Мой Антонъ принесъ мнѣ двѣ плитки шеколада и я ими закусилъ. Со стороны нѣмцевъ всю ночь велся рѣдкій ружейный огонь, который къ утру смолкъ. Высланная развѣдка обнаружила, что нѣмцы отступили. Въ это время Потійцы поднялись на высоту, что вчера занимали нѣмцы.

Вдругъ туда полетѣли одинъ за другимъ наши снаряды. Потійцы скатились внизъ. Недоразумѣніе вскорѣ выяснилось и всѣ двинулись впередъ. Я правда не встрѣтилъ ни одного нѣмца не подобраннаго, но обиліе крови въ одиночныхъ окопахъ (нѣмцы рыли одиночные окопы) и касокъ на свѣженасыпанныхъ могильныхъ холмикахъ, свидѣтельствовали о большихъ потеряхъ убитыми, понесенныхъ нѣмцами въ бою 2-го Ноября. 5 рота потеряла всего

10 гренадеръ убитыми, которыхъ мы и предали землѣ на самомъ высокомъ мѣстѣ, поставивъ большой деревянный крестъ. Таковы итоги послѣдняго боя въ Восточной Пруссіи. Дальше мы двигались безъ боевъ и достигли укрѣпленной полосы линіи Мазурскихъ озеръ, ставъ противъ форта-заставы Летценъ. Движеніе по Восточной Пруссіи шло ощупью; былъ случай, когда наша 5 рота, посланная въ сторожеую заставу на одномъ изъ ночлеговъ, оказалась въ тылу какого-то полка 28 дивизіи, имѣвшаго въ свою очередь полную схему сторожевого охраненія. Сразу чувствовалось, что никто изъ высшихъ чиновъ не освѣдомленъ о противникѣ, а дѣйствуетъ на „авось".

8 Ноября 1914 года, въ день училищнаго праздника Тифлисскаго военнаго училища, насъ смѣнили части, только что пришедшія изъ Россіи, сформированныя изъ Московскихъ гренадерскихъ полковъ. Нѣсколько дней мы шли походнымъ порядкомъ, проходя черезъ дивныя имѣнія и охотничьи парки. Между прочимъ, одну ночь провели въ охотничьемъ замкѣ Императора Вильгельма въ окрестностяхъ Роте-Буде. Масса дикихъ козъ выскакивала стадами при нашемъ появленіи. Два раза мелькали силуэты прекрасныхъ оленей. Пейзажи бывали минутами столь восхитительны, что я невольно останавливался, чтобы продлить удовольствіе.

Въ эти морозные ноябрьскіе дни особенно красивыми казались хвойные лѣса, окаймлявшіе озера. Покрытые инеемъ, они искрились въ багрянныхъ лучахъ заходящаго солнца.

Раскиданные повсюду замки и красивыя усадьбы дополняли эту прекрасную картину; и въ эти минуты забывалась война, ея ужасы и долгіе переходы, отъ которыхъ болѣли ноги.

Придя въ Маркграбово, мы остановились по квартирамъ; намъ предстояла дневка.

Вполнѣ приличный городъ съ солидными постройками, вмѣщавшій тысячъ 6-7 жителей въ довоенное

время, совершенно былъ пустъ. Всѣ квартиры были разгромлены и разграблены. Не было помѣщенія съ цѣлыми окнами. Вся мебель, постели, посуда все было исковеркано, растерзано, разбито и валялось грудами по полу. На завтра мы покидали Восточную Пруссію и должны были идти на Сувалки, чтобы грузиться въ вагоны и ѣхать на какой-то новый фронтъ. Казалось, что мы одержали успѣхъ, но успѣхъ этотъ даже для кругозора пѣхотнаго офицера казался микроскопическимъ. Нѣмцы казались все болѣе непобѣдимыми, а война затянувшейся до безконечности. Еще больше лѣзло непріятныхъ мыслей въ голову, когда возстанавливала память картину пребыванія на нѣмецкой территоріи. Эта желѣзная дисциплина народа, какъ одинъ, покидавшаго свои пепелища, великолѣпно характеризуемая одной картиной, видѣнной мною въ домѣ одного нѣмца, повидимому запаснаго солдата. Картина представляетъ собой въ то же время аттестатъ и носитъ названіе: „Воспоминаніе о моей военной службѣ". Тутъ можно видѣть карточку самого хозяина дома, императора Вильгельма и всей царствующей семьи. Фонъ этого аттестата наглядно учитъ нѣмецкаго солдата, какъ нужно повиноваться: унтеръ-офицеръ скомандовалъ шеренѣ солдатъ: „шагомъ маршъ" и о чемъ-то замечтался, или просто хотѣлъ испробовать, какъ будетъ выполнена его команда, если онъ не дастъ приказанія остановиться. И вотъ въ дальнѣйшемъ картина показываетъ, какъ нѣмецкій солдатъ, привыкшій слѣпо повиноваться, и въ данномъ случаѣ, не получивъ приказанія остановиться, обходитъ вокругъ земного шара и приходитъ на прежнее мѣсто. Любовь къ кайзеру и родинѣ стоятъ превыше всего. Объ этомъ говорятъ и тѣ многочисленныя фотографіи царствующей династіи, тѣ надписи и молитвы, которыми украшены стѣны нѣмецкихъ домовъ. Все это сливается въ одинъ гимнъ Богу, Родинѣ и Императору, и невольно проникаешься уваженіемъ къ народу съ такими твердыми

и здоровыми традиціями, впитанными еще со школьной скамьи.

Въ Маркграбово насъ выстроили для полученія наградъ. Представленные къ наградамъ были вызваны передъ фронтъ. Кромѣ насъ были Грузинцы и артиллерія. И при торжественной обстановкѣ была произведена раздача крестовъ и медалей отличившимся въ бояхъ гренадерамъ. Послѣ полдня мы двинулись къ границѣ, идя на Бакаларжево. Вечеромъ мы перешли границу, узнавъ объ этомъ по состоянію шоссе, рѣзко измѣнившему свои качества къ худшему. М. Бакаларжево было пусто и наполовину разрушено; кое-какъ переночевали и утромъ тронулись дальше.

Теперь мы проходили нѣмецкія артиллерійскія и пѣхотныя позиціи. Всюду виднѣлись признаки недавнихъ кровопролитныхъ боевъ: воронки отъ снарядовъ, могилы, каски, брошенныя, пришедшія въ негодность винтовки и патроны. Окопы не сплошные, какъ у насъ, а на двухъ-четырехъ, примѣрно, бойцовъ. Каждый окопчикъ обязательно съ укрытіемъ отъ шрапнельнаго огня. Дорога случайно шла въ 200-хъ шагахъ влѣво отъ нашихъ прежнихъ окоповъ, въ которыхъ мы провели бои 16 18 Октября. Часть офицеровъ, въ томъ числѣ и я, отпросились осмотрѣть мѣсто боя.

Съ какимъ волненіемъ подходилъ я къ этимъ мѣстамъ, казавшимся мнѣ священными отъ массы пролитой на нихъ крови. Мраченъ былъ изуродованный лѣсъ, пріютившій навѣкъ могилы невѣдомыхъ героевъ. На привалѣ мы догнали свой полкъ и вскорѣ вошли въ Сувалки.

Въ Сувалкахъ кипѣла жизнь. Это былъ первый прифронтовый городъ, въ которомъ сохранились всѣ признаки жизни, не смотря на то, что онъ сильно былъ разграбленъ во время кратковременнаго пребыванія въ немъ нѣмцевъ. Энергія евреевъ была изумительна и уже къ нашему приходу, въ Сувалкахъ можно было достать рѣшительно все. Два дня,

которые мы провели въ ожиданіи посадки, были посвящены полнѣйшей дезинфекціи своей собственной персоны. Гренадеры тоже успѣли выкупаться и, если не переодѣться, то во всякомъ случаѣ вымыть свое бѣлье. 14 го Ноября мы погрузились эшелонами и двинулись черезъ Гродно — Бѣлостокъ къ Варшавѣ.

Попавъ опять въ вагоны, мы офицеры, да и гренадеры почувствовали себя прекрасно — это былъ настоящій отдыхъ. Хотя офицерамъ былъ поданъ не вагонъ II кл., а III, и намъ это сильно было не по душѣ, мы скоро съ этимъ примирились. Не только замѣна вагона II класса — III-мъ бросалась въ глаза, — было и нѣчто другое. Въ баталіонѣ было уже не 15 офицеровъ, а только 5. Уже не было ящиковъ съ виномъ, были только отдѣльныя бутылки. Свободныя мѣста въ вагонѣ занимали денщики. Теперь всѣмъ хватало мѣста. Всѣхъ занимало положеніе на фронтѣ. Изголодавшись по печатному слову, мы покупали, все что попадалось подъ руку. Вагонъ былъ заваленъ газетами, книгами и журналами.

Особенный интересъ проявлялся къ положенію дѣлъ на фронтахъ. Къ нашимъ врагамъ, не такъ давно, прибавился еще одинъ — Турція и, читая газеты, мы бѣгло старались воспроизвести общую картину театровъ войны. На каждой станціи мы проглатывали новую дозу слуховъ и утокъ, въ промежуткахъ между станціями мы ихъ комментировали и такъ почти всю дорогу. Вначалѣ слухи были ошеломляюще побѣдоносны: „мы разбили нѣмецкую гвардію". Взято Н-ое количество орудій и нѣсколько десятковъ тысячъ плѣнныхъ и т. п. По мѣрѣ приближенія къ Варшавѣ слухи о взятіи въ плѣнъ десятковъ тысячъ нѣмцевъ теряли въ указываемой цифрѣ нули справа, и хотя и не дошли до нуля, но оказалось, что ровно столько же, если не больше и нѣмцы взяли въ плѣнъ нашихъ. Конечно наступало полное разочарованіе. Еще бы. Вѣдь пріятно, сидя въ вагонѣ, получить извѣстіе, что гдѣ то, какими то частями врагъ уменьшенъ на 100.000 бойцовъ. Другое

дѣло самому принять участіе въ уничтоженіи такой цифры. Объ окончаніи войны теперь почему то вопросъ не поднимался, хотя дѣла наши въ этотъ періодъ войны были вполнѣ удовлетворительны. Мы это поняли и какъ то не сговариваясь запаслись въ Сувалкахъ всѣми необходимыми теплыми вещами. Я уже спалъ на прекрасной буркѣ, которая всю войну была моимъ вѣрнымъ другомъ, и придя въ концѣ ея, въ негодность не послужила трофеемъ для алчныхъ разбойниковъ въ гражданскую войну.

Появилась новая тема для разговоровъ о наградахъ вообще и объ представленіяхъ къ Георгіевскому кресту въ частности. Долженъ сознаться, что никогда эти разговоры не лѣзли на языкъ во время боя, но только лишь разрывался надъ головой послѣдній снарядъ какъ наступали безконечные разговоры на тему о наградахъ. Сейчасъ въ вагонѣ комментировалась претензія одного офицера-пулеметчика Поручика Ч. на Геогріевскій крестъ за бой 2-го ноября. Я былъ буквально пораженъ, ибо не представлялъ себѣ, что кто нибудь изъ офицеровъ могъ просить себѣ награду и подавать рапортъ съ описаніемъ своихъ собственныхъ подвиговъ. Тѣмъ болѣе мнѣ казалось невѣроятнымъ, что такой способъ примѣнимъ для полученія высшаго военнаго отличія Ордена Св. Вел. и Поб. Георгія. Во всѣхъ тѣхъ бояхъ, которые мы до сихъ поръ провели, по моему мнѣнію, не было совершенно ни одного геройскаго поступка, каковыми я ихъ себѣ рисовалъ. Правда я рисовалъ себѣ и войну нѣсколько иной. Во всѣхъ тѣхъ дѣйствіяхъ, коимъ я былъ свидѣтелемъ, а въ частномъ случаѣ и въ дѣйствіяхъ пулеметовъ Поручика Ч. въ бою 2-го ноября при 5-й ротѣ, я никакъ не видѣлъ большаго, чѣмъ обыкновенное и честное исполненіе своего воинскаго долга. И признаться, съ этого момента я сильно охладѣлъ къ этому порядочному и прекрасному офицеру, геройски погибшему мѣсяцъ спустя. Не смотря на то, что исписано имъ было много листовъ, что ко всѣмъ онъ обра-

щался засвидѣтельствовать правильность изложеннаго, въ крестѣ ему было отказано. Онъ эту горесть унесъ съ собой въ могилу, оставивъ по себѣ память какъ о прекрасномъ офицерѣ, и мы не разъ, впослѣдствіи, его вспоминали... и пили за упокой его души.

Въ это время былъ періодъ крупнѣйшихъ боевъ за обладаніе Варшавой. Нѣмцы имѣли успѣхъ, но подоспѣвшія свѣжія части изъ Сибири не только остановили наступленіе нѣмцевъ, прошедшихъ къ мѣстечку Блонѣ, но и отогнали ихъ на линію Ловичъ—Иловъ, а мѣстами и далѣе. Въ этомъ раіонѣ шли кровопролитнѣйшіе бои съ перемѣннымъ успѣхомъ. Когда мы подошли къ Варшавѣ, шли знаменитые Брезинскіе бои, гдѣ нѣмцы съ трудомъ, но съ большой честью вышли изъ охватившаго ихъ кольца русскихъ корпусовъ. Оъ Варшавы мы шли на Блоне и Сохачевъ, у котораго перешли черезъ рѣку Бзуру.

По пути встрѣчались замки и помѣстья польскихъ магнатовъ, по своему богатству и благоустроенности нисколько не уступавшіе таковымъ же въ Восточной Пруссіи.

Мы шли по большимъ культурнымъ имѣніямъ и, между прочимъ, имѣли ночлегъ въ Тересинскомъ паркѣ, столь извѣстному всей Россіи по нашумѣвшему процессу.

Въ имѣніи Сорокахъ нашъ сильно порѣдѣвшій полкъ получилъ пополненіе, пришедшее изъ Сибири. До Сохачева мы шли по прекрасному шоссе. Всюду, вправо и влѣво отъ дороги, встрѣчались фабрики и заводы, носившіе на себѣ слѣды недавнихъ боевъ. Много было свѣже насыпанныхъ могилъ. Даты показывали 8 Ноября. За Сохачевымъ мы сошли съ шоссе и пошли по грунтовымъ дорогамъ. Шли безъ мѣръ охраненія; а въ виду того, что стояла хорошая погода, не претерпѣвали особенныхъ лишеній.

20 Ноября, когда мы послѣдній разъ стояли на ночлегѣ въ деревнѣ, названіе которой у меня не сохранилось, до насъ все время доносился гулъ боя,

изъ котораго особенно выдѣлялась трескотня пулеметовъ. Ночью былъ полученъ приказъ о выступленіи и мы тронулись.

Въ описываемый періодъ времени, на одномъ изъ большихъ приваловъ я неожиданно перемѣнилъ свое амплуа младшаго офицера на болѣе самостоятельное, но зато и болѣе безпокойное, а именно — на должность начальника команды развѣдчиковъ. Командиръ полка приказалъ мнѣ набрать отъ каждой роты полка по два человѣка, причемъ мнѣ самому предоставлялось право выбора людей. Этимъ устранялась возможность ротнымъ командирамъ сплавить изъ роты ненужный элементъ. Формированіе команды на походѣ безъ всякаго плана и указанія, къ вечеру того же дня встрѣтило препятствія въ хозяйственномъ отношеніи. Гренадеры, оторванные отъ ротъ, оказались лишенными возможности довольствоваться. Мнѣ было приказано перевести ихъ на довольствіе въ пулеметную команду. Фактически это было невыполнимо, ибо сама пулеметная команда была разбросана по ротамъ, а намъ каждую ночь давалась какая-нибудь задача. Пища же готовилась съ такимъ расчетомъ, чтобы она была готова къ наступленію темноты, ибо только тогда, когда становилось темно, можно было приблизиться кухнямъ къ боевой линіи и то не безнаказанно. Вслѣдствіе описываемыхъ неудобствъ, команда моя голодала и довольствовалась способами, извѣстными только развѣдчикамъ.

Утромъ 22-го Ноября нашъ полкъ вошелъ въ соприкосновеніе съ нѣмцами и влился въ рѣдкую боевую линію перемѣшавшихся частей Александро-Невск. полка. Состояніе смѣненныхъ частей было подавленное; отъ солдатъ нельзя было добиться, какой они части, офицеровъ, какъ они докладывали, всѣхъ поубивало. Видно было, что дѣло обстоитъ на этомъ участкѣ серьезно. Возстанавливаю въ памяти картину боевъ въ раіонѣ Сковорода, Вѣнецъ, Александрово съ 22—29 Ноября. Части корпуса оказались расположенными: влѣво отъ дороги Сохачевъ—Кернозя — 15 гр.

Тифлисскій полкъ, лѣвѣе ихъ Мингрельцы и Грузинцы. Вправо отъ той же дороги сталъ нашъ полкъ, выдвинувъ три баталіона въ боевую линію и четвертый въ резервъ. По фронту полкъ занималъ около двухъ верстъ. Вправо отъ насъ съ промежуткомъ въ пол-версты стояли Ардаганцы и другія части 51 пѣхотной дивизіи. Въ резервѣ были Кавказскіе стрѣлки.

22-го Ноября полкъ занималъ позицію, правымъ флангомъ упираясь въ деревню Кристишки, которая представляла изъ себя длинный рядъ домовъ, вытянувшихся вдоль дороги, шедшей перпендикулярно линіи нашихъ окоповъ. Такимъ образомъ концы деревни были заняты враждующими сторонами. Средина деревни была нейтральна и въ ней происходили знакомства нашихъ развѣдчиковъ съ нѣмецкими. Лѣвый флангъ полка упирался, какъ я сказалъ, въ большую дорогу на городъ Кернозя, занятый нѣмцами.

Весь день 22-го Ноября нѣмцы пытались вести наступленіе, главнымъ образомъ, противъ участка 2-го баталіона, но наша артиллерія, подкрѣпленная неизвѣстно чьей тяжелой артиллеріей, разбивала всѣ попытки нѣмцевъ высунуть голову. Артиллерійскій огонь былъ такъ силенъ и удаченъ, что нѣмцы покинули свои окопы и бѣжали. Въ эту же ночь командиръ полка приказалъ мнѣ проникнуть въ нѣмецкіе окопы и взять плѣнныхъ. Я былъ снабженъ и техническими вспомогательными средствами: мнѣ были вручены четыре ручныхъ гранаты съ длинными деревянными ручками. Особенность этихъ ручныхъ гранатъ та, что онѣ должны при паденіи на землю обязательно упасть на колпачекъ, который имѣетъ жало, направленное въ капсюль гремучей ртути. Если паденіе произойдетъ не на колпачекъ, а на какое либо другое мѣсто, то никакого взрыва не произойдетъ. Вторая особенность этихъ ручныхъ гранатъ та, что онѣ не наносили никакого пораженія. Между прочимъ уже послѣ описываемаго случая этимъ гранатамъ производились испытанія, въ которыхъ я тоже принималъ участіе и которыя выяснили всю непригод-

ность ихъ для боя. Рѣдкія изъ нихъ падали на жало, несмотря на то, что къ деревяннымъ ручкамъ придѣлывались направляющія плоскости. Тутъ мнѣ стало даже смѣшно, какимъ опаснымъ и смертоноснымъ оружіемъ мнѣ приказано было забросать нѣмецкіе окопы. Къ счастью, эти гранаты за всю войну больше не примѣнялись.

Было 11 часовъ ночи, когда мы перешли окопы нашей 5-ой роты, предупредивъ часовыхъ, что мы идемъ на развѣдку. Ночь была темная и только зарева пожаровъ освѣщали мѣстность. Идя къ нѣмецкимъ окопамъ, я не сообразилъ. что мы проэктируемся своими силуэтами на фонѣ горящихъ сзади насъ зданій и чуть было за это не поплатился. Пройдя шаговъ 100, мы легли, прислушались и поползли по направленію къ нѣмецкимъ окопамъ. Ползли въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Со мной было 28 человѣкъ, я былъ въ серединѣ этой маленькой, но тѣсной цѣпи. Временами отдыхая и переводя духъ, мы проползли шаговъ 500, можетъ быть меньше, но казалось страшно много. Вдругъ остановившись, стали ясно слышать голоса въ нѣмецкомъ окопѣ. Судя по голосамъ, съ увѣренностью можно было сказать, что нѣмцы бодрствуютъ.

Продвинувшись еще десятка два шаговъ, я приготовился къ дѣйствію, причемъ по условію мы должны были дружно броситься безъ всякихъ криковъ на нѣмцевъ въ тотъ моментъ, когда разорвется брошенная мною граната. Всѣ затаили дыханіе, я снялъ съ пояса гранату и приготовилъ ее для броска... еще моментъ и граната полетѣла къ нѣмцамъ. Въ этотъ же мигъ планъ нашъ разстроился совершенно неожиданно: граната упала, но не разорвалась, а вмѣсто этого по насъ грянулъ выдержанный залпъ всего лишь въ 20 - 25 шагахъ Не знаю, что испытывали въ этотъ моментъ гренадеры, но у меня уже не было никакого желанія выполнять планъ. Нѣмцы не прекращали огня. Ощущеніе было таково, что вотъ пуля попадетъ тебѣ обязательно въ голову.

Затаивъ дыханіе, мы прижались къ землѣ, какъ къ родной матери, ища спасенія. Къ счастью, никто не былъ раненъ и ни одинъ гренадеръ не потерялъ присутствія духа и не вскочилъ, чтобы броситься назадъ, что при такихъ неожиданностяхъ не рѣдкость. Я подалъ знакъ ползти назадъ и всѣ приняли его съ большимъ удовлетвореніемъ. Ползли мы очень быстро, теперь нечего было бояться шелеста одежды. Стрѣльба, хотя и становилась рѣдкой, но все же заглушала производимый нами шумъ. Вдругъ мы всѣ инстинктивно поднялись и бросились къ своимъ окопамъ, но наши пулеметчики приняли насъ за нѣмцевъ и едва не открыли огонь сразу изъ двухъ пулеметовъ. По отчаянному крику часового: „Свои развѣдчики, не стрѣляй!", мы поняли, какой опасности мы подвергались, когда считали себя уже въ безопасности. Весьма сконфуженный, я предсталъ передъ командиромъ и доложилъ ему, что не могъ выполнить его приказа — добыть плѣннаго. Командиръ полка, большой джентельменъ, понялъ повидимому всю искренность и рвеніе, съ которыми шелъ я на это дѣло и не только не сдѣлалъ мнѣ выговора, но пожалъ руку и, ласково потрепавъ по плечу, улыбаясь добавилъ: „Ничего. Слѣдующій разъ Вы будете. надѣюсь, болѣе удачливы".

23-го Ноября днемъ я отдыхалъ и находился при штабѣ полка. Противъ штаба въ 200-хъ шагахъ была вѣтрянная мельница, на ней примостились артиллеристы, установивъ наблюдательный пунктъ. Я пошелъ къ нимъ посмотрѣть, что они обстрѣливаютъ. Оказалось, ихъ вниманіе было привлечено другой мельницей, служившей нѣмцамъ наблюдательнымъ пунктомъ. Еле-еле ее можно было наблюдать, такъ какъ день былъ пасмурный, тѣмъ не менѣе третьемъ снарядомъ мельница была сбита. Артиллеристъ наблюдатель передалъ наводчику „спасибо" и прекратилъ стрѣльбу.

23 и 24 нѣмцы вели артиллерійскую подготовку и временами видно было, какъ къ нимъ подходили

все новыя и новыя части. Ночами я не спалъ ни одной минуты. Все время рыскалъ съ командой у нѣмецкихъ окоповъ и однажды мы захватили нѣмца, который шелъ куда то съ котелкомъ. Оказалось, что онъ искалъ свою кухню. Его Величества рота захватила двухъ нѣмцевъ, тоже попавшихъ какъ то по ошибкѣ къ нимъ. Путемъ опроса плѣнныхъ и по погонамъ убитыхъ противъ насъ нѣмцевъ было установлено, что къ нѣмцамъ подошли сильныя подкрѣпленія изъ Бельгіи и что въ раіонѣ расположенія нашего корпуса нѣмцы располагали тремя корпусами.

25-го начался страшнѣйшій обстрѣлъ расположенія нашего корпуса по всему фронту. Наша артиллерія отвѣчала на 10 нѣмецкихъ снарядовъ только однимъ. И мы скоро стали нести большія потери. Въ ночь съ 24 на 25 Ноября я находился въ раіонѣ 1-го баталіона и утро застало меня въ Его Величества ротѣ. Рота окопалась, сильно загнувъ правый флангъ. Далеко сзади, чуть ли не въ полуверстѣ, и вправо видно было расположеніе 204 Ардаг. Михайл. полка. Нѣмцы густыми цѣпями вели противъ насъ наступленіе, а за домами видно было, какъ стояли резервныя колонны. 51 артиллерійская бригада открыла рѣдкій, но удачный огонь. Нѣмцы проходили мимо расположенія Его Величества роты флангомъ въ 300 400-хъ. Отъ нашей артиллерійской бригады появился въ ротѣ офицеръ-наблюдатель. Завязался общій бой. Цѣпи нѣмцевъ шли отовсюду. На глазахъ, ихъ колонны разсыпались и вели наступленіе въ нѣсколько линій. Все поле покрылось людьми Въ этотъ день только лишь 3-ій баталіонъ нашего полка, какъ стоящій уступомъ позади 2-го баталіона, не принималъ активнаго участія въ бою. 4-ый же баталіонъ подъ командой князя Геловани былъ экстренно вызванъ закрыть прорывъ, образовавшійся въ одномъ изъ полковъ 51 дивизіи. Задача была выполнена, но въ самомъ концѣ боя баталіонъ потерялъ убитымъ доблестнаго офицера, шт.-капитана Солнцева. Къ вечеру 4 баталіонъ былъ оттянутъ къ своему

полку и сталъ въ резервѣ въ 400-хъ шагахъ за 2 баталіономъ, т. е. за срединой полка. Впервые за войну, передъ нашими окопами стали возводиться проволочныя загражденія, но ихъ такъ и не окончили и они не представляли сплошной линіи.

26 го Ноября шелъ ужасный бой. Сотни снарядовъ рвались въ расположеніи 1 и 2 баталіоновъ. Изъ всѣхъ прилегающихъ домовъ не уцѣлѣло ни одного — все горѣло. Нѣмцы непрерывно шли въ атаку и тысячи ихъ труповъ устилали все поле впереди. Насколько хваталъ взоръ, всюду видны были лежащіе нѣмцы и ихъ ранцы изъ телячьей кожи мѣхомъ вверхъ. Тщетно нѣмецкіе офицеры старались увлечь своихъ людей. Два три взмаха обнаженной шашки, нѣсколько призывныхъ словъ — и офицеръ падалъ, сраженный мѣткой пулей. На его мѣсто становился другой. Подъ вечеръ нѣмцами была произведена сильнѣйшая атака на 8 роту, которой командовалъ хладнокровный капитанъ Пильбергъ. Атака, во время отраженія которой былъ раненъ Пильбергъ была отбита, нѣмцы повернули и въ паникѣ бросились бѣжать вдоль нашего фронта и около 6 роты были сплошь уничтожены. Непрерывно шелъ бой по всему фронту корпуса. Ночью наступленіе нѣмцевъ не прекращалось и отъ адской стрѣльбы все кипѣло, какъ въ котлѣ.

28 Ноября бой достигъ наибольшаго напряженія, а за это время ряды наши сильно порѣдѣли, былъ убитъ поручикъ Черепановъ, бывшій во 2 батальонѣ съ пулеметами, убитъ былъ поручикъ Козловъ I, командовавшій 16 ротой, будучи вызванъ на помощь Его Величества ротѣ.

Черезъ полковой перевязочный пунктъ только одного нашего полка за эти дни прошло свыше 800 человѣкъ ранеными, много раненыхъ попадало на перевязочные пункты другихъ полковъ. Нѣмцы все насѣдали; пользуясь большимъ и страшно густымъ туманомъ, они подошли вплотную и залегли подъ самымъ проволочнымъ загражденіемъ. Вдругъ

въ 1-мъ баталіонѣ кричатъ: „Братцы, нѣмцы сдаются!“. Нѣмцы дѣйствительно шли съ поднятыми вверхъ руками, а на ремняхъ за плечами были винтовки. На минуту стрѣльба прекратилась, мѣстами нѣмцы стали перелѣзать черезъ проволоку. Въ это же время нѣмцы, прорвавъ расположеніе Ардаганскаго полка, атаковали 1-ый б-нъ съ тыла; роты открыли огонь, мѣстами завязался страшный штыковой бой, двѣ роты 4-го баталіона, перешедшія въ контръ-атаку на участкѣ 1-го баталіона, имѣли успѣхъ, но нѣмцевъ было такъ много, что наши послѣдніе резервы буквально растворились. Уходили одиночные люди. Энергично ведя наступленіе, нѣмцы стали заходить въ тылъ 2-го баталіона, который вынужденъ былъ драться на всѣ четыре стороны. На командира 2-го баталіона, капитана Балуева, бросился нѣмецъ и ударилъ его штыкомъ въ бокъ, рана оказалась легкой, а нѣмецъ въ свою очередь былъ заколотъ гренадеромъ 14 роты, въ тотъ моментъ подоспѣвшей подъ командой подпоручика Зуева на выручку 6 роты. И здѣсь завязался ожесточенный штыковой бой, въ результатѣ котораго три взвода 14 роты со своимъ доблестнымъ командиромъ, подпоручикомъ Зуевымъ, сломили упорство нѣмцевъ, принявшихъ ударъ, и, заваливъ ихъ трупами, какъ окопы, такъ и ходы сообщеній, возстановили положеніе. Подпоручикъ Зуевъ послалъ устное донесеніе объ успѣшномъ исходѣ контръ-атаки, а самъ съ остатками роты занялъ бывшіе окопы 6 роты. Нѣмцы послѣ маленькой паузы открыли вновь сильнѣйшій артиллерійскій огонь по окопамъ, занимаемымъ теперь остатками 14 роты и перешли вновь въ наступленіе. Густыя цѣпи нѣмцевъ подошли вплотную и ворвались въ окопы вторично. Наши приняли штыковой ударъ и погибли въ неравномъ бою. Подпоручикъ Зуевъ, показавшій удивительные примѣры храбрости и хладнокровія, застрѣлилъ въ рукопашномъ бою 4-хъ нѣмцевъ, но, окруженный со всѣхъ сторонъ, потрясенный морально небывалой картиной боя, буквально

леденящаго душу, пытался застрѣлиться, но въ револьверѣ не было уже ни одного патрона и ему пришлось испить горькую чашу плѣна.

Мой другъ, подпоручикъ Гаттенбергеръ, имѣлъ въ отдѣлѣ одинъ взводъ своей роты; когда началась общая сумятица, онъ побѣжалъ къ взводу, чтобы передать приказаніе, какъ вдругъ оказался окруженнымъ 6-ю нѣмцами. Нѣмцы были увѣрены, что онъ не окажетъ сопротивленія, но онъ инстинктивно выхватилъ револьверъ и направилъ его на одного изъ нихъ и тотъ далъ ему дорогу. Подпоручикъ Гаттенбергеръ бросился бѣжать и одной изъ посланныхъ въ догонку пуль былъ легко раненъ въ руку, но остался въ строю. До 5-ой роты нѣмцы распространились частично и она съ остатками 6 ой роты успѣла пробиться.

Потери были велики. Командиръ полка Фл.-Ад. полк. Мдивани прибылъ на мѣсто боя, но трудно было добиться толку отъ отходившихъ одиночныхъ людей. Въ большинствѣ это были раненые, обалдѣвшіе отъ непрерывнаго 5-ти дневнаго боя. Расположеніе корпуса было прорвано во многихъ мѣстахъ и нѣмцы широкой волной влились въ наше расположеніе. Подошедшій баталіонъ 1-го К. Стр. полка перешелъ въ контръ-наступленіе на фронтѣ нашего полка, но былъ встрѣченъ сильнымъ пулеметнымъ огнемъ; въ туманѣ роты потеряли связь и остановились.

Все же наступленіе нѣмцевъ было задержано. Спустившійся густой молочный туманъ, не дававшій возможности видѣть въ десяти шагахъ, положилъ конецъ этому отчаянному бою.

Въ этотъ день на меня выпала крайне тяжелая работа. Я, какъ знавшій всю мѣстность, служилъ проводникомъ всѣмъ и каждому. Въ ночь съ 28 на 29 Ноября на своемъ мѣстѣ стоялъ только одинъ третій баталіонъ въ трехротномъ составѣ, такъ какъ 12 рота была въ прикрытіи артиллеріи. Вправо отъ 3-го баталіона никого не было. Фактически корпусъ

пересталъ существовать, какъ боевая единица. Эго выяснилось, когда мы подошли къ рѣкѣ Бзурѣ, но почему-то не было своевременно получено приказанія отойти и утромъ рано, послѣдній оплотъ нашего полка,—третій баталіонъ, руководимый кап. Кузнецовымъ, человѣкомъ съ желѣзной волей и такой же рѣшимости, одинъ отбивался отъ нѣмцевъ. Командиръ полка, находясь вблизи и не получая никакихъ приказаній, рѣшилъ спасти хотя бы послѣдній баталіонъ и приказалъ мнѣ передать командиру баталіона отходить. Я написалъ двѣ копіи приказанія и передалъ четыремъ развѣдчикамъ, приказавъ имъ идти разными дорогами, ибо снаряды за третьимъ баталіономъ рвались сплошной огненной завѣсой. Приказаніе было передано въ тотъ моментъ, когда капитанъ Кузнецовъ упалъ сраженный пулей въ грудь на вылетъ. Онъ имѣлъ еще силы передать, чтобы баталіонъ отходилъ къ штабу полка. Уходили немногіе, большинство было заживо засыпано землей въ окопахъ отъ безчисленнаго числа падавшихъ снярядовъ.

Командира баталіона понесли на рукахъ, но разорвавшимся снярядомъ двое носильщиковъ были ранены и капитанъ Кузнецовъ остался на полѣ сраженія. Къ счастью, обладая здоровымъ организмомъ и будучи отъ природы сильнаго сложенія и большой натренированности, капитанъ Кузнецовъ остался живъ и мнѣ еще разъ пришлось дѣлить съ нимъ боевыя невзгоды въ гражданскую войну по возвращеніи его изъ германскаго плѣна.

Въ третьемъ баталіонѣ всѣ офицеры были ранены и двое изъ нихъ остались на полѣ сраженія, двоимъ, кап. Круповичу и пор. Агарунову, какъ болѣе легко раненымъ, удалось уйти. Гренадеры же ушли частично, оказавшись безъ офицеровъ и обойденные со всѣхъ сторонъ. Узнавъ о судьбѣ 3-го баталіона и его командира Капитана Кузнецова, котораго считали убитымъ, какъ сообщили прибѣжавшіе санитары, которые его несли, командиръ полка схватился за голову и слезы

показались у него на глазахъ. Въ лицѣ капитана Кузнецова полкъ понесъ тяжелую утрату на всю войну.

Къ 12-ти часамъ дня остатки корпуса спѣшно отходили къ линіи рѣки Бзуры. Въ тотъ же день вечеромъ мы ночевали въ городѣ Сохачевѣ. Послѣ описываемаго боя Командиръ 2-го Кавказскаго армейскаго корпуса, генералъ Мищенко, былъ отрѣшенъ отъ командованія корпусомъ.

Полкъ вышелъ изъ боя въ составѣ: въ строю — 3 офицера: капитанъ Сабель, подпоручикъ Агаруновъ и я. Въ штабѣ полка, считая и командира, оставалось семь человѣкъ, изъ нихъ одинъ легко раненый.

Гренадеръ изъ боя вышло: 12 рота полностью, 5 роты—35, 6 роты—20, прочихъ ротъ одиночными людьми—50, команда развѣд.—21 (11 человѣкъ изъ команды было убито и ранено).

Офицеровъ убито 5: Солнцевъ, Черепановъ, Козловъ, Эпровъ и Киншинъ.

Остатки полка были сведены въ 2 роты, одной изъ коихъ командовалъ капитанъ Сабель, имѣя младшимъ офицеромъ пор. Агарунова, чудомъ вышедшаго изъ боя 29 го Ноября, а 12 ротой вмѣсто заболѣвшаго поручика Багеля, назначенъ былъ командиромъ я. Какъ сейчасъ помню этотъ день — 3 Декабря 1914 года. Съ тѣхъ поръ я уже все время оставался ротнымъ командиромъ.

Еще наканунѣ мы подошли вновь къ Бзурѣ и стали на правомъ ея берегу. Бзура, маленькая рѣчка, притокъ Вислы, 40 метр. ширины, вбродъ не вездѣ проходима, и въ этотъ періодъ времени еще не замерзла. На ея берегахъ разыгрались бои, сдѣлавшіе ея названіе историческимъ. Трудно описать ту подавленность духа, которую испытывалъ я въ эти тяжелые дни. Здѣсь я понялъ, что нужно быть готовымъ къ еще худшимъ испытаніямъ, ибо всѣ мы, оставшіеся офицеры, разсчитывали, что послѣ такой встряски, какъ періодъ боевъ съ 22—29 Ноября, намъ дадутъ передохнуть и пополниться. Нервы каждаго изъ насъ достигли наивысшаго напряженія; приходя съ докла-

домъ къ командиру полка послѣ ночныхъ развѣдокъ я видѣлъ его красивое, блѣдное, изможденное отъ безсонныхъ ночей лицо и буквально не узнавалъ его.

Да и дѣйствительно не было минуты ни днемъ, ни ночью, чтобы командира полка не тянули къ телефону. То проситъ штабъ корпуса, то дивизіи, то изъ бригады, то командиръ баталіона проситъ къ телефону. И человѣкъ за 5—6 дней постарѣлъ.

Мнѣ искренно было жаль командира, болѣвшяго душой за свой полкъ.

Будучи молодымъ и неопытнымъ офицеромъ, я быстро „сдавалъ" при неудачѣ и воспламенялся, какъ порохъ, при успѣхѣ. Въ отношеніи развитія во мнѣ упорства, терпѣнія и вѣчнаго присутствія неизмѣнно хорошаго настроенія сыгралъ большую роль бывшій мой ротный командиръ, князь Геловани. Зная мой характеръ, онъ нѣсколько разъ зло подтрунилъ надъ моей слабостью быстро падать духомъ при неудачѣ, и я поклялся, что никогда, какъ туго бы мнѣ не пришлось, я никому никогда не покажу своего настроенія. И дѣйствительно, неустанно перерабатывая себя въ этомъ направленіи, я достигъ отличныхъ результатовъ. Въ этомъ отношеніи у меня былъ и другой учитель и воспитатель воинскаго духа, доблестный и незабвенный капитанъ Сабель. Этотъ человѣкъ при всей своей молчаливости и кажущейся замкнутости, былъ прекраснымъ товарищемъ, храбрѣйшимъ и образованнымъ офицеромъ.

До войны его мало знали и вообще онъ былъ какъ-то въ тѣни, да и не мудренно, ибо онъ не признавалъ ничего, кромѣ охоты и фотографіи, которымъ посвящалъ все свое свободное время. На войнѣ, гдѣ душа каждаго человѣка обрисовывается во всей своей наготѣ, Сабель сразу поднялся на недосягаемую высоту. Имя его извѣстно было далеко за предѣлами полка и не было человѣка, который не признавалъ бы его выдающихся боевыхъ качествъ и не уважалъ бы его, какъ человѣка. Молодежь нашего полка его боготворила и называла „Богомъ

войны". На долю этого офицера выпало счастье поднять упавшій духъ полка удачной атакой въ ночь съ 6 на 7 Декабря.

6 Декабря нѣмцы переправились черезъ р. Бзуру у конскаго брода въ 2-хъ верстахъ къ востоку отъ Брохова. Положеніе могло стать угрожающимъ, ибо части нашего корпуса были въ крайне малочисленномъ количествѣ, а расположеніе наше представляло тоненькую прерывистую цѣпочку. Капитану Сабелю приказано было выбить переправившихся нѣмцевъ, причемъ въ помощь ему была придана рота 201 пѣхотнаго Потійскаго полка подъ командой подпоручика Пивоварова. Занявъ исходное положеніе, эти двѣ малочисленныя по составу роты внезапнымъ рѣшительнымъ ударомъ ворвались безъ выстрѣла въ нѣмецкіе окопы. Нѣмцы не выдержали штыкового удара и бросились въ воду, часть же была взята въ плѣнъ. Рота Капитана Сабеля привела 68 человѣкъ плѣнныхъ. Этотъ незначительный, казалось, успѣхъ имѣлъ большія моральныя послѣдствія. Всѣ какъ-то пріободрились и стали вѣрить, что, отдохнувъ и пополнившись, мы снова будемъ побѣждать. 8 Декабря, влѣво отъ насъ, на Бзурѣ шелъ большой бой, причемъ переправившійся было нѣмецкій полкъ цѣликомъ былъ уничтоженъ и 500 человѣкъ было взято въ плѣнъ. Въ ту же ночь нѣмцы переправились черезъ Бзуру у Брохова, и подошедшему 237 Борисоглѣбскому полку приказано было выбить переправившихся нѣмцевъ. Борисоглѣбскій полкъ былъ въ полномъ составѣ. Къ нему были приданы 3 роты гренадеръ: одна рота Тифлисцевъ съ капитаномъ Петровымъ, одна рота Мингрельцевъ съ капитаномъ Шавердовымъ и моя рота. Стояла отвратительная погода, была слякоть и шелъ мокрый снѣгъ.

Руководилъ атакой полковникъ, князь Макаевъ. Въ 9 часовъ мы тронулись и около 11 часовъ ночи перешли окопы 202 Горійскаго полка, противъ участка котораго и переправились нѣмцы. Въ этомъ мѣстѣ р. Бзура дѣлала изгибъ, исходящій въ сто-

рону нѣмцевъ. Переправившись, нѣмцы окопались, имѣя въ планѣ вогнутое, въ нашу сторону, начертаніе.

До нѣмецкихъ окоповъ было 1000—1200 шаговъ.

Мѣстность, по которой намъ предстояло атаковать, была ровной, какъ столъ; въ двухъ мѣстахъ передъ окопами должны были находиться болота, которыя намъ предстояло обойти. Вотъ что намъ сообщено было передъ атакой. Сопровождали насъ развѣдчики-проводники 202 Горійскаго полка.

Перейдя черезъ окопы Горійскаго полка, баталіоны разошлись и заняли исходное положеніе передъ атакой. Я съ ротой залегъ за 2 баталіономъ Борисоглѣбскаго полка, развернувъ свою роту въ 9 и 10 линіи по общему плану, такъ какъ роты должны были идти цѣпями по полуротно. Нѣмцы какъ бы чуяли насъ и все время одиночныя пули жужжали надъ нашими головами. Вдругъ раздалась тихая, но внятная команда: „Впередъ", и роты, какъ одинъ, поднялись. Въ этотъ же самый моментъ, какъ бы по наущенію, нѣмцы освѣтили насъ брошенной ракетой. Я первый разъ въ войну увидѣлъ ракеты и былъ страшно пораженъ ихъ дѣйствіемъ. Все поле мгновенно освѣтилось, какъ днемъ, несмотря на шедшій снѣгъ и стоявшій туманъ. Масса людей обрисовалась изъ тьмы и казалась какими-то привидѣніями. Но это былъ только моментъ. Вдругъ все заговорило, все закипѣло, частый ружейный огонь покрылся барабанной дробью пулеметовъ; съ противоположнаго берега била нѣмецкая артиллерія шрапнелью. Не взирая ни на что, лавина людей бѣшенно ринулась впередъ. Мы буквально летѣли, желая какъ можно скорѣй поглотить раздѣляющее насъ отъ нѣмцевъ разстояніе. Отъ взвивавшихся непрерывно ракетъ все время поддерживалось освѣщеніе и картина боя живетъ во мнѣ и до сихъ поръ такъ же ярко, какъ въ самый моментъ атаки.

Идя въ 9-й линіи, я былъ заслоненъ отъ пуль непроницаемой стѣной человѣческихъ тѣлъ и около

$^3/_4$ пути мы неслись безъ потерь. Временами я оглядывался на бѣгущую за мной роту, видѣлъ ожесточенныя лица, кричавшія „ура", и стальную стѣну штыковъ. Я крѣпко сжималъ въ рукѣ „Наганъ", коченѣющими отъ холода пальцами. По мѣрѣ приближенія къ нѣмецкимъ окопамъ съ невѣроятной быстротой, рѣдѣла впереди несущаяся масса Борисоглѣбцевъ; уже сквозь просвѣты ихъ я видѣлъ пламенные языки стрѣлявшихъ пулеметовъ и линію нѣмецкихъ окоповъ, обозначавшуюся непрерывными взблестками ружейныхъ выстрѣловъ. Отъ артиллеріи мы не страдали, снаряды давали перелетъ и на нихъ никто не обращалъ вниманія. Вотъ уже... предо мной нѣтъ никого изъ Борисоглѣбцевъ; до окоповъ самые пустяки... еще моментъ и мы ворвемся въ нихъ. Взвившаяся ракета освѣщаетъ влѣво отъ меня картину: кучка Борисоглѣбцевъ, человѣкъ въ 50, въ нерѣшительности остановилась у бруствера нѣмецкаго окопа. Вдругъ кто-то съ крикомъ „ура" бросился впередъ. Всѣ сдѣлали поступательное движеніе и пали скошенные пулеметнымъ огнемъ. Выдержка нѣмцевъ была изумительна. Я оглянулся назадъ и къ ужасу своему замѣтилъ, что со мной всего одинъ человѣкъ — старшій унтеръ-офицеръ Метанидзе. Нигдѣ, ни вправо, ни влѣво, ни сзади никого не было — все лежало. Конечно, это не означало того, что всѣ были убиты или ранены; съ увѣренностью могу сказать, что большинство залегло изъ страха, что всегда и бываетъ при ночныхъ атакахъ, когда ротному начальству не видны всѣ люди, и малодушные, пользуясь темнотой, залегаютъ, думая этимъ спастись. Теперь и мнѣ ничего не оставалось, какъ лечь. Нѣмцы не прекращали огня. Лежа у бруствера нѣмецкаго окопа, я испытывалъ ощущеніе, какъ будто бы голову мою бреютъ тупой бритвой. Немного вправо отъ меня жалилъ своимъ свѣтящимся жаломъ пулеметъ. Ракеты падали непрерывно и приходилось лежать не шевелясь, чтобы не быть приконченнымъ. Пролежавъ такимъ обра-

зомъ минутъ 10, показавшимися вѣчностью, я сталъ на животѣ отползать назадъ. Никогда, ни на одномъ ученьѣ въ бытность юнкеромъ не пришло бы въ голову такъ добросовѣстно уподобляться змѣѣ. Проползши шаговъ двѣсти, я рѣшилъ, для быстроты отступленія, но не переставая ползти, повернуться къ нѣмцамъ тыломъ... что и выполнилъ, испытывая особенно непріятное ощущеніе въ моментъ поворота*).

Теперь картина перемѣнилась. Все поле, за 10 минутъ передъ этимъ завывавшее отъ воинственныхъ криковъ и стрѣльбы,— сейчасъ стонало.

Стоны и крики надрывали душу и неслись изъ многихъ сотенъ устъ. „Братцы, помогите", „Спасите", „Не бросайте меня" — слышалось отовсюду. Временами слышались рыданія. Снѣгъ все шелъ и закрывалъ понемногу лежащую массу людей бѣлой пеленой, какъ саваномъ. О санитарной помощи нечего было и думать, нѣмцы до утра поддерживали сильный огонь; всѣ, кто могъ ползти или идти, постепенно уходили. Большинство же раненыхъ лежало всю ночь и весь день и... недѣлю спустя, занимая, бывшіе окопы Горійскаго полка, я каждую ночь высылалъ людей подбирать трупы и складывать ихъ въ вырытую позади окоповъ братскую могилу. Другія части дѣлали то же. Теперь это было возможно. Нѣмцы ушли за Бзуру, выгнанные нашей артиллеріей на другой день послѣ нашей неудачной атаки. И только братская могила, насчитывавшая свыше тысячи труповъ, свидѣтельствовала о побоищѣ, здѣсь происшедшемъ.

Возвращаясь послѣ атаки, я былъ контуженъ разорвавшимся подлѣ меня снарядомъ, и пролежалъ весь день 10 декабря на пучкѣ соломы въ одной изъ ближайшихъ халупъ и только на другой день, оправившись, явился съ докладомъ къ командиру

---

*) Только бывшіе въ такомъ же положеніи поймутъ меня, ибо гамма переживаемыхъ въ этотъ моментъ ощущеній не поддается описанію.

полка. Рота моя потеряла изъ 190 человѣкъ 130 убитыми и ранеными; 60 человѣкъ уцѣлѣло, причемъ одинъ изъ нихъ, будучи раненъ въ голову осколкомъ снаряда, не покинулъ строя. Въ полку считали меня погибшимъ и когда я появился, то всѣ были изумлены и обрадованы, причемъ немедленно были приняты мѣры, чтобы меня отогрѣть. Въ этомъ отношеніи всѣ принимали живѣйшее участіе и полчаса спустя, переодѣвшись въ чистое бѣлье и вымывшись, я залегъ на предложенной мнѣ буркѣ и крѣпко заснулъ. На утро, мой денщикъ Антонъ доложилъ мнѣ, что моя шинель прострѣлена въ двухъ мѣстахъ. Дѣйствительно, правый рукавъ и правая пола шинели были прострѣлены пулями.

Послѣ боя 9 декабря остатки нашего корпуса закрѣпились на Бзурѣ. Ясно было, что намъ придется здѣсь зимовать. Началась подготовка къ зимней кампаніи. Нѣмцы на нашемъ участкѣ не проявляли активныхъ дѣйствій; мы рыли окопы, устраивали землянки и постепенно развертывались. Возвращались раненые офицеры и гренадеры, приходили пополненія. Уже 12 декабря на позиціи у госп. двора Брохова стояли двѣ нашихъ роты. Одна называлась 12-ой—ею командовалъ я, и 6-ая, которой командовалъ Гаттенбергеръ, оправившійся послѣ легкаго раненія, полученнаго въ бою 28 Ноября. Изъ обозовъ всѣ лишніе люди были переведены въ строй. Была еще одна рота, которой командовалъ пока капитанъ Сабель, она не носила номера, а отдыхала послѣ боя 6 Декабря, будучи въ прикрытіи артиллеріи. Въ эти дни мы были сведены въ баталіонъ съ двумя Грузинскими ротами, которыми командовалъ князь Мачабели, будущій нашъ командиръ полка. Позиція наша находилась у Броховскаго костела, въ которомъ былъ крещенъ знаменитый композиторъ Шопенъ. Костелъ носилъ на себѣ безчисленные слѣды пробоинъ и поврежденій отъ попадавшихъ въ него нѣмецкихъ снарядовъ и былъ полуразрушенъ. Въ описываемый періодъ времени стояло затишье. Единственно, что

намъ доставляло массу непріятностей — это ежедневный обстрѣлъ тяжелой нѣмецкой 12-ти дюймовой гаубицы. Начинала она стрѣлять ежедневно въ 11 часовъ дня, причемъ снаряды ея вырывали колоссальныя воронки, которыя бывали съ сажень глубиной и около 30 шаговъ въ окружности. Самый разрывъ снаряда былъ неописуемъ по грандіозности картины, оглушительности и разрушительности дѣйствія. За все время стоянки въ этомъ мѣстѣ былъ одинъ случай попаданія такого снаряда въ самую землянку. По счастливому стеченію обстоятельствъ люди, жившіе въ этой землянкѣ, были въ караулѣ, иначе, не смотря на то, что снарядъ не разорвался, никто бы не спасся отъ неминуемой гибели. Масса любопытныхъ приходило осматривать этотъ снарядъ. Были произведены фотографическіе снимки. Боясь несчастнаго случая, я приказалъ зарыть снарядъ вмѣстѣ съ землянкой. Война приняла позиціонный характеръ. Окопы обмотались и заплелись проволокой. Всюду изъ окоповъ были прорыты ходы сообщенія въ укрытыя отъ взоровъ противника мѣста. Въ окопахъ строились землянки. Дѣлалось это такъ: вырывалась за окопомъ четырехугольная яма глубиной въ сажень и больше, смотря по тому, какъ позволяло подпочвенное состояніе грунта. Въ углахъ ставились столбы, на которые клались перекладины. Верхъ застилался дверьми, досками, жердями и засыпался слоемъ земли, полученной отъ выкапыванія ямы для землянки.

Такого рода убѣжища разсчитаны были главнымъ образомъ съ цѣлью укрыться отъ непогоды и отъ случайной шрапнели.

Граната и тяжелые снаряды безпрепятственно разрушали такого рода постройки. Настлавъ крышу, гренадеры устраивали печи. Въ глинистомъ грунтѣ врывались просто въ стѣну и дѣлали нѣчто въ родѣ камина, выпуская дымъ черезъ просверленное отверстіе прямо безъ всякой трубы. Офицерамъ, въ землянкахъ дѣлались досужими мастерами обыкновен-

ныя плиты. Всѣ оборудованія неслись изъ разрушенныхъ домовъ, въ изобиліи разбросанныхъ вдоль каждой позиціи. Офицеры, любящіе комфортъ, имѣли и мягкую мебель; особенно не встрѣчалось въ этомъ затрудненій, когда насъ перевели влѣво и мы стали у богатыхъ помѣщичьихъ усадебъ въ районѣ гор. Сохачева. Въ слѣдующіе періоды войны, когда люди обжились въ окопахъ и простаивали на одномъ и томъ же мѣстѣ годами, когда была оставлена тактика „прорыва колючей проволоки живыми тѣлами", окопы стали строиться нѣсколько иначе и солиднѣй, о чемъ я буду говорить въ дальнѣйшихъ описаніяхъ. Въ землянкахъ обыкновенно было темно, рѣдко вставлялась оконная рама, ихъ избѣгали вставлять, потому что стекла разбивались отъ сотрясенія воздуха, вызываемаго разрывомъ снарядовъ. Внутренность землянки обдѣлывалась соломой, назначеніе которой было предохранять жильца отъ сырости. Полъ укладывался досками. Затѣмъ строились нары, на которыхъ могло помѣститься то количество людей, на которое землянка строилась. Въ офицерскихъ землянкахъ перваго періода войны помѣщалось обыкновенно не больше 2-хъ человѣкъ: командиръ роты и дежурный телефонистъ. Или, если телефонисты строили себѣ помѣщеніе отдѣльно, то съ ротнымъ командиромъ жилъ вѣстовой, но никогда не офицеръ. Вообще скопленіе офицеровъ въ одной землянкѣ во многихъ частяхъ было запрещено, во избѣжаніе массовой гибели ихъ, въ случаѣ попаданія снаряда. Наши денщики жили при обозахъ I-го разряда около кухонъ. Вечеромъ, когда становилось темно, кухни подъѣзжали къ ближайшему ротному ходу сообщенія. Вмѣстѣ съ ними появлялись денщики, артельщикъ, каптенармусъ и ротный писарь. Первые приносили обѣдъ, почту, газеты и все то, что имъ было приказано принести наканунѣ, а остальные получали приказанія и доносили объ исполненіи ихъ.

Одновременно съ этимъ появлялся фельдфебель и дежурный по ротѣ съ пробой пищи. Это былъ

самый интересный моментъ каждаго дня, ибо изъ тыла приходили, обыкновенно, со всевозможными „солдатскими телеграммами“ или новостями. Какъ это ни странно, солдаты о многомъ узнавали раньше офицеровъ. Такъ, въ одинъ изъ вечеровъ передъ самымъ Рождествомъ (по ст. ст.) явился каптенармусъ и доложилъ, что ходятъ „телеграммы“ о томъ, что мы завтра смѣняемся и ѣдемъ на Кавказскій фронтъ. Я не придалъ этому никакого значенія, но на другой день то же самое мнѣ передалъ телефонистъ.

Послѣдніе особенно хорошо знали всѣ новости, ибо днемъ и ночью подслушивали всѣ разговоры, ведущіеся не только въ штабѣ полка, но и въ штабѣ дивизіи; а кромѣ того имѣли знакомства со своими сотоварищами и въ штабахъ еще болѣе высокаго порядка; зная это,— телефонисту я уже почти вѣрилъ. Къ тому же онъ клялся и божился на чемъ свѣтъ стоитъ. Послѣднюю новость мы, оставшіеся въ живыхъ офицеры, комментировали во всѣхъ деталяхъ. Всѣ радовались возможности снова попасть въ Тифлисъ и увидѣть своихъ родныхъ. Одна перспектива забраться въ теплые вагоны и провести въ нихъ недѣлю, а можетъ быть и больше — заставляла учащеннѣй биться сердца, а встрѣчи въ Тифлисѣ и все связанное съ ними — буквально туманило разсудокъ. Но въ самый сочельникъ наши мечты разлетѣлись въ пухъ и прахъ. На Кавказскомъ фронтѣ, а именно подъ Сарыкамышомъ была одержана надъ турками крупная побѣда и необходимость переброски насъ на Кавказъ этимъ событіемъ исключалась.

Приходилось быть довольнымъ, что насъ не „протаскали“ даромъ, какъ нашихъ стрѣлковъ, которые сидѣли уже въ вагонахъ... но были выгружены, когда минула необходимость... ругались страшно...

Въ 11 часовъ опять летѣли нѣмецкіе 12-ти дюймовые „чемоданы“... и разрывы ихъ краснорѣчиво говорили о бренности всего земного.

Канунъ Рождества я провелъ одинъ. Меня давила тоска и хотѣлось подѣлиться съ близкими, сво-

ими мыслями и переживаніями. Я принялся писать своей любимой бабушкѣ письмо, стараясь вложить въ него больше души; и никогда въ жизни не чувствовалъ я себя такимъ одинокимъ, забытымъ, какъ въ этотъ моментъ, который каждый изъ насъ привыкъ проводить въ тѣсномъ кругу своихъ родныхъ.

Я уже кончалъ писать, когда незнакомая голова просунулась между 2-мя снопами ржи, замѣнявшими дверь, и попросила разрѣшенія войти.

Вошедшій оказался присланнымъ изъ штаба полка съ рождественскими подарками отъ матери командирши. Тутъ на первомъ планѣ лежала бутылка кахетинскаго вина, $^1/_3$ большого Варшавскаго торта, всякія сладости и деликатесы. Мнѣ тотчасъ же пришла въ голову мысль — не даромъ же сложили наши прадѣды названіе для командирскихъ женъ „мать командирша". Сейчасъ это названіе я символизировалъ, переживалъ и мысленно тепло привѣтствовалъ. Немедленно была передана м-мъ Мдивани благодарственная телефонограмма и поздравленіе съ праздникомъ. Такая неожиданность сильно приподняла нервы. Я вылѣзъ изъ теплой маленькой норы и пошелъ по окопамъ. На дворѣ было препротивно. Дулъ пронизывающій вѣтеръ. Одинъ за другимъ обходилъ я взводы. Часовые бодрствовали, переминаясь съ ноги на ногу; изъ норъ землянокъ несся густой храпъ.

„Ну что", — спрашивалъ я часовыхъ, — „что нибудь видишь?" — „Никакъ нѣтъ, Ваше Благородіе, мы слушаемъ. А когда нѣмецъ пущаетъ ракету, то смотримъ". Къ сожалѣнію, мы пользовались нѣмецкимъ освѣщеніемъ, ибо своихъ ракетъ у насъ не было.

Подойдя къ пулемету, я увидѣлъ притаившуюся фигуру дежурнаго номера. Въ моей ротѣ пулеметы были Грузинскаго полка.

„Какъ твой пулеметъ, исправенъ?" — задалъ я вопросъ. — „Такъ точно, пулеметъ хорошій, только тотъ, что при Вашей 6-ой ротѣ „бьетъ еще рѣзче",— былъ отвѣтъ.

„Святые люди“, — думалъ я, — „никакого ропота, никакихъ признаковъ волненія, а вѣдь всѣ переживаютъ въ этотъ моментъ, такъ же какъ и я, остроту одиночества, оторванность отъ семьи и домашняго очага.

Такъ стоятъ и умираютъ невѣдомые сѣрые герои въ далекихъ и чуждыхъ краяхъ, отстаивая жизнь и счастье своей родины. И невольно въ такой моментъ заговаривало чувство самоудовлетворенія отъ сознанія, что и ты внесъ свою долю въ великое дѣло защиты родины, будучи въ первыхъ рядахъ ея вѣрныхъ сыновъ.

Читая на другой день гренадерамъ телеграмму о побѣдѣ подъ Сарыкамышомъ и разгромѣ Турецкой Арміи, я понялъ, что нашему русскому солдату абсолютно не были извѣстны ни причины, ни цѣли войны. Я постарался, на сколько возможно просто, удовлетворить ихъ любопытство. По временамъ я читалъ на лицахъ многихъ, ярко выраженное неудовольствіе по поводу того, что желанный миръ наступитъ не скоро. По ихъ солдатскому разумѣнію выходило: „подрались и довольно“. Все остальное было темно, а самое главное непріятно, но не смотря на это, каждый, съ мрачной рѣшимостью, не отдавая себѣ отчета за что и почему, безпрекословно, какъ машина, исполнялъ приказанія и безропотно умиралъ, какъ и сотни тысячъ ему подобныхъ, вѣря, что „отъ судьбы не уйдешь“.

Только этимъ и можно объяснить тѣ чудеса, которыя проявила въ „Великую войну“ Русская Армія, насчитывавшая милліоны такихъ солдатъ.

БЗУРА — ГАЛИЦІЯ.

1915 годъ.

Окопная жизнь текла однообразно, но какъ-то незамѣтно. Двѣ недѣли обыкновенно мы стояли въ окопахъ, затѣмъ вдругъ передавали: завтра смѣна и дѣйствительно смѣна приходила.

Одинъ только разъ обычное теченіе нашей окопной жизни было нарушено крупнымъ событіемъ, а именно: 24-го января 1915 года 14-ый гренад. Грузинскій полкъ, простоявшій въ окопахъ 2 недѣли и смѣненный нашимъ полкомъ, неожиданно былъ назначенъ для атаки укрѣпленной позиціи нѣмцевъ на лѣвомъ берегу Бзуры у сліянія послѣдней съ Вислой, что у дер. Большой Каміонъ. Грузинцы, перейдя Бзуру въ ночь съ 25-го на 26-е января, лихимъ ударомъ овладѣли Большимъ Каміономъ, причемъ въ этомъ бою захватили, кромѣ различныхъ трофеевъ, 700 плѣнныхъ нѣмцевъ. Но что особенно характерно, это когда одинъ изъ доблестныхъ грузинцевъ, лечившійся въ Царскомъ Селѣ отъ ранъ, полученныхъ въ этомъ бою, при обходѣ Государемъ лазарета, имѣлъ счастье доложить о ходѣ этого боя Государю, послѣдній внимательно выслушалъ разсказчика, а потомъ, задумавшись, съ какой-то особенной грустью произнесъ: „а для чего это нужно было?“ Коротко, но сколько трагизма въ этихъ словахъ. А сколько разъ за войну этотъ вопросъ своевременно надо было бы задать... и сколько жизней сохранено было бы этимъ вопросомъ...

Но возвращаюсь къ смѣнамъ. Въ землянку офицера входилъ обыкновенно офицеръ смѣняющей части, ему вкратцѣ излагалось, гдѣ противникъ, какъ онъ себя проявляетъ, въ какихъ мѣстахъ подходятъ кухни и т. д. Затѣмъ взводные командиры вели своихъ заместителей и указывали расположеніе взводовъ. Въ этотъ моментъ бывало въ окопахъ шумно и часто прорѣзывала воздухъ трехъэтажная брань — поводовъ было много: тотъ, смотришь, не во время нагнулся и треснулся о котелокъ сосѣда, тамъ кто-то впопыхахъ забралъ чужой вещевой мѣшокъ, иногда случалось, что взводный на скорость вразумлялъ молодого, не нашедшаго свою винтовку. Смѣнившіеся старались какъ можно скорѣе испариться и пройти по возможности скорѣе первыя 2—3 версты, ибо нѣмцы всегда знали, что у насъ происходитъ смѣна,

если мы стояли очень близко. И нерѣдко, по дорогѣ въ тылъ, у насъ бывали потери отъ шальныхъ пуль или пущенныхъ нѣмецкими артиллеристами наугадъ снарядовъ. Шли мы обыкновенно въ одну изъ ближайшихъ уцѣлѣвшихъ деревень. Деревушки у Бзуры очень малы: 5—6 дворовъ и нѣтъ ничего. Офицеры и штабы помѣщались въ халупахъ, а для солдатъ были возведены прочныя землянки, вмѣщавшія или взводъ, или полуроту. Землянки имѣли печи и чѣмъ части больше простаивали въ одномъ и томъ же мѣстѣ, тѣмъ больше комфорту бывало въ такихъ помѣщеніяхъ. Проходили двѣ-три недѣли и мы въ свою очередь шли смѣнять части, отсидѣвшія свой срокъ. Большей частью, мы попадали уже на другой участокъ. Такъ, въ періодъ времени съ 3 Декабря до 26 Февраля мы побывали отъ г. дв. Брохова до гор. Сохачева по всему фронту: то мы стояли у Ходаковской мельницы, то противъ госп. двора Жукова, гдѣ когда-то шли крупные бои съ переправившимися нѣмцами и гдѣ часто, роя ходъ сообщенія, вырывали трупы нѣмцевъ или своихъ; то стояли у госп. двора Гавлова и даже непосредственно занимали Сохачевское кладбище. Этими смѣнами вносилось нѣкоторое разнообразіе въ скучную жизнь. Всякій разъ, попадая на новое мѣсто и находя прекрасные окопы, мы радовались; и ругались, если находили, что прошлый разъ мы имѣли лучшія жилища. Въ общемъ, жилось не дурно, только разъ, когда мы стояли у госп. двора Гавлова, въ нашемъ расположеніи было мѣсто, находившееся отъ нѣмцевъ на разстояніи ширины р. Бзуры; здѣсь нужно было быть на-чеку. Всюду за мѣшками, которыми были выложены бойницы, стояли стальные щиты. Въ этомъ мѣстѣ никогда никого, кромѣ часовыхъ, не было, потому что отъ времени до времени нѣмцы стрѣляли изъ бомбометовъ и нѣсколько разъ гибли наши часовые отъ мѣткихъ попаданій. Одного, помню, разорвало въ клочки и долго еще куски его тѣла и окровавленной одежды висѣли

на растущей надъ рѣкой ивѣ, заброшенные туда силой взрыва.

Не смотря на то, что боевъ настоящихъ въ это время не было, каждый разъ, смѣняясь, мы увеличивали кладбища у мѣстъ нашего отдыха. Тотъ, смотришь, днемъ неосторожно спустился къ водѣ, тотъ не во время показалъ свою голову въ бойницѣ, а то снарядъ залеталъ вдругъ въ окопъ и выводилъ изъ строя цѣлую пачку людей. Простоявъ на Бзурѣ мѣсяцъ, мы, какъ-то неожиданно для самихъ себя, развернулись опять въ полкъ, появились и всѣ баталіоны и полное количество ротъ. Каждый разъ, какъ мы смѣнялись, къ намъ вливались пополненія, пріѣзжали выздоровѣвшіе офицеры и мы все больше и больше подбадривались.

Въ одну изъ такихъ смѣнъ къ намъ въ полкъ прибылъ корнетъ 2-го Лейбъ-Гусарскаго Павлоградскаго полка Фримерманъ, бывшій вахмистръ Елисаветградскаго училища, котораго мы по кавказскому обычаю чествовали въ кругу молодежи. Корнетъ Фримерманъ былъ однимъ изъ піонеровъ кавалеристовъ, пошедшихъ въ пѣхоту, чтобы замѣстить въ ней острую нужду въ офицерскомъ составѣ.

Въ это же время прибылъ къ намъ молодой прапорщикъ запаса М. Жилинъ, который долгое время съ честью проводилъ у насъ въ полку всѣ бои до Августа мѣсяца 15 года. Вновь былъ принятъ въ полкъ и прибылъ пор. кн. Вачнадзе. Такимъ образомъ полкъ укомплектовывался и офицерскимъ и строевымъ составомъ. Помню, какъ ко мнѣ въ роту влили вдругъ 100 человѣкъ татаръ-уфимцевъ. Бѣда была съ ними первые дни, рѣдко кто изъ нихъ говорилъ по русски, но сразу можно было видѣть, что это прекрасный боевой матеріалъ. Народъ былъ храбрый, честный, привязчивый и исполнительный. Въ солнечные дни ихъ сажали по всему окопу и обучали словесности. Это была сплошная комедія: Государь Императоръ и ротный командиръ въ ихъ пониманіи никакъ не укладывались, все у нихъ путалось и вре-

менами я хохоталъ до слезъ. Одинъ разъ стучатся ко мнѣ въ дверь два такихъ молодца. Я высунулся посмотрѣть, въ чемъ дѣло. Смотрю, они протягиваютъ мнѣ деньги и, показывая на ротъ, говорятъ: „папросъ". Я стоялъ минуту, вытаращивъ на нихъ глаза, не понимая, что имъ отъ меня нужно. Когда появился фельдфебель и одинъ изъ ихъ же партіи гренадеръ въ качествѣ переводчика, то оказалось, что они рѣшили купить у меня папиросъ, думая, что у меня лавка. Я хохоталъ до упаду, а исторія эта скоро сдѣлалась извѣстной всему полку.

Прибывшій къ намъ въ полкъ корнетъ Фримерманъ въ кратчайшій срокъ зарекомендовалъ себя, какъ неутомимый и отважный офицеръ. Онъ самъ переправлялся нѣсколько разъ на лѣвый берегъ Бзуры и ночью снималъ нѣмецкіе секреты. Дошло дѣло до того, что нѣмецкіе секреты имѣли свое собственное проволочное загражденіе, а численностью походили на заставу. Нѣсколько разъ развѣдки кончались печально и, возвращаясь съ нея, развѣдчики приносили съ собой нѣсколько труповъ своихъ товарищей. Одинъ разъ лодка, на которой переправлялись развѣдчики, перевернулась на серединѣ рѣки. Къ счастью, никто не погибъ, но только лишь потому, что нѣмцы не стрѣляли, хотя тонувшіе молили о помощи, громко крича.

Немного страннымъ кажется то, что до сихъ поръ я ни словомъ не обмолвился о воздушной войнѣ, какъ будто эта отрасль военныхъ операцій меня ни сколько не трогала. Наоборотъ. Первый нѣмецкій аэропланъ, типа Альбатросъ, съ раздвоеннымъ на концѣ хвостомъ я увидѣлъ надъ собой въ первомъ же бою. Зрѣлище было настолько ново и необычайно, что я долго любовался красивымъ полетомъ. Въ то время артиллерія совершенно не пыталась даже стрѣлять по аэропланамъ. Наши же аэропланы не появлялись и поэтому въ воздухѣ царили нераздѣльно нѣмцы. Подолгу ихъ аэропланы кружились надъ нашими позиціями, пуская то красныя, то бѣлыя ракеты.

Кончалась сигнализація, аэропланы исчезали куда-то вдаль, къ намъ въ тылъ. Теперь, стоя на Бзурѣ, аэропланы появлялись съ обѣихъ сторонъ, больше и чаще нѣмцы и рѣже наши. Каждый аэропланъ тщательно провожали и встрѣчали десятки биноклей. Вотъ появился аэропланъ съ черными (желѣзными) крестами на нижнихъ плоскостяхъ крыльевъ и тотчасъ съ визгомъ десятки снарядовъ прорѣзываютъ воздухъ, какъ бы стараясь преградить ему дорогу. Вотъ онъ мчится укутанный со всѣхъ сторонъ облачками шрапнели, кажется, что эта ужъ навѣрное попала, но снизу трудно опредѣлить, было ли попаданіе или промахъ. И за всю войну только разъ я увидѣлъ, какъ упалъ нѣмецкій аэропланъ, подбитый нашей артиллеріей. Это было въ Апрѣлѣ 16-го года, когда мы стояли у Крево; другой разъ въ расположеніе нашего полка упалъ другой нѣмецкій аппаратъ, сбитый нашимъ летчикомъ. Это было уже въ то время, когда меня не было въ полку. Къ счастью, ни разу не набюдалъ я картины наденія нашихъ аппаратовъ. Все обходилось благополучно. Наши аппараты также неустрашимо рѣяли надъ нѣмецкими окопами, также все высматривали и возвращались съ нужными свѣдѣніями.

Въ одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ дней нашей окопной жизни я былъ вызванъ къ телефону изъ штаба полка. Мнѣ сообщили, что изъ Владикавказа прибылъ мой младшій братъ. Неожиданность этого сообщенія меня поразила и я склоненъ былъ думать, что меня надули, такъ какъ у насъ отъ скуки практиковались всевозможные трюки. Но черезъ часъ послѣ разговора появилась сіяющая морда Антона, а за ней не менѣе сіяющая и дорогая моего брата Миши. Мы крѣпко и нѣжно расцѣловали другъ друга. Только тогда, когда я немного успокоился, я разобралъ, что мой братъ весь мокрый и въ грязи, что на немъ солдатская форменная шинель съ погонами вольноопредѣляющагося. Пошли безконечные разговоры и разспросы.

Мой братъ еще при объявленіи войны просилъ меня взять его съ собой. Когда я обратился къ командиру полка за разрѣшеніемъ, тотъ отказалъ мнѣ въ этомъ, прибавивъ: „Довольно того, что идете Вы, вѣдь у Васъ больше нѣтъ братьевъ". Я былъ вполнѣ съ нимъ согласенъ и передалъ его отвѣтъ Мишѣ въ категорической формѣ. Но только я ушелъ на театръ военныхъ дѣйствій, какъ онъ сталъ просить бабушку отпустить его въ запасный баталіонъ. Настойчивыя просьбы сдѣлали дѣло и онъ получилъ разрѣшеніе поступить въ запасный полкъ и поступилъ, если не ошибаюсь, въ 110 запасный полкъ, который въ то время стоялъ во Владикавказѣ. Теперь, пройдя курсъ обученія, онъ явился въ полкъ и былъ зачисленъ въ списки полка. Его знали всѣ офицеры и очень любили за его удивительную деликатность и скромность. Будучи прекраснымъ спортсменомъ и охотникомъ, онъ, не смотря на свои 17 лѣтъ, ни въ чемъ не уступилъ бы самому строевому гренадеру. Кадровые гренадеры, а особенно бывшіе развѣдчики, знали его по Манглису и, какъ только узнали, что пріѣхалъ мой братъ, пришли на него посмотрѣть. Всѣ называли его Мишей, какъ и раньше. Мой Миша скоро освоился съ обстановкой. Все его интересовало.

Около мѣсяца мы жили въ окопахъ позиціонной жизнью. Въ это время всюду въ Россіи, вслѣдствіе некомплекта офицеровъ, пооткрывались школы прапорщиковъ и я принужденъ былъ въ одинъ прекрасный день опять съ Мишей разстаться, отправивъ его въ Виленское военное училище.

Отправляясь въ дорогу, онъ былъ такъ скроменъ, что попросилъ только пять рублей. Офицеры, бывшіе при этомъ, шутили, говоря: „Разъ проситъ мало, значитъ нужно прибавить", и я, подумавъ то же самое про себя, вручилъ ему все содержимое своего бумажника, что, впрочемъ, не превышало тридцати рублей.

24 Февраля 1915 года нашъ II Кавказскій Армей-

скій Корпусъ былъ смѣненъ Сибиряками и мы прибыли въ Тересинъ. Переночевавъ въ Тересинѣ и простоявъ весь слѣдующій день, мы выступили въ 8 часовъ вечера на Новогеоргіевскъ. Стояла морозная ночь. Ѣхать верхомъ было холодно, да я и предпочиталъ всегда идти пѣшкомъ, и за всю войну, что мнѣ пришлось провести на фронтѣ, я не сдѣлалъ верхомъ и 100 верстъ въ общей сложности.

Идти пришлось всю ночь по кочковатой, замерзшей дорогѣ. Съ каждой верстой отставало все больше и больше гренадеръ. Ноги даже у меня, въ прекрасно пригнанныхъ сапогахъ, натерлись до крови.

Съ большими трудностями добрались мы часамъ къ 10 къ фортамъ. Прошли ихъ, но вдругъ остановились и ждали часа два-три, пока насъ пропустили. Говорили, что нѣтъ разрѣшенія насъ впустить. Для меня это было совсѣмъ непонятно. Въ два часа дня я снялъ съ себя сапоги и мертвецки заснулъ. Отъ полка едва-ли пришелъ баталіонъ. Все остальное подтягивалось на слѣдующій день. Перейдя Вислу по новогеоргіевскому мосту, мы тронулись дальше. Проходили по грязнымъ городишкамъ и селамъ, нигдѣ не задерживаясь. Прошли Цѣхановъ и подошли къ Прасныщу.

Въ началѣ Февраля здѣсь шли большіе бои и все напоминало объ этихъ бояхъ и теперь.

Въ ночь съ 1 на 2 Марта я ночевалъ въ конюшнѣ рядомъ съ казачьими лошадьми, а утромъ нашъ 2 баталіонъ, находясь въ полковомъ резервѣ, сталъ въ лѣсу у деревни Венгры. Наступленіе вела наша 2-ая бригада. Нѣмцы занимали прекрасную позицію на возвышенностяхъ, мы же по отношенію къ нимъ были внизу. Окопы нѣмцевъ были обнесены проволочнымъ загражденіемъ и снабжены большимъ количествомъ пулеметовъ. Я до сихъ поръ не могу понять, какъ можно взять позицію, обнесенную проволочнымъ загражденіемъ, защищаемую не доморализованными частями противника, обладающаго превосходной артиллеріей, снабженной неограниченнымъ

количествомъ снарядовъ. Въ то время, какъ у насъ снарядовъ было мало, ручныхъ гранатъ не было совсѣмъ и пр. и пр. Наступать приходилось по мѣстности совершенно открытой, съ подъемомъ въ сторону нѣмецкихъ окоповъ, земля была мерзлая и цѣпи, залегая отъ невыносимаго огня, не могли окопаться и поголовно разстрѣливались. Нѣмцы даже дѣлали еще лучше. Когда атакующіе подходили къ совершенно цѣлому проволочному загражденію, приказывали бросить винтовки, что волей неволей приходилось выполнять, и тогда ихъ по одному пропускали въ окопы въ качествѣ плѣнныхъ. Потери въ эти дни были колоссальны. Особенно пострадала вторая бригада.

Бой продолжался три дня. Три дня наши части поднимались, разстрѣливались, ложились и мерзли. Въ полдень верхній слой земли оттаивалъ и превращался въ грязь. Гренадеры пользовались случаемъ и руками сгребали оттаивавшую грязь и устраивали родъ закрытія. Къ вечеру замерзала грязь, а вмѣстѣ съ тѣмъ замерзали и мокрыя шинели, обращаясь въ грязную кору. Винтовки стрѣлять не могли, ибо облѣпившая ихъ со всѣхъ сторонъ грязь замерзала и винтовки обращались въ дубины. Три наши баталіона 1, 3 и 4 тоже шли въ атаку и старались своими тѣлами прорвать проволочныя загражденія и легли почти цѣликомъ. Нашъ 2 баталіонъ, къ счастью, до конца оставался въ резервѣ и въ результатѣ боя единственно, что сохранилось отъ дивизіи, это 2 ой баталіонъ Эриванцевъ. Боюсь быть неточнымъ, но, какъ мнѣ передавали мои товарищи по Мингрельскому полку, они потеряли одними убитыми офицерами за 2-3 марта 22 человѣка. Все, что накапливалось и собиралось на Бзурѣ, было безполезно и преступно растрачено подъ Праснышемъ за три дня.

Я, не принимая участія въ наступленіи, а только смѣнивъ остатки Мингрельцевъ и занимая ихъ ямки— не имѣющія никакого укрытія — потерялъ изъ роты 12 человѣкъ убитыми и 20 ранеными.

Трудно описать ту картину, которую представляло поле боя. Я не говорю уже о количествѣ труповъ, валявшихся всюду, мнѣ невольно бросился въ глаза ужасный по своему трагизму внѣшній обликъ этихъ труповъ. Каждому приходилось видѣть убитую крысу, выброшенвую на грязную улицу. Крыса эта, пролежавъ нѣкоторое время на улицѣ, сама обращалась въ комокъ грязи и только, случайно задѣвая ее ногой, можно было разпознать въ ней бывшую крысу. Буквально то же самое представляли лежавшіе на полѣ боя бывшіе люди. Многіе изъ нихъ, корчась въ предсмертныхъ мукахъ, сплошь облѣпились грязью, которая покрывала собой и всю одежду, мокрую насквозь, и руки и лицо. Къ вечеру все обледенѣвало и примерзало, и трудно было въ сумеркахъ отличить такой трупъ отъ кома грязи или камня.

Свидѣтелемъ этихъ потрясающихъ картинъ былъ и мой братъ, вернувшійся изъ Вильны, не будучи принятъ въ училище изъ-за отсутствія вакансій.

Въ такой обстановкѣ, лежа, ибо окоповъ не было, мы провели два дня. Помимо всего этого нѣмцы обстрѣливали насъ тяжелой шрапнелью, которая, разрываясь, окутывала насъ дымомъ желтовато-зеленаго гнойнаго цвѣта. Послѣ каждой очереди такихъ снарядовъ вдоль линіи расположенія роты раздавались жалобные стоны и просьбы прислать санитара. Санитары роты на четвереинькахъ ползли къ раненому и дѣлали необходимыя перевязки. Иногда послѣ особенно удачнаго попаданія слышались возгласы: „Ваше Благородіе, такого-то убило, прямо въ голову попали, черти". Раненые, будучи примитивно перевязаны, должны были лежать на мѣстѣ до вечера, ибо вынести ихъ не было никакой возможности. Каждый, неосторожно поднявшійся, немедленно падалъ, пронзенный пулями чувствующихъ себя безнаказанными нѣмецкихъ стрѣлковъ. И только лишь съ наступленіемъ темноты начинала двигаться печальная процессія съ ранеными. Мой бѣдный Миша, попавъ неожиданно въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ обстановокъ.

испытанныхъ мною за всю войну, все же оказался большимъ молодцомъ. Правда, при разрывѣ каждаго снаряда онъ инстинктивно наклонялъ голову, а легкая блѣдность его красиваго лица выражала подавляемое волненіе. Я же къ тому времени уже представлялъ собой вполнѣ закаленнаго офицера и не обращалъ на разрывы особеннаго вниманія. Я старался ему тутъ же объяснить, что, разъ онъ услышалъ разрывъ, то этимъ однимъ гарантируется и минованіе опасности. И, мнѣ кажется, я былъ правъ въ своей теоріи, потому что въ дальнѣйшихъ бояхъ я самъ былъ тяжело раненъ разрывомъ гранаты, причемъ самого звука разрыва не слышалъ хотя граната разорвалась въ самой непосредственной отъ меня близости.

Смѣнившись, мы узнали радостную вѣсть о взятіи Перемышля и о плѣненіи 100 тысячной арміи, его защищавшей. Гренадеры восторженно кричали: „ура", когда я сообщилъ имъ эту новость и объяснилъ имъ значеніе взятія первоклассной австрійской твердыни. „Ну, теперь скоро будетъ миръ",— рѣшили они. Я не сталъ имъ портить настроенія, доказывая обратное, а далъ имъ пачку газетъ съ извѣстіями о побѣдѣ.

Въ этотъ знаменательный день насъ перевели версты на 2 влѣво къ деревнѣ Павлово-Кастельно. Здѣсь мы смѣнили Туркестанскія и Сибирскія части, также какъ и мы, безуспѣшно атаковавшія нѣмецкую позицію у Павлово-Ново. Петери ихъ были такъ же велики, какъ и наши, о чемъ свидѣтельствуетъ хотя бы цифра подобранныхъ моей ротой убитыхъ только передъ фронтомъ моей роты.

Фронтъ моей роты не превышалъ въ то время 200 шаговъ и на такомъ незначительномъ клочкѣ было собрано 93 трупа.

На этотъ разъ я стоялъ на кладбищѣ деревни Павлово-Кастельно, примостившись за полуразрушенной каменной изгородью. Всѣ убитые были погребены тутъ же на кладбищѣ.

Нѣсколько ранѣе, а именно въ первыхъ числахъ Февраля во время знаменитыхъ Праснышскихъ боевъ, здѣсь сражались нѣмецкіе гренадеры и на этомъ же маленькомъ кладбищѣ нашли себѣ успокоеніе человѣкъ до 50 ти нѣмецкихъ гренадеръ, о чемъ свидѣтельствовали трогательныя надписи на крестахъ.

Занимаемая нами позиція имѣла оригинальное расположеніе. Такъ, напримѣръ, впереди моей роты, шагахъ въ 600, т. е. у самыхъ окоповъ нѣмцевъ на окраинѣ Павлово-Ново былъ нашъ окопъ, въ которомъ находилась одна изъ ротъ нашего баталіона. Она была настолько близко расположена отъ нѣмцевъ, что у насъ не было проволочнаго загражденія, а было общее, т. е. построенное нѣмцами.

Ввиду того, что въ это время наступила уже весенняя оттепель, а рота была на низменномъ болотистомъ мѣстѣ, то всѣ буквально плавали въ водѣ. Ничто не помогало. Ни тысячи мѣшковъ съ землей, приносимыхъ изъ тыла, ни доски, ни непрестанное выливаніе котелками воды изъ окоповъ. Поэтому роты баталіона смѣнялись здѣсь каждый день. Рота эта казалась обреченной на съѣденіе въ случаѣ наступленія нѣмцевъ, ибо днемъ къ ней нельзя было подойти, а ночью нельзя было поддержать огнемъ. Поэтому всѣ были на-чеку. Я провелъ здѣсь трое сутокъ, причемъ на мою долю пришлось здѣсь быть именно на первый день Пасхи, которая въ этомъ году была 25 Марта. Нѣмцы въ этотъ день не стрѣляли. Гренадеры обрадовались возможности погрѣться на солнцѣ и повылѣзали изъ окоповъ. Къ моему великому изумленію на многихъ штыкахъ появились бѣлыя тряпки, которыми размахивали изъ нашихъ окоповъ. Я тотчасъ передалъ объ этомъ безобразіи командовавшему II баталіономъ капитану Сабелю и ровно черезъ пять минутъ ни одного человѣка уже не было видно.

Примѣрно въ это же самое время произошла такая сцена. Изъ нѣмецкихъ окоповъ вышли парламентеры съ бѣлымъ флагомъ и направились къ нашему

расположенію и вышли на 14 или на 16 роту. Ихъ было двое, офицеръ и унтеръ-офицеръ. Наши по нимъ не стрѣляли, а подпустили къ окопамъ и приказали остановиться. Не знаю, почему это такъ произошло; я помню, что былъ приказъ не принимать никакихъ парламентеровъ. Тѣмъ не менѣе парламентерамъ завязали глаза и повели ихъ въ штабъ полка. Штабъ полка запросилъ штабъ дивизіи, оттуда приказали доставить ихъ въ штабъ дивизіи, то же повторилось и въ штабѣ корпуса и въ результатѣ парламентеры отпущены не были.

Какъ разсказывали объ этомъ случаѣ потомъ, нѣмцы прибыли съ цѣлью установить перемиріе для уборки труповъ. Въ глубинѣ души я возмущался такимъ поступкомъ нашего начальства.

Наступившая весна принесла съ собой небывалую распутицу. Кухни не могли подъѣхать къ окопамъ, хотя пробовали впрягать въ каждую кухню добавочныхъ лошадей. Въ концѣ концовъ, исчерпавъ всѣ средства, рѣшено было выдавать гренадерамъ продукты на руки, причемъ все это приносилось на рукахъ. Денщики наши окончательно измучились, нося намъ обѣдъ, и даже установили въ баталіонахъ между собой очередь, принося каждый два обѣда. На то, чтобы пройти 6 верстъ отъ обоза 1-го разряда до окоповъ нужно было потратить 6 часовъ. Я не хотѣлъ этому вѣрить, но вскорѣ лично убѣдился въ этомъ, когда мнѣ пришлось совершить этотъ же путь самому.

Командиръ полка, зная, что я и капитанъ Сабель единственные офицеры, которые не пользовались ни днемъ настоящаго отдыха съ самаго начала войны, рѣшилъ сдѣлать намъ сюрпризъ и разрѣшилъ сначала мнѣ, а потомъ и капитану Сабелю отпускъ въ Варшаву на 4 дня. Не медля ни минуты, я отправился къ обозу 2-го разряда, стоявшему на шоссе Прасмышъ—Цѣхановъ въ м. Лагуны. Тутъ же какъ разъ помѣщался прекрасный питательный пунктъ В. М. Пуришкевича, которымъ завѣдывала общая

любимица нашего полка, милая Елена Дмитрiевна Бектѣева.

Выйдя въ 8 часовъ утра, я въ 3 часа пришелъ только въ обозъ 1-го разряда, т. е. потратилъ на это 7 часовъ. 3 –4 раза я чуть ли не затонулъ въ грязи. Въ общемъ творилось что-то невѣроятное. Весь путь былъ усѣянъ загрузшими повозками, двуколками, кухнями. Тутъ же въ грязи валялись дохлыя и издыхающiя лошади. Въ обозѣ 1-го разряда я немного передохнулъ.

Между прочимъ офицеры, находившiеся при обозѣ 1-го разряда, 3—4 человѣка, занимались тѣмъ, что приготовляли георгiевскiй темлякъ для моего друга Гаттенбергера, только что получившаго извѣщенiе о награжденiи его этой почетной наградой за бой 28 Ноября. Борисъ находился временно при обозѣ и занимался съ приходившимъ въ полкъ пополненiемъ. Я отъ души и безъ всякой зависти поздравилъ его и мы расцѣловались. Къ этому времени онъ имѣлъ уже Владимiра съ мечами и Георгiевское оружiе, что для молодого офицера было весьма лестно, тѣмъ болѣе, что молодежь всегда представляли осмотрительно. Я же въ это время подходилъ къ пятой очередной наградѣ, т. е. къ Аннѣ 2-ой степени, причемъ къ послѣдней писалось представленiе, а три уже прошли приказомъ. Я нисколько не считалъ себя обиженнымъ, ибо, по моему мнѣнiю, ничего особеннаго и не совершилъ, а дѣлалъ и добросовѣстно исполнялъ то, что требовалось отъ меня по долгу службы.

Четыре дня отпуска пролетѣли незамѣтно. Я успѣлъ все же основательно вымыться и купить себѣ болѣе легкую одежду къ предстоящей весенней кампанiи.

Возвращаясь въ полкъ, я встрѣтилъ вновь выпущеннаго изъ Александровскаго военнаго училища подпоручика Побоевскаго, имя котораго не разъ будетъ мною упоминаться въ дальнѣйшемъ.

На этотъ разъ вернуться къ ротѣ мнѣ не уда-

лось, такъ какъ я заболѣлъ и двѣ съ половиной недѣли пролежалъ въ госпиталѣ въ Варшавѣ. За время моего отсутствія произошелъ интересный боевой эпизодъ, о которомъ я считаю своимъ долгомъ упомянуть, такъ какъ знаю его по разсказамъ участниковъ дѣла — людей моей роты детально.

14-го Апрѣля нѣмцы открыли сильнѣйшій огонь по расположенію 2-го баталіона, занимавшаго все ту же позицію у кладбища и костела дер. Павлово-Кастельно. На этотъ разъ впереди въ окопахъ у деревни Павлово Ново стояла моя 8-ая рота, которую я еще на Бзурѣ принялъ отъ капитана Пильберга. Теперь она стояла съ одной изъ ротъ 4-го баталіона и ими двумя командовалъ прибывшій къ намъ такъ же, какъ и корнетъ Фримерманъ, но только изъ Лейбъ-Гвардіи Кавалергардскаго полка шт.-ротмистръ Бутурлинъ. Огонь нѣмцевъ, по словамъ особенно любимыхъ мною гренадеръ Сазонова, Голицына и фельдфебеля Метанидзе, былъ такой сильный, что всѣ оглохли. Воронка на воронкѣ сидѣла и многихъ засыпало землей заживо, говорили они. Въ обѣдъ нѣмцы сдѣлали маленькій перерывъ, а потомъ ужъ не переставали засыпать „чемоданами“ до вечера. Нужно добавить, что окопъ передовой роты не представлялъ одного сплошного и въ одну линію, а почему-то состоялъ изъ двухъ половинъ, почти равныхъ и заходившихъ одна за другую, причемъ разстояніе между ними, т. е. первымъ и вторымъ окопомъ было шаговъ 30. Вотъ второму окопу и досталось больше, ибо къ первому нѣмцамъ труднѣй было пристрѣляться изъ-за опасенія попасть по своимъ. Всѣ думали, что нѣмцы атакуютъ, но атака не состоялась, хотя предчувствовавшій недоброе шт.-ротмистръ Бутурлинъ продержалъ обѣ роты всю ночь подъ ружьемъ. Подъ утро всѣ въ изнеможеніи уснули, какъ кто стоялъ или сидѣлъ. Въ это то самое время нѣмцы произвели неожиданное нападеніе, но въ тотъ моментъ, когда часть ихъ — человѣкъ 12 — была уже на брустверѣ, проснулся дремавшій часовой и бро-

силъ одну за другой 2 ручныхъ гранаты системы „Новицкаго", которыя впервые были намъ розданы за нѣсколько дней передъ этимъ. Эффектъ получился поразительный: человѣкъ 10 легло на мѣстѣ. Вскочившіе гренадеры открыли огонь въ упоръ и никто изъ нѣмцевъ не ушелъ. Было взято нѣсколько человѣкъ, притворившихся убитыми, въ плѣнъ, которые разсказали, что они вызвались охотниками снять русскую заставу, такъ какъ они разсчитывели, что тутъ не больше взвода, а оказалось двѣ роты, правда, очень не полныхъ. Всего охотниковъ на это дѣло вызвалось 90 человѣкъ подъ командой фельдфебеля. При подсчетѣ убитыхъ и плѣнныхъ оказалось, что свѣдѣнія были правильныя. Ожесточившіеся нѣмцы стрѣляли весь день и разгромили весь костелъ, который затѣмъ сгорѣлъ. Въ этотъ же день вечеромъ отправившійся на обычную развѣдку корнетъ Фримерманъ былъ убитъ у самой нѣмецкой проволоки, которую онъ рѣзалъ ножницами. Четыре развѣдчика, пытавшіеся вынести его тѣло при помощи петли, накинутой ему на ноги, раздѣлили его участь. Помощникъ нач-ка команды развѣдчиковъ прап. Ханъ Сагнахскій, не смотря на отчаянныя мѣры имъ принятыя, также успѣха не добился и трупъ доблестнаго офицера остался у нѣмцевъ.

Я догналъ полкъ по дорогѣ къ позиціямъ у гор. Плонска. Чѣмъ была вызвана эта переброска — я не знаю. Теперь походныя движенія совершались не иначе, какъ подъ покровомъ ночной темноты, такъ какъ воздушная развѣдка нѣмцевъ съ каждымъ днемъ все усиливалась. Не было, кажется, минуты, чтобы надъ нашимъ расположеніемъ не крутился хотя бы одинъ нѣмецкій аэропланъ. Погода стояла прекрасная, все въ природѣ начало оживать, деревья зацвѣли, все зазеленѣло. Мы на этотъ разъ попали на такой фронтъ, гдѣ нѣмцевъ не было даже видно. Мы въ полномъ смыслѣ отдыхали. Позиція же къ тому была довольно сильно укрѣплена. Окопы шли

частью въ лѣсу, частью фруктовыми садами, которые въ эту пору цвѣли и благоухали.

Подпоручикъ Побоевскій рѣшилъ отличиться съ первыхъ же шаговъ. Не смотря на то, что онъ былъ младшимъ офицеромъ пулеметной команды, онъ съ разрѣшенія командовавшаго въ то время полкомъ полковника Купцова, замѣнившаго находившагося въ отпуску и уходящаго отъ насъ нашего командира, теперь уже Свиты Е. В. г.-м. Мдивани, который получилъ высшее назначеніе на Кавказскій фронтъ, вызвалъ желающихъ на развѣдку. Когда развѣдчиковъ набралось достаточное количество, онъ произвелъ налетъ на нѣмецкую заставу, находившуюся въ отдѣльно стоявшемъ сараѣ въ полуверстѣ отъ нашихъ окоповъ. Планъ былъ таковъ: окружить со всѣхъ сторонъ зданіе, произвести переполохъ брошенными ручными гранатами и переловить тѣхъ, кто будетъ выбѣгать. Этотъ маневръ, не смотря на его трудность, довольно хорошо удался. Человѣкъ 5-6 было взято въ плѣнъ, они оказались солдатами 3-го резервнаго гвардейскаго полка. Наши потери выразились однимъ легко раненымъ разрывомъ неудачно брошенной ручной гранаты. Подпоручикъ Побоевскій, кромѣ награды за смѣлое дѣло, сразу получилъ должную оцѣнку среди старыхъ офицеровъ полка, а обладая къ тому же веселымъ жизнерадостнымъ характеромъ, сдѣлался всеобщимъ любимцемъ. 8-го Мая мы покинули столь спокойную позицію и, все время идя ночью, а днемъ отдыхая, пришли въ Новогеоргіевскъ, гдѣ намъ предстояла посадка. Теперь намъ опредѣленно было извѣстно, что насъ везутъ въ Галицію, гдѣ къ тому времени у насъ пошатнулись дѣла, вслѣдствіе отсутствія, главнымъ образомъ, снарядовъ и боевыхъ припасовъ, а также вслѣдствіе крупной переброски германскихъ войскъ, поведшихъ энергичное наступленіе, руководимое Макензеномъ.

Наши части, стоявшія на Дунайцѣ, были смяты и постепенно отходили къ прежней государственной границѣ, оказывая геройское сопротивленіе насту-

павшему врагу, временами переходя въ ожесточенное контръ-наступленіе сь голыми руками, причемъ не только задерживали наступленіе нѣмцевъ, но и сами имѣли крупные успѣхи. Быстро погрузившись въ Новогеоргіевскѣ, мы двинулись сначала на Варшаву, затѣмъ черезъ Люблинъ, Владиміръ-Волынскій, Раву Русскую, Сокаль. На бывшей Австрійской территоріи мы перегрузились на узкую колею и уже безъ всякихъ удобствъ, чуть ли не стоя, прибыли въ городъ Любачевъ въ 40 верстахъ къ западу отъ Львова. Здѣсь намъ приказано было высадиться. Еще въ Ковелѣ нашъ эшелонъ остановился рядомъ съ санитарнымъ поѣздомъ, въ которомъ было нѣсколько нашихъ раненыхъ офицеровъ, коренныхъ Эриванцевъ, оставшихся въ Манглисѣ въ запасномъ баталіонѣ, а затѣмъ по переименованіи и переформированіи баталіона въ 9 Кавказскій стрѣлковый полкъ отправленнаго на Турецкій фронтъ. Теперь наши друзья попали сюда же подъ Любачевъ и въ его раіонѣ вели бои съ насѣдавшими нѣмцами. Здѣсь я встрѣтилъ между прочимъ бывшаго командира 8-ой роты капитана Теръ-Эліазарьянца; я доложилъ ему, что командую его бывшей 8 ротой, но къ сожалѣнію отъ его прежней роты осталась только цифра, ее обозначавшая. Тутъ же повылѣзали изъ вагоновъ кадровые солдаты и привѣтствовали раненаго доблестнаго офицера. Въ поѣздѣ былъ тяжело-раненый въ обѣ ноги штабсъ-капитанъ Нѣмчиновичъ, котораго я не замедлилъ навѣстить. Въ Любачевѣ мы встрѣтили самого командира 9 Кавказскаго стрѣлковаго полка, полковника Шелковникова, тоже раненаго; видно было, что имъ пришлось вынести тяжелые бои.

Вся маленькая станція была заполнена ранеными; здѣсь же оказались и пластуны кубанцы, тоже прибывшіе съ Турецкаго фронта.

Въ Любачевѣ мы простояли три дня. Въ эти дни въ полку произошли большія перемѣны, а именно: прибылъ новый командиръ полка Генеральнаго шта-

ба полковникъ Вышинскій; нашъ командиръ баталіона капитанъ Сабель, теперь уже Георгіевскій Кавалеръ, былъ временно оставленъ при штабѣ полка, а вмѣсто него командиромъ баталіона назначенъ подполковникъ Тимченко, бывшій до сего времени начальникомъ хозяйственной части, и, наконецъ, въ полкъ прибыли три кавалергарда съ княземъ Багратіонъ-Мухранскимъ во главѣ. Это были поручики Гернгроссъ и Пашковъ.

Все это были событія, мимо которыхъ нельзя пройти равнодушно. Первое мое знакомство съ новымъ командиромъ полка было для меня крайне непріятно. Онъ, обращаясь ко мнѣ, такъ и сказалъ: „Очень жаль, что наше съ вами знакомство начинается съ выговора, который мнѣ предложено вамъ передать".

Оказывается, какой-то татаринъ моей роты при проходѣ корпуснаго командира, генерала Мехмандарова, не сталъ ему во фронтъ. Я не сталъ даже оправдываться, ибо считалъ, что для каждаго ясно, что не могъ я втолковать не знающему русскаго языка солдату за двѣ-три недѣли пребыванія его въ ротѣ, да еще при боевой обстановкѣ, всѣ тонкости Устава, на которыя въ мирное время тратились годы. Но я ушелъ съ болью въ душѣ, какъ будто получилъ кровное оскорбленіе. Назначеніе новаго командира баталіона намъ было крайне не по душѣ, не потому что подполковникъ Тимченко былъ нами не любимъ, а просто мы свыклись съ любимымъ и уважаемымъ нашимъ неизмѣннымъ командиромъ капитаномъ Сабелемъ и никто другой не могъ замѣнить его, по нашему разумѣнію. Всѣ мы были молоды, горячи и быстры на рѣшенія. На самомъ дѣлѣ оказалось, что все сложилось какъ нельзя лучше и черезъ двѣ недѣли мы также любили дорогого Николая Владиміровича и также цѣнили его, какъ и незабвеннаго капитана Сабеля. Помимо всѣхъ прекрасныхъ качествъ боевого офицера и прекраснаго начальника, подполковникъ Тимченко былъ „глубокимъ"

комикомъ. Его особенностью было умѣніе разсказать самый ужасный, леденящій кровь, боевой эпизодъ въ такомъ юмористическомъ освѣщеніи, что всѣ слушатели буквально заболѣвали отъ смѣха. И стоило только кончиться бою, какъ я и мои товарищи спѣшили къ Николаю Владиміровичу подѣлиться впечатлѣніями. Обыкновенно онъ сразу входилъ въ роль и съ самымъ серьезнымъ выраженіемъ лица начиналъ кого-нибудь разыгрывать, иногда даже самого себя, а для насъ не было большаго удовольствія, какъ слушать его.

15 Мая новый командиръ полка произвелъ полку смотръ. Полкъ опять былъ въ полномъ составѣ и даже настолько, что нѣкоторыя роты имѣли младшихъ офицеровъ, что считалось большой роскошью.

Нашъ 2 баталіонъ былъ болѣе другихъ сколоченъ, ибо не пострадалъ въ бояхъ подъ Праснышемъ и у меня, напримѣръ, въ 8 ротѣ 75 процентовъ гренадеръ находились въ ротѣ еще съ Бзуры. Въ баталіонѣ ротами командовали: 5 ой—фл.-ад. шт.-ротм. князь Багратіонъ-Мухранскій, имѣя младшаго офицера прапорщика Жилина, 6 ой — подпоручикъ Гаттенбергеръ съ мл. оф. прап. Тихоницкимъ, 7-ой — прап. Понятовскій съ младшимъ офицеромъ прапорщикомъ Борисовымъ и я 8-ой ротой съ младшимъ офицеромъ прапорщикомъ Шахъ-Баговымъ. Нашъ бывшій командиръ баталіона капитанъ Сабель находился при штабѣ полка и предназначался въ замѣстители командировъ баталіоновъ.

По случаю прибытія къ намъ въ полкъ новаго командира былъ устроенъ общій обѣдъ въ казармахъ австрійскаго полка, стоявшаго въ Любачевѣ, а вечеромъ происходило чествованіе прибывшихъ кавалергардовъ. Только въ началѣ войны въ полку было такъ много офицеровъ, какъ сейчасъ за столомъ.

Всѣ мы, кадровые офицеры, были въ этотъ день въ приподнятомъ состояніи духа; насъ радовало, что нашъ полкъ, пройдя столько тяжелыхъ испытаній и

временами доходя въ количественномъ отношенiи до нуля, какъ фениксъ, возродился изъ пепла. Какъ ни мало осталось кадровыхъ Эриванцевъ, но духъ стараго полка жилъ въ оставшихся неугасимымъ огнемъ. Онъ зажигалъ и поддерживалъ въ молодежи, влившейся въ полкъ, чувство любви къ полку, его боевой на протяженiи двухсотъ семидесяти пяти лѣтъ славѣ, созданной цѣлыми рядами поколѣнiй, имѣющихъ своихъ прямыхъ потомковъ въ рядахъ полка и въ эту войну, училъ уважать, любить и понимать гренадеръ. Заставлялъ уважать и соблюдать полковыя традицiи, которыми по праву гордилась Кавказская Армiя. И теперь, собравшись въ тѣсномъ кругу своей полковой семьи, мы привѣтствовали въ самыхъ теплыхъ словахъ и тостахъ прибывшихъ къ намъ доблестныхъ кавалергардовъ, по доброй волѣ слѣзшихъ съ коней и пришедшихъ на помощь намъ — пѣхотѣ, зная, что у насъ недостатокъ офицеровъ и что отъ этого страдаетъ дѣло. Кавалергарды просили не быть къ нимъ строгими, ибо они не знаютъ пѣхотнаго строя, и мы наперерывъ старались ихъ завѣрить, что во всемъ и всегда будемъ ихъ предупреждать.

Когда мы расходились, свѣтало, но никакой усталости не чувствовалось, на душѣ было легко и отрадно. И долго еще мы, офицеры 2-го баталiона, сидѣли у себя въ комнатѣ, каждый по своему переживая гамму ощущенiй, ворвавшуюся въ сердцѣ.

17-го мы выступали изъ Любачева длинной и широкой защитной лентой вытянувшись по дорогѣ. Полкъ былъ доведенъ до полнаго количества штыковъ. У меня въ ротѣ было 203 гренадера при двухъ офицерахъ. Гренадерскiй составъ полка былъ молодой по возрасту, среднiй уровень колебался отъ 22—30 лѣтъ, прекраснымъ по боевымъ качествамъ и совершенно необученъ въ смыслѣ боевой подготовки. Да было и не мудрено. Въ запасныхъ полкахъ ихъ обучали прапорщики, только что выпущенные изъ школъ, въ большинствѣ сами имѣвшiе туманное представленiе о

всѣхъ воинскихъ Уставахъ и тактикѣ современной войны, а главное не знавшіе солдата и не умѣвшіе къ нему подойти.

Но самое большое зло заключалось въ отсутствіи винтовокъ. Я въ серединѣ 16-го года побывалъ въ запасномъ полку и видѣлъ кунсткамеру огвестрѣльнаго оружія, которымъ обучались будущія пополненія. Не удивительно, что приходили маршевыя роты, не умѣвшія заряжать винтовокъ. Такимъ образомъ мѣткость огня, какъ результатъ обученности войскъ стрѣльбѣ, сама собой отпадала. И въ этотъ періодъ войны, и во всѣ послѣдующіе — стрѣльба ружейная давала лишь случайныя пораженія. Пораженіе достигалось простымъ засыпаніемъ опредѣленной площади свинцомъ. Дисциплина у насъ въ полку стояла на должной высотѣ, и за всю войну не помню ни одного серьезнаго проступка. Повиновеніе было безусловное. Полкъ нашъ отличался удивительно гуманнымъ отношеніемъ офицеровъ къ гренадерамъ и послѣдніе не были затурканы и забиты. Между старыми солдатами-ветеранами и офицерствомъ поддерживались отношенія, не оставлявшія желать лучшаго. Гренадеры, побывавшіе въ бояхъ и переутомившіеся, всегда могли разсчитывать получить хотя бы на нѣсколько дней отдыхъ властью ротнаго командира. Въ послѣднемъ случаѣ командиру роты не чинилось препятствій.

И такъ мы шли по Галиціи. Я имѣлъ возможность наблюдать новую незнакомую мнѣ страну и дѣлать соотвѣтствующіе выводы, сравнивая ихъ съ уже пройденными и изученными. Въ отношеніи чисто внѣшнаго вида галицiйскихъ селъ, городовъ и ихъ культуры я присоединяюсь къ мнѣнію своихъ гренадеръ. Здѣсь все было похоже на нашу Россію, ничего рѣзко бросающагося въ глаза въ лучшую сторону я не замѣтилъ. Единственно, что мнѣ понравилось, это способъ плетенія соломенныхъ крышъ. Благодаря особой формѣ и красивому плетенію домики имѣли очень изящный видъ.

Къ моменту нашего прихода Галиція была сильно разорена, война взяла свою дань и населеніе бѣдствовало.

Подъ вечеръ, 18 мая, мы шли вдоль желѣзнодорожной насыпи. Тутъ же сбоку, влѣво отъ дороги, на всемъ протяженіи тянулся прекрасный сосновый лѣсъ. Вправо за полотномъ показалась конная группа артиллеристовъ. Артиллеристы выбирали позицію. Когда стемнѣло, мы остановились въ лѣсу. Офицеры должны были пройти впередъ къ окопамъ, что были въ 600-хъ шагахъ, и ознакомиться съ мѣстностью, такъ какъ, перейдя окопы, мы должны были атаковать нѣмцевъ. Командиръ баталіона и ротные командиры прошли впередъ. Каждый ротный командиръ прихватилъ съ собой пару развѣдчиковъ. Въ окопахъ, если ихъ такъ можно назвать, стояла Терская Казачья дивизія. Чѣмъ они окапывались, для меня было тайной. Рѣшено было, что 5 рота будетъ наступать вдоль желѣзнодорожной насыпи, держа направленіе на деревню Загроды. 6, 7 и 8 роты, держа между собою связь по фронту лѣвѣе 5 роты въ порядкѣ номеровъ, должны вести наступленіе прямо передъ собой. Влѣво отъ насъ долженъ былъ наступать нашъ 3 баталіонъ, 4-ый же и 1-й баталіоны были назначены въ резервъ.

Вернувшись къ своимъ ротамъ, мы подробно объяснили задачу и сдѣлали всѣ необходимыя распоряженія. Теперь уже въ каждомъ взводѣ было по 4 ручныхъ гранаты „Новицкаго“.

Когда все уже было готово и мы только ожидали приказа двинуться впередъ, получена была отмѣна приказа о наступленіи. Атака переносилась на 7 часовъ утра, причемъ было сказано: „послѣ артиллерійской подготовки“. Картина сильно мѣнялась. Атаковать днемъ укрѣпленную позицію съ артиллерійской подготовкой, которой мы знали цѣну, такъ какъ снаряды, хотя и были, но въ очень ограниченномъ количествѣ, намъ не улыбалось. А ночь передъ атакой! Это ночь приговореннаго къ казни. Тѣмъ не

менѣе я увѣренъ, что на моемъ лицѣ нельзя было уловить ни тѣни волненія. Приказано было смѣнить части, стоящія въ окопахъ. За нами пришли проводники и повели каждую роту отдѣльно. Теперь мы шли по ровному полю. Роту я велъ въ колоннѣ по отдѣленіямъ. Вотъ мы подошли уже къ самымъ окопамъ. Вдругъ за спиной у меня раздалось зловѣщее шипѣнье, а затѣмъ и оглушительный взрывъ. Я былъ сбитъ съ ногъ и упалъ въ какую-то яму, причемъ на меня грузно навалились еще какія то тѣла. Коекакъ высвободившись изъ-подъ навалившихся на меня гренадеръ, я громко окрикнулъ роту и приказалъ остановиться. Взводные собрали свои взводы и тогда мы начали выяснять, что произошло и подвели итоги. Оказалось, что во 2-омъ взводѣ у одного гренадера сорвалась граната, которую онъ привязалъ за кольцо къ поясу. Какимъ то чудомъ онъ остался цѣлъ, но 11 человѣкъ было ранено, причемъ одинъ во время паники наскочилъ на чей-то штыкъ.

Пять изъ одиннадцати не пожелали оставить строя. Подошедшій на шумъ командиръ полка „поблагодарилъ ихъ за службу", и приказалъ записать ихъ фамиліи.

Этотъ непріятный эпизодъ въ то же время былъ показателемъ, насколько силенъ былъ духъ полка и увѣренность въ побѣдѣ.

Утро 19-го Мая началось съ „артиллерійской подготовки". Артиллерія сосѣдней 20 дивизіи открыла весьма мѣткій огонь по нашимъ окопамъ. И прежде чѣмъ удалось остановить огонь и выяснить недоразумѣніе, у меня въ ротѣ оказалось 2 убитыхъ и 5 раненыхъ. Затѣмъ уже мы получили приказъ двинуться впередъ. Нѣмцы насъ давно повидимому поджидали, и только я вылѣзъ изъ окопа, чтобы поднять роту, какъ просвистѣло нѣсколько шрапнелей. За пять минутъ передъ атакой князь Багратіонъ-Мухранскій по телефону передалъ мнѣ привѣтъ и пожелалъ успѣха. „Ну, сейчасъ двинемся", сказалъ онъ и очевидно двинулся, потому что вправо у по-

лотна все заклокотало. Терять времени было нельзя. Я подалъ знакъ и вышелъ впередъ передъ ротой. Быстрымъ шагомъ шла рота. Съ мѣста начались потери. Еще не прошли мы и пятидесяи шаговъ, какъ были ранены мой младшій офицеръ и фельдфебель. Мы двигались въ какомъ то аду, прямо въ лицо билъ нѣмецкій пулеметъ. Уже послѣ боя мнѣ разсказывали, что когда рота отошла шаговъ на 50, ее уже не было видно за разрывами падающихъ снарядовъ и только временами въ дыму и въ облакахъ пыли мелькали одиночныя фигуры. Наконецъ идти стало невыносимо. Около меня свалились два гренадера, получившіе одинъ 8, а другой 6 пуль изъ пулемета. Остановиться на томъ мѣстѣ, гдѣ мы были, было невозможно, пришлось отойти шаговъ 40 назадъ и окопаться во ржи.

Продолжай нѣмецкая артиллерія стрѣлять по тому мѣсту, гдѣ мы залегли, мы были бы поголовно уничтожены. Черезъ часъ мы этого боялись меньше, такъ какъ уже успѣли выкопать одиночные окопы въ ростъ человѣка глубиной. Сзади насъ видна была 7 рота, она потеряла ротнаго командира убитымъ и залегла. 6-ой роты видно не было, связь съ командиромъ баталіона была утрачена. Нѣмцы стрѣляли куда-то въ тылъ, оказалось по 4-му баталіону.

Немного разобравшись, выяснилось, что я потерялъ изъ роты въ короткій промежутокъ убитыми и ранеными 130 человѣкъ, оставалось на лицо 65 чел. со мной. Командиру 3 взвода перебило руку выше локтя, такъ что рука висѣла на кускѣ кожи. Онъ вынулъ перочинный ножъ и отрѣзалъ руку самъ. Послѣ этого попросилъ закурить и далъ себя понести на перевязочный пунктъ. Мнѣ казалось невѣроятнымъ такое самообладаніе, и въ моихъ глазахъ мой взводный возвысился до Муція Сцеволлы. Черезъ полтора мѣсяца мнѣ самому оторвало кисть лѣвой руки и когда при этомъ я не потерялъ сознанія, то понялъ, что на свѣтѣ могутъ случаться всякія чудеса.

Передъ вечеромъ мнѣ удалось связаться телефо-

номъ съ командиромъ баталіона и тутъ я узналъ новости дня. Онѣ были печальны. Не смотря на высокую доблесть, проявленную какъ помощникомъ командира полка, полковникомъ Купцовымъ, появившимся неожиданно для всѣхъ, съ незажившей еще ногой, опирающагося на палку, въ наступающихъ цѣпяхъ, не взирая на презрѣніе къ опасности и смерти всѣхъ прочихъ чиновъ полка... по всему фронту мы были отбиты. Потери были во всѣхъ ротахъ велики, и когда я сообщилъ свои, то никто не удивился. Были убиты князь Багратіонъ-Мухранскій, прапорщикъ Понятовскій, капитанъ Погорѣловъ и смертельно раненъ пр. Гаврюшко, который къ утру умеръ. Самыя тяжелыя потери понесла пятая рота. О шестой ничего не было извѣстно и рѣшено было, что она цѣликомъ погибла. Тѣмъ не менѣе въ 11 часовъ ночи приказано было атаковать Загроды вторично. Сожалѣю страшно, что у меня было мало людей. Спустившись изъ своихъ окоповъ и идя все время во ржи, мы прошли уже шаговъ 400. Повидимому я попалъ съ остатками роты на очень слабо защищенное мѣсто, такъ какъ когда мы подошли къ проволочному загражденію, то ракеты взвивались вправо и влѣво и сзади отъ насъ. Намъ удалось разобрать и растащить рогатки съ проволокой, но всего около меня было 6 гренадеръ и съ ними я рѣшительно ничего не могъ предпринять. Важно было какъ нибудь вернуться, нѣмецкіе окопы здѣсь шли уступами и одинъ такой уступной фасъ былъ на половинѣ пути въ наши окопы, Теперь только я сообразилъ, почему нѣмецкій окопъ, противъ котораго мы остановились днемъ, казался максимумъ въ 150 — 200 шагахъ, а тутъ мы прошли добрыхъ 400 шаговъ; оказывается, идя впередъ, мы принимали все вправо и такимъ образомъ попали на слѣдующій уступъ. Такъ или иначе изъ нашего наступленія ничего не вышло.

Полкъ потерялъ въ одинъ день убитыми и ранеными свыше 2000 гренадеръ. Во время ночной атаки

былъ убитъ князь Вачнадзе, наступавшій со своей ротой на участкѣ 5-ой роты. Такимъ образомъ мы потеряли за бой 19 Мая только убитыми — 5 офицеровъ. Только что прибывшій въ полкъ по излѣченіи отъ ранъ шт.-кап. Шидельскій, извѣстный весельчакъ и любимецъ молодежи, никогда не унывающій офицеръ, за эти два дня боя буквально посѣдѣлъ, что убѣдительнѣе всякихъ словъ рисуетъ переживанія всѣхъ Эриванцевъ, непосредственное участіе въ бою принимавшихъ. 6-ая рота или вѣрнѣе ея остатки нашлись. Днемъ 19 го рота подошла къ самой проволокѣ, не будучи въ состояніи дальше продвинуться, и понеся большія потери, она окопалась. Нѣмцы предлагали имъ сдаться, но сами вылѣзти тоже не рѣшились. Борисъ Гаттенбергеръ на всякій случай зарылъ свою серебрянную шашку, чтобы она не досталась нѣмцамъ. Пролежавъ весь день и изнывая отъ жажды, остатки 6 роты вернулись подъ утро 20 Мая и присоединились къ полку.

Остатокъ ночи съ 19 на 20 Мая я провелъ, завернувшись въ принесенную мнѣ денщикомъ бурку. Около меня было нѣсколько человѣкъ изъ роты. Я не могъ уже спать, настолько я былъ взволнованъ. Въ этотъ моментъ мнѣ было глубоко безразлично, что меня ожидаетъ. Утромъ рано я собралъ всѣхъ подтянувшихся гренадеръ и своей и чужихъ ротъ и ими занялъ, пока что, тѣ окопы, которые мы вырыли послѣ дневного наступленія. Только я ихъ размѣстилъ, мнѣ передаютъ: „Ваше Благородіе, нѣмцы обрадовались и играютъ".

Дѣйствительно слышались сигналы на рожкѣ; вдругъ совсѣмъ близко отъ насъ во ржи замелькали солдатскія фигуры, затрещали нѣмецкіе пулеметы и опять закипѣлъ бой. Въ атаку порывисто шелъ 79 Куринскій полкъ. Дойдя до проволочныхъ загражденій, кучка солдатъ безпомощно остановилась и, побросавъ винтовки, подняла руки вверхъ. Нѣмцы прекратили огонь и пропустили ихъ къ себѣ черезъ проволоку. Печальная была картина. Все это дли-

лось какихъ нибудь 10 минутъ. Вечеромъ я получилъ приказаніе отойти въ лѣсъ къ штабу полка. Въ штабѣ полка царило подавленное настроеніе, разговоръ велся вполголоса. Нашему баталіону приказано было занять окопы впереди лѣса и стать въ резервѣ.

21 Мая утромъ на нашемъ участкѣ велъ атаку Грузинскій полкъ. Правѣе полотна атаку вела 2-ая бригада и также безуспѣшно. Уже тысячи труповъ Кавказскихъ гренадеръ устилали поле боя; отъ трупнаго запаха мы буквально начинали задыхаться. Мы не одержали даже временнаго успѣха. Наконецъ насъ сняли и повели вдоль фронта къ лѣвому флангу.

У дер. Тухлы мы смѣнили Л.-Гв. Кексгольмскій полкъ и простояли сутки въ ихъ окопахъ, послѣ чего были смѣнены остатками нашей 2 ой бригады и отошли верстъ на 5–6 въ тылъ и стали въ лѣсу вдали отъ жилья. Каждую ночь одинъ баталіонъ отправлялся къ боевой линіи и помогалъ укрѣплять позицію и въ то же время служилъ резервомъ.

ОТХОДЪ ИЗЪ ГАЛИЦІИ.

1915 годъ.

Въ ночь съ 30 на 31 Мая на работѣ былъ нашъ 2-ой баталіонъ. За эту недѣлю мы успѣли получить пополненіе и у меня въ ротѣ насчитывалось 123 штыка. Всю ночь мы работали подъ ружейнымъ огнемъ нѣмцевъ, были потери, но на это никто не обращалъ вниманія, Передъ разсвѣтомъ мы ушли. Когда мы вернулись съ работъ, я тотчасъ раздѣлся и легъ, приказавъ сдѣлать чай черезъ два часа. Но заснуть не пришлось. „Слышите“, — говорилъ мнѣ лежавшій со мной подполковникъ Тимченко, „какая стрѣльба, интересно, кто это стрѣляетъ: мы или насъ. Отвѣтъ послѣдовалъ самъ собой. „Первый баталіонъ въ ружье!“, раздался въ лѣсу спокойный, но властный окликъ командира 1 баталіона, капитана Сабель, повторенный сначала эхомъ, а затѣмъ

подхваченный сразу многими голосами, очевидно, тоже насторожившихся.

Лѣсъ на пять минутъ ожилъ, слышна была команда, разсчетъ и... удаляющійся топотъ ногъ, возвѣстилъ, что баталіонъ вызванъ на помощь.

Считаю, что вправѣ буду впервые за войну употребить выраженіе „ураганный огонь" для обозначенія силы и частости артиллерійскаго огня нѣмцевъ, проявленнаго въ этотъ день. „Ну, нужно одѣться, сейчасъ и насъ потребуютъ", замѣтилъ Николай Владиміровичъ, спуская ноги съ гинтера, на которомъ лежалъ. И дѣйствительно, онъ былъ правъ. Вбѣжалъ вѣстовой и доложилъ, что баталіону тоже выступать. Теперь мы настолько уже привыкли ко всѣмъ превратностямъ боевой обстановки, что ни для кого это не показалось страннымъ. Въ ту пору я одѣвался съ быстротой поразительной и на этотъ разъ былъ готовъ въ три минуты. Денщики на ходу, что называется, вскипятили чай, зная, что до вечера мы уже во всякомъ случаѣ не встрѣтимся. Баталіону спѣшно приказано было выдвинуться впередъ и сдержать наступавшихъ нѣмцевъ, прорвавшихъ нашу вторую бригаду у дер. Тухлы и уничтожившихъ ее почти цѣликомъ. Только мы тронулись, какъ встрѣтили знамя Мингрельскаго полка и около него группу въ 5—6 человѣкъ раненыхъ гренадеръ.

Съ нѣмцами мы встрѣтились у опушки лѣса, въ которомъ мы стояли, пройдя всего версты три. Я съ ротой былъ направленъ командиромъ полка на крайній лѣвый флангъ. Сюда нѣмцы еще не подошли, но были уже близко и пули посвистывали и, попадая въ деревья, издавали оглушительный звукъ. Солдаты считали въ такихъ случаяхъ, что нѣмцы стрѣляютъ разрывными пулями. Правофланговыя части нашего полка ввязались въ ожесточенный бой. Наши пулеметы свирѣпствовали, бѣшенно изрыгая свинцовый дождь. Нѣмцы остановились. Ихъ артиллерія стала нащупывать наши пулеметы. Въ этотъ моментъ боя былъ убитъ прекрасный офицеръ, по отзывамъ офицеровъ

3 баталіона, командиръ 10 роты, прапорщикъ Трусевичъ. Наблюдатель, сидѣвшій на деревѣ, доложилъ мнѣ, что нѣмцы идутъ цѣпью по ржи и что можно стрѣлять. Я приказалъ наблюдать результаты стрѣльбы, такъ какъ мнѣ не было видно цѣпи, которая была отъ меня скрыта высокой рожью, и далъ залпъ. Прицѣлъ 6 пришелся какъ разъ и на 4 залпѣ нѣмцы залегли, — такъ передалъ мнѣ мой наблюдатель. Я уже самъ собирался взлѣзть на дерево, какъ прибѣжалъ связникъ отъ командира баталіона и, запыхавшись доложилъ, что приказано, какъ можно скорѣе, отступать, что баталіонъ уже двигается.

Я конечно былъ благодаренъ за предупрежденіе, но нужно знать, что чувствуетъ солдатъ, когда онъ слышитъ слово: скорѣй. Я выругалъ связника и умышленно назвалъ его лгуномъ, такъ какъ баталіонный командиръ не могъ передать: скорѣй. А самъ отлично понималъ, что нужно убираться по добру, по здорову. Стрѣльба ружейная и пулеметная затихла, артиллерія нѣмцевъ бросала свои снаряды уже куда-то въ тылъ. Мы шли по опустѣвшему лѣсу, инстинктивно ускоряя шагъ, но все же никого не было видно изъ нашихъ частей.

Тогда я досталъ карту и осмотрѣлся. Зная направленіе нашего фронта, не трудно было даже и въ лѣсу взять правильное направленіе. Гренадеры всегда внимательно присматривались къ подобнымъ моимъ операціямъ съ картой и, зная, что не было такого случая, чтобы я привелъ ихъ не туда, куда нужно, даже не допытывались, куда я ихъ веду.

Скоро мы вышли изъ лѣса и пошли по тропинкѣ, идущей по мѣстности, поросшей густымъ кустарникомъ. Тропинки на картѣ не было и я взялъ направленіе по компасу.

Пройдя верстъ шесть, судя по времени, и идя все время максимальной скоростью, мы встрѣтили казачій разъѣздъ какого-то Донского полка. Они были высланы направлять отходившія наши части. Донцы намъ сообщили, что въ 10—12 верстахъ от-

сюда есть позиція съ проволочнымъ загражденіемъ и что тамъ въ деревнѣ насъ и ожидаетъ штабъ дивизіи. Пройдя еще верстъ 7, мы уже ясно различали холмы, на которыхъ была наша предполагаемая остановка. Всюду виднѣлись темныя линіи окоповъ и частоколъ проволочныхъ загражденій. Нашъ полкъ поротно постепенно подтягивался и собирался. Не хватало только перваго баталіона съ капитаномъ Сабелемъ. Къ вечеру подошелъ и онъ, заставивъ всѣхъ изрядно поволноваться за его судьбу. Первый баталіонъ кап. Сабеля велъ съ собой не только плѣнныхъ, но и несъ даже одного нѣмца, раненаго въ ноги.

Мнѣ достался прекрасный участокъ позиціи, хотя и съ неважнымъ обстрѣломъ, но зато скрытый въ самой гущѣ лѣса и только кончикомъ праваго фланга вылѣзавшаго изъ лѣса на ниву, засѣянную рожью и теперь уже колосившуюся. Впереди роты шло проволочное загражденіе, прерывавшееся только на дорогѣ, шедшей по лѣсу и прорѣзывавшей мои окопы на двѣ равныя половины.

Какъ только I-ый баталіонъ пришелъ и сообщилъ, что за нимъ никого нѣтъ, я приказалъ перекопать дорогу и соединить проволочное загражденіе. Дорога представляла собой просѣку и до перваго поворота ее можно было прекрасно обстрѣливать. Помимо проволочнаго загражденія, лѣсъ впереди окоповъ былъ поваленъ на 40—50 шаговъ и образовалъ непроходимую чащу.

Однимъ словомъ здѣсь можно было отсиживаться сколько угодно. Ротѣ было придано два пулемета и я ничего уже не страшился.

Всѣ прочія части полка, кромѣ стоявшаго влѣво отъ меня третьяго баталіона, расположились на холмахъ вправо и уступомъ 400 шаговъ сзади; склоны ихъ окоповъ и вся впереди лежащая мѣстность, на сколько хваталъ глазъ, была покрыта рожью въ ростъ человѣка.

Изъ моей роты въ тылъ шла единственная до-

рога, сразу поднимавшаяся вверхъ на бугоръ, стиснутая въ 50 шагахъ отъ окоповъ болотомъ.

Остатокъ дня 31 Мая и половину дня 1 Іюня мы непрерывно укрѣпляли и безъ того довольно сильную позицію. Противъ насъ было тихо. Вправо отъ насъ, въ 2-хъ примѣрно верстахъ, уже шелъ бой. Нѣмцы наступали. По телефону передавали, что наступленіе ведется на правый флангъ I-го баталіона. На правомъ флангѣ I-го баталіона была пятая рота съ доблестнымъ прапорщикомъ Жилинымъ. По мѣрѣ подхода нѣмцевъ бой начиналъ разгораться по всей линіи. Какая-то рота стрѣляла по подъѣхавшему вплотную нѣмецкому разъѣзду и взяла въ плѣнъ раненаго улана. Ровно въ полдень мои посты, выставленные въ лѣсу, донесли, что появились нѣмецкіе дозоры, которыхъ они хотятъ захватить. Черезъ полчаса въ лѣсу послышались одиночные выстрѣлы, потомъ все смолкло и я увидѣлъ, какъ изъ лѣса мои гренадеры вели двухъ плѣнныхъ. Ихъ было пятеро, доложили мнѣ мои гренадеры, двухъ застрѣлили, одного закололи, а двухъ „честь имѣемъ доставить". Наблюдатель съ дерева докладывалъ, что нѣмцы идутъ во ржи густой цѣпью и „уже можно стрѣлять". Бой шелъ по всему фронту. Я самъ полѣзъ на дерево и увидѣлъ, что нѣмцы, самое большее, въ четырехстахъ шагахъ. Я приказалъ ротѣ приготовиться и то же передалъ пулеметчикамъ, находившимся по ту сторону дороги. Вдругъ мнѣ передаютъ, что пулеметчики уходятъ. Смотрю, отъ командира баталіона бѣжитъ связникъ и кричитъ: „Ваше Благородіе, приказано отступать". Я только хотѣлъ подать команду выходить изъ окоповъ, какъ нѣмцы показались всюду и сухія вѣтки захрустѣли подъ ихъ ногами. Ихъ было очень много. Отходить было поздно. Я далъ залпъ. Нѣмцы съ крикомъ „ура" бросились впередъ. Еще четыре залпа и нѣмцевъ какъ не бывало. Тогда я вылѣзъ изъ окопа и приказалъ: „За мной шагомъ". Всѣ бросились, что было силъ, ко мнѣ. Часть хотѣла меня опередить, но я вытянулъ руки и предупредилъ, что

убью того, кто перейдетъ эту линію. Не смотря на это, часть наиболѣе спѣшившихъ попала все-же въ болото, ихъ быстро повытягивали и елико возможно скорѣе стали уходить. Наше спасенье заключалось въ томъ, что нѣмцы должны были перелѣзать черезъ проволоку. Пока они перелѣзали, мы уже были въ полуверстѣ. Я зналъ, что нѣмцы, взобравшись на бугоръ, будутъ преслѣдовать насъ огнемъ и поэтому заблаговременно разсыпалъ роту въ цѣпь. Теперь только нужно было сохранить спокойствіе.

Вылѣзши на бугоръ, нѣмцы дѣйствительно установили пулеметы и открыли сильный огонь. Я боялся, чтобы кого-нибудь не ранило, потому что по себѣ чувствовалъ, что трудно будетъ нести. Нѣсколько тяжелыхъ нѣмецкихъ снарядовъ, упавшихъ впереди насъ, подняли громадные черные столбы земли и пыли. И все замолкло. Нѣмцы прекратили безполезный огонь. Я свернулъ роту и вывелъ ее на дорогу, гдѣ легче и скорѣе можно было идти. На этотъ разъ мы шли остатокъ дня и всю ночь.

За часъ до разсвѣта мы остановились прямо на дорогѣ, гдѣ собрался и весь полкъ. Черезъ полчаса роты стали расходиться по участкамъ. Командиръ баталіона приказалъ мнѣ отправиться къ командиру полка, который хотѣлъ меня видѣть.

Когда я къ нему подошелъ, онъ поздоровался со мной и сказалъ: „Вы, поручикъ, отправитесь съ Вашей ротой на крайній лѣвый флангъ, вотъ на ту вершину", причемъ указалъ мнѣ горку безъ всякой растительности въ полуверстѣ отъ насъ. Очертанія ея уже ясно обрисовались въ этотъ моментъ. „Очень возможно", добавилъ онъ, „что влѣво отъ васъ не будетъ никого совсѣмъ, тогда примите мѣры противъ охвата фланга". „Вотъ", подумалъ я, „будетъ мнѣ сегодня жара".

Не теряя времени, я повелъ роту на вершину горы. Уже свѣтало и нужно было окопаться, какъ можно скорѣе. Когда я взобрался на самую вершину горки, которая оказалась командующей вершиной надъ

всей позиціей, я осмотрѣлся. Обстрѣлъ во всѣ стороны былъ идеальный, даже пшеница, засѣянная всюду, нисколько не мѣшала обстрѣлу. Сзади насъ въ полуверстѣ, подъ бугромъ была маленькая деревушка из 5—6 дворовъ, а за нею непосредственно въ 200 шагахъ начиналса густой лѣсъ. Гренадеры окапывались и жаловались, что лопата въ землю не лѣзетъ. Я попробовалъ копнуть и у меня ничего не получилось. Глинистая почва была суха, какъ камень.

Вправо, въ раіонѣ расположенія частей 51 дивизіи нѣмцы уже наступали. Взявъ бинокль, я обвелъ взоромъ всю впередилежащую мѣстность, стараясь что-нибудь увидѣть. И вдругъ увидѣлъ массу людей въ верстѣ отъ насъ впереди. Стояли-ли они или шли, — различить было нельзя. Я переждалъ. Немного погодя я обратилъ вниманіе, что они растягиваются все влѣво и влѣво. „Нѣмцы", рѣшилъ я, „навѣрное обходятъ флангъ". Невольно я повернулся назадъ и взглянулъ на спасительный лѣсъ, мысленно измѣряя до него разстояніе. Лѣсъ стоялъ на томъ же мѣстѣ и я немного успокоился. Ко мнѣ подошелъ пр. Меликъ-Адамовъ, большой шутникъ и весельчакъ. Онъ находился со своей ротой вправо отъ меня въ 100 шагахъ. „Слушай, что это тамъ такое", указалъ онъ мнѣ на цѣпи, которыя я принялъ за наступающихъ нѣмцевъ, „мнѣ что-то они не нравятся". „А мнѣ они нравятся еще меньше твоего", отвѣтилъ я.

Каково же было мое удивленіе, когда черезъ четверть часа послѣ этого разговора отъ мнимыхъ нѣмцевъ была получена записка съ просьбой сообщить, какая часть здѣсь стоитъ. Оказывается, впереди насъ расположились Грузинцы и выбирали себѣ позицію. Все что нужно было, я набросалъ на листкѣ полевой книжки и отослалъ съ присланнымъ. Какъ камень свалился у меня съ плечъ, когда я узналъ, что „воображаемые нѣмцы" — свои.

Справа бой разгорался и постепенно приближался къ намъ. Уже горѣли всѣ видимыя мною деревни въ сферѣ боя. Противъ же насъ не было никого и

все было тихо. Мнѣ провели телефонъ и я связался со штабомъ полка. Пока нѣмцевъ не было, я взялъ телефонную трубку и приложилъ къ уху въ надеждѣ узнать, что творится вправо. Телефоны въ то время имѣли крупный недостатокъ. Когда вы хотѣли съ кѣмъ-нибудь говорить, то могли слышать, какъ артиллеристы докладывали, что у нихъ нѣтъ снарядовъ, что штабъ дивизіи переходитъ въ такой-то пунктъ, что телефонистъ Рура никакъ не можетъ вызвать его коллегу Осадчаго, кто-то заявлялъ: „повѣряю линію", и т. д.

Въ свою очередь и вы въ то же самое время могли кого-нибудь вызывать и что-нибудь передавать, вмѣшиваться въ чужой разговоръ, васъ всѣ слышали и кто нужно отвѣчалъ. На этотъ разъ въ телефонѣ стоялъ обычный гамъ и шумъ, однако это мнѣ не помѣшало изъ отдѣльныхъ фразъ уловить, что 51 дивизія уже „намазывала пятки саломъ", было такое выраженіе, получившее право гражданства во время отступленія 1915 года.

Отступленіе чувствовалось въ воздухѣ. Я вмѣшался въ разгворъ и спросилъ помощника адъютанта, поручика Снарскаго, о положеніи дѣлъ. „У насъ пока ничего, а въ 51 дивизіи плохо", отвѣтилъ онъ. „А какъ у тебя", поинтересовался онъ. „У меня все спокойно". И я въ краткихъ словахъ обрисовалъ ему обстановку на моемъ участкѣ и сообщилъ, что держу зрительную связь съ Грузинцами.

Не прошло послѣ этого разговора и 20 минутъ, какъ телефонисть мнѣ докладываетъ: „Ваше Благородіе, приказано снимать линію". „Разрѣшите снимать"? „Снимай", сказалъ я и взглянулъ направо, гдѣ чаще всего рвались снаряды. Ключъ къ загадкѣ сразу обнаружился. Правый флангъ сосѣдей бѣжалъ во всю прыть. Нашъ полкъ стоялъ на мѣстѣ, но когда правофланговая рота увидѣла, что справа бѣгутъ, выдержала извѣстную паузу и теже сорвалась съ мѣста. Но вдругъ кто-то ее остановилъ и вернулъ на свое мѣсто. На насъ нѣмцы не наступали.

Продолжая наблюдать съ своего прекраснаго наблюдательнаго пункта, черезъ полчаса послѣ описаннаго, я увидѣлъ, что 1 баталіонъ поднялся вновь и уже шагомъ пошелъ назадъ, за нимъ стали подниматься сосѣди слѣва и очередь дошла до меня. Я, какъ лѣвофланговый, долженъ былъ предупредить Грузинцевъ. Доставъ полевую книжку, я написалъ командиру правофланговой роты Грузинскаго полка: „Нашъ полкъ отходитъ, ставлю Васъ объ этомъ въ извѣстность". Запечатавъ конвертъ, я послалъ Грузинца связника съ донесеніемъ и просилъ вернуть мнѣ моего связника, находящагося у нихъ въ ротѣ.

Продѣлавъ это, я медленно спустился съ горы. Не смотря на то, что нѣмцевъ еще и не было видно и никто по насъ не стрѣлялъ, гренадеры все-же старались меня опередить. Ужъ таковъ стадный инстинктъ.

Когда мы прошли деревушку и подходили къ лѣсу, неожиданно, и какъ снѣгъ на голову въ 10 шагахъ отъ роты, шедшей въ колоннѣ по отдѣленіамъ, разорвались двѣ гранаты. Мы прибавили шагъ и вошли въ лѣсъ. Я остановилъ роту, чтобы дать ей передохнуть. Теперь мнѣ казалось, что нѣмцы преслѣдуютъ насъ и уже, вѣроятно, карабкаются на оставленную нами высоту. Въ опроверженіе моихъ мыслей надъ только что оставленной нами высотой разорвалось четыре шрапнели. Потомъ еше. Къ нимъ вскорѣ присоединились и гранаты, вперемежку взрывая наши слѣды. Вскорѣ на злосчастную высоту страшно было смотрѣть. Вся она дымилась. Гренадеры снимали шапки и крестились: „Избавилъ Богъ", „Слава Те, Господи", „Спаси и помилуй". Но до спасенія было далеко. Подъѣхалъ адъютантъ, поручикъ Снарскій, и сообщилъ, что приказано вновь занять свои позиціи.

Я отлично понималъ, что удержаться на этй высотѣ не сможемъ и почти былъ увѣренъ, что диспозиція будетъ измѣнена, но приказъ оставался приказомъ. Не прошли мы и 400 шаговъ по направле-

нію къ только что оставленной вершинѣ, какъ меня догналъ конный ординарецъ и передалъ приказаніе командира полка слѣдовать въ его распоряженіе. Въ это время бой шелъ уже не на прежней линіи, а нѣсколько отступя,—на томъ мѣстѣ гдѣ удалось остановить отступательный порывъ. По дорогѣ попадались раненые. Раненія были исключительно отъ артиллерійскаго огня. Между прочимъ я встрѣтилъ носилки съ раненымъ прапорщик. Меликъ-Адамовымъ. Будучи серьезно раненъ въ стопу ноги съ раздробленіемъ кости, онъ былъ въ чрезвычайно веселомъ состояніи. Задержавшись на секунду около него, я пожелалъ ему скораго выздоровленія, пожалъ ему руку и ускорилъ шагъ, чтобы догнать ушедшую впередъ роту. Меня ждалъ командиръ полка, Полк. Вышинскій; онъ былъ взволнованъ. Давъ мнѣ направленіе, онъ приказалъ занять интервалъ между 2 и 3 баталіонами. Я разсыпалъ роту въ цѣпь и повелъ ее по указанному направленію. Вскорѣ я врѣзался въ наши цѣпи, лежавшія чуть ли не вплотную другъ къ другу. Никакихъ признаковъ нѣмцевъ не было и только изрѣдка залетали одиночные снаряды. Бой шелъ въ первомъ баталіонѣ и въ 51 дивизіи.

Прождавъ тутъ съ часъ, мы получили приказъ отходить. На этотъ разъ отходили спокойно безъ всякаго давленія со стороны нѣмцевъ. По дорогѣ узнаемъ новость, нашъ адъютантъ, поручикъ Снарскій, раненъ въ тотъ моментъ, когда пытался остановить отходившія роты III-го баталіона.

Часамъ къ шести вечера мы добрались до прекрасной зеленой лужайки ярко изумруднаго цвѣта. За лужайкой шелъ густой сосновый ллѣсъ. На опушкѣ лѣса насъ остановили и приказали окопаться. Ружья составлены въ козлы. Задымились костры и, какъ по мановенію волшебнаго жезла, закипѣлъ въ котелкахъ чай. Въ лѣсу стоялъ шумъ и гамъ. Слышался лязгъ топоровъ и трескъ падавшихъ сосенъ, срубаемыхъ на блиндажи. Вотъ уже совсѣмъ стемнѣло... Наступила чудная теплая ночь. Я обошелъ свою роту

и убѣдился, что гренадеры прекрасно обосновались въ лѣсу за сравнительно небольшой промежутокъ времени. Окопы были уже готовы и имѣли необходимыя укрытія отъ шрапнельнаго огня. Позиція не оставляла желать лучшаго, такъ какъ, помимо того, что имѣла безукоризненный обстрѣлъ, вся линія окоповъ была закрыта отъ взоровъ противника густымъ сосновымъ лѣсомъ. Воздухъ былъ насыщенъ запахомъ сосновой смолы. На землѣ густой слой хвойныхъ иглъ образовалъ мягкую постель и всѣ мы предвкушали сладость длительнаго отдыха послѣ утомительныхъ боевъ. Гренадеры, наработавшись, сладко заснули, задремалъ и я. Но уже въ 11 часовъ ночи былъ полученъ приказъ сняться и отходить вглубь. Роты одна за другой тронулись, скоро мы прошли лѣсъ и вышли опять на поляну. Затѣмъ мы прошли деревню, спавшую мертвецкимъ сномъ, и, пройдя ее, вышли на дорогу, пролегавшую по колосившимся полямъ. Шли мы весь остатокъ ночи и къ 9-ти часамъ утра остановились прямо въ полѣ. Роты получили участки и отправились ихъ занимать. Я попалъ въ полковой резервъ и сталъ у штаба полка. Въ полдень я отправился къ расположенію шестой роты, гдѣ засталъ всѣхъ ротныхъ командировъ 2-го батал., которые распивали чай. Верстахъ въ пяти вправо виденъ былъ городъ Любачевъ. Позиція не имѣла совсѣмъ никакого обстрѣла. Всюду и вездѣ стояла рожь въ ростъ человѣка. „Ну, здѣсь мы долго не удержимся", рѣшили всѣ въ одинъ голосъ.

Когда я вернулся къ ротѣ, то засталъ всѣхъ спящими; подумавъ немного, и я залегъ спать, завернувшись въ бурку. Въ это же время, какъ я узналъ позже, происходила экзекуція — пороли кашевара и возницу одной изъ ротныхъ кухонъ. Причиной же къ ней послужилъ забавный эпизодъ. Наканунѣ, когда мы устраивали себѣ позицію въ лѣсу, командиръ полка возвращался послѣ обхода позиціи въ штабъ полка. Въ лѣсу онъ поровнялся съ какой-то темной

фигурой. Фигура, не узнавъ командира, приняла его за обыкновеннаго гренадера и разговорилась.

„Ну, и жарко было вечерась", — говорила фигура. „Гдѣ", — спросилъ командиръ. „Да вотъ когда вчерась мы ѣхали съ кухней. Онъ какъ началъ обстрѣливать насъ чемоданами, и давай, и пошелъ". „Я и говорю кашевару: не выбраться намъ съ кухней. Давай утекнемъ. Взяли мы съ нимъ обрѣзали постромки, сѣли на коней и давай Богъ ноги". — „А кухня какъ же?" — поинтересовался командиръ. — „А кухню бросили. Ну ее къ лѣшему. Онъ ее за антиллерію принимаетъ".

Велико было изумленіе довѣрчиваго разсказчика, когда онъ увидѣлъ, кто былъ его слушателемъ. Утромъ и кашевару и возницѣ всыпали по 20 плетей.

Весь день 3-го Іювя на фронтѣ полка было затишье. Правѣе насъ шелъ бой и видно было, что въ Любачевѣ начались пожары.

Влѣво отъ насъ, мнѣ передавали, какая то наша кавалерійская часть въ конномъ строю атаковала нѣмецкую пѣхоту и взяла плѣнныхъ, но я лично не былъ свидѣтелемъ этого боевого эпизода. Какъ разсказывали очевидцы, атака была очень красива.

Въ 10 часовъ вечера приказано было отходить. Помню, мы перешли какую-то рѣчку и пересѣкли полотно желѣзной дороги. Когда мы прошли уже версты двѣ, надъ нашимъ бывшимъ расположеніемъ стали вспыхивать взблестки рвущейся шрапнели. Нѣмцы очнулись. Мы отходили. Шли всю ночь. Останавливались рѣдко.

Когда начало разсвѣтать, мы увидѣли впереди на буграхъ копошившіяся фигуры. Подойдя ближе, распознали въ нихъ нашихъ саперъ, трассирующихъ линію окоповъ. Тутъ же находился нашъ командиръ полка. Нашъ бат-нъ принялъ полк. Тарасенковъ, только что вернувшійся въ полкъ по выздоровленіи отъ натуральной оспы.

Опять повторилась старая исторія. Развели роты на участки, гренадеры стали окапываться. Мнѣ

почему то казалось, что и здѣсь мы не будемъ долго задерживаться, но я ошибся. Я съ 8-ой ротой получилъ участокъ па лѣвомъ флангѣ полка, гдѣ уперся однимъ своимъ взводомъ въ опушку лѣса. Лѣвѣе моей роты вдоль опушки лѣса шло расположеніе 14 гренадерскаго Грузинскаго полка. Къ вечеру мы окопались, вырывъ окопы полной профили. Грунтъ былъ песчаный и потому все время осыпался. Вечеромъ намъ доставили проволоку и немного кольевъ и обѣщали на слѣдующій вечеръ принести рогатки.

Я выбралъ самое возвышенное мѣсто на бугоркѣ за ротой въ 30 шагахъ и приказалъ вырыть мнѣ землянку и сюда же провести телефонъ.

Ночь съ 4 на 5 Іюня прошла спокойно. Впереди ротъ были высланы секреты на 500 шаговъ. Нужно сказать, что еще днемъ 4-го я измѣрилъ впереди окоповъ разстоянія до всѣхъ выдающихся предметовъ, а гдѣ таковыхъ не было, приказалъ воткнуть еловыя вѣтви. Каждому взводному разстоянія были извѣстны и имъ же было поручено растолковать хорошенько это гренадерамъ. Позиція наша проходила у деревни Осередекъ и для нашего полка подъ этимъ названіемъ сохранилось наименованіе боевъ, здѣсь происходившихъ.

5-го Іюня въ 9 часовъ утра изъ лѣса, что былъ прямо противъ насъ въ 1 верстѣ, показались густыя цѣпи противника. Цѣпи шли увѣренно, какъ на парадѣ, подравниваясь на ходу. Рельефъ мѣстности, начиная отъ самаго лѣса, понижался, спускаясь въ небольшую лощину, шедшую параллельно нашимъ окопамъ въ 400 шагахъ.

Въ этотъ моментъ я былъ занятъ въ 4 взводѣ моей роты, отдавая распоряженія по укрѣпленію позиціи впереди 4-го взвода. Ставъ такъ, чтобы большинство людей моей роты меня видѣло, я далъ знакъ приготовиться, но ни въ коемъ случаѣ не стрѣлять. Какъ сейчасъ помню, какъ головы всѣхъ были повернуты въ мою сторону. Рота была совершенно спокойна. Облокотившись за крайнее дерево за окопами,

я разсматривалъ въ бинокль подходившія цѣпи. Все молчало. Я рѣшилъ допустить цѣпи до отмѣтки 600 съ тѣмъ расчетомъ, что если противникъ принужденъ будетъ остановиться, то ему придется лечь на скатѣ, обращенномъ въ нашу сторону, или идти назадъ въ гору, что тоже давало намъ преимущество.

Какъ только цѣпи подошли къ вѣткамъ на 600 шаговъ, я громко скомандовалъ: „Рота, пли". Грянулъ выдержанный залпъ. Всюду вокругъ шедшихъ на насъ нѣмцевъ обозначились рикошеты. Отчетливость ихъ увеличивалъ песчаный грунтъ. Многія фигуры упали.

Немедленно послѣдовалъ второй залпъ, еще болѣе удачный и еще болѣе выдержанный. Затрещали пулеметы Побоевскаго, бѣшенно вздымая пыль подъ самыми ногами наступавшихъ. Стоявшая за нами наша вторая батарея подполк. Стопани дала очередь, буквально засыпавшую цѣпи.

Въ минуту цѣпи были сметены. Сквозь поднявшуюся пыль видны были одиночные силуэты убѣгавшихъ нѣмцевъ. Этотъ случай лишній разъ подтвердилъ невозможность взятія позиціи безъ артиллерійской подготовки. Гренадеры мои отъ такого оборота дѣла пришли въ восторгъ, повылѣзали на брустверъ и стрѣляли „съ руки" по убѣгавшимъ, но я ихъ немедленно поставилъ вновь въ окопы. Когда пыль разсѣялась, нашимъ взорамъ представилось поле, усѣянное тѣлами противника, разбросанными по всѣмъ направленіямъ. Атака была отбита.

Нѣмецкая артиллерія, какъ бы въ отместку, загрохотала по нашимъ окопамъ. Одно тяжелое орудіе особенно свирѣпствовало, вздымая колоссальные земляные фонтаны. Во многихъ мѣстахъ окопы наши сравнены были съ землей. Лица у всѣхъ изъ радостныхъ приняли пасмурно-паническое выраженіе. Но все же чувствовалась твердость и устойчивость, было видно, что улепетывать никому не приходило въ голову.

Пострѣлявъ часа два, нѣмцы успокоились, къ великому нашему изумленію и радости. Тотчасъ я при-

казалъ исправить всѣ поврежденія и приступить къ постройкѣ ходовъ сообщенія изъ каждаго взвода. Ночь прошла тревожно. Мы ждали атаки и все время бодрствовали, но никакой атаки не случилось. Нѣмцы убирали убитыхъ. Нами было принесено нѣсколько раненыхъ, которые сообщили, что имъ было приказано во что бы то ни стало взять наши окопы, что ихъ тутъ цѣлая дивизія и что они понесли большія потери.

Подъ утро произошелъ траги-комическій случай. На секретъ 7-ой роты внезапно наскочилъ нѣмецкій дозоръ изъ двухъ человѣкъ. Нашихъ тоже было двое. Когда тѣ и другіе распознали другъ друга, то обмѣнялись нѣсколькими выстрѣлами и бросились бѣжать — каждый къ себѣ. Командиръ 7-ой роты, прапорщ. Борисовъ, допросивъ „дозорныхъ“ и узнавъ, какъ было дѣло, погналъ ихъ обратно. Черезъ нѣсколько минутъ секретъ вернулся и привелъ раненаго нѣмца, который сильно стоналъ. Его осмотрѣли и увидѣли, что онъ раненъ въ руку. Перевязали и отправили въ тылъ. На утро командиръ баталіона узнаетъ, что его не увѣдомили о томъ, что взятъ былъ плѣнный, и, страшно раздраженный, приказываетъ плѣннаго вернуть. Навели справки. Оказывается, плѣнный умеръ, не дойдя до штаба полка. Допросили водившихъ его. Всѣ удивлялись, отчего могъ раненый въ руку такъ скоро умереть. Вскорѣ все выяснилось. Оказывается, несчастный нѣмецъ былъ раненъ не только въ руку, но и въ животъ.

6-го, 7-го и 8-го Іюня мы укрѣпляли свою позицію. Впереди нашихъ окоповъ уже были рогатки, обмотанныя проволокой. Всюду шли ходы сообщеній; лѣсъ или опушка его была заплетена проволокой и представляла сильнѣйшій пунктъ ротнаго участка.

10-го утромъ, проснувшись, мы увидѣли, что и у нѣмцевъ появились колья. Это былъ симптомъ того, что наступленіе ихъ остановилось.

Въ одну ночь къ намъ пришелъ перебѣжчикъ австріякъ и отъ него мы узнали, что нѣмцы, по-

несшіе сильныя потери, замѣнены австрійцами. Здѣсь, впервые за войну, мы встрѣтились съ австрійцами и, если не ошибаюсь, впервые взяли перебѣжчика.

Начиная съ 10-го Іюня, бои шли лѣвѣе насъ, у дер. Брусно-Ново ни разу не докатываясь до нашего расположенія. Каждую ночь наши развѣдчики приводили плѣнныхъ и у насъ царило прекрасное настроеніе. Въ этихъ бояхъ нашъ новый командиръ бна полковникъ Тарасенковъ, получалъ серьезное боевое крещеніе и проявилъ себя съ самой лучшей стороны. На баталіонныхъ командировъ безукоризненно повезло. Офицеры ближайшихъ ротъ къ его блиндажу, что былъ въ 150—200 шагахъ за моей ротой, собирались у него въ минуты затишья на шашлыкъ, который жарилъ денщикъ его Аваковъ. Помню, какъ у кого-то изъ офицеровъ оказалась бутылка вина. Ее немедленно осушили и пожалѣли, какъ единственную.

10-го Іюня вечеромъ, обойдя роту и отдавъ всѣ нужныя приказанія, я легъ и крѣпко заснулъ. Со мной же въ землянкѣ жилъ подпоручикъ Побоевскій, находившійся у меня при ротѣ съ двумя пулеметами „Максима". Не помню, сколько я проспалъ, какъ вдругъ проснулся отъ невѣроятной стрѣльбы. Былъ какой-то адъ. Минуту я не могъ сообразить, что происходитъ. Сначала я рѣшилъ, что нѣмцы насъ атакуютъ, но тотчасъ отбросилъ это предположеніе, ибо со стороны нѣмецкихъ окоповъ несся надъ нами рой пуль. Въ то же время моя и всѣ сосѣднія роты поддерживали самый отчаянный огонь. Артиллерія и той и другой стороны свирѣпствовала во всю. Я бросился въ ближайшій окопъ и увидѣлъ такую картину: часть людей, прижавшись къ передней отлогости окопа спиной и, держа винтовки у лѣваго плеча такъ, что дула ихъ приходились надъ брустверомъ, учащенно палили въ звѣздное небо. Другая же часть стрѣляла въ бойницы, не отдавая себѣ отчета куда и зачѣмъ. Я пробовалъ кричать, ничего не помогало. Голоса моего никто не слышалъ, а въ

темнотѣ и въ паникѣ никто не признавалъ ротнаго командира. По счастью я захватилъ свою палку и началъ ею лупить обалдѣвшихъ гренадеръ. Только когда я лично обошелъ, такимъ образомъ, всю роту, стрѣльба умолкла. Постепенно стрѣльба стала затихать по всему фронту. Штабы недоумѣвали. Посыпались запросы. Никто ничего не могъ понять. Но результатъ этой панической стрѣльбы оказался для нашего полка плачевнымъ. Вышедшая съ вечера за проволочное загражденіе наша команда развѣдчиковъ, въ составѣ 17 гренадеръ съ фельдфебелемъ Науменко, была вся перебита. Ни одинъ человѣкъ не остался нъ живыхъ. Утромъ ихъ хоронили. У меня въ ротѣ тоже оказалось нѣсколько убитыхъ шальными пулями. Всѣ послѣдующіе дни наши окопы подвергались сильному обстрѣлу нѣмецкой артиллеріи, причемъ однимъ осколкомъ на мнѣ былъ пробитъ футляръ моего бинокля. 12-го Іюня разразилась гроза съ ливнемъ. Телефоны пришлось выключить, такъ какъ говорить стало опасно. Пытавшійся что-то передать телефонистъ, сидѣвшій рядомъ со мной, вдругъ весь какъ то покоробился и бросилъ трубку, такъ какъ изъ нея блеснула сильная искра. Я самъ тоже не на шутку испугался и приказалъ убрать „ко всѣмъ чертямъ“ телефонъ.

13-го Іюня вечеромъ, ничего не подозрѣвая и считая, что нѣтъ твердыни болѣе крѣпкой, чѣмъ наша позиція, я получилъ приказаніе остаться съ ротой въ окопахъ до утра 14 го Іюня, а съ наступленіемъ разсвѣта – отходить въ арріергардѣ полка. Полкъ же снимался въ 9 часовъ вечера. За четверть часа до ухода полка, я получилъ второе приказаніе, гласящее, что черезъ три часа послѣ ухода полка т. е. въ двѣнадцать часовъ ночи я могу уйти. До 12-ти часовъ я долженъ сидѣть въ окопахъ, причемъ мнѣ нужно держать связь съ Его Величества ротой, находившейся на крайнемъ правомъ флангѣ. При наличной обстановкѣ задача не представляла ничего труднаго, но все же, когда телефоны были сняты и

по часамъ можно было предполагать, что полкъ отошелъ уже на 5-6 верстъ, стало жутко. Я побоялся растянуть свою роту, какъ мнѣ было указано, тѣмъ болѣе, что меня не предупредили, чѣмъ вызванъ нашъ отходъ. А потому послалъ вдоль фронта дозоръ въ Его Величества роту, а самъ остался съ ротой въ томъ же положеніи, какъ и былъ. Вотъ уже 12 часовъ. Страшно тянетъ уйти, уйти, какъ можно скорѣй. Но я выдерживаю характеръ еще часъ и, заранѣе предупредивъ взводныхъ и фельдфебеля, подаю условный сигналъ къ отходу. Въ условленномъ мѣстѣ за окопами взводы собираются. Повѣряю людей, всѣ на лицо. Трогаемся въ путь, я иду впереди. За нашими окопами оказался густой лѣсъ. Дороги искать не пришлось. Въ тылъ вела одна дорога. Мнѣ все казалось, что вдругъ изъ темноты покажутся нѣмцы, такова психологія отступающихъ. Но я былъ спокоенъ, со мной была вся рота, а рота была хорошая и даже считалась одной изъ лучшихъ въ полку. Шли мы довольно долго. По дорогѣ намъ пришлось пройти горѣвшую деревню. Былъ моментъ когда я пожалѣлъ, что не обогнулъ горѣвшую деревню, такъ невыносимо жарко было идти по улицѣ среди горѣвшихъ справа и слѣва ея зданій. Наконецъ и деревня была пройдена. Мы вышли на болѣе ровное мѣсто и замѣтили вдали какіе-то огни. Подойдя къ нимъ, въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ, мы увидѣли, что здѣсь собирается весь нашъ полкъ и что здѣсь возведены окопы, хотя и не законченныя, но весьма солидной постройки.

Когда я подошелъ къ командиру полка доложить, что прибылъ съ ротой, получилъ нагоняй: „Почему, Вы такъ рано пришли"? задалъ мнѣ командиръ полка вопросъ. Я не ожидалъ такого вопроса и, доставъ часы, доказалъ, что я ушелъ на часъ позже, чѣмъ мнѣ было приказано. „Гдѣ Вы бросили Его Величества роту"? Я имѣлъ мужество отвѣтить, что не знаю, гдѣ Его Величества рота. Тутъ мнѣ влетѣло порядочно. Я и не пытался оправдываться,

потому что чувствовалъ, что не совсѣмъ правъ. „Вотъ видите", волновался командиръ, „изъ за Васъ погибнетъ Его Величества рота". Я не на шутку испугался, хотя отлично помнилъ, что, когда мы уходили, да и во все время дороги, кромѣ одиночныхъ выстрѣловъ, нигдѣ ничего не было слышно.

Наконецъ командиръ меня отпустилъ и я отошелъ къ ротѣ въ совершенно подавленномъ состояніи духа. Почти что въ эту минуту я услышалъ голосъ командира полка: „Попросите сюда поручика Тихонова". Поручикъ Тихоновъ былъ командиромъ Его Величества роты, только что прибывшей къ расположенію полка. Въ этотъ же моментъ я почувствовалъ, какъ разошлась спазма, щемившая мнѣ что-то въ груди.

Стало разсвѣтать. Полкъ все еще не былъ разведенъ по участкамъ. Позиція, какъ я уже говорилъ, не была закончена. Окопы были полной профили съ блиндажами, но ходовъ сообщенія еще не было. Были вбиты колья для проволочнаго загражденія чуть ли не въ пять рядовъ, но проволоки не было и проч. Когда я разобрался по картѣ, то по моему вышло, что предполагаемая позиція идетъ чуть-ли не перпендикулярно къ фронту противника, и дѣйствительно, Тифлисскій полкъ, стоявшій лѣвѣе насъ, былъ далеко сзади и строилъ новые окопы, а Грузинцы окапывались еще лѣвѣе и чуть ли не на версту сзади Тифлиссцевъ. Сразу бросалась въ глаза какая-то ненормальность. Я доложилъ объ этомъ командиру 2 баталіона, подполковнику Тимченко, опять принявшему б-нъ. Онъ согласился со мной и мы вмѣстѣ пошли къ командиру. Намъ удалось убѣдить командира не занимать приготовленные окопы, а отойти шаговъ на 500 назадъ и построить новые окопы. Я отвелъ свою роту назадъ и выбралъ новое мѣсто, хотя очень неважное, но все-же гораздо лучшее, чѣмъ готовые окопы съ подставленнымъ къ противнику флангомъ.

Приказавъ ротѣ окопаться, я завернулся въ

бурку и заснулъ. Проснулся я отъ нѣсколькихъ толчковъ въ бокъ. „Ваше Благородіе, куда телефонъ проводить, спрашиваютъ телефонисты... и такъ что какъ будто нѣмцы наступаютъ"... докладывалъ фельдфебель Мезенцевъ.

Я протеръ глаза и увидѣлъ, что рядомъ со мной уже выкопано нѣчто вродѣ могилы, долженствующей изображать окопъ для „ротнаго". Въ окопчикѣ была уже настлана солома. Дѣйствіе продолжалось. Нѣсколько шрапнелей съ высокимъ розоватымъ разрывомъ подали сигналъ къ началу боя. Вправо отъ моей роты змѣеобразной линіей окопались 6 и 7 роты. Пятой роты мнѣ уже не было видно. Влѣво на буграхъ, значительно возвышаясь надъ нашимъ расположеніемъ, окапывались Тифлиссцы. На нихъ наступающіе обратили особое вниманіе и туда понеслись очереди тяжелой шрапнели, отличавшейся отъ обыкновенной гнойно-желтымъ облакомъ дыма, появлявшимся при разрывѣ, въ то время какъ у обыкновенной полевой пушки шрапнель даетъ бѣлое облачко. Сначала я видѣлъ, какъ люди закопошились, какъ муравьи, стараясь какъ можно скорѣе врыться поглубже въ землю, но было поздно и, не выдержавъ сильнаго и мѣткаго огня, 2 роты Тифлиссцевъ бѣжали.

Я сообщилъ объ этомъ по телефону командиру баталіона, прося принять мѣры къ ихъ возвращенію, такъ какъ наступающіе были еще далеко и держаться было вполнѣ возможно.

Дошла очередь и до насъ. Прямо противъ насъ высыпали густыя цѣпи въ нѣсколько рядовъ. Присмотрѣвшись въ бинокль, я увидѣлъ, что противъ насъ австрійцы. Наша Гренадерская артиллерія открыла убійственный огонь по цѣпямъ. Страшно было смотрѣть, какъ удачно рвались надъ цѣпями наши шрапнели. Наступавшіе были уже близко, но не выдержали и залегли въ 600 - 800 шагахъ. Затѣмъ они постепенно стали группами накапливаться въ оставленныхъ нами окопахъ. Ихъ артиллерія била

страшно мѣтко — искючительно шрапнелью. Три раза за одинъ часъ былъ перебитъ кабель и два телефониста, вызвавшіеся его поправить, были убиты на моихъ глазахъ. Третій былъ счастливѣе и, все время подъ ужаснѣйшимъ огнемъ, исправлялъ поврежденія. Оглянувшись назадъ, я увидѣлъ идущаго по направленію къ моей ротѣ офицера Тифлисскаго полка. Офицеръ былъ высокаго роста, представительный, съ внушительнымъ видомъ. Въ рукахъ у него была большая палка. Я вылѣзъ изъ своего окопчика и пошелъ ему на встрѣчу. Всюду рвались снаряды. Когда я назвалъ свою фамилію и часть, полковникъ назвалъ свою. Это былъ командиръ одного изъ баталіоновъ Тифлисскаго полка, доблестный полковникъ Ил. Ив. Ивановъ. „Не видѣли ли Вы здѣсь нашихъ гренадеръ", обратился онъ ко мнѣ, „разбѣжались мерзавцы". „Я уже вотъ часть загналъ обратно" сказалъ онъ, выразительно взглянувъ на палку.

Долго стоять не приходилось; давъ нужныя ему свѣдѣнія, я подошелъ къ ротѣ и спустился въ окопъ.

„Справа передаютъ, невозможно держаться, Ваше Благородіе, кричали изъ окоповъ. Ввиду того что за всю войну этотъ терминъ отъ гренадеръ я услышалъ первый разъ, я вылѣзъ изъ окопа и нарочно пошелъ открыто вдоль него къ тому участку, откуда передавали, что держаться невозможно. Пули свистѣли роемъ и выбивали трель пулеметы. Бой достигъ наивысшаго напряженія.

„Гдѣ не могутъ держаться"? спросилъ я. „Здѣсь". „Ваше Благородіе, спускайтесь скорѣе, а то убьютъ", кричали мнѣ, „смотрите, какъ Штрауса ранило". Ко мнѣ шатаясь, подошелъ лучшій гренадеръ роты, нѣмецъ Штраусъ, кадровый солдатъ и георгіевскій кавалеръ. Лицо его было мертвенно блѣдно, окровавленная рубаха была сорвана, ему собирались дѣлать перевязку. Громадный осколокъ попалъ ему въ плечо и вышелъ въ лопатку, вывернувъ за собой и

кости и мясо. Санитары перевязывали его, наложивъ цѣлую кипу бинтовъ. „Можешь ты самъ идти или тебѣ дать носильщиковъ", спросилъ я. „Пойду самъ, прощайте, Ваше Благородіе, желаю вамъ всего хорошаго", отвѣтилъ онъ. Я все же далъ ему провожатаго, такъ какъ въ ротѣ было 12 человѣкъ безъ винтовокъ, за неимѣніемъ таковыхъ, которые исполняли роль санитаровъ, а по мѣрѣ убыли кого-либо изъ строя замѣщали уходившихъ. „Скорѣе, скорѣе", кричали ему сзади. Къ сожалѣнію, я такъ и не узналъ о его дальнѣйшей судьбѣ.

Бой кипѣлъ. Австрійцы пытались подниматься, но мы ихъ быстро укладывали. Въ ушахъ звенѣло отъ трескотни. Вдругъ надъ козырькомъ, основаніемъ котораго служило большое бревно, лежавшее на брустверѣ, разорвалось четыре снаряда, причемъ одинъ стаканъ попалъ въ бревно и сбилъ его въ окопъ. Правый конецъ бревна чудомъ удержался, за что-то зацѣпившись, а лѣвый рухнулъ въ окопъ и придавилъ 4 гренадеръ. Самый крайній былъ раздавленъ на мѣстѣ, трое другихъ сильно пострадали, а я остался цѣлъ. Ряды роты все рѣдѣли; все время слышалось по окопу: такого то убило, такого то ранило. Но духъ сломленъ небылъ, мы не унывали,—„австрійцы это не противникъ". Въ 7 часовъ вечера, все же, приказано было отходить. Оставивъ убитыхъ въ окопѣ, не успѣвъ ихъ предать землѣ, такъ какъ это обыкновенно дѣлалось ночью, мы поспѣшно отошли, не преслѣдуемые противникомъ. Ему тоже хорошо досталось. Такъ кончился бой 14-го Іюня у Нароля.

Съ 7 часовъ вечера и до 9 часовъ утра мы шли непрерывно и подъ утро перешли Австро-Русскую государственную границу.

Вскорѣ по переходѣ границы, мы остановились на мѣстности, сплошь занятой огородной культурой, вблизи деревни Лозникъ. Въ этотъ день меня знобило и сильно болѣла голова. Когда командиръ полка случайно узналъ, что я нездоровъ, то предложилъ мнѣ идти въ резервъ, но я просилъ его въ

резервъ меня не назначать, такъ какъ при той обстановкѣ, въ которой мы предполагали принять бой, резервъ сулилъ больше непріятностей и встряски, чѣмъ боевая часть.

Командиръ разсмѣялся, когда я сказалъ ему что-то вродѣ того: „Чувствую, что сегодня вы будете гонять резервъ по всему фронту", и назначилъ меня съ ротой на крайній лѣвый флангъ.

Бой 15 го Іюня рисуется мнѣ въ какомъ то туманѣ, такъ у меня болѣла голова. Въ результатѣ насъ обошли гдѣ то слѣва и мы отступили въ этотъ день весьма поспѣшно и съ большими затрудненіями.

Отходя къ лѣсу, мы настигли нашихъ пулеметчиковъ, выбивавшихся изъ послѣднихъ силъ подъ тяжестью несомыхъ ими пулеметовъ. Никто не хотѣлъ помогать. Я и Побоевскій взвалили по тѣлу пулемета на плечи и понесли. Сколько бы мы ихъ протащили — неизвѣстно, но это помогло. Гренадеры устыдились, и по очереди, задыхаясь отъ усталости и быстрой ходьбы, вынесли пулеметы на своихъ плечахъ.

Въ этотъ день геройски, но безцѣльно погибъ прапорщикъ Ростомовъ, выскочившій изъ окоповъ съ цѣлью захватить подошедшій нѣмецкій дозоръ. Съ большимъ трудомъ рота вынесла его тѣло, употребивъ для этой цѣли веревочную петлю, которую удалось набросить на ноги его трупа.

Въ бою 15 Іюня нѣмцы проявили много настойчивости и энергіи. Когда мы отошли уже верстъ на 15 отъ той позиціи, что занимали утромъ, и остановились въ большой деревнѣ Пасѣки, чтобы перевести духъ, туда же вкатилась команда нѣмецкихъ велосипедистовъ и была нами захвачена цѣликомъ въ плѣнъ. Оказывается, они думали, что Пасѣки уже въ ихъ рукахъ. Въ Пасѣкахъ мы не задержались, а тронулись дальше. Гренадеры нервничали и вдругъ эта нервозность вылилась въ неожиданную панику. Мы шли въ лѣсу, какъ вдругъ сзади послышались вопли: „Кавалерія, кавалерія". Все въ мигъ стреми-

тельно бросились бѣжать... Сзади, дѣйствительно, слышался конскій топотъ. Офицеры пытались остановить бѣгущую массу, но безуспѣшно. Ихъ крики „стой" были восприняты своеобразно. Всѣ начали кричать: „стой" и всѣ, въ то же время, бѣжали во всю прыть. Вдругъ сзади все стало раздаваться и давать дорогу. То летѣла карьеромъ одна изъ нашихъ батарей. Какой-то гренадеръ попалъ подъ колеса и только чудомъ не былъ убитъ, а сильно искалѣченъ. На этомъ все и кончилось.

Оказалось, что наша батарея была кѣмъ то принята за непріятельскую кавалерію и одного крика „кавалерія" было достаточно, чтобы измотавшаяся въ непрерывныхъ отступленіяхъ и уставшая пѣхота предалась самой безудержной паникѣ. Черезъ полчаса полкъ шелъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Уже начинало смеркаться, когда мы стали подходить къ одной изъ позицій, занимаемой въ прошлогоднихъ бояхъ съ австрійцами нашими частями у Тарноватки. И теперь можно было видѣть слѣды воронокъ и повсюду разбросанные стаканы шрапнели. Мы сошли влѣво съ дороги и стали въ резервной колоннѣ. Мѣсто, на которомъ мы сейчасъ расположились, представляло изъ себя громадный лугъ, въ верстѣ отъ насъ переходящій въ болото. Уже контуры рельефа мѣстности стали сливаться и трудно было создать себѣ общую картину нашей позиціи, но то, что впереди насъ былъ прекрасный обзоръ и обстрѣлъ говорило, что позиція должна быть хорошей.

Въ ожиданіи приказаній офицеры расположились у костра подъ большимъ вѣтвистымъ деревомъ; кто начиналъ дремать, кто пилъ чай. Наша компанія офицеровъ 2 го баталіона подтрунивала надъ командиромъ баталіона, полковникомъ Тимченко, который благодаря близорукости, разбилъ себѣ носъ, пролѣзая подъ какой-то заборъ въ Пасѣкахъ. Подъѣхала подвода и чьи то голоса спрашивали, куда везти тѣло прапорщика Ростомова. Жаль было молодого храбраго офицера, недавно только вернувшагося въ

полкъ, — послѣ раненія, полученнаго 3-го Марта въ бою подъ Праснышемъ. Болѣе опытные офицеры понимали что причиной его преждевременной смерти была его горячность, что ему и не нужно было вылѣзать изъ окопа, такъ какъ, если бы даже за нимъ пошла и вся рота, то и то отъ этого дѣло нисколько бы не выиграло. Подошедшій командиръ сдѣлалъ какое-то распоряженіе и подвода удалилась. Всѣ сняли фуражки. Въ этомъ и выразилась вся воинская почесть павшему герою-офицеру. Время было тяжелое: безсонныя ночи, утомительныя ночныя движенія, ежедневные бои безъ всякой надежды на успѣхъ, — временами доводили до отчаянія, то насъ гдѣ то обходилъ невидимый нами противникъ и мы отступали по приказанію, то мы, не имѣя достаточныхъ средствъ къ оборонѣ, уходили сами... и такъ безъ конца. Свѣжихъ частей, которыя могли бы подпереть насъ и вселить въ насъ стойкость, по видимому, не было, не было и солидной укрѣпленной позиціи, которая усилила бы наши ослабѣвшія боевыя качества. Усталость всего организма дошла до своего предѣла, и казалось, вотъ-вотъ упадешь отъ изнеможенія и ужъ тогда тебѣ будетъ все равно, что съ тобой станется.

Въ ночь съ 15 на 16 Іюня насъ размѣстили по окопамъ, въ которыхъ мы просидѣли до утра. Что же касается моей роты, то ей достался участокъ безъ готовыхъ окоповъ и почти всю ночь пришлось возиться съ устройствомъ позиціи. Только что взошло солнце, какъ былъ полученъ приказъ отходить. Мы шли по прекрасному шоссе. Съ нами по тому же шоссе двигались части 3-ей Гвардейской дивизіи. Въ то время, когда мы были подъ Осередскомъ, 3 Гвардейская дивизія стояла лѣвѣе насъ и вынесла на своихъ плечахъ тяжелые бои. Сейчасъ она была въ сильно порѣдѣвшемъ составѣ.

Идя по шоссе, мы прошли мимо двухъ бронированныхъ автомобилей, замаскированныхъ вѣтками. Ихъ присутствіе здѣсь было весьма умѣстно, но ра-

боты броневиковъ за всю Германскую войну мнѣ ни разу не пришлось видѣть.

Пройдя верстъ 15 по шоссе, мы свернули съ дороги вправо и пошли безъ дорогъ. Къ намъ подъѣхалъ нашъ новый начальникъ дивизіи, генералъ-лейтенантъ Габаевъ и, снявъ фуражку, благодарилъ гренадеръ за отлично выполненную тяжелую работу и высказалъ увѣренность, что и впредь мы покажемъ себя такими же молодцами. Разрозненно и хрипло отвѣчали гренадеры на привѣтствіе и еще болѣе измученными казались ихъ голоса, отвѣчавшіе: „постараемся, Ваше Превосходительство". Постараемся, только оставь насъ въ покоѣ, какъ бы говорили эти голоса. Съ меня струился градомъ потъ, а осѣвшая слоями на потное тѣло пыль измѣняла лицо до неузнаваемости. Видъ роты говорилъ самъ за себя. Начальникъ дивизіи и его штабъ проѣхали дальше и не знаю, что они осматривали, но только позиція, на которой мы остановились, не выдерживала никакой критики. Обстрѣла не было никакого, обзора тоже. Мало того, я съ ротой попалъ въ лощину къ какому-то ручью, протекавшему по ней. Тутъ же находилась маленькая деревушка Ксенжостаны. Лощина имѣла крутые обрывистые берега и мнѣ съ ротой была видна только узкая полоска неба. Окоповъ здѣсь никакихъ не было, и я даже не пытался ихъ возводить, ибо было ясно, что дѣло безнадежное. Единственнымъ плюсомъ этой позиціи былъ большой лѣсъ, находившійся въ 400, примѣрно, шагахъ за деревней. Командиръ баталіона, подполковникъ Тимченко взялъ отъ моей роты взводъ въ свое распоряженіе. Я остался съ тремя взводами. Сначала я сидѣлъ въ оврагѣ, но потомъ рѣшилъ забраться на лѣвую сторону этого оврага, ибо оттуда все же была видна сосѣдняя 7 рота по другую сторону оврага. Всюду колосилась пшеница, обѣщая прекрасный урожай, въ то же время не давая возможности видѣть намъ дальше своего носа.

Нѣмцы приближались и черезъ часъ надъ ротами,

расположенными по правую сторону оврага, начала рваться тяжелая нѣмецкая шрапнель. Вскорѣ нѣмцы открыли огонь и по 3-му баталіону, расположенному влѣво отъ меня. Меня же нѣмцамъ совсѣмъ не было видно такъ, что только 3 4 снаряда случайно попали въ оврагъ. Бой разгорался все сильнѣе и сильнѣе. Съ правой стороны оврага сносили раненыхъ. Вотъ вижу, ведутъ совершенно окровавленнаго прапорщика, прибывшаго къ намъ въ полкъ за нѣсколько дней передъ этимъ. Я даже не знаю его фамиліи. Вотъ опять носилки. Вижу -- офицеръ. „Кто такой"? спрашиваю я. „Ихъ Благородіе пр. Котляревскій". — „Куда раненъ?". — „Они контужены". Я говорю носильщикамъ, куда нужно нести, чтобы выйти на дорогу.

По ходу боя было видно, что сейчасъ все сорвется и побѣжитъ. Злорадно трещатъ нѣмецкіе пулеметы. Все чаще и чаще идутъ раненые. Смотрю, спускаются наши пулеметчики, тянутъ пулеметъ и кричатъ: „Ваше Благородіе, дайте людей вытащить пулеметъ, мы сами не можемъ". Я отрядилъ шесть человѣкъ, — пулеметъ понесли. Въ этотъ же моментъ прибѣгаетъ связникъ отъ командира баталіона и говоритъ: „Ваше Благородіе, командиръ баталіона приказали вести роту въ лѣсъ, они тамъ будутъ ждать Васъ". Я собралъ остатки роты и спустился съ ними въ оврагъ, чтобы укрыто и безъ потерь войти въ лѣсъ. Пройдя 100 шаговъ, мы наткнулись на носилки съ пр. Котляревскимъ. Около носилокъ стояли три гренадера, окончательно выбившіеся изъ силъ. Я взглянулъ на лежавшаго на носилкахъ пр. Котляревскаго и не узналъ его. Онъ весь опухъ и не походилъ на самого себя. Я нарядилъ 8 человѣкъ и приказалъ имъ во что бы то ни стало донести прапорщика до первой повозки.

Увидя, что мы отходимъ, нѣмцы усилили огонь и перенесли его въ лѣсъ. Лѣсъ трещалъ и валился, когда мы въ него вошли. Тѣмъ не менѣе, со всѣхъ сторонъ отступающіе стекались къ спасительному

лѣсу. Здѣсь я встрѣтилъ вторично раненаго подполковника Балуева, командовавшаго 3-имъ баталіономъ. Тутъ же съ пулеметами шелъ князь Шервашидзе и разсказывалъ, что его чуть-чуть не ранило осколкомъ. „Какая досада", — прибавилъ онъ, — „вѣдь чуть-чуть не задѣло, и осколокъ совсѣмъ маленькій. Пора бы отдохнуть". Я его отлично понималъ. Намъ, уставшимъ и измотавшимся, но не считавшимъ возможнымъ уйти на отдыхъ какимъ-нибудь инымъ способомъ, мерещилось легкое раненіе, какъ единственный почетный предлогъ отдохнуть.

Въ лѣсу мы подобрали нѣсколькихъ раненыхъ, между прочимъ, одного тяжело-раненаго въ обѣ ноги и руки. Перевязавъ и уложивъ на носилки, мы понесли и его. На счастье, по выходѣ изъ лѣса, мы встрѣтили санитарный автомобиль г. Гернгросса, своей самоотверженной работой много принесшаго пользы въ дѣлѣ эвакуаціи раненыхъ непосредственно съ поля боя. Старшій братъ г. Гернгросса — кавалергардъ, прикомандированный, вмѣстѣ съ другими кавалергардами, къ нашему полку, командуя 2-ой ротой, былъ серьезно раненъ въ бою 2-го Іюня.

На этотъ разъ г. Гернгроссъ особенно сильно насъ выручилъ, забравъ нашихъ раненыхъ, которые насъ связывали по рукамъ и ногамъ.

Выйдя изъ лѣса, части стали понемногу разбираться. Все же нѣкоторыя роты совсѣмъ исчезли, выйдя на участки другихъ полковъ. Отойдя верстъ 6-7, мы остановились у фольварка Лабуны, гдѣ былъ сахарный заводъ и господскій домъ, окруженный дивнымъ англійскимъ паркомъ. Паркъ былъ на возвышенности и представлялъ собой прекрасный пунктъ для наблюденія. Роты расположились въ густой высокой пшеницѣ и стали окапываться. Въ полуверстѣ вправо, перпендикулярно къ фронту, шло шоссе. Нашъ полкъ уперся правымъ флангомъ въ шоссе, имѣя правѣе себя части 51 дивизіи. Моя рота расположилась у самаго парка, имѣя сзади себя въ 30 шагахъ прекрасную желѣзную рѣшетку. Въ общемъ

пшеница скрывала наше расположеніе совершенно. Роты залегли и притаились, ожидая, что будетъ.

Въ 5 часовъ дня изъ лѣса, который мы недавно прошли стали появляться колонны нѣмцевъ. Отъ нихъ отдѣлились дозоры и, образовавъ рѣдкую цѣпь, двинулись впередъ. Можно было наблюдать, какъ, пройдя шаговъ 100 - 200, дозоры останавливались. Часть изъ нихъ ложилась, а часть, вооруженная биноклями, разсматривала впереди лежащую мѣстность, затѣмъ всѣ вновь вставали и двигались дальше. До нѣмцевъ было версты $1^1/_2$ -2 не больше. Вдругъ послышался сильный грохотъ, который все усиливался. На шоссе показалась группа всадниковъ. Поравнявшись со своими цѣпями, всадники остановились и минуту спустя подали какіе-то знаки. Грохотъ, на время прекратившійся, вновь далъ о себѣ знать и вотъ, какъ на ладони, вправо отъ шоссе, выкатилась сначала одна батарея, за ней другая и третья. Я насчиталъ всего 12 орудій. Видно было, какъ убраны были передки и около орудій закопошилась прислуга. Я обомлѣлъ. Сердце мое готово было выскочить изъ груди. Я бросился къ командиру баталіона и показалъ ему невиданное зрѣлище. Командиръ баталіона, подполковникъ Тимченко, побѣжалъ къ телефону, чтобы дать знать нашей артиллеріи, но оказалось, что телефонъ не могутъ дотянуть до командира баталіона, такъ какъ не хватаетъ кабеля на 50 шаговъ Пришлось полковнику Тимченко перемѣститься къ телефону. Когда онъ передалъ по телефону въ штабъ полка о видѣнномъ, гдѣ въ то время находился и командиръ Гренадерской Артиллерійской бригады, оказалось. что у нашихъ артиллеристовъ нѣтъ ни одного снаряда. Когда я услышалъ объ этомъ, то буквально заскрежеталъ зубами. Но дѣлать было нечего.

Установившись, нѣмецкая артиллерія открыла огонь куда-то далеко по шоссе въ тылъ. Я понялъ, что они насъ не видятъ. Гренадеры какъ-бы вросли въ землю. Нѣмецкія цѣпи приближались. Вотъ уже ихъ

дозоры въ 100 шагахъ отъ нашихъ цѣпей, за ними въ отдаленіи двигаются въ сомкнутомъ строю баталіоны. На шоссе замаячили кавалерійскіе разъѣзды. Вдругъ кто-то не выдержалъ и выстрѣлилъ. Какъ электрическій токъ пробѣжалъ по всей линіи. Винтовки разрядились. Наши части открыли частый огонь. Нѣмцы перешли моментально изъ сомкнутаго строя въ разсыпной и повели наступленіе. Артиллерія сдѣлала паузу и... сразу засыпала насъ шрапнелью. Помимо легкихъ орудій у нихъ оказались еще и тяжелыя и въ двѣ минуты вся наша линія была, какъ въ туманѣ, отъ рвущихся снарядовъ и отъ вздымаемой ими пыли.

Не выдержавъ такого сосредоточеннаго огня, роты поднялись и, какъ одинъ бросились назадъ. Все поле бѣжало. Артиллерія стрѣляла бѣглымъ огнемъ туда, гдѣ больше всего скоплялись люди.

Въ фольваркѣ въ это время находились штабы нѣсколькихъ полковъ и артиллерійской бригады. Всѣ они бросились на коней и развили наибольшую скорость. „Сегодня мы, кажется, не уйдемъ", говорилъ я подполковнику Тимченко, прибавляя шагу. Вмѣсто отвѣта насъ обдалъ градъ еловыхъ шишекъ, сбитыхъ разорвавшейся шрапнелью. Гренадеры моей роты бросились черезъ рѣшетку въ паркъ и смѣшно было видѣть, какъ здоровый дядя не могъ отъ страху взять такое незначительное препятствіе, какъ желѣзная рѣшетка, не болѣе метра высотой.

Изъ парка мы вылетѣли, какъ угорѣлые, и помчались въ открытое поле.

Какой-то ординарецъ подскочилъ къ командиру баталіона и что-то передалъ ему. Подполковникъ Тимченко попытался остановиться, чтобы посмотрѣть на карту, но ноги не слушались — бѣжали и онъ, махнувъ рукой, продолжалъ бѣжать. Я бѣжалъ за нимъ, а за мной часть роты. Пробѣжавъ версты двѣ, мы перешли на шагъ, съ трудомъ переводя дыханіе. Начали разбираться. Моя рота оказалась почти вся на лицо. Другія же роты понесли болѣе серьезныя

потери, и, какъ передавали потомъ, нѣкоторыя роты, бросившись въ паникѣ въ хмѣль, запутались въ немъ и многіе не успѣли оттуда выбраться. Другія части попали въ болото и все перемѣшалось. Къ счастью стало темнѣть. Проходя по болоту, я наткнулся на брошенныя двуколки Мингрельскаго полка. Одна двуколка оказалась телефонной и была полна прекрасными Эриксоновскими аппаратами. Я приказалъ вынусь всѣ аппараты и провода, и забрать на себя. Въ минуту все было забрано и гренадеры пообвѣшались телефонными аппаратами и проводами. Помимо аппаратовъ, мы еще раньше разобрали двуколку съ патронами, тоже завязшую въ болотѣ. Въ патронахъ была острая нужда, нужно было запасаться, хотя мы всѣ отъ усталости едва волочили ноги.

Не останавливаясь, мы шли всю ночь; подъ утро, пройдя Богъ вѣсть сколько верстъ, насъ наконецъ остановили. Силы оставили меня. Я буквально рухнулъ и заснулъ, какъ убитый. Подъѣхавшіе съ кухнями денщики разсказывали, что застали весь полкъ спящимъ мертвецкимъ сномъ. Кто, какъ стоялъ, т къ и повалился. Полкъ обратился въ сѣрую людскую кашу.

Проспавъ два часа, мы тронулись дальше. Пройдя верстъ 10, нашъ полкъ прошелъ черезъ проволочныя загражденія заблаговременно подготовленной позиціи Красноставъ-Грубешовъ. Тутъ были и блиндажи, и ходы сообщенія и проволочное загражденіе въ нѣсколько рядовъ. Однимъ словомъ, такой позиціи мы еще ни разу не встрѣчали. Я боялся только одного, какъ бы намъ не приказали оставить такую прекрасную позицію безъ боя. Пройдя проволочное загражденіе, мы пошли вдоль окоповъ, принимая все вправо, а по отношенію противника — влѣво. Шли мы еще часовъ 5—6 и наконецъ дошли до дер. Генрикувки, гдѣ и остановились.

Когда стемнѣло, намъ приказано было стать въ резервъ въ лѣсу за дер. Генрикувкой въ 2-хъ верстахъ.

18 Іюня прошло совершенно спокойно. Противникъ не показывался. 19-го утромъ я съ ротой назначенъ былъ въ резервъ Грузинскаго полка и сталъ въ верстѣ за дер. Берестье въ прекрасныхъ окопахъ. Грузинцы занимали окраину деревни Берестье и укрѣплялись. Я пользовался затишьемъ и отсутствіемъ противника и ходилъ по сосѣднимъ окопамъ и осматривалъ ихъ устройство и мѣсторасположеніе.

Линія нашихъ окоповъ проходила по холмамъ, имѣвшимъ общій скатъ къ большой лощинѣ, въ которой находились деревня Берестье и нѣсколько далѣе вправо фольваркъ Облычинъ. Оть этихъ пунктовъ, находившихся въ нейтральной зонѣ, шелъ длительный пологій подъемъ, вершина коего была покрыта лѣсомъ. Здѣсъ шла первоначальная линія окоповъ нѣмцевъ. Разстояніе между нашими и нѣмецкими линіями было не менѣе $1^1/_2$ верстъ. Позиція наша была сильно укрѣплена: имѣла два ряда хорошо примѣненныхъ къ мѣстности окоповъ, причемъ впереди первой линіи тянулось проволочное загражденіе въ три, а мѣстами и въ 5 рядовъ, что я впервые встрѣтилъ на войнѣ.

Окопы полной профили защищены были козырьками, имѣли бойницы въ видѣ длинныхъ узкихъ щелей; мѣстами попадались довольно солидныя убѣжища отъ огня легкой артиллеріи.

Кромѣ того изъ каждаго окопа шелъ въ тылъ ходъ сообщенія. Недостатокъ и окоповъ и ходовъ сообщен й какъ-то сразу всѣми офиперами былъ отмѣченъ и подчеркнутъ, а именно: и тѣ и другіе были слишкомъ широки. Въ резервѣ Грузинцевъ я съ ротой простоялъ три дня. За это время нѣмцы подошли и заняли лѣсистый гребень противоположнаго ската. Наши, сильно потрепанныя, части за это время перевели духъ. Командиръ полка распорядился, чтобы ротамъ два раза въ день давали горячую пищу и гренадеры пріободрились. Помню, когда мы послѣдній день стояли въ резервѣ Грузинскаго полка, ко мнѣ въ роту пришелъ командиръ полка съ

фотографическимъ аппаратомъ и снялъ меня съ частью роты на траверсѣ ротнаго окопа; эта фотографія сохранилась у меня и по сію пору и какъ нельзя лучше характеризуетъ по нашимъ лицамъ и внѣшнему виду тѣ трудности и лишенія, которыя мы тогда переносили... Нашъ полкъ въ это время былъ сведенъ въ три баталіона и еще подъ Осередекомъ ко мнѣ въ роту влилась часть 13 роты. Другіе же полки дивизіи имѣли по одному, а въ лучшемъ случаѣ по два баталіона. У меня въ ротѣ было 120 гренадеръ. Простоявъ три дня на позиціи въ резервѣ, я былъ смѣненъ и отошелъ въ лѣсъ, гдѣ стоялъ полкъ. Мы устроились въ наскоро сдѣланныхъ шалашахъ, и нѣсколько дней безмятежно отдыхали. Съ 23 числа началась небольшая стрѣльба. Нѣмцы вели пристрѣлку, а наша артиллерія, раздобывъ нѣсколько снарядовъ, дѣлала видъ, что стрѣляетъ.

25 Іюня, часа въ четыре, началась небольшая перестрѣлка, бухала артиллерія. Никто изъ насъ не обратилъ на это вниманія. Я сидѣлъ въ шалашѣ и игралъ въ преферансъ, вдругъ слышу, передаютъ: „Поручикъ Поповъ къ командиру баталіона". Я бросилъ карты и отправился къ подполковнику Тимченко. Тотъ былъ въ мрачномъ настроеніи. „Вы меня звали, Николай Владиміровичъ"? спросилъ я. „Соберите свою роту", приказалъ онъ. „Что, идемъ смѣнять"? „Да, смѣнять. Приказано взять фольваркъ Облычинъ". „А что случилось"? допытывался я. „Вы соберите, тогда увидите... Ну идите". Я вижу, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ и пошелъ къ ротѣ. Приказалъ протереть винтовки, взять носилки и провѣрить людей. Черезъ 20 минутъ рота шла на сборный пунктъ. Было совсѣмъ темно и только временами луна, выползая изъ-за тучъ, освѣщала прогалину, на которой построился нашъ 2 баталіонъ. Нашему 2-му баталіону вмѣнялось въ обязаность выбить противника, занявшаго фольваркъ Облычинъ, и удержать фольваркъ до утра. Утромъ

насъ должны были смѣнить. Командиръ полка вышелъ къ баталіону и сказалъ нѣсколько напутственныхъ словъ. Закончилъ онъ свою рѣчь приблизительно такъ: „Я посылаю 2-ой баталіонъ, какъ лучшій баталіонъ полка, въ Вашихъ офицерахъ я увѣренъ, они покажутъ Вамъ примѣръ и приведутъ къ побѣдѣ. Не отставайте и вы. Да хранитъ васъ Господь". Мы тронулись рота за ротой, храня полное молчаніе. Вели насъ проводники Мингрельскаго полка. Баталіонъ остановился, когда подошелъ къ землянкѣ командира баталіона Мингрельскаго полка. Здѣсь шло совѣщаніе относительно атаки.

Атакой руководилъ командиръ Мингрельскаго полка, князь Макаевъ. Задача дана была слѣдующая: баталіону Эриванцевъ приказано выбить противника изъ фольварка Облычинъ, причемъ фольваркъ Облычинъ долженъ быть удержанъ до утра. Атаковать безъ выстрѣловъ и криковъ: „ура".

До фольварка Облычинъ 1500 шаговъ и въ него ведетъ проселочная дорога, которая и должна служить намъ оріентировочнымъ пунктомъ.

Когда вылѣзала изъ-за тучъ луна, то фольваркъ Облычинъ ясно былъ видѣнъ, такъ какъ его окружалъ пышный паркъ и онъ казался темнымъ пятномъ на свѣтломъ фонѣ поля зрѣлой пшеницы.

Командиръ баталіона, подполковникъ Тимченко, рѣшилъ произвести атаку слѣдующимъ образомъ: справа отъ дороги одна рота должна охватить лѣвый флангъ противника. Двѣ роты въ лобъ. Направленіе вдоль дороги, не переходя ее. Одна рота въ охватъ праваго фланга противника. Она должна двигаться, держа связь съ средними двумя ротами. Рота, идущая во второй линіи, должна по взятіи фольварка остаться въ немъ и составить его гарнизонъ. Бросили жребій, какой ротѣ гдѣ идти. Мнѣ съ 8 ротой достался лобовой участокъ во 2-ой линіи и я, стало быть, долженъ былъ удержать фольваркъ до утра. Борисъ Гаттенбергеръ съ 6-ой ротой шелъ впереди

меня, слѣва съ 7-ой ротой прапорщикъ Исаевъ и справа съ 5-ой ротой прапорщикъ Жилинъ.

Я приказалъ гренадерамъ снять мѣшки и котелки, сложить все въ кучу по взводно и оставить двухъ больныхъ часовыми у вещей. Гренадеры сами столковались, кому остаться, и я приказалъ еще разъ повѣрить людей. Двое куда-то скрылись — оказалось послѣ повѣрки, и взводные обѣщали утромъ ихъ представить. Командиромъ баталіона приказано было занять исходное положеніе. Тихо мы вышли черезъ проходъ въ проволокѣ и легли. Я положилъ роту въ четыре линіи. Каждый чувствовалъ плечомъ своего сосѣда. Я былъ совершенно спокоенъ, но на успѣхъ, признаться, не разсчитывалъ.

Сигналомъ къ наступленію должна была служить очередь нашей гаубичной батареи, которая должна была дать нѣсколько очередей по фольварку, а затѣмъ перенести свой огонь по главной линіи окоповъ.

Командиръ баталіона, подполковникъ Тимченко, передалъ по телефону, что все готово. „Пе, пе, пе" — засопѣли телефоны и, минуту спустя, раздался глухой звукъ гаубичныхъ выстрѣловъ. Заулюлюкали снаряды, прорѣзая воздухъ, и мы поднялись и пошли. Идти пришлось по колосившейся пшеницѣ чуть ли не въ ростъ человѣка. Шумѣли, благодаря этому, страшно.

Не смотря на то, что шедшая впереди 6-ая рота утаптывала пшеницу, идти все же было трудно. Не прошли мы и 500 шаговъ, какъ по насъ открыли огонь. Сначала огонь былъ одиночный, а потомъ все затрещало и запѣло. Пулемета не было слышно. Мы шли впередъ. Вижу, рѣдѣетъ впереди меня стѣна, но на этотъ разъ, кажется, нѣтъ къ тому особенныхъ причинъ. Вотъ идущій впереди меня гренадеръ 6-ой роты присѣлъ и легъ. Притворяется „мерзавецъ" мелькнуло у меня въ головѣ и я крикнулъ: „Ну-ка, 8-ая, поддай жару 6-ой". И моя рота начала ногами подгонять мнимыхъ раненыхъ. Слышу вдругъ

крикъ: „Ваше Благородіе, уже два есть". Оказывается, что секретъ не успѣлъ отойти и былъ захваченъ.

Вотъ уже и фольваркъ. Мелькаютъ взблестки выстрѣловъ. Чувствуется запахъ пороха. 6-ая рота перемѣшалась съ моей. Я иду впереди всѣхъ, сжимая въ правой рукѣ „Ноганъ". Трудно идти. Въ головѣ стучитъ мысль, а вдругъ опять „не хватитъ людей"! Я не выдержалъ, обернулся къ ротѣ и крикнулъ: ура! „Ура, ура, у... у... ура!", подхватили гренадеры и мы ворвались въ фольваркъ. Внезапно молнія прорѣзала воздухъ, я отшатнулся. Въ меня почти въ упоръ выстрѣлилъ мадьяръ и бросился бѣжать. Выплывшая луна освѣтила его силуэтъ, мелькавшій между деревьями. Я бросился за нимъ и, настигнувъ, ударилъ его рукояткой револьвера по головѣ. Онъ упалъ. Подбѣжавшіе гренадеры принесли мою сбитую выстрѣломъ фуражку и вмигъ обезоружили мадьяра. Почти никто изъ Облычина не ушелъ; большая часть была взята въ плѣнъ и тотчасъ отправлена въ тылъ. Гренадеры воспользовались случаемъ отвести плѣнныхъ и поисчезали. Я собралъ около себя около 80 человѣкъ и разсыпалъ ихъ въ цѣпь на противоположной опушкѣ парка въ канавѣ. Попрятавшіеся по подваламъ мадьяры были извлечены и отправлены въ тылъ. Ихъ телефонисты вмѣстѣ съ телефонами были захвачены въ тотъ моментъ, когда они что-то передавали.

Я ждалъ контръ-атаку, но ея не послѣдовало. Какъ всегда, откликнулась непріятельская артиллерія и насъ всю ночь обстрѣливала шрапнелью.

Подъ утро насъ дѣйствительно смѣнили Мингрельцы и мы отправились во свояси. Нужно было видѣть съ какимъ гордымъ видомъ мы шли. Каждый гренадеръ навьючилъ на себя по двѣ винтовки, по двѣ фляжки и разной ерунды.

Когда мы пришли въ полкъ, разсвѣло и роты привѣтствовали насъ криками: ура.

Командиръ полка, ознакомившись съ ходомъ боя,

меня сердечно благодарилъ. При подсчетѣ потерь оказалось, что моя рота таковыхъ не имѣла.

Черезъ нашъ штабъ полка прошло около 80 плѣнныхъ. Плѣнные показали, что Облычинъ занимали двѣ роты 27 Гонведнаго полка. Другія роты баталіона потери имѣли, но очень незначительныя. Успѣхъ насъ сильно подбодрилъ и полкъ воспрянулъ духомъ. Правда, не обошлось и на этотъ разъ безъ курьеза. Командиръ полка вызываетъ меня вдругъ къ себѣ и говоритъ, что изъ штаба корпуса запрашиваютъ, почему при вчерашней атакѣ кричали ура.

Я откровенно признался, что первымъ крикнулъ ура я самъ, что хотя этимъ быть можетъ и нарушилъ диспозицію, но считалъ необходимымъ это сдѣлать, такъ какъ отъ этого зависѣлъ успѣхъ атаки. Не знаю, что передалъ въ штабъ корпуса командиръ, но меня только никто уже больше не тревожилъ.

29 Іюня въ день Петра и Павла — нашъ полковой праздникъ. Въ мирное время, какъ и въ каждомъ полку, этотъ день особенно выдѣлялся изъ всѣхъ праздничныхъ дней. Но тогда на это имѣлись средства, время и соотвѣтствующая обстановка. Теперь же ничего, или почти ничего подъ рукой не имѣлось. На полянѣ за лѣсомъ выстроился полкъ. Полковой священникъ отслужилъ молебенъ и полкъ прошелъ мимо начальника дивизіи, ген.-лейт. Габаева, церемоніальнымъ маршемъ. Впереди полка шло полковое знамя, имѣвшее только ветхіе, но гордые остатки полотнища, свидѣтеля двухсотъ семидесяти трехлѣтней исторіи полка. Вотъ полкъ построился въ резервную колонну и впередъ вызваны гренадеры, получившіе боевыя награды. Ихъ около пятидесяти человѣкъ. Полкъ беретъ на караулъ. Гремитъ полковой маршъ. Въ эту торжественную минуту начальникъ дивизіи обходитъ ряды героевъ и прикалываетъ къ груди каждаго его отличіе. Церемонія заканчивается громовымъ ура въ честь Георгіевскихъ кавалеровъ и полкъ подъ звуки марша расходится. Сегодня и у офицеровъ и у гренадеръ улучшенный столъ. Благо-

даря прекраснымъ организацiоннымъ способностямъ князя Вачнадзе, нашего начальника хозяйственной части, мы имѣли возможность сегодня отдохнуть душой, вспомнить доброе старое время и провести пару часовъ въ дружеской бесѣдѣ за стаканомъ вина.

Всѣ офицеры были приглашены въ столовую, устроенную въ лѣсу. Столовая представляла изъ себя гладко вычищенную площадку, защищенную сверху отъ солнца, такъ какъ день былъ солнечный, полотнищами палатокъ, соединенными въ одну длинную широкую ленту. Стола не было. Вмѣсто него была выкопана канава вокругъ устроеннаго прямоугольника. Въ канаву садившiеся спускали ноги, а прямоугольникъ, долженствовавшiй замѣнять столъ, покрывался скатертью. Мѣста сидѣнiй немножко были углублены и такимъ образомъ создавалась полная иллюзiя обѣденнаго стола. Обѣдъ прошелъ очень оживленно. Не смотря на то, что въ это время былъ перiодъ отступленiя и доставать все было очень трудно, за столомъ было все рѣшительно, кромѣ шампанскаго.

За обѣдомъ игралъ нашъ прекрасный полковой оркестръ впервые за 10 мѣсяцевъ войны усладившiй насъ музыкой. Если не ошибаюсь оркестръ все время, до сего дня даже не существовалъ и только къ полковому празднику его вновь собрали, сколотили и возобновили часть когда-то обширнаго репертуара.

1 Iюля днемъ намъ приказано было стать на позицiю. Сдѣлать это было вполнѣ возможно, такъ какъ къ позицiи всюду были прекрасные подходы, вдобавокъ имѣлись и ходы сообщенiй.

Нашъ 2 баталiонъ былъ назначенъ на участокъ Мингрельскаго полка. Я смѣнилъ роту Мингрельцевъ и занялъ ея участокъ. Моя рота имѣла 180 штыковъ, такъ какъ въ резервѣ къ намъ подошли пополненiя. Пополненiе на этотъ разъ было изъ старыхъ солдатъ, вернувшихся изъ госпиталей, въ подавляющемъ большинствѣ Георгiевскихъ кавалеровъ,

и представляло собой испытанный боевой элементъ. Окопы моей роты были на скатѣ холма, имѣвшаго на самой вершинѣ лѣсистую макушку. Тамъ въ лѣсу находилась землянка командира баталіона, та самая, у которой мы останавливались для полученія приказаній передъ атакой Облычина. Фольваркъ Облычинъ былъ противъ насъ внизу и чуть вправо. Мои окопы перерѣзала пополамъ довольно глубокая лощина, такимъ образомъ мнѣ пришлось раздѣлить роту пополамъ и въ каждомъ окопѣ поставить по два взвода. Я остался при второй полуротѣ съ лѣвой стороны лощины. Оба полуротныхъ окопа были соединены ходомъ сообщенія шаговъ 100 длиною. Вправо отъ моей роты опять шелъ ходъ сообщенія шаговъ 200 длиной и начиналось расположеніе 7 роты. Слѣва же отъ меня, почти непосредственно примыкая, стояла 9 рота. Впереди моихъ окоповъ шло солидное проволочное загражденіе въ 5 рядовъ, но къ сожалѣнію вынесеннное всего на 25 30 шаговъ. Обстрѣлъ всюду былъ хорошій, особенно изъ первой полуроты, гдѣ и стоялъ пулеметъ, направленный для обстрѣла лощины вдоль.

Когда происходила смѣна, влѣво отъ расположенія нашей дивизіи на участкѣ 3 гв. дивизіи у фольв. Заборце шелъ ожесточенный бой. Нѣмцы вели артиллерійскую подготовку. Я долго стоялъ и въ бинокль разсматривалъ поле боя, которое все дымилось и заволоклось туманомъ отъ безчисленнаго количесгва падающихъ снарядовъ. То было начало кровопролитнаго боя, длившагося 5 дней и отмѣченнаго въ Сводкахъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, какъ упорные бои на линіи Красноставъ—Грубешовъ.

Ночью смѣнившіеся Мингрельцы должны были взять фольваркъ Облычинъ, оставленный ими наканунѣ смѣны. Для атаки былъ назначенъ баталіонъ подъ командой моего товарища, поручика Кавтарадзе. Передъ атакой я взялъ трубку телефона и слушалъ съ замираніемъ сердца, что передаютъ въ телефонъ.

Изъ трубки исходили восклицанія: „какой это Кавтарадзе? Да, что ты не знаешь, у Ксенжостонъ мы вмѣстѣ окапывались... Ничего не подгадитъ"!

Наконецъ я уловилъ: „пошли". Я выскочилъ изъ блиндажа и впился взоромъ въ темноту по направленію къ Облычину, весь обратившись въ слухъ. Рота вся притаилась у бойницъ. Вотъ раздались первые выстрѣлы. Наступающихъ замѣтили, стрѣльба усилилась, забила артиллерія, затрещали пулеметы.

Раздалось громкое: ура.. Ура постепенно стихало и стихло совсѣмъ. По прежнему трещали винтовки и пулеметы. „Неудача", рѣшилъ я. Да и дѣйствительно, разъ изъ Облычина нѣмцы стрѣляютъ, значитъ они не выбиты. Прошло томительныхъ полчаса. Вдругъ новый взрывъ ура. Гулъ выстрѣловъ, звѣрское ура, похожее на мычанье, глухіе взрывы ручныхъ гранатъ. Я бросился къ телефону. Въ телефонъ передали, что Облычинъ взятъ, что ведутъ плѣнныхъ нѣмцевъ, взято два пулемета и т. п. Черезъ наши окопы шли раненые. Въ свою очередь взявшимъ Облычинъ былъ переданъ приказъ вырубить Облычинскую рощу, взорвать ручными гранатами колодцы и запыпать ходъ сообщенія, ведущій изъ Облычина къ нашей линіи. Ходъ этотъ былъ построенъ послѣ перваго взятія Облычина, а теперь онъ могъ пригодиться только нѣмцамъ при ихъ наступленіи. Ни одной изъ этихъ задачъ выполнить не удалось, ввиду ихъ обширности. Часть хода сообщенія была засыпана, а роща такъ и осталась на своемъ мѣстѣ. Послѣ всего этого Облычинъ былъ оставленъ безъ боя и нѣмцы два вечера подрядъ эффектно обстрѣливали фольваркъ, полагая, что его занимаютъ наши части. И невольно рождался вопросъ: „а для чего это было нужно"...

4 Іюля бой уже шелъ по всей линіи. Особенно яростно атаковали нѣмцы стоявшую влѣво отъ насъ гвардію. Вооружившись биноклемъ, я до одурѣнія, не отрываясь ни на минуту, слѣдилъ за ходомъ боя у фольв. Заборце. Вотъ нѣмцы атакуютъ и занима-

ютъ часть окоповъ сосѣдняго гвардейскаго полка. Но какъ бы обозлившись и яростно взрывая фонтаны земли, несутся наши снаряды. Нѣмцамъ видно плохо. Вотъ сквозь дымъ и пыль движутся наши части, идя въ контръ-атаку. Стоитъ адскій гулъ, дрожитъ земля. Ряды ихъ все рѣже и рѣже... Сердце сжимается отъ боли... Вечеромъ все же сообщаютъ, что положеніе возстановлено Л.-Гв. Волынскимъ полкомъ. Сюда, ближе къ намъ, пылаетъ Берестье. Съ такимъ же ожесточеніемъ нѣмцы стрѣляютъ по расположенію Грузинскаго полка и нашему 3-му баталіону. Нашъ 2-ой баталіонъ получаетъ изрѣдка по очереди шрапнели, но чувствуется, что и до насъ дойдетъ чередъ. По телефону передаютъ, что очень тяжелое положеніе въ третьемъ баталіонѣ. Изъ резерва двинута одна изъ ротъ перваго баталіона съ подпоручикомъ Або就нымъ. Вдругъ севершенно неожиданно противъ расположенія Грузинцевъ и нашего 3-го баталіона нѣмцы бросаются въ атаку. Нужно замѣтить, что нѣмцы наканунѣ ночью спустили свои окопы на половину противоположнаго отъ насъ ската, и находились отъ насъ не болѣе, какъ въ 1000 шагахъ.

Картина атаки была замѣчательно красива. Внезапно весь брустверъ нѣмецкихъ окоповъ покрылся людьми, скатившимися внизъ въ пшеницу. Только небольшая часть туловищъ атакующихъ была видна, зато каждый солдатъ оставлялъ за собой змѣевидный слѣдъ въ утоптанной пшеницѣ. Хотя атакующіе шли не на меня, но отъ насъ ихъ настолько удобно было поражать огнемъ, что я приказалъ ротѣ приготовиться и открыть огонь. Наша артиллерія тоже откликнулась и снарядъ за снарядомъ полетѣлъ на атакующихъ. На полдорогѣ нѣмцы залегли и больше не поднимались. Два часа моя рота поддерживала огонь по тому мѣсту, гдѣ остановились зигзагообразныя линіи, ибо лежащіе нѣмцы были скрыты отъ нашихъ взоровъ густой пшеницей.

Къ 4-5 часамъ дня нѣмецкій артиллерійскій огонь началъ ослабѣвать. Я подошелъ къ командиру

3-го баталіона, подполковнику Пильбергу, замѣнившему князя Ш. который оказался контуженнымъ „вдали разорвавшимся снарядомъ“, и мы съ нимъ пошли въ окопы ротъ 3 го баталіона ознакомиться съ разрушеніями и потерями.

Картина, представившаяся намъ, была невиданно ужасна и леденила кровь. Въ окопахъ сидѣли уцѣлѣвшіе гренадеры. Всѣ они казались ненормальными, на вопросы или совсѣмъ не отвѣчали, или отвѣчали невпопадъ. Козырьки частью были пробиты, частью обрушены, мѣстами былъ совсѣмъ снесенъ брустверъ и для того, чтобы пройти по окопу нужно было на минуту показаться совершенно на открытомъ мѣстѣ. Изъ подъ обломковъ укрытій и обвалившейся земли торчали руки, ноги, стѣны окоповъ залиты сплошь кровью и усѣяны милліонами собравшихся Богъ вѣсть откуда мухъ. Вотъ лежитъ гренадеръ, буквально изрешетенный безчисленнымъ количествомъ попавшихъ въ него шрапнельныхъ пуль, но онъ еще живъ, а вынести его нельзя, — ходы сообщенія засыпаны. Поотдаль лежитъ трупъ гренадера безъ головы. Выходитъ подп. Аборинъ, въ рукахъ у него дистанціонная трубка тяжелой мѣмецкой шрапнели— еще теплая. „Вотъ“, говоритъ онъ, „пробила дверь моего блиндажа и чуть меня не убила“. Состояніе духа у всѣхъ подавленное. Вечеромъ эти роты были замѣненны присланными изъ резерва. 9-ая рота, какъ менѣе пострадавшая, осталась на мѣстѣ. Ночь съ 4 на 5 Іюля прошла тревожно. Мнѣ принесли тридцать ручныхъ гранатъ системы „Новицкаго“, затѣмъ пришелъ саперный офицеръ и просилъ указать ему, гдѣ бы я хотѣлъ имѣть прожекторъ, такъ какъ онъ присланъ ко мнѣ съ прожекторомъ. Когда я услышалъ о прожекторѣ, то чуть было себя не ущипнулъ. Совершенно невѣроятно. У меня въ ротѣ будетъ прожекторъ. И я отъ восторга не зналъ, гдѣ мнѣ этого офицера посадить. Наконецъ мѣсто выбрано.

Прожекторъ установленъ. Вотъ его лучи прорѣ-

зали ночной мракъ и впились нѣмымъ взоромъ въ Облычинъ. Я былъ доволенъ. Вдругъ страшный свистъ прорѣзалъ воздухъ и свѣтъ прожектора померкъ отъ заслонившей его пыли. То разорвалась нѣмецкая граната, за ней другая. Прожекторъ погасъ. „Вы знаете, поручикъ я пойду посмотрѣть, что дѣлается съ аппаратомъ", заторопился саперъ.— „А Вы спросите по телефону, вѣдь Вы же связаны своимъ собственнымъ телефономъ", возразилъ я. „Да, но я все-таки долженъ еще разъ осмотрѣть"... и... онъ скрылся въ темнотѣ. „Ваше Благородіе, а прожектёры уже ушли", передали мнѣ черезъ 10 минутъ мои телефонисты, „они передаютъ, что здѣсь имъ неудобно"... Такъ „прожектёровъ" я больше не увидѣлъ.

„Ваше Благородіе, Васъ просятъ къ телефону", докладываетъ мнѣ телефонистъ. Я беру трубку. „Сегодня ночью Тифлисскій полкъ будетъ атаковать Берестье, не стрѣляйте", передаетъ мнѣ адъютантъ, капитанъ Шлиттеръ.

Черезъ полчаса опять вызываютъ. „Сейчасъ на Вашемъ участкѣ будутъ работать наши развѣдчики, не стрѣляйте". Нужно, думаю, предупредить свои секреты. Взялъ своего неизмѣннаго друга Сазонова и, предупредивъ роту, что я выхожу за проволочное загражденіе къ секретамъ, вылѣзъ изъ окопа и прошелъ черезъ пролазъ въ проволокѣ, что былъ оставленъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ лощина глубже всего прорѣзала расположеніе моей роты. Секреты бодрствовали и я имъ объяснилъ, чтобы зря не поднимали тревоги, если услышатъ шумъ. Только я вернулся къ себѣ и намѣревался лечь, какъ вбѣгаетъ фельдфебель и докладаваетъ, что прибѣжали всѣ секреты и говорятъ, что нѣмцы наступаютъ. Я пожалѣлъ о прожекторѣ и о томъ, что у насъ нѣтъ ракетъ. Но дѣлать было нечего. Рота замерла въ ожиданіи моей команды. Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ. Гробовая тишина ничѣмъ не нарушалась. Я недоумѣвалъ. Прошло пять, десять ми-

нутъ. Я приказалъ позвать бывшихъ въ секретѣ, допросилъ ихъ и приказалъ имъ вернуться на свои мѣста. Вижу, они мнутся. „Идите за мной, трусы", сказалъ я и вышелъ впередъ. А у самого самочувствіе тоже было неважное. Возможность нѣмецкой атаки была вполнѣ вѣроятна и въ темнотѣ мы могли совершенно неожиданно наткнуться на непріятную встрѣчу. Я переборолъ себя и развелъ всѣ секреты по мѣстамъ и даже съ однимъ изъ секретовъ пролежалъ минутъ пять на землѣ, прислушиваясь. Ни малѣйшаго намека на присутствіе нѣмцевъ я не обнаружилъ и, приказавъ быть бдительными, ушелъ къ себѣ. Не прошло и десяти минутъ, какъ я вернулся, опять мнѣ докладываютъ, что секреты убѣжали и говорятъ, что нѣмцы идутъ. Опять рота приготовилась, опять все тихо, и никого нѣтъ. „Нервничаютъ люди", подумалъ я, — „не возмутъ же нѣмцы нашу позицію съ налета, ибо черезъ пять рядовъ проволоки не перемахнешь". И я, пригрозивъ расправиться съ трусами утромъ, приказалъ отъ каждаго взвода выставить къ бойницамъ по отдѣленію, а кромѣ того выставить часовыхъ къ проволокѣ. Я дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, отъ нервнаго напряженія и рѣшилъ хоть часокъ заснуть, предвкушая удовольствіе съ утра испытать положеніе 3-го баталіона. Но вздремнуть мнѣ не удалось. Вбѣжалъ гренадеръ и доложилъ, что слышенъ топотъ, стучатъ котелки, а что балакаютъ — не поймешь.

Еще было темно, хотя по часамъ скоро долженъ былъ наступить разсвѣтъ. Въ темнотѣ явственно прозвучала нѣмецкая команда, послышался топотъ ногъ и учащенное дыханіе. Нѣмцы подошли вплотную. „Огонь", успѣлъ крикнуть я въ тотъ моментъ, когда часовой перескочилъ черезъ брустверъ. Тра..а..хъ — прорѣзали ночную тишину выстрѣлы. Неувѣренно провелъ кототкую очередь пулеметъ. Все ожило, заговорило. Телефонисты передали въ штабъ полка, что нѣмцы наступаютъ и отовсюду загудѣли телефоны. Между тѣмъ стало свѣтать. Картина посте-

пенно стала вырисовываться. За проволокой въ двадцати шагахъ лежали убитые нѣмцы, нѣсколько поодаль окапывались остальные. По каждой показавшейся каскѣ всѣ стрѣляли. За первой линіей окапывающихся обрисовывалась и вторая, и третья, и четвертая линіи. Огонь поддерживался самый интенсивный. Нѣмцы не могли высунуть носа. У меня созрѣлъ планъ перейти въ контръ-атаку и захватить ближайшую линію. Я приказалъ не давать нѣмцамъ возможности выглядывать изъ окоповъ, а самъ обратился въ штабъ полка съ просьбой, чтобы наша батарея попробовала обстрѣлять еще неуспѣвшихъ какъ слѣдуетъ окопаться нѣмцевъ. Нѣмецкая артиллерія открыла огонь, повидимому пристрѣливаясь къ намъ. Наши артиллеристы, соединившись со мной, заявили, что могутъ открыть огонь, если я возьмусь корректировать ихъ стрѣльбу. Я охотно согласился. „Мы стрѣляемъ", передали мнѣ въ телефонъ. Шрапнель дала хорошій разрывъ, но ближе ко второй цѣпи. Мнѣ же хотѣлось насолить первой. „Перелетъ", передалъ я. „На сколько", спросили меня. Я по пѣхотному оцѣнилъ разстояніе въ шагахъ. „Если можно, передавайте въ саженяхъ", просили меня. „Отлично, буду передавать въ саженяхъ". Уже третья шрапнель разорвалась такъ удачно, что не было сомнѣнія въ томъ, что нѣсколько нѣмцевъ было убито. Двое даже не выдержали, вскочили и бросились назадъ, но оба были уложены пущенными въ догонку пулями. „Стрѣляемъ", передали опять. Странно завизжали пули откуда-то сзади. Я оглянулся и увидѣлъ, что снарядъ, зацѣпившись за деревья на вершинѣ нашей горки — разорвался. Я передалъ объ этомъ на батарею. „Да, знаете, мы не можемъ стрѣлять подъ такимъ угломъ, мы можемъ влѣпить нечаянно и къ вамъ снарядъ". — „Пустяки", отвѣчалъ я, — „вѣдь вы только что прекрасно попадали". На этомъ разговоръ кончился. Стрѣльбу наша батарея прекратила. Заговорила нѣмецкая артиллерія, и поднялись вторая, третья и четвертая нѣмецкія линіи и пробовали наступать, но

черезъ минуту уже были остановлены. Пулеметъ работалъ отлично. Сосѣднія роты тоже открыли частый огонь. Бой разгорался. Ни на минуту не отходя отъ бойницы, наблюдалъ я въ бинокль за нѣмцами. Правой рукой я держалъ бинокль, а лѣвой уперся на прикладъ винтовки, вложенной въ бойницу. Около меня стоялъ поручикъ Кандауровъ и знакомился съ положеніемъ дѣлъ въ моей ротѣ. „Вотъ, смотри“, говорилъ ему я. „Какъ ты ихъ такъ близко подпустилъ?“, удивлялся онъ. Я разсказалъ ему, какъ это случилось, и онъ ушелъ къ себѣ.

Продолжая наблюдать, вдругъ я почувствовалъ, что задыхаюсь и падаю въ какую-то бездну... „Умираю“, мелькнуло въ моемъ сознаніи. „Вотъ еще... еще немного и готово, я буду мертвъ“. Но нѣтъ. Я опять ощутилъ возможность дышать. Стало быть я живъ...

Открывъ глаза, я увидѣлъ, что лежу, а вокругъ стоитъ дымъ и что-то сыпится на меня. Я вскочилъ и увидѣлъ, что стоявшіе около меня гренадеры лежатъ въ лужѣ крови. Тогда только я взглянулъ на себя. Первое, что я замѣтилъ, что у меня изъ лѣвой руки фонтаномъ льется кровь. Я присмотрѣлся къ рукѣ и отвернулся. Кисть моей руки была оторвана и пальцы валялись тутъ же на днѣ окопа. Видъ руки былъ неописуемо ужасенъ. Весь я былъ залитъ кровью. Лицо болѣзненно ныло, глаза слипались. Я понялъ, что въ окопъ попалъ свой снарядъ. Телефонисты проявили иниціативу и просили нашу батарею прекратить огонь. Прибѣжалъ санитаръ и сталъ меня перевязывать. Первое, что сдѣлалъ молодчина санитаръ — это попросилъ снять съ меня револьверный шнуръ и туго перетянулъ мнѣ руку выше локтя. Тутъ только я почувствовалъ сильную боль. У меня потемнѣло въ глазахъ и я попросилъ воды. „Воды нѣтъ, есть холодный чай“. „Давай“. Мнѣ страшно хотѣлось умыться. Я не понималъ, что я обожженъ, что у меня сгорѣли брови, рѣсницы и усы. Глаза къ счастью уцѣлѣли. „Ну а здѣсь у Васъ маленькая

рана", сказалъ санитаръ, накладывая повязку на подбородокъ. Но раны оказались еще и на груди и на правой рукѣ. „Эти можно не перевязывать, а то у меня не хватитъ бинтовъ", рѣшилъ санитаръ. Я приказалъ передать командиру баталіона, что прошу прислать на смѣну мнѣ другого офицера, а пока что рѣшилъ раздать ручныя гранаты и поставить у прохода въ проволокѣ двухъ надежныхъ людей съ ручными гранатами. Приказаніе было исполнено. Я собирался прощаться съ ротой, какъ нѣмцы бросились въ атаку. Теперь нѣмцы поднялись всѣ. На минуту я забылъ про боль и слабость и опять всталъ на ступеньку окопа, поддерживаемый вѣстовымъ Безруковымъ. Двѣ минуты свирѣпаго огня и нѣмцы, дошедшіе было до проволоки и встрѣченные ручными гранатами, бѣжали, оставивъ массу труповъ у проволоки.

„Собирай мои вещи, сейчасъ пойдемъ", сказалъ я вѣстовому. Онъ скрылся въ землянкѣ. „Ваше Благородіе, Вамъ передаютъ, что Вы можете идти. Уже идетъ другой офицеръ, штабсъ-капитанъ Круповичъ". Я уходилъ, прощаясь и цѣлуясь со встрѣчными гренадерами. Всѣ плакали. Я окаменѣлъ и только круги всѣхъ цвѣтовъ радуги стояли у меня въ глазахъ.

„Прикажете понести васъ"? спрашивали меня. „Нѣтъ", отвѣчалъ я и пошелъ по ходу сообщенія, ведущему къ командиру баталіона. Шелъ я никѣмъ не поддерживаемый, и стараясь по возможности скорѣе дойти до командира баталіона, чтобы прилечь. Теперь мнѣ хотѣлось только одного — какъ можно скорѣе уйти. Нѣмецкіе снаряды начали рваться надъ расположеніемъ баталіона все чаще,— поднялся адъ.

„Гдѣ командиръ баталіона"? спросилъ я встрѣтившихся гренадеръ. „Вы, Ваше Благородіе, уже прошли, они тамъ". Я оглянулся и увидѣлъ блѣднаго и растеряннаго Николая Владиміровича. „Что съ вами, дорогой мой"? „Оторвало руку", отвѣтилъ я. „Ну, слава Богу"! воскликнулъ Николай Владимировичъ. Я сдѣлалъ слабую гримасу, пытаясь разсмѣяться

надъ выраженіемъ радости подобнымъ восклицаніемъ. Онъ меня понялъ и смущенно добавилъ: „А вѣдь мнѣ передали, что вы убиты и я приказалъ принести ваше тѣло. Носилки, давайте! волновался Николай Вадимировичъ, „носилки живѣй"! Я прилегъ на его буркѣ; а минуты три спустя, когда меня уносили, на буркѣ осталось большое кровавое пятно. Мы трогательно расцѣловались и четверо носильщиковъ понесли меня къ штабу полка. Стоялъ прекрасный день, было тепло, меня это немного убаюкивало. Я старался ни о чемъ не думать. Штабъ полка былъ недалеко. Нужно было только спуститься съ горки. Въ полуверстѣ на пивномъ заводѣ помѣщался нашъ штабъ полка. Командиръ полка, полковникъ Вышинскій, и адъютантъ, капитанъ Шлиттеръ, вышли меня встрѣчать. Велико было ихъ удивленіе, когда я всталъ самъ съ носилокъ и подошелъ къ командиру. Видъ у меня былъ ужасный. Это было замѣтно по лицамъ встрѣтившихъ меня. Командиръ полка предложилъ мнѣ лечь на его постель и засуетился съ простыней. „Сейчасъ будетъ поданъ полковой фаэтонъ, я уже распорядился", успокаивалъ меня онъ. Я прилегъ. „Князь Эристовъ, проводите поручика на перевязочный пунктъ", просилъ командиръ начальника команды связи.

Подкатилъ прекрасный экипажъ съ парой вороныхъ и я усѣлся на мягкихъ подушкахъ. Посыпались пожеланія, объятія, поцѣлуи. Перевязочный пунктъ Тифлисскаго полка былъ совсѣмъ близко и черезъ нѣсколько минутъ я сидѣлъ во дворѣ какого-то господскаго дома на вытащенномъ изъ комнаты старинномъ креслѣ. „Вамъ дезинфекцировали рану"? спросилъ докторъ. „Нѣтъ", отвѣтилъ я. „Ну, снимите повязку". Какіе то люди въ бѣломъ стали снимать съ меня окровавленные и промокшіе бинты.

Не долго думая, докторъ полилъ мнѣ рану іодомъ прямо изъ пузырька. Искры посыпались у меня изъ глазъ, но я даже не застоналъ, считая это недопустимымъ и малодушнымъ. „Вамъ нужна операція. Ты

знаешь 34 отрядъ?“ спросилъ онъ кучера. „Знаю“, отвѣчалъ тотъ. „Вези поручика туда и поскорѣе“. Опять я сѣлъ въ экипажъ и мы тронулись.

Вѣстовой Безруковъ, оказывается, собралъ мои пальцы и оторванную кисть, завернулъ ихъ въ газетную бумагу и положилъ себѣ въ карманъ. „Ваше Благородіе“, вы не возьмете съ собой пальцы“? спросилъ онъ и при этомъ вынулъ изъ кармана мизинецъ. Я взялъ мизинецъ, повертѣлъ его въ рукѣ и рѣшилъ, что онъ мнѣ не нуженъ. „Тогда я вашу руку похороню“, сказалъ Безруковъ. „Можешь дѣлать съ ней, что хочешь“, сказалъ я.

Я начиналъ чувствовать, что близокъ къ потерѣ сознанія. „Кажется здѣсь“, сказалъ кучеръ, останавливая лошадей у двора, надъ заборомъ котораго былъ прикрѣпленъ флагъ съ краснымъ крестомъ. Я слѣзъ съ экипажа и, шатаясь, вошелъ во дворъ. Мнѣ подставили табуретъ. „Сейчасъ придетъ докторъ. Пожалуйте сюда и раздѣвайтесь“. Меня ввели въ палатку — операціонную. Я сѣлъ на операціонный столъ. Меня начали разоблачать, разрѣзая ножницами одежду, чтобы не причинить излишней боли. „Ну, ложитесь“, обратилась ко мнѣ сестра. Вошедшій докторъ разспросилъ, куда я раненъ, и приказалъ дать наркозъ. „Считайте до ста и дышите свободно“, сказала сестра, накладывая мнѣ на носъ марлю пропитанную эфиромъ. Я началъ считать.

По мѣрѣ того, какъ, считая, я приближался къ ста, какой-то пріятный шумъ волной вливался въ мой мозгъ, я переставалъ чувствовать боль, а вмѣсто нея начиналъ чувствовать, что куда-то лечу. Я помню, что досчиталъ до 120... Проснулся я довольно скоро, когда операція была кончена и мнѣ забинтовывали руку. Мое грязное вшивое бѣлье перемѣнили на чистое, а меня, положивъ на носилки, вынесли во дворъ на свѣжій воздухъ и поставили въ тѣнь подъ большой сосной. „Хотите чаю? Я вамъ принесу“, мило предложила сестра. Почувствовавъ большое облегченіе послѣ операціи, я охотно согласился, но,

выпивъ два-три глотка, почувствовалъ, что меня тошнитъ. „Это ничего, послѣ наркоза всегда тошнитъ“, успокаивала меня сестра. „Ну вотъ и автомобиль вернулся. Сейчасъ васъ отправятъ въ Холмъ прямо въ санитарный поѣздъ“. Ко мнѣ подошли прощаться мои гренадеры, Сазоновъ и Безруковъ. Тутъ я не выдержалъ и зарыдалъ. Спазма сдавила мнѣ горло. Мои гренадеры тоже плакали...

ЭВАКУАЦІЯ И ЛЕЧЕНІЕ ОТЪ РАНЪ.

1915 годъ.

Наскоро отдавъ послѣднія распоряженія и расцѣловавшись съ Сазоновымъ и Безруковымъ, я былъ вдвинутъ въ санитарный автомобиль вмѣстѣ съ носилками. Автомобиль тронулся по грунтовой дорогѣ, временами на ухабѣ подбрасывая меня и моихъ трехъ тяжело-раненыхъ сосѣдей. Одинъ солдатъ всю дорогу сильно стоналъ и просилъ не везти такъ быстро. Вотъ мы выбрались на шоссе и ускорили ходъ. Позади насъ гудѣлъ бой...

Прибывъ въ Холмъ, мы остановились у вокзала, гдѣ насъ начали выгружать. Я, какъ способный ходить, поднялся, забралъ узелокъ съ одеждой, взятой мною на память, и прошелъ въ указанный мнѣ вагонъ. Вагонъ былъ второго класса, приспособленный для раненыхъ.

Поѣздъ, въ который я попалъ, не былъ однимъ изъ лучшихъ санитарныхъ поѣздовъ, но все же былъ очень хорошимъ. Самое главное, что персоналъ поѣзда былъ внимательный и окружалъ раненыхъ хорошимъ уходомъ. Когда я пожаловался санитару, что у меня болитъ голова, онъ неожиданно принесъ мнѣ свою подушку и положилъ ее поверхъ моей соломенной, чѣмъ доставилъ мнѣ большое облегченіе. Поѣздъ грузился очень долго. Раненые все прибывали. Пришелъ какой то священникъ, кажется архіерей мѣстной епархіи, и принесъ для раненыхъ

иконки и кресты. Подходя къ каждому, онъ передавалъ крестикъ и благословлялъ. На меня онъ только посмотрѣлъ и прошелъ дальше. „Вотъ прозорливецъ", подумалъ я, „навѣрное принялъ меня за магометанина".

Принесли обѣдъ, но мнѣ было не до него. Ротъ я не могъ открыть отъ сильнаго удара осколка въ челюсть, обнажившаго кость на 5 сантиметровъ; все тѣло ныло и я не находилъ себѣ мѣста. Передъ отходомъ поѣзда разразился сильный ливень. Въ 6 часовъ вечера мы наконецъ тронулись. Изъ Гомеля я послалъ нѣсколько телеграммъ. Одну, между прочимъ, въ Царское Село, поручику Снарскому съ просьбой доложить Государынѣ Императрицѣ о моемъ раненіи и просить разрѣшенія эвакуироваться въ Дворцовый лазаретъ Царскаго Села, въ которомъ для офицеровъ нашего полка была особая палата. Телеграфировалъ я и своему брату, находящемуся въ Ораніенбаумѣ въ школѣ прапорщиковъ, прося его меня встрѣтить.

7-го Іюля въ три часа дня нашъ санитарный поѣздъ прибылъ въ Орелъ и сталъ разгружаться. Когда мнѣ сообщили, въ какой я назначенъ лазаретъ, я сѣлъ на извозчика и поѣхалъ туда, не дожидаясь скучной процедуры выгрузки. Лазаретъ, въ который я былъ назначенъ, находился недалеко отъ станціи въ помѣщеніи семинаріи и окруженъ былъ прекраснымъ паркомъ съ вѣковыми деревьями. Здѣсь я не думалъ задерживаться и рѣшилъ переждать нѣсколько дней, пока получу отвѣтъ. Въ день прибытія въ лазаретъ меня взяли на перевязку. Перевязочная находилась въ другомъ корпусѣ и я отправился туда въ сопровожденіи санитара. Первая перевязка была настолько мучительна, что отъ напряженія холодный потъ выступилъ у меня на лицѣ; когда снимали прилипшую къ тѣлу повязку, я чуть было не потерялъ сознанія. Назадъ я идти уже самъ не могъ и меня отнесли на носилкахъ.

9-го Іюля, въ пятницу, я, какъ желавшій эвакуи-

роваться въ глубь страны, отправленъ былъ на комиссію. Поѣхалъ я на комиссію съ однимъ офицеромъ гвардейцемъ. Къ моему несказанному удивленію комиссія прошла безъ всякихъ задержекъ и мнѣ разрѣшили эвакуироваться въ Царское Село.

Выйдя изъ зданія, гдѣ засѣдала комиссія, я сѣлъ въ фаэтонъ, рѣшивъ подождать своего спутника, который немного задержался. Какія-то двѣ молоденькія барышни, проходившія мимо, нерѣшительно приблизились къ экипажу и... на колѣни мнѣ упалъ маленькій букетъ цвѣтовъ. Это были послѣдніе цвѣты, падавшіе изъ того рога изобилія, которымъ встрѣчали раненыхъ въ первые мѣсяцы войны. Энтузіазма уже не было. Затянувшаяся война съ ея сраженіями, ранеными, инвалидами, бѣженцами и всевозможными болѣзнями и ужасами давно пріѣлась обывателямъ. Мимо раненыхъ теперь проходили уже равнодушно. Вѣдь ихъ расплодилось такое множество, что чуть-ли не въ каждой семьѣ многомилліоннаго государства хотя одинъ изъ членовъ семьи имѣлъ „счастье“ быть раненымъ. Время было дѣйствительно тяжелое. Каждый день можно было читать о паденіи какой нибудь нашей крѣпости, считавшейся перво-классной, оставленной по „стратегическимъ соображеніямъ“. „Наши части отошли на заблаговременно укрѣпленную позицію“ — все чаще и чаще попадалось на страницахъ оффиціальныхъ сообщеній. Разъ даже мнѣ попался совершенно необычайный терминъ: „Наши части вышли изъ боя“. Союзники наши не могли насъ также ничѣмъ порадовать. Для насъ, русскихъ, одерживавшихъ крупныя побѣды и терпѣвшихъ большія пораженія, казались смѣшными и жалкими масштабы французскихъ оффиціальныхъ сообщеній, гласившія о занятіи какой-то „воронки“ и о продвиженіи въ такомъ-то раіонѣ на 15—20 метровъ.

На другой день, т. е. 10-го Іюля, я съ двумя офицерами гвардіи выѣхалъ „въ скоромъ“ въ Москву. Въ Москвѣ ждать пришлось не долго, около 2-хъ часовъ, и къ шести часамъ вечера мы были уже на

Николаевскомъ вокзалѣ Петрограда. По выходѣ изъ вагона къ намъ подошли какія-то лица въ штатскомъ, попросившіе насъ зайти зарегистрироваться. Спросивъ наши фамиліи и прочія необходимыя для регистраціи свѣдѣнія, намъ подали автомобиль для перевозки насъ на Царскосельскій вокзалъ. Когда мы подъѣзжали къ Царскосельскому вокзалу, я обратилъ вниманіе, что за автомобилемъ бѣжитъ какой-то офицеръ въ формѣ нашего полка. Оказалось, это былъ мой братъ Миша, наканунѣ произведенный въ прапорщики и получившій именную вакансію, минуя запасный баталіонъ, въ нашъ полкъ. Сцена встрѣчи была чрезвычайно трогательна. Миша мой не выдержалъ, слезы навернулись у него на глазахъ, когда онъ узналъ, что я лишился руки. Но это была только минута. Мы поднялись съ нимъ въ буфетъ и въ ожиданіи поѣзда въ Царское рѣшили закусить. Для меня послѣднее было прямо необходимо, потому что я изъ-за отсутствія денегъ ничего не ѣлъ цѣлый день. Узнавъ о томъ, что у меня нѣтъ денегъ, братъ торжественно извлекъ бумажникъ и предложилъ мнѣ сто рублей. Впослѣдствіи я узналъ, что мой бѣдный Миша былъ счастливъ и гордъ тѣмъ, что имѣлъ возможность мнѣ помочь. Я любовался, глядя на него. Изъ него получился прекрасный выправленный офицеръ. Его молодое красивое лицо, дышавшее свѣжестью и бодростью, невольно восхищало взоръ. Поближе присмотрѣвшись къ „молодому“, я замѣтилъ на немъ шпоры. Пристыдивъ его, я приказалъ ему шпоры снять, что онъ исполнилъ немедленно, страшно смутившись.

ЦАРСКОСЕЛЬСКІЙ ДВОРЦОВЫЙ ЛАЗАРЕТЪ № 3 И ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ.

Прибывъ въ Царское Село, мы были встрѣчены начальникомъ эвакуаціоннаго пункта, Полковникомъ Величковскимъ, и развезены по госпиталямъ, въ ко-

торые мы предназначались. Я попалъ въ Дворцовый лазаретъ № 3, гдѣ, какъ я уже говорилъ, лежали раненые офицеры нашего полка.

По прибытіи въ лазаретъ, въ первую очередь меня отправили въ ванную. Освѣжившись и переодѣвшись въ безукоризненно чистое бѣлье, я попалъ въ объятія своихъ друзей. Въ „Эриванской", такъ называемой, палатѣ лежали: поручикъ Снарскій, подпоручикъ Меликъ-Адамовъ, штабсъ-капитанъ Нѣмчиновичъ и поручикъ князь Гурамовъ. Я оказался пятымъ. Устроили меня, какъ можно удобнѣе, и я облегченно вздохнулъ. Начались разговоры и разспросы. Мой братъ усѣлся около моей кровати. Мы обсуждали съ нимъ вопросъ его отправки на фронтъ. Рѣшено было такъ: завтра онъ изъ Петрограда ѣдетъ въ Кисловодскъ къ бабушкѣ, пробудетъ у нея съ недѣлю. На обратномъ пути заѣдетъ ко мнѣ, а затѣмъ уже поѣдетъ въ полкъ. Въ госпиталѣ ему оставаться было нельзя за позднимъ временемъ и мы, расцѣловавшись, разстались. Я очень просилъ его при встрѣчѣ съ нашей общей „любимой бабушкой", какъ можно дипломатичнѣе, передать ей о моемъ раненіи, такъ какъ я боялся за ея и безъ того разстроенное здоровье. Не думалъ я, что вижу моего дорогого Мишу послѣдній разъ. Ничто мнѣ объ этомъ не подсказало.

На другой день утромъ ровно въ 10 часовъ къ парадному подъѣзду лазарета безшумно подъѣхалъ Императорскій автомобиль. То пріѣхали Ея Императорское Величество Государыня Императрица съ двумя старшими дочерьми, Ихъ Высочествами Ольгой и Татьяной Николаевнами. Всѣ способные ходить офицеры вышли для встрѣчи. Когда обходившая всѣхъ Государыня дошла до меня, я представился. Государынѣ было обо мнѣ доложено и она, улыбаясь, протянула мнѣ руку, которую я почтительно поцѣловалъ. Великія Княжны встрѣтили меня, какъ стараго знакомаго, и начали задавать вопросы о состояніи полка, объ офицерахъ, которые имъ были извѣстны,

и проч. „Какіе милые, простые люди", невольно подумалъ я. И съ каждымъ днемъ я все больше и больше въ этомъ убѣждался. Я былъ свидѣтелемъ ихъ ежедневной работы и поражался ихъ терпѣнію, настойчивости, большому навыку въ тяжелой работѣ и всеокружающей ласкѣ и добротѣ. Ровно въ 10 часовъ утра ежедневно Великія Княжны пріѣзжали въ лазаретъ. Обойдя всѣхъ больныхъ, Онѣ переодѣвались въ совершенно бѣлоснѣжные халаты и начинались перевязки. Нашъ дворцовый госпиталь, гдѣ работали Великія Княжны, былъ разсчитанъ на 30 кроватей. 25 офицеровъ и 5 солдатъ — такъ распредѣлены были мѣста. Говорить объ уходѣ, чистотѣ, гигіеничности условій, въ которыхъ находились пользуемые въ лазаретѣ, о столѣ и т. п. особенно не приходится. Я укажу только на нѣкоторыя изъ нихъ. Кормили насъ, напримѣръ, такъ: утромъ кофе или чай (по желанію) со сливочнымъ масломъ и булочками. Въ 1 часъ дня завтракъ изъ 2 - 3 блюдъ. Обѣдъ въ 6 часовъ вечера изъ 3 блюдъ (причемъ къ обѣду подавалась рюмка сливовицы). И, наконецъ, вечеромъ къ 8 часамъ опять чай съ масломъ и булочками. Помимо этого изъ царскихъ оранжерей намъ присылались корзины съ всевозможными фруктами. Конфекты же въ колоссальныхъ аршинныхъ коробкахъ привозили, обыкновенно, сами Великія Княжны. Бѣлье обязательно мѣнялось черезъ день, по желанію могли мѣнять его и каждый день.

Медицинской частью лазарета завѣдывала женщина-хирургъ кн. Гедройцъ. Очень часто пріѣзжали въ лазаретъ Лейбъ-Медики Боткинъ и Деревенько. Послѣдній сдѣлалъ между прочимъ мнѣ операцію, когда рана на подбородкѣ у меня плохо срослась. Перевязки, начинавшіяся около десяти часовъ, кончались только къ часу, причемъ всѣхъ раненыхъ перевязывали исключительно Великія Княжны и нужно отдать справедливость дѣлали свое дѣло весьма умѣло, никогда не причиняя излишней боли. Если перевязки кончались немного раньше часа и стояла хорошая

погода, то обыкновенно молодежь отправлялась въ паркъ передъ лазаретомъ и тамъ играла съ Великими Княжнами въ крокетъ. Бывали дни, когда спеціально для игры въ крокетъ отпускали и двухъ младшихъ Великихъ Княженъ, Марію и Анастасію; тогда съ ними же пріѣзжалъ и, Наслѣдникъ, Его Императорское Высочество Великій Князь Алексѣй Николаевичъ.

Наслѣдникъ былъ хорошенькій десятилѣтній мальчуганъ, большой проказникъ. Во всѣ игры онъ вносилъ большое оживленіе. Очень часто раненые снимались въ кругу Царской семьи и тогда на другой или на третій день каждый получалъ по карточкѣ. Каждый поступившій въ лазаретъ офицеръ расписывался въ особомъ альбомѣ, обозначая свою фамилію, часть войскъ и время поступленія въ лазаретъ. Къ моменту моего прибытія въ лазаретъ я обратилъ вниманіе, что противъ многихъ фамилій расписавшихся были отмѣтки: „Убитъ тогда то". Это были собственноручныя отмѣтки Великихъ Княженъ, интересовавшихся судьбой своихъ паціентовъ. Я быстро возстанавливалъ свои силы и подумывалъ отправиться на Кавказъ. Пріѣхалъ мой денщикъ Антонъ и привезъ мнѣ письмо отъ брата съ датой 28 Іюля. Оказывается, мой братъ изъ Кисловодска, не заѣзжая ко мнѣ, поѣхалъ прямо въ полкъ. Полкъ нашъ въ это время стоялъ уже на другой заблаговременно укрѣпленной позиціи. „Командиръ полка, писалъ мнѣ братъ, очень радъ былъ меня видѣть и назначилъ младшимъ офицеромъ въ твою роту, которой теперь командуетъ какой-то новый несимпатичный поручикъ. Солдаты, вспоминая о тебѣ, плакали, я ихъ успокоилъ, что ты скоро вернешься. Офицеры всѣ тебя жалѣютъ и часто пьютъ за твое здоровье. Мнѣ такъ было пріятно слышать самые лестные о тебѣ отзывы всего состава полка... и я тоже постараюсь не „ударить лицомъ въ грязь". Затѣмъ сообщаю тебѣ самую пріятную новость: за бой 25 Іюня ты представленъ къ Георгіевскому оружію, а за бой 5 Іюля — къ Георгіевскому кресту. Всѣ высказываютъ увѣренность,

что оба представленія пройдутъ. Въ слѣдующемъ письмѣ напишу тебѣ болѣе подробно.

. . . .

Но письма отъ него я уже не получилъ. Онъ третьяго Августа былъ убитъ.

Антонъ, увидя меня, сіялъ. Мои пріятели убѣдили его, что черезъ три недѣли у меня выростетъ новая рука и онъ этому повѣрилъ.

2-го Августа въ лазаретъ прибылъ Шахъ-Баговъ, вторично раненый. На этотъ разъ, командуя развѣдчиками, онъ былъ раненъ одновременно и въ руку и въ ногу. Я былъ страшно радъ, когда узналъ, что раненіе его не относится къ разряду тяжелыхъ. Шахъ-Баговъ, не будучи кадровымъ офицеромъ, но воспитанный въ кругу нашего полка, такъ какъ каждое лѣто еще будучи гимназистомъ, проводилъ въ Манглисѣ, отлично усвоилъ и пропитался тѣмъ традиціоннымъ духомъ нашего полка, который на молодежь имѣлъ огромное воспитательное значеніе. И теперь онъ показалъ себя, какъ достойный и храбрый офицеръ, какъ рѣдкій товарищъ и удивительный добрякъ. Если ко всему этому прибавить его красивую наружность и большое умѣнье одѣться и носить съ достоинствомъ форму, то получался тотъ типъ молодого офицера Эриванца, которымъ по праву гордился нашъ полкъ.

Шахъ-Баговъ подтвердилъ, что я дѣйствительно представленъ къ кресту и оружію и тоже выразилъ увѣренность что представленія обязательно пройдутъ. Я былъ пораженъ, ибо не считалъ, что я сдѣлалъ что нибудь особенное. Получить Георгіевскій крестъ — вѣдь это мечта, греза каждаго офицера. Неужели это сбудется?...

5-го Августа была получена нами телеграмма, что въ Царское Село въ лазаретъ ѣдутъ раненые: поручикъ Тихоновъ и подпоручикъ Четыркинъ, оба раненые вторично. 1-ый былъ раненъ 16 Октября, а второй — 22 Сентября 1914 года. Въ ожиданіи ра-

ненныхъ друзей — кровати сдвинуты и внесены новыя. 6 го вечеромъ появляются носилки; и Тихоновъ и Четыркинъ ранены тяжело. Тихоновъ сильно измѣнился, осунулся, глаза ввалились. Раненъ въ голень съ раздробленіемъ кости. У Четыркина видъ бодрѣе, раненъ онъ въ оба бедра на вылетъ. Начинаются, какъ и всегда, разспросы. Былъ страшный бой у станціи Влодавы. Нашъ полкъ выбивалъ переправившихся черезъ Западный Бугъ нѣмцевъ, блестяще выполнилъ задачу, взялъ 500 плѣнныхъ и сбросилъ переправившуюся часть въ Бугъ, но въ двухдневномъ бою понесъ громадныя потери. Когда я спросилъ, какъ мой братъ, мнѣ сказали, что онъ тоже былъ раненъ. „Отчего же его не привезли сюда"?... Тутъ мнѣ постепенно стали сообщать различныя подробности, мало меня удовлетворявшія. Денщикъ Четыркина мнѣ прямо сказалъ: „Ваше Благородіе, Вашъ братъ были ранены въ животъ навѣрное померли". „Ихъ причастилъ священникъ". Что пережилъ я въ этотъ злосчастный день не поддается описанію.

Утромъ я уже имѣлъ копію рапорта нашего командира Государю Императору, переписанную Великой Княжной Татьяной Николаевной. Въ рапортѣ былъ указанъ списокъ потерь. Въ спискѣ убитыхъ значился мой братъ. Убито было 6 офицеровъ, въ числѣ которыхъ, кромѣ брата, поручикъ Кандауровъ и прапорщикъ Борисовъ, послѣдній совсѣмъ молодой, но храбрый и хорошій офицеръ.

Въ этотъ же день я получилъ телеграмму отъ командира полка съ извѣстіемъ о геройской кончинѣ моего брата. Теперь на меня легла тяжелая обязанность сообщить о смерти Миши домой. Я зналъ, что бабушка моя газетъ не читаетъ, но боялся, что кто-нибудь изъ знакомыхъ ей случайно сообщитъ печальную новость раньше меня. Тогда я рѣшилъ ѣхать въ Кисловодскъ, чтобы лично передать бабушкѣ о смерти брата. Рана на рукѣ должна была закрыться черезъ недѣлю и я рѣшилъ выждать этотъ срокъ и ѣхать въ Кисловодскъ. Попутно я

взялъ разрѣшеніе направиться для дальнѣйшаго леченія въ Здравницу Ея Величества Государыни Императрицы, находившуюся въ Желѣзноводскѣ.

Наканунѣ моего отъѣзда въ Кисловодскъ я былъ цѣлый день занятъ мелкими дѣлами, связанными съ отъѣздомъ. Пришелъ я въ лазаретъ поздно, — къ вечернему чаю. „Костя, знаешь печальную новость: Сабель убитъ", подавая мнѣ письмо, сказалъ Шахъ-Баговъ. Эта вѣсть поразила меня, какъ громомъ. Что же будетъ съ полкомъ. Сабель убитъ, раненный Пильбергъ умираетъ, кто сможетъ ихъ замѣнить? Никто. Я умолкъ, подавленный этой ужасной вѣстью. Какъ ни старался я представить своимъ воображеніемъ, что Сабеля нѣтъ, у меня этого не получалось. И онъ до сихъ поръ остался живымъ для меня. Не мыслимо, думалъ я, чтобы этотъ человѣкъ, бывшій рѣшительно во всѣхъ бояхъ съ полкомъ въ теченіе года и всегда выходившій цѣлымъ и невредимымъ изъ самыхъ ужасныхъ передѣлокъ, чтобы Сабель, котораго всѣ рѣшительно обожали и котораго гренадеры считали заговореннымъ, могъ быть убитъ. Нѣтъ это сонъ, это кошмарный сонъ.

Впослѣдствіи, по прибытіи въ полкъ, я опросилъ всѣхъ живыхъ свидѣтелей того боя, въ которомъ погибъ Сабель, причемъ картина гибели его рисуется такъ: Во время августовскихъ боевъ подъ Вильно наша X-ая армія попала въ очень тяжелое положеніе, грозившее ей полнымъ окруженіемъ. Сплошь и рядомъ обстановка была настолько запутана, что какъ нѣмцы, такъ и наши части натыкались на чужихъ тамъ, гдѣ совсѣмъ этого не ожидали.

13-го Августа вечеромъ нашъ полкъ сосредоточился у дер. Серафинишки, прибывъ изъ Кобрина по желѣзной дорогѣ и поступилъ въ распоряженіе н-ка 4-ой Финляндской стр. дивизіи ген. Селивачева; 15-й полкъ этой дивизіи, будучи сбитъ со своихъ позицій, находился въ полномъ отступленіи. 14-го Августа нашъ полкъ былъ двинутъ къ З. Олсоки и дальше къ д. Пломянамъ на поддержку 15 Финл.

стр. полка. Наша Гренадерская артиллерія не успѣла подойти къ мѣсту боя въ теченіе 2-хъ дней, артиллерія же 4 Финл. дивизіи снялась съ позицій. Положеніе было критическое, такъ какъ нѣмцы развили энергичное наступленіе. Къ счастью въ районѣ 4 Финл. дивизіи оказался 105 арт. дивизіонъ полковн. Яковенко-Маринича съ японскими орудіями „Арисака", а главное съ полнымъ комплектомъ снарядовъ. Высоко доблестный командиръ 105 артилл. дивизіона полковникъ Яковенко-Мариничъ по своей инициативѣ задержался на своихъ позиціяхъ, рискуя потерять возможность своевременно отойти, и своимъ огнемъ прикрывалъ отступленіе Финляндцевъ. Въ этотъ критическій моментъ онъ былъ поддержанъ подошедшимъ нашимъ полкомъ. 105 арт. дивизіонъ, ободренный столь неожиданнымъ появленіемъ нашего полка, открылъ ураганный огонь „шимозой" по наступающимъ нѣмцамъ. Нашъ полкъ перешелъ въ контръатаку и, взявъ около 200 плѣнныхъ — возстановилъ положеніе. 15-го Августа нашему полку было приказано начать отходъ, такъ какъ 13 и 16 Финл. стр. полки подъ напоромъ нѣмцевъ очистили свои позиціи.

Бой длился цѣлый день, а на утро части нашего корпуса начали отходъ на Ново-Трокскую позицію, причемъ I баталіонъ, которымъ командовалъ подполковникъ Сабель, попалъ въ такой густой лѣсъ, что невозможно было оріентироваться. Выстрѣлы слышались отовсюду. Подполковникъ Сабель съ 4-мя связниками отъ ротъ, какимъ то образомъ оторвался отъ баталіона и сѣлъ подъ дерево, чтобы разобраться по картѣ, что ему безусловно удалось бы, такъ какъ въ полку лучше его никто не разбирался въ военно-топографическихъ картахъ всѣхъ воюющихъ государствъ. Только онъ сѣлъ подъ деревомъ, развернувъ карту, какъ изъ за деревьевъ со всѣхъ сторонъ показались нѣмцы. Подполковникъ Сабель выхватилъ шашку и съ крикомъ: „за мной" бросился на нѣмцевъ... и былъ ими заколотъ. Прибѣжавшіе къ

баталіону связники разсказали о смерти командира баталіона; баталіонъ перешелъ въ контръ-атаку, горя мщеніемъ. Произошелъ горячій бой. Нѣмцы были разсѣяны, потерявъ, кромѣ убитыхъ, свыше 100 плѣнныхъ, но тѣло подполковника Сабеля нигдѣ обнаружить не удалось. Опросъ плѣнныхъ не далъ результатовъ. Полку, такъ и не удалось установить, куда нѣмцы убрали трупъ. Такой потери полкъ не переживалъ ни до, ни послѣ этого дня.

20-го Августа съ тяжелымъ сердцемъ и мрачными мыслями выѣхалъ я изъ Царскаго въ Кисловодскъ. Подъѣзжая къ Кисловодску, я разговарился со своимъ сосѣдомъ полковникомъ. Оказалось, что онъ жилъ рядомъ съ моей бабушкой, знаетъ ее и моего брата, такъ какъ познакомился съ нимъ, когда братъ заѣзжалъ прощаться. Этотъ полковникъ мнѣ сообщилъ, что бабушкѣ моей уже извѣстно о смерти моего брата. Я ему повѣрилъ и въ душѣ былъ доволенъ, что не мнѣ первому придется сообщить о такомъ горѣ. Вотъ подошелъ поѣздъ къ станціи „Минутка", гдѣ жила моя бабушка... Я вижу ея блѣдное спокойное лицо, она ищетъ глазами меня среди пассажировъ. Я бросаюсь къ ней въ объятія. Бабушка залилась слезами. „А теперь Миша"... рыдала она. Я, будучи въ полной увѣренности, что ей все уже извѣстно, проговорилъ: „Да, онъ умеръ героемъ". Мои слова произвели на бабушку ужасное впечатлѣніе. „Какъ, и онъ погибъ"... воскликнула она и ей сдѣлалось дурно.

Кое-какъ мы съ Антономъ довели ее домой и уложили.

Въ Желѣзноводскъ я поѣхалъ вмѣстѣ съ бабушкой и мнѣ удалось найти для нея хорошенькую комнатку. Самъ же я отправился въ Здравницу Государыни, помѣщавшуюся въ паркѣ во дворцѣ Эмира Бухарскаго. Чудный воздухъ, хорошее питаніе, полный отдыхъ въ теченіе полутора мѣсяцевъ сильно возстановили мои силы. Бѣда вся заключалась въ томъ, что рука не переставала почему-то болѣть, а рана на

подбородкѣ плохо срослась и все время меня безпокоила. По окончаніи курса леченія въ Желѣзноводскѣ мнѣ нужно было ѣхать въ Царское Село. 1-го Октября я выѣхалъ изъ Желѣзноводска, направляясь въ Царское Село. Въ лазаретѣ ничто не измѣнилось. Работа шла тѣмъ же порядкомъ. Государыня поинтересовалась, какъ я себя чувствую послѣ Желѣзноводска. Я доложилъ, что чувствую себя очень хорошо, только на подбородкѣ рана такъ срослась, что послѣ каждаго умыванія изъ нея течетъ кровь. Стоявшій здѣсь лейбъ-хирургъ Деревенько предложилъ сдѣлать маленькую операцію и подравнять рубцы. Я охотно согласился и черезъ день назначена была операція. На операцію прибыла сама Государыня Императрица. Рана сама по себѣ была пустяшная, размѣромъ 5—6 сантиметровъ. Къ наркозу рѣшено было не прибѣгать. Я легъ на операціонный столъ и меня тотчасъ закрыли простыней до подбородка, на глаза надвинули кусокъ марли и операція началась. Не скажу, чтобы операція была очень болѣзненна, я ожидалъ худшаго. Присутствіе Государыни, которая ассистировала на операціи, и Великихъ Княженъ въ качествѣ сестеръ заставило меня напречь всю волю, чтобы не издать ни одного звука, похожаго на стонъ. Мнѣ казалось, что если бы меня разрѣзали въ этотъ моментъ на части, и то бы я молчалъ. Во время операціи я разговаривалъ съ Государыней, отвѣчая на ея вопросы. Мою правую руку нѣжно придерживала Великая Княжна Татьяна Николаевна. Когда началась накладка швовъ, то мнѣ казалось, будто меня притягиваютъ куда-то къ потолку. Но вотъ все кончилось. Съ глазъ сняли марлю, и я приподнялся, давая возможность наложить повязку. Когда и повязка была наложена, я хотѣлъ встать и уйти, но Великія Княжны меня придержали. „Поповъ, лежите, мы Васъ сейчасъ отвеземъ. Въ этотъ моментъ Великая Княжна Ольга Николаевна подкатила особыя носилки, и я на нихъ сѣлъ. Обѣ Великія Княжны, сопровождаемыя нашими офицерами, ждавшими въ коридорѣ окончанія опе-

раціи, торжественно доставили меня въ палату и уложили въ приготовленную постель. Вечеромъ Великія Княжны навѣстили меня, когда пріѣхали на чистку инструментовъ. На другой день Великая Княжна Татьяна Николаевна подходитъ ко мнѣ и говоритъ: „Поповъ, хотите сниматься съ нами". „Такъ точно, Ваше Высочество, хочу". „Тогда идемте въ нашу маленькую комнатку". Маленькая комнатка, о которой шла рѣчь, находилась рядомъ съ операціонной и служила мѣстомъ храненія халатовъ Великихъ Княженъ, безконечнаго количества конфектъ и халвы и представляла собой маленькую гостинную съ мягкой стильной мебелью. Въ общемъ въ лазаретѣ снимались довольно часто и у меня образовался цѣлый альбомъ снимковъ изъ лазаретной жизни, который, не взирая на всѣ превратности судьбы, остался у меня и по сію пору, и которымъ я дорожу какъ великой реликвіей.

Когда рана на подбородкѣ зажила, я получилъ отпускъ въ Тифлисъ, такъ какъ на фронтъ ѣхать зимой не могъ вслѣдствіе большихъ болей въ культѣ ампутированной лѣвой руки.

Существовалъ обычай, по которому всѣ выписывавшіеся офицеры и ѣдущіе на фронтъ, передъ отъѣздомъ представлялись Императрицѣ въ Александровскомъ дворцѣ. Въ такихъ случаяхъ за офицеромъ присылалась придворная карета, и въ ней онъ отвозился во дворецъ.

Императрица каждому раненому давала образокъ, молитвенникъ, поясокъ изъ ленты съ молитвами и свертокъ, заключавшій въ себѣ цѣлую серію предметовъ, главнымъ образомъ бѣлья собственноручной работы, и противогазъ.

Такъ какъ я не отправлялся непосредственно на фронтъ, то думалъ, что мнѣ и не нужно будетъ представляться. Но мнѣ было объявлено зав. лазаретомъ, что 23-го Октября въ 11 часовъ за мной прибудетъ экипажъ. Я сталъ собираться. На другой день ровно въ одиннадцать часовъ прибыла при-

дворная карета съ кучеромъ въ красной ливреѣ и треуголкѣ. У кучера былъ видъ „министерскій". Я почувствовалъ себя предъ такой фигурой даже неловко. Однако сѣлъ въ карету, захлопнулъ дверцу и всецѣло отдалъ себя въ распоряженіе „важной персоны"—ливрейнаго кучера. Экипажъ помчался по направленію къ Александровскому дворцу. У ограды дворца экипажъ былъ остановленъ дворцовой полиціей. Я назвалъ свою фамилію и былъ тотчасъ же пропущенъ. Раздѣвшись въ пріемной, я былъ проведенъ въ большую комнату, первую съ правой стороны корридора, ведущаго во внутренніе покои. Здѣсь было еще три офицера, тоже ждавшихъ, очевидно, пріема. Мы представились другъ другу. Прошло около 10 минутъ, какъ вошелъ „скороходъ" и, назвавъ мою фамилію, попросилъ слѣдовать за нимъ. Пройдя направо по корридору, онъ остановился около двери въ самомъ концѣ корридора съ лѣвой стороны. Тутъ стоялъ негръ, который распахнулъ при видѣ меня дверь. Все, какъ въ сказкѣ, мелькнуло у меня въ головѣ. То, что я увидѣлъ, перешагнувъ порогъ, заставило трепетно забиться мое сердце. Среди комнаты стояли: Государь Императоръ, Государыня и Наслѣдникъ, а по бокамъ ихъ — всѣ Великія Княжны.

Не смотря на то, что Государя я увидѣлъ первый разъ въ жизни и при томъ совершенно для меня неожиданно и въ такой исключительной обстановкѣ, я нисколько не растерялся. Сдѣлавъ почтительный поклонъ, я подошелъ къ Государю и, твердо отчеканивая каждое слово, произнесъ: „Ваше Императорское Величество, 13-го Лейбъ-Гренадерскаго Эриванскаго Царя Михаила Ѳеодоровича полка подпоручикъ Поповъ представляется по случаю излеченія отъ ранъ". Затѣмъ я подошелъ послѣдовательно къ Государынѣ, Наслѣднику и Великимъ Княжнамъ.

Государь, ласково смотря на меня своими особенными глазами, задалъ мнѣ цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся, главнымъ образомъ, боевой жизни полка,

интересуясь боями, въ которыхъ полкъ принималъ участіе.

На всѣ вопросы Его Императорскаго Величества я далъ краткіе и опредѣленные отвѣты. Государь Императоръ во время разговора дважды благодарилъ меня за службу и, пожавъ крѣпко руку, вышелъ въ дверь, ведущую въ сосѣднюю лѣвую комнату. Пока я продолжалъ бесѣдовать съ Государыней и Великими Княжнами, Наслѣдникъ принесъ пакетъ, о содержимомъ котораго я уже говорилъ, и который вручался всѣмъ представлявшимся офицерамъ.

Напутствовавъ меня пожеланіями, Государыня протянула мнѣ руку, давая понять, что аудіенція кончена.

Это была моя первая и послѣдняя встрѣча съ Государемъ. По возвращеніи съ Высочайшей аудіенціи меня ждалъ новый сюрпризъ. На столѣ лежало письмо отъ полкового адъютанта, капитана Шлиттера, извѣщавшаго меня, что я награжденъ Георгіевскимъ оружіемъ за бой 25-го Іюня.

Придравшись къ такому исключительному стеченію обстоятельствъ въ этотъ вдвойнѣ счастливый для меня день, мои друзья рѣшили привѣтствовать меня въ Петроградѣ ужиномъ. Вечеромъ вся наша палата въ томъ числѣ и два корнета, одинъ Александрійскаго гусарскаго полка, а другой Крымскаго коннаго, очень милые люди и весельчаки, давно съ нами объединившіеся, отправились къ Макаеву въ Кавказскій ресторанъ на Невскомъ. На люстру прикрѣпленъ былъ новый Георгіевскій темлякъ и начался ритуалъ обмыванія его кахетинскимъ виномъ.

На другой день я уѣзжалъ въ Тифлисъ, провожаемый тѣснымъ кругомъ нашихъ полковыхъ семей и друзьями. Въ Тифлисѣ я пробылъ всю зиму. Къ этому времени выяснилась необходимость опраціи раненой руки, такъ какъ главный нервъ былъ ущемленъ въ рубцѣ и, благодаря этому, я ощущалъ все время сильныя боли. Но меня тянуло въ полкъ на фронтъ. Я отказался отъ операціи и поѣхалъ въ

полкъ. Нашъ полкъ въ это время стоялъ на участкѣ Сморгонь Крево, утвердившись здѣсь съ сентября 1915 года.

ПОЗИЦІОННАЯ ВОЙНА КРЕВО-СМОРГОНЬ

1916 годъ.

1 Марта 1916 года я выѣхалъ на фронтъ въ полкъ. Ѣхать въ полкъ пришлось черезъ Минскъ, Молодечно и Полочаны. Уже въ Молодечно начиналась боевая прифронтовая полоса. Здѣсь такъ же, какъ и на позиціи, можно было видѣть землянки и блиндажи. Молодечно чуть ли не ежедневно подвергалось бомбардировкѣ съ нѣмецкихъ аэроплановъ, которые держали въ большомъ страхѣ всѣ тыловыя учрежденія, расположенныя у станціи. Наканунѣ моего пріѣзда, какъ мнѣ передавали, нѣмцы сбросили удачно нѣсколько бомбъ, которыми повредили часть пути и станціонныя постройки. Въ Молодечно я пересѣлъ на поѣздъ, который довезъ меня до Полочанъ, куда я прибылъ рано утромъ. Когда шелъ поѣздъ дальше — на ст. Залѣсье — никто не зналъ. Я поинтересовался, сколько до Залѣсья верстъ; оказалось, шестнадцать.

Зная, что около Залѣсья стоитъ нашъ обозъ 1-го разряда, я рѣшилъ идти пѣшкомъ по шпаламъ. Шелъ я очень быстро. Денщикъ мой остался при вещахъ и долженъ былъ дождаться поѣзда. Черезъ три часа я уже пришелъ къ мѣсту расположенія нашего запаснаго баталіона. Запасные баталіоны появились въ полкахъ, какъ нововведеніе, продиктованное опытомъ войны. Цѣль запасныхъ баталіоновъ при полкахъ — доучить или вѣрнѣе переучить заново пополненія, прибывавшія въ полкъ. Еще съ середины 15-го года въ дѣйствующіе полки стали присылаться такія пополненія, которыя совершенно были не подготовлены для веденія какого-бы то ни было боя и даже не умѣвшія заряжать винтовокъ.

Многіе полки, въ томъ числѣ и нашъ, боролись съ этимъ зломъ домашними средствами, а именно: къ приходившему пополненію откомандировывалось 2—3 офицера съ соотвѣтствующимъ количествомъ унтеръ-офицеровъ или даже старыхъ солдатъ и гдѣнибудь за передовой линіей, верстахъ въ 4 - 5 его сколачивали и обучали всѣмъ необходимымъ премудростямъ. Нигдѣ, ни въ какой казармѣ, ни въ одномъ полку въ мирное время не шло такимъ быстрымъ темпомъ обученіе, какъ здѣсь. Тутъ молодому солдату не нужно было фантазировать и представлять себѣ какіе-то окопы, проволочныя загражденія, атаку невидимыхъ укрѣпленій и т. п. Здѣсь все было подъ рукой. Нужно было показать атаку укрѣпленной позиціи — это производилось наглядно на нашихъ тыловыхъ укрѣпленіяхъ. Нужно было научить строить окопы — была и въ этомъ обильная практика каждую ночь. Нужно было научить обращаться съ ручными гранатами — и гранатъ было достаточно. Ихъ бросали. Солдаты могли убѣждаться въ ихъ дѣйствіи, такъ какъ рѣдкій урокъ проходилъ безъ, такъ называемыхъ, несчастныхъ случаевъ. Обученіе стрѣльбѣ, службѣ дозоровъ, секретовъ, часовыхъ шло попутно и черезъ мѣсяцъ такого обученія солдатъ зналъ все самое необходимое для веденія сложнаго современнаго боя. Воспитаніе солдатъ шло параллельно со строевыми занятіями и за мѣсяцъ обученія давало незначительные результаты. Тутъ нужно было время, нуженъ былъ кадръ опытныхъ людей, а ни того, ни другого не было. Даже позиціонная война съ ея кажущимся затишьемъ уносила много жертвъ, и полки все время нуждались въ пополненіи своихъ рядовъ. Что же касается до кадра учителей, то таковыхъ было недостаточное количество, ибо все самое лучшее погибло въ 14 году.

Когда я поровнялся съ землянками запаснаго баталіона, чинно выстроившимся въ рядъ на опушкѣ сосноваго лѣса, дневальный, старый солдатъ, что-то

передалъ и изъ землянокъ просунулось нѣсколько головъ въ папахахъ, а затѣмъ сразу повысыпала куча гренадеръ. Это оказался кадръ запаснаго баталіона. Большинство изъ нихъ провели со мной не одинъ бой и теперь каждый спѣшилъ представиться и поговорить. Тутъ мнѣ разсказали подробности смерти моего брата, смерти подполковника Сабеля и прочихъ боевъ, въ которыхъ я уже не участвовалъ, но живые свидѣтели которыхъ находились здѣсь. Тутъ же ко мнѣ подошелъ стройный худощавый гренадеръ. „Здравія желаю, Ваше Благородіе", — проговорилъ онъ, — „Вы меня навѣрное не помните. Я — Дмитрій Косовъ". Я взглянулъ на него пристально, но ни его фамилія, ни его болѣзненный видъ ничего мнѣ не могли напомнить. Сколько тысячъ такихъ Косовыхъ прошло предъ моими глазами за годъ войны.

„Ваше Благородіе, это тотъ самый Косовъ, котораго Вы вынесли на рукахъ въ бою 19-го Мая подъ Загродами. Онъ былъ раненъ подъ самое сердце навылетъ. Еще Ваша шинель насквозь промокла кровью. Не жить бы ему, да Вы его сами перевязали. Мы уже ему сказывали про Васъ", говорили голоса изъ толпы. Я сразу вспомнилъ и самаго Косова и описываемый эпизодъ.

Косовъ былъ смѣлый малый и честнѣйшій и преданный солдатъ. Въ бою 19 Мая, когда нашъ полкъ, не будучи въ состояніи наступать, остановился подъ убійственнымъ огнемъ нѣмцевъ, Косову попалось такое мѣсто, съ котораго ему было плохо видно, и онъ полѣзъ впередъ по высокой ржи. Онъ уже началъ окапываться, какъ что-то его потянуло высунуться изъ ржи. Только онъ высунулся, какъ былъ сраженъ пулей, попавшей ему въ грудь у самаго сердца.

Въ это время мои гренадеры окапывались съ лихорадочной быстротой и успѣли значительно врыться въ землю.

Узнавъ, что впереди лежитъ раненый Косовъ и, не будучи занятъ рытьемъ окопа, я доползъ до Ко-

сова, взялъ его на руки и, быстро добѣжавъ до нашего окопа, передалъ его гренадерамъ; тѣ положили его на мою шинель на днѣ окопа. Онъ истекалъ кровью. Я досталъ свой пакетъ и наложилъ ему перевязку. Косовъ пролежалъ въ ямѣ до вечера. Вынести его было невозможно, а чтобы его не безпокоило солнце, солдаты пожертвовали одно полотнище палатки и сдѣлали для него навѣсъ. Вечеромъ онъ уже не говорилъ, и я думалъ, что его не донесутъ и до перевязочнаго пункта. Но вотъ онъ стоитъ передо мной улыбающійся, но еще слабый и блѣдный. „Какъ же тебя опять прислали", удивился я, „да еще зимой. Тебѣ трудно, навѣрное. Хочешь ко мнѣ въ вѣстовые. Отдохнешь". „Конечно, иди, Дмитрій", подталкивали его сзади. „Какъ прикажете", отвѣтилъ Косовъ, мило улыбаясь, „Вамъ лучше знать". „Ну. иди къ Антону. Антона знаешь?" „Ну, какъ же не знать. А онъ все съ Вами, Ваше Благородіе?" „Да, со мной. Вотъ и иди къ нему, вечеромъ онъ подъѣдетъ сюда".

Обступившіе меня гренадеры начали разсказывать подробности тѣхъ боевъ, въ которыхъ погибли мой братъ и подполковникъ Сабель. „Вашъ братъ Миша", говорили они, „очень горячій былъ офицеръ. Одно слово, молодой. Не то, что Вы, и роту не знаетъ, куда положить, и самъ не знаетъ, куда стать и лечь. Когда мы 3 го Августа подъ Влодавой атаковали нѣмцевъ, здоровый былъ бой, — страсть какъ била наша антиллерія. Откуда и снаряды взяла. Стали мы выходить изъ лѣса, а нѣмецъ такъ и кроетъ изъ пулеметовъ, а Вашъ Миша одно: впередъ да впередъ. Тутъ его и ранило въ самый животъ наскрозь, и съ нимъ и Дереньдяева; онъ отъ Вашего брата не отходилъ, вродѣ тѣлохранителя при нихъ находился. Дерендяева, навѣрное, помните, Ваше Благородіе, доброволецъ онъ былъ". Дерендяева, о которомъ шла рѣчь, я отлично зналъ и помнилъ. Это былъ великанъ и силачъ, красавецъ-сибирякъ. Кавалеръ 3-хъ степеней Георгія. Бывало, нужно перейти въ

бродъ рѣку, такъ онъ подходилъ ко мнѣ, бралъ меня одной рукой, какъ ребенка, и переносилъ на другой берегъ. При взятіи Облычина онъ первыхъ двухъ мадьяръ, попавшихся ему подъ руку, буквально подмялъ подъ себя, не давъ имъ пикнуть.

„Брату Вашему очень хотѣлось жить, сказывали санитары. Ихъ причастилъ нашъ полковой священникъ, такъ пожелалъ Вашъ братъ, а потомъ хотѣли что-то написать, да карандашъ упалъ изъ рукъ, ослабѣли видно. Царство ему небесное“, сказалъ кто-то и всѣ крестились, снимая папахи.

„А подполковникъ Сабелевъ, такъ называли Сабеля солдаты, тѣ подъ Вильной были убиты, въ лѣсу. Малость насъ тогда не окружилъ совсѣмъ нѣмецъ. Шли мы черезъ большущій лѣсъ и будто заблудились. Вездѣ стрѣляютъ, а кто — не разберешь. Ихъ Высокоблагородіе остановились и съ ними связникамъ приказали остаться, а сами сѣли подъ сосной и разложили карту. По картѣ хотѣли посмотрѣть на мѣстность. А тутъ изъ лѣсу кругомъ нѣмцы повысыпали. Подполковникъ Сабелевъ выхватилъ шашку и прямо на нѣмцевъ. Ихъ много, а онъ одинъ. Ну, и закололи, сказывали связники. Первый баталіонъ обыскалъ весь лѣсъ, сто человѣкъ въ плѣнъ нѣмцевъ взялъ, а тѣла подполковника Сабелева нигдѣ не нашли. Навѣрное взяли нѣмцы, потому что шашка на нихъ вся въ серебрѣ и офицерскій крестъ. Начальникъ, стало быть, подумали. И какая въ этотъ день ерунда была — не приведи Богъ. Нашего ротнаго и фельдфебеля Михалева, что послѣ васъ заступили, взяли нѣмцы въ плѣнъ и ведутъ цѣлый взводъ нашихъ. Вдругъ, смотрятъ, а изъ лѣсу на встрѣчу—нашъ третій баталіонъ. Тутъ нашихъ освободили, повели, значитъ, нѣмцевъ, которые тутъ случились. Ничего не поймешь, Ваше Благородіе, такого боя еще ни разу не было, до чего все перепуталось. А Сазоновъ и Голицынъ, Ваше Благородіе, все въ 8 ротѣ; вотъ обрадуются, когда васъ увидятъ. Оба взводные. Сазоновъ два креста четвертой степени получилъ.

такъ и носитъ, а Голицынъ навѣрное скоро первой получитъ. Вѣдь съ самаго начала войны оба — шутка сказать. Ну, какъ, ничего не слышно, Ваше Благородіе, скоро будетъ замиренье", интересовались солдаты и глаза ихъ пытливо всматривались въ меня. „Какое же можетъ быть замиренье", отвѣтилъ я, „когда нѣмецъ вишь куда забрался, десять губерній у насъ занялъ. Вотъ теперь, когда будетъ у насъ много снарядовъ и пушекъ, погонимъ его, очистимъ нашу землю, тогда еще можно будетъ думать о мирѣ. А сейчасъ не думайте объ этомъ. „И не будетъ конца краю, кажись, этой войнѣ", говорили гренадеры, „только народъ гибнетъ напрасно". А союзники наши что же смотрятъ, что же они ничего намъ не помогаютъ". „Какъ не помогаютъ" отвѣтилъ я, „а винтовки у васъ, а патроны, а пушки, а снаряды, это все, большей частью, отъ нихъ". Это то все такъ, но видно слабый народъ „французишки", имъ ли съ нѣмцемъ тягаться", подавались реплики изъ толпы гренадеръ...

. . . .

Командиръ полка Ген. Вышинскій, произведенный въ генералы и собиравшійся вскорѣ насъ покинуть, такъ какъ получалъ высшее назначеніе на Кавказъ, встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями. „Вотъ сейчасъ полученъ № „Русскаго Инвалида". Вы произведены въ поручики, поздравляю васъ", пожимая руку, произнесъ командиръ. „Ваше представленіе за боевыя отличія въ поручики замѣнили вамъ орденомъ Анны 2-ой степени. А теперь вы прошли на основаніи приказа № 459 по В. В. Вашъ другъ, Гаттенбергеръ, васъ обогналъ онъ уже штабсъ-капитанъ и скоро выслужитъ капитана". „Ну, противъ Гаттенбергера я ничего не имѣю", отвѣтилъ я, „пусть обгоняетъ, но этотъ приказъ, Ваше Превосходительство вычеркиваетъ изъ моей боевой работы 7 мѣсяцевъ, это обидно. Самыхъ тяжелыхъ 7 мѣсяцевъ войны. Теперь я уже не въ состояніи буду догнать моихъ бывшихъ подпрапорщиковъ и виной тому мое

тяжелое раненіе". „Ну, вы не безпокойтесь, я все сдѣлаю для васъ и никто изъ младшихъ офицеровъ, васъ не обгонитъ". Но все, какъ я сказалъ, до смѣшного сбылось. Меня обогнали не только мои бывшіе подпрапорщики, но и мои питомцы юнкера, у которыхъ я впослѣдствіи былъ курсовымъ офицеромъ. Въ отношеніи производствъ мнѣ феноменально не везло: то адъютантъ напишетъ что-нибудь не такъ, представленіе вернутъ послѣ того, какъ оно провалялось мѣсяца три, то представленіе затеряютъ въ штабѣ, то помѣшаютъ бои возобновить представленіе, то опять ошибка или какая нибудь эвакуація, и такъ одно за одно и я застылъ на чинѣ штабсъ-капитана, какъ заговоренный. Въ то же самое время кругомъ шла чехарда съ производствами и частенько приходилось становиться въ тупикъ при видѣ какого-нибудь 22-хъ лѣтняго полковника. Я зналъ, если кончится благополучно война, все разберется и будетъ приведено къ одному знаменателю; кончится война неудачно, не нужно мнѣ тогда ничего, меня удовлетворило бы сознаніе исполненнаго долга. Но случилось третье, о чемъ я никогда не думалъ, погоны съ насъ сорвали въ самый разгаръ Великой Войны.

„Вы бы могли принять роту и стать на позицію? — задалъ командиръ полка мнѣ вопросъ. „Такъ точно, Ваше Превосходительство", отвѣтилъ я, вставая. „Ну, вотъ прекрасно. Завтра примите у прапорщика Башмакова 5-ую роту, а онъ останется у Васъ младшимъ офицеромъ".

Послѣ окончанія оффиціальныхъ разговоровъ, въ штабѣ полка завели патефонъ и усѣлись пить чай. Въ небольшой, но чистенькой халупѣ, одиноко стоявшей на опушкѣ лѣса, теперь вырубленнаго, было тепло и уютно. Штабсъ-капитанъ Снарскій, полковой адъютантъ, возился у стола съ кучей наградныхъ листовъ, я же передавалъ письма и посылки Гаттенбергеру, привезенныя мною изъ Тифлиса отъ его родныхъ. Денщики, телефонисты и ординарцы въ

сосѣдней комнатѣ слушали разсказы моего Антона, пріѣхавшаго съ моими вещами.

На другой день, вставъ, умывшись и напившись чаю, я собрался ѣхать въ роту. До роты было версты двѣ. Мнѣ подали верховую лошадь и я, въ сопровожденіи ординарца, отправился къ позиціи. Стоялъ теплый весенній день. Начиналась весенняя оттепель. Дорога, по которой мы ѣхали, вела къ большому лѣсу, охватившему весь горизонтъ, на сколько хваталъ глазъ. По сторонамъ дороги видны были наши батареи, искусно замаскированныя. Вотъ дорога свернула немного вправо и пошла по опушкѣ лѣса. Здѣсь я перешелъ на рысь и черезъ нѣсколько минутъ былъ у командира 2-го баталіона, князя Геловани, вернувшагося въ полкъ по излеченіи отъ ранъ, полученныхъ подъ ПрасНышемъ. „Ну, иди, принимай роту и приходи сюда играть въ преферансъ", встрѣтилъ меня князь. Какъ изъ земли выросъ проводникъ, съ которымъ я и углубился въ лѣсъ.

Нѣмцы были близко, но позиція шла въ лѣсу и идти такимъ образомъ, какъ шелъ я, было вполнѣ возможно. Вотъ начался участокъ 2-го баталіона.

„Какая рота?" — спрашиваю я у гренадера съ фельдфебельской нашивкой и двумя Георгіевскими крестами. „Восьмая, Ваше Благородіе". „Сазоновъ!" — крикнулъ увидѣвшій меня Голицынъ, — „вылѣзай! ихъ Благородіе, поручикъ Поповъ, пріѣхали". Я расцѣловался со всѣми старыми солдатами, бывшими при мнѣ въ ротѣ. „Вы въ нашу роту опять?" — послышались вопросы. „Нѣтъ, въ пятую", — отвѣчалъ я. „Да насъ, братецъ ты мой, осталось только всего стариковъ шесть человѣкъ. Въ тотъ день, когда Васъ ранило, къ вечеру только 30 человѣкъ осталось живыхъ. Ну, и билъ же нѣмецъ, обозлившись, что мы его не допустили... А эти, „остальные", показалъ онъ на роту, „прибыли съ пополненіемъ". Сазоновъ, когда приходилъ въ экстазъ, всегда называлъ меня на „ты" и говорилъ „братецъ ты мой". „Вотъ и фельдфебель нашъ Михалевъ прибыли тоже послѣ

Васъ съ маршевой ротой, вмѣстѣ съ поручикомъ К., нашимъ теперешнимъ ротнымъ". Подошелъ Михалевъ и представился. „Неужели никто изъ кадровыхъ солдатъ-гренадеръ такъ и не уцѣлѣетъ до конца войны", невольно подумалъ я, бросивъ прощальный взглядъ на ветерановъ 8 роты, и пошелъ дальше по направленію къ 5 ой ротѣ. Я прошелъ еще мимо 6 ой роты, такъ же, какъ и 8-ая, стоявшей въ лѣсу, и вышелъ изъ лѣсу. 7-ая рота была въ этотъ день въ резервѣ и находилась за землянкой командира баталіона въ укрытомъ мѣстѣ. Выйдя изъ лѣса, я пошелъ вдоль длиннаго хода сообщенія, наполненнаго водой почти до верху такъ, что въ немъ можно было утонуть, если попасть въ него ночью, и вскорѣ сталъ подходить къ бугорку, на которомъ копошились люди. Это и была 5-ая рота.

Благодаря тому, что мѣсто здѣсь было возвышенное, окопы были сухи, а за бугоркомъ было даже маленькое мертвое пространство. Здѣсь сидѣло съ полроты и сушило на солнцѣ одежду и вылавливало изъ нея насѣкомыхъ. И тутъ нашлись знакомые гренадеры, которые меня радостно привѣтствовали.

Прапорщикъ Башмаковъ, бывшій сверхсрочнослужащій и подпрапорщикъ нашего полка, рослый красивый мужчина, вылѣзъ изъ своего блиндажа и подошелъ ко мнѣ съ радостной улыбкой. Я въ глубинѣ души понималъ, что мое появленіе не совсѣмъ можетъ быть пріятно Башмакову, но ни въ голосѣ, ни въ разговорѣ онъ себя ни въ чемъ не проявилъ, и я вскорѣ понялъ, что онъ радъ моему прибытію самымъ искреннимъ образомъ.

Тѣ изъ подпрапорщиковъ нашего полка, которые дожили до приказа, разрѣшавшаго производить ихъ въ офицерскіе чины, всѣ были произведены уже давно въ офицеры, причемъ, ставши офицерами, они, естественно, очутились на первыхъ порахъ въ ложномъ положеніи. Они больше, чѣмъ кто либо, чувствовали разницу между кадровымъ офицерствомъ и собой, и имъ особенно трудно было выбрать ту или

иную линію поведенія на новомъ поприщѣ, открывавшемся имъ офицерской звѣздочкой. Всѣхъ ихъ можно было раздѣлить, по ихъ индивидуальнымъ свойствамъ, на двѣ группы.

Первая группа въ нашемъ полку, нужно отдать справедливость, была незначительна. Къ ней относились тѣ прапорщики, которые сразу рѣшили сдѣлаться „господами", что при ихъ неумѣньи выходило смѣшно и породило много комическихъ сценъ. Такіе обыкновенно чувствовали себя съ первыхъ же шаговъ со всѣми на равномъ положеніи, совали первые свою руку, вмѣшивались въ разговоры, ихъ не касающіеся, авторитетно заявляли свое мнѣніе старшимъ, и проч.

Вторая группа, къ которой можно было причислить подавляющее большинство бывшихъ подпрапорщиковъ, долго присматривалась къ старому офицерству, какъ никогда изучая его привычки, характеръ и манеры, и перенимала ихъ постепенно, болѣе или менѣе удачно. Этимъ они многое выигрывали и къ нимъ кадровые офицеры скоро настолько привыкли, что не дѣлали для нихъ никакой разницы. Я лично высоко цѣнилъ эту группу офицеровъ, ибо это были люди, прежде всего, военные, прошедшіе суровую школу еще въ мирное время; они были дисциплинированы, знали свое дѣло и умѣли подойти къ солдату.

Къ этой группѣ безспорно относился и нашъ бывшій знаменщикъ, а теперь прапорщикъ, Башмаковъ.

Прежде чѣмъ спуститься въ землянку, въ которой жилъ прапорщикъ Башмаковъ, я обратилъ вниманіе на солидность ея постройки. Это не была та нора, въ которую нужно было влѣзать на четверенькахъ, внутри которой можно было только сидѣть или лежать. Это была настоящая комната съ поломъ, со стѣнами и потолкомъ, вся ушедшая въ землю настолько, что изъ хода сообщенія нужно было спуститься на три большихъ ступеньки. Потолокъ былъ настолько проченъ, что казалось, что его не пробьетъ ни одинъ снарядъ. Шесть рядовъ тол-

стыхъ сосновыхъ бревенъ и около двухъ аршинъ земли поверхъ ихъ, — вотъ что представлялъ собой потолокъ современныхъ землянокъ и убѣжищъ. Сколько работы нужно было затратить, чтобы оборудовать такую махину.

Переговоривъ съ прапорщикомъ Башмаковымъ о всемъ необходимомъ, я пошелъ съ нимъ осматривать ротные окопы, тянувшіеся по открытому и слегка возвышенному мѣсту. Нѣмецкіе окопы были въ 600—800 шагахъ отъ нашихъ, и ихъ было трудно разсмотрѣть, такъ какъ начинавшій оттаивать снѣгъ во многихъ мѣстахъ уже сошелъ, и тамъ были черныя пятна земли, отъ которой поднимались испаренія. Отчетливѣе всего было видно проволочное загражденіе и повсюду разбросанныя рогатки.

Наши окопы были въ неважномъ состояніи по той простой причинѣ, что морозы, сковывавшіе землю, какъ цементъ, прекратились, и земля начала оползать, и показались лужи по дну окопа. Отлогости окоповъ были облицованы мѣстами жердями и тесомъ, мѣстами мѣшками съ землей.

Война стала строго позиціонной. Мы и нѣмцы закопались въ землю, оградившись нѣсколькими рядами колючей проволоки. Весь опытъ войны, какъ нашего фронта, текъ и зпадно-союзническаго, былъ примѣненъ цѣликомъ при укрѣпленіи нашихъ позицій. Эти окопы подъ Крево и Сморгонью не представляли изъ себя тонкой прерывистой линіи, какъ бывало раньше. Здѣсь было три линіи окоповъ и нѣсколько заблаговременно подготовленныхъ тыловыхъ позицій. За окопами шли убѣжища настолько солидной постройки, что могли противостоять разрушительному дѣйствію тяжелой артиллеріи.

Меня поразило также обиліе въ полку пулеметовъ. Въ самый разгаръ боевъ въ прошломъ году у насъ въ полку никогда не было болѣе 5—6 пулеметовъ; теперь же пулеметы были въ каждой ротѣ, а въ нѣкоторыхъ даже по два. Начальникомъ пулеетмной команды былъ капитанъ князь Шервашидзе

младшій, а его помощникомъ поручикъ Побоевскій. Пулеметная команда находилась въ прекрасномъ состояніи.

Дойдя, такимъ образомъ, до участка сосѣдней роты, я обратилъ вниманіе, что въ зонѣ нашей позиціи видны строенія. „Эго городъ Сморгонь, тамъ нѣтъ ни одного цѣлаго дома", пояснилъ прапорщикъ Башмаковъ, „а наша рота вѣдь тоже стоитъ въ деревнѣ". „Какъ", удивился я. „Очень просто, эту деревню всю до тла разнесли по окопамъ".

Когда я вернулся въ роту и сталъ присматриваться къ окружающей мѣстности, то только въ одномъ мѣстѣ, за окопами, различилъ намекъ на фундаментъ бывшаго здѣсь дома. „Вотъ будетъ сюрпризъ для вернувшихся хозяевъ, когда кончится война; подумаютъ, что не туда попали", сказалъ я. Гренадеры молчали, довольно ухмылялись, и давили вшей. Черезъ два часа я чувствовалъ себя здѣсь, какъ дома.

Переговоривъ по телефону съ командиромъ сосѣдняго баталіона, я доложилъ о принятіи роты и просилъ разрѣшенія его навѣстить. Командиромъ I баталіона послѣ смерти подполковника Сабеля сталъ капитанъ Дробышевъ, тоже кадровый Эриванецъ. Капитанъ Дробышевъ прибылъ въ полкъ уже послѣ моего раненія, такъ какъ по мобилизаціи онъ не шелъ съ полкомъ, а былъ назначенъ начальникомъ этапа. Въ сентябрьскихъ бояхъ прошлаго года онъ успѣлъ составить себѣ репутацію хладнокровнаго и храбраго офицера.

„Эриванцевъ, насъ не мало, мертвыхъ и живыхъ, было, есть и будетъ, выпьемъ же за нихъ"... гласитъ наша полковая пѣснь. И дѣйствительно, были моменты, когда казалось, что полкъ на краю гибели. Нѣтъ уже старыхъ офицеровъ — носителей полковыхъ традицій и духа; такъ было послѣ смерти Сабеля, раненія Пильберга и контузіи Тимченко въ концѣ августа 1915 года. Но откликались живые и возвращались въ полкъ лучшіе офицеры, возвраща-

лись всѣ бывшіе Эриванцы, для которыхъ слава полка была не пустымъ звукомъ, а живымъ напоминаніемъ исторіи Россіи на протяженіи 300 лѣтъ.

Весь Мартъ мѣсяцъ прошелъ на фронтѣ нашего полка въ полномъ затишьѣ. Отстоявъ двѣ недѣли въ окопахъ, мы были смѣнены и отошли въ тылъ. 25 Марта нашъ доблестный и незабвенный командиръ полка, Генеральнаго штаба Генералъ-Маіоръ Вышинскій уѣзжалъ отъ насъ, сдавъ временно полкъ старшему штабъ-офицеру, полковнику Купцову. Утромъ былъ молебенъ и завтракъ, а послѣ завтрака командиръ отправился прощаться съ полкомъ. Весь полкъ былъ выстроенъ на обширной лужайкѣ, только что освободившейся изъ-подъ снѣга, красиво проэктируясь на фонѣ большого сосноваго лѣса.

„Полкъ, Смир-но-о-о. Слушай-а-й... на... краулъ", гремѣлъ полковникъ Купцовъ, и его команду повторялъ сосновый лѣсъ. Сталь штыковъ коротко блеснула въ лучахъ весенняго солнца, и тысячи людей, подавшись на носки, затаили дыханіе.

Подъ звуки полкового марша генералъ Вышинскій объѣхалъ весь полкъ и остановился передъ фронтомъ полка. Оркестръ умолкъ. Раздались слова прощанья. Сдѣлавъ короткій обзоръ боевой работы полка за 10 мѣсяцевъ войны, въ которые онъ непрерывно командовалъ полкомъ, командиръ отмѣтилъ, что самое тяжелое осталось позади, что наступаетъ переломъ, что съ каждымъ часомъ мы все болѣе и болѣе усиливаемся, а противникъ слабѣетъ. Онъ высказалъ увѣренность, что Эриванскій полкъ, вышедшій съ честью изъ труднѣйшихъ положеній прошлаго года, съ еще большей славой донесетъ свое знамя до дня торжества побѣды.

Послѣ рѣчи командира отвѣчалъ полковникъ Купцовъ, и когда уѣзжавшему командиру онъ провозгласилъ „Ура", взмахнувъ своей Кавказской шашкой, то задрожала земля и встрепенулся лѣсъ отъ могучихъ криковъ Лейбъ-Эриванцевъ. Ушелъ командиръ и, какъ хорошій и умный хозяинъ, оставилъ

прекрасное наслѣдство. Временно полкъ принялъ полковникъ Купцовъ. Всѣхъ волновалъ вопросъ, кто будетъ назначенъ новымъ командиромъ.

Къ не малому удивленію всего полка и даже нашего новаго командира, Государь назначилъ къ намъ Флигель-Адъютанта Полков. Силаева, бывшаго командира I-го баталіона.

Л. З. Силаевъ, умный, образованный, честный и прекрасной души человѣкъ, къ сожалѣнію былъ непригоденъ къ боевой обстановкѣ по состоянію своего здоровья. Ясно было, что полковникъ Силаевъ не выдержитъ ужасный и сырой періодъ весенней распутицы, ибо ревматизмъ его мучилъ нещадно. И дѣйсттвиельно, онъ пробылъ въ полку очень не долго и уѣхалъ, чтобы больше не возвращаться. Многіе его обвиняли въ трусости и въ позорномъ поведеніи, не оправдавшемъ якобы флигель-адъютантскихъ погонъ, но это была неправда. Никто не могъ судить о его храбрости или трусости, ибо въ періодъ его пребыванія въ полку царило мертвое затишье.

Передъ его прибытіемъ въ полкъ, а именно 1-го Апрѣля, было маленькое дѣло съ нѣмцами, закончившее для меня боевую связь съ роднымъ полкомъ.

Мы стояли въ резервѣ и баталіоны по очереди ходили работать на передовую линію. 1-го Апрѣля была очередь идти на работу 2-му баталіону. Князь Геловани приказалъ мнѣ вести баталіонъ, не ожидая, что вь этотъ день намъ дадутъ боевую задачу. Я самъ тоже ничего еще не подозрѣвалъ, когда проводники подвели баталіонъ къ громадной кучѣ стальныхъ щитовъ, сложенныхъ за передовой линіей окоповъ въ 200 шагахъ. Мнѣ объяснили, что баталіону нужно продвинуться въ лѣсу у Крево какъ можно дальше впередъ, установить щиты и за ними окопаться, образовавъ параллель.

Задача была чрезвычайно проста, нужно было только соблюдать строжайшую тишину. Объяснивъ задачу офицерамъ и гренадерамъ, я углубился въ

лѣсъ по направленію къ нѣмецкимъ окопамъ. Нѣмцы расположились сейчасъ же по выходѣ изъ лѣса въ 60—80 шагахъ.

Уже мы продвинулись къ самой опушкѣ и роты залегли за щитами и стали окапываться, когда нѣмцы открыли по насъ ружейный огонь. Артиллерія молчала. Завязалась ружейная перестрѣлка на ближней дистанціи.

Засидѣвшіеся безъ боевъ гренадеры расхрабрились' и, пренебрегая явной опасностью, начали пострѣливать по нѣмцамъ, стоя за деревьями, за что многіе и были тотчасъ наказаны. Фельдфебель 8 роты, Михалевъ, получилъ пулю въ животъ и тутъ же испустилъ духъ, а общія потери ротъ выразились убитыми и ранеными въ значительной цифрѣ. Параллель къ вечеру была готова и въ нее была введена часть въ качествѣ постояннаго гарнизона.

Отсюда предположено повести въ будущемъ наступленіе; — шелъ вечеромъ разговоръ въ землянкѣ командира баталіона... а часъ спустя мнѣ приказано было сдать роту и прибыть въ штабъ полка.

Въ штабѣ полка было рѣшено дать мнѣ отдыхъ.

Какъ разъ въ это время нашъ полкъ выдѣлилъ изъ своего состава одну роту для формированія особыхъ полковъ, предназначавшихся къ отправкѣ на Французскій театръ военныхъ дѣйствій.

Люди роты подобраны были прекрасно, чего нельзя было сказазать про офицеровъ, ибо послѣдніе ничѣмъ не успѣли себя проявить на столь большомъ промежуткѣ времени, все время занимая должности не ближе штаба полка. Какъ оказалось потомъ, эти роты, кажется въ Казани, были сведены въ Особые полки, но во Францію не попали, а были переброшены на нашъ сѣверный фронтъ.

Однажды меня вызываетъ командующій полкомъ и говоритъ: „Наконецъ и мы получили свой запасный полкъ. Васъ я думаю назначить командиромъ одной изъ ротъ нашего 1-го баталіона; баталіономъ командовать будетъ полковникъ Пильбергъ. Если

Вы согласны, то собирайтесь, думаю, что Вы и въ Москвѣ будете на мѣстѣ. Къ тому же Вы съ Пильбергомъ достаточно повоевали и Вамъ пора поработать въ другой обстановкѣ". Такая командировка явилась для меня полной неожиданностью, неожиданностью пріятной. Новый для меня городъ, обширное поле дѣятельности, любимый командиръ — все это промелькнуло моментально въ головѣ, и я тутъ же далъ свое согласіе.

Черезъ два дня я имѣлъ уже всѣ необходимыя бумаги съ предписаніемъ явиться въ Москву въ распоряженіе командира 192 запаснаго пѣхотнаго полка, стоявшаго лагеремъ на Ходынскомъ полѣ.

Передъ отъѣздомъ я зашелъ попрощаться со старыми боевыми товарищами Сазоновымъ, Голицынымъ и др. оставшимися въ живыхъ гренадерами, такъ же, какъ и я, прошедшими всю боевую страду полка отъ самого Манглиса.

Прощаніе было трогательно-братское, послѣ чего мои гренадеры бережно усадили меня въ автомобиль.

1-го Іюня 1916 года я прибылъ въ Москву, явился командиру 192 пѣхотнаго запаснаго полка, генералъ-маіоу N. и былъ назначенъ командиромъ 4-ой роты.

МОСКВА. ЗАПАСНЫЙ БАТАЛІОНЪ.

192 пѣхотный запасный полкъ стоялъ на мѣстѣ лагерной стоянки 2 гренадерскаго Ростовскаго полка на Ходынскомъ полѣ. Тутъ же стояли запасные полки другихъ дивизій. Всѣми запасными частями командовалъ генералъ Сила Новицкій. Бравый и строгій старикъ, наводившій панику на весь строевой составъ своими приказами и требовательностью къ службѣ. Одновременно со мною стали съѣзжаться кадровые офицеры изъ другихъ полковъ нашей дивизіи. Предположено было, что 1-ый баталіонъ будетъ готовить пополненія для Эриванскаго полка, 2-ой — для Грузинскаго, 3-ій — для Тифлисскаго и 4-ый — для Мингрельскаго.

Сообразно съ этимъ, офицеры дивизіи и были распредѣлены по баталіонамъ. Мой командиръ баталіона, полковникъ Пильбергъ, былъ на излеченіи въ Евпаторіи послѣ тяжелаго раненія въ грудь, полученнаго подъ Влодавой, и на-дняхъ ожидался его пріѣздъ. Помню, какъ сейчасъ, какъ, выйдя послѣ обѣда изъ офицерскаго собранія, я встрѣтился съ нимъ на главной аллеѣ полкового парка. Помню потому, что, указывая на висѣвшій у него на груди орденъ Святого Великомученика и Побѣдоносца Георгія, онъ произнесъ: „Поздравляю тебя съ бѣлымъ крестикомъ; твой Георгій, наконецъ, прошелъ, я самъ читалъ приказъ въ штабѣ арміи. Дѣйствительно, на другой день за обѣдомъ была получена телеграмма изъ полка отъ командира и офицеровъ, поздравлявшихъ меня съ высокой боевой наградой. Полковникъ Пильбергъ снялъ свой крестъ и, приколовъ его къ моей груди, сказалъ, указывая на зеркало: „Пойди, посмотри на себя". Трудно передать всю гамму ощущеній, переживаемую каждымъ офицеромъ при волшебномъ прикосновеніи къ груди маленькаго „бѣленькаго крестика", который былъ затаенной мечтой каждаго офицера Россійской Императорской Арміи. Мечта сбылась.

Крестъ, за обладаніе которымъ безтрепетно умирали тысячи героевъ, былъ на моей груди. Какое счастье!

Формированіе запасныхъ полковъ по новому принципу, — каждая полевая часть имѣетъ свой запасный баталіонъ, въ который она выдѣляетъ кадръ для обученія поступающихъ пополненій; обученные контингенты направляются на фронтъ въ ту часть, отъ которой выдѣлялся кадръ, нашло осуществленіе въ срединѣ 16-го года, продиктованное самой жизнью.

До тѣхъ поръ только гвардія имѣла свои запасные баталіоны, что давало ей громадное преимущество передъ прочими армейскими частями. Разница была въ слѣдующемъ. Вышедшіе на войну полки въ подавляющемъ большинствѣ имѣли прекрасно обу-

ченный, а главное воспитанный контингентъ солдатъ. Въ то же время, когда всѣ полки походили внѣшне другъ на друга однообразной выучкой, дисциплиной и проч., каждый полкъ все же имѣлъ свою опредѣленную физіономію въ силу различныхъ условій жизни на громадной территоріи Россійской Имперіи и исторически сложившихся полковыхъ традицій. Солдатъ за трехлѣтнее пребываніе въ полку научался любить свой полкъ, гордиться своими полковыми отличіями, знакомился съ краткой исторіей полка, привыкалъ къ своимъ начальникамъ и нерѣдко... потомъ... въ минуту грозной опасности преданность своему офицеру запечатлѣвалъ своею кровью. Таковъ былъ кадръ арміи, который на войнѣ расцѣнивался на вѣсъ золота. Чѣмъ больше въ ротѣ оставалось кадровыхъ солдатъ, тѣмъ устойчивѣе была рота, тѣмъ увѣреннѣе былъ ротный командиръ.

Но современная война требовала громадныхъ жертвъ людьми. Стоило только пѣхотному полку попасть въ бой, какъ за однѣ сутки, иногда даже за нѣсколько часовъ мѣнялась физіономія полка. Уже въ 14 году рѣдко можно было встрѣтить полкъ, не перемѣнившій свой составъ хотя бы разъ.

На мѣсто кадроваго состава, по мѣрѣ его убыли, вливалось пополненіе. Первое время полки пополнялись запасными, элементомъ, прошедшимъ ту же школу, но, будучи собраннымъ изъ разныхъ частей, приносившимъ и разную закваску, а главное, запасные были меньше дисциплинированы. Когда изсякъ запасъ, а для нашего полка это случилось 20 Ноября, когда мы подъ Сохачевымъ получили послѣднее пополненіе сибиряками, пополненія стали присылаться изъ вновь призванныхъ подъ знамена. Послѣднія представляли подчасъ прекрасный, но необработанный матеріалъ. Заниматься съ ними было некогда. Шли бои. Узнать, а тѣмъ болѣе изучить своихъ солдатъ было чрезвычайно трудно, лица мѣнялись, какъ въ калейдоскопѣ, да и солдатамъ трудно было привыкнуть къ незнакомому офицеру.

Что касается кадроваго состава, выбывавшаго изъ строя, въ силу раненій или болѣзней, то на возвращеніе ихъ въ полкъ по выздоровленіи разсчитывать не приходилось, такъ какъ воинскіе начальники, составляя маршевыя роты, отправляли ихъ въ ближайшій раіонъ, не принимая вышеизложенныхъ соображеній во вниманіе. Благодаря такой ненормальности въ реэвакуаціи, можно было наблюдать такія нежелательныя явленія: какъ только кадровый солдатъ узнавалъ, что по близости его часть, онъ исчезалъ и шелъ на свой страхъ и рискъ присоединяться къ своимъ. Этимъ же пользовался и худшій элементъ для того, чтобы „поболтаться" якобы въ поискахъ своей части и оттянуть время. А такихъ случаевъ были тысячи.

Нужно замѣтить, что офицерство весьма снисходительно относилось къ такимъ „перелетамъ", не рѣдко отпуская отличныхъ солдатъ въ ихъ части, и тому были свои причины. Для яркости приведу два особенно характерныхъ примѣра.

Однажды, обходя окопы, я прислушался къ солдатскрму разговору. Разсказывалъ гренадеръ-пулеметчикъ, и я сразу понялъ, что разсказъ его относится къ какому то другому полку, въ которомъ онъ служилъ раньше. Разсказъ былъ безхитростно простой, но хваталъ за душу. Вотъ что примѣрно онъ говорилъ: „то было еще въ самомъ началѣ войны, когда мы пришли на германскій фронтъ цѣлымъ полкомъ. Ну, и жестоко тогда дрались; мы лежимъ цѣпью и онъ лежитъ, мы стрѣляемъ и онъ, никому нельзя подняться. Нашъ поручикъ залѣзъ на халупу съ пулеметомъ. Глядь, а тутъ же за цѣпью его батарея — совсѣмъ близко, каждаго человѣка прислуги видать. Уже мы установили пулеметъ и доску стали одну выламывать, чтобы удобнѣе, значитъ, рѣзануть, да германецъ насъ замѣтилъ, да какъ дастъ по халупѣ картечью, такъ мы и скатились оттуда съ пулеметомъ. А нашего поручика на мѣстѣ убило, такъ ему все это мѣсто разворотило". При этомъ онъ,

повидимому, указалъ на какую-то часть тѣла. „Ну, а что же дальше, чья взяла", раздались вопросы. „Такъ пролежали мы до вечера", продолжалъ разсказчикъ, „вдругъ наши подхватили: „ура!", да „ура!" и прямо на нѣмца... Ну, гдѣ тамъ... такъ и смяли, и батарею ихнюю забрали, а потомъ, подумавъ немного, добавилъ: „а да и люди какіе все были, — „дѣйствительные". А другой разъ довелось мнѣ выйти германцу во флангъ. Я тогда съ двумя пулеметами за старшаго былъ. Полземъ мы потихоньку на горку и пулеметы и катушки за собой тянемъ, и какъ вылѣзли на ту самую горку — смотримъ, а подъ лѣскомъ его батарея, всѣ полностью четыре орудія. У меня ажъ сердце забилось — во какъ. Страсть захотѣлось орудія тѣ забрать.

Приказалъ я наводитъ и прицѣлъ взялъ. Открыли мы, значитъ, огонь, а онъ на насъ орудія тоже сталъ поворачивать, да какъ жарнетъ, какъ жарнетъ. Второй очередью прямо во второй пулеметъ мой... Людей и пулемета какъ не бывало. Тогда ухватилъ пулеметъ я самъ и пошелъ ихъ косить, я рѣжу, а они за щиты прячутся и стрѣлять перестали. А тутъ наша пѣхота изъ лѣсу выходитъ, и забрали мы батарею. За это дѣло получилъ я сразу третьей степени".

Помню, я пришелъ въ восторгъ, вызвалъ его изъ землянки, спросилъ, въ какомъ это было полку и его фамилію. И то и другое онъ мнѣ назвалъ, но къ великому сожалѣнію, записавъ его фамилію, я не только не сохранилъ его имя, такъ какъ книжка погибла со всѣми моими вещами на перегонѣ „Екатеринодаръ—Новороссійскъ" въ 20 году, но постепенно забылъ и названіе полка; и если мнѣ не измѣняетъ память, эти блестящіе эпизоды должны были украсить страницы исторіи „95 Красноярскаго" полка.

Когда, недѣли черезъ двѣ, мнѣ передали, что доблестный пулеметчикъ бѣжалъ въ свой полкъ, я нисколько не удивился; мнѣ было понятно, что его тянетъ въ свою семью, гдѣ у него уже есть имя;

такіе солдаты въ каждомъ полку держатся въ почетѣ, а въ новомъ полку еще нужно себя показать; а когда представится случай? Да, и для полка важно, не выпускать солдата, вписавшаго такую красивую страницу въ его исторію.

Другой случай произошелъ съ гренадеромъ моей роты, Афонинымъ. Афонинъ не былъ кадровый солдатъ. Въ глуши Новгородской губерніи выросъ этотъ русскій богатырь. Съ маршевой ротой онъ пришелъ въ полдень достопамятнаго дня 9 Декабра 14 года и уже ночью участвовалъ въ печальной памяти атакѣ переправившихся черезъ Бзуру нѣмцевъ. Партія ополченцевъ, съ которой пришелъ Афонинъ, была совершенно не обучена, но никого изъ нихъ это не смущало. Они только спрашивали меня: „А Псковскіе за насъ". „Ну, и прислали же людей", думалъ я, „что буду я съ ними дѣлать". Ночью, въ тотъ же день я велъ ихъ въ атаку и... половина ихъ легла. Тогда же въ голову былъ раненъ и Афонинъ, но категорически отказался оставить строй и получилъ Георгія Это его такъ подбодрило, что онъ скоро сталъ выдающимся гренадеромъ. Ихъ было въ ротѣ два гиганта-кавалера. Онъ и сибирякъ доброволецъ Дерендяевъ, эта пара была вездѣ первой. У нихъ между собой шло соревнованіе, когда, бывало, на походѣ подходили къ рѣкѣ или болоту, каждый старался первый меня подхватить, чтобы перенести, не давъ ступить въ воду. Когда былъ раненъ я, Дерендяевъ перенесъ свое отеческое попеченіе на моего брата и былъ тяжело раненъ той же пулей, которая сразила моего брата въ бою 3 Августа 15 года подъ Волдавой. Много раньше былъ раненъ вновь, но уже серьезно, и Афонинъ и какъ въ воду канулъ. И только когда я вернулся въ полкъ уже безъ руки и принялъ 5 роту, я вновь встрѣтился съ этимъ героемъ. Вотъ что разсказалъ онъ: „Какъ я выписался изъ лазарета, попалъ я на пополненіе въ 16 Сибирскій стрѣлковый полкъ. Въ это время нашъ полкъ находился въ отступленіи. Каждый день все идемъ

да идемъ. А германецъ все напираетъ. Одинъ разъ совсѣмъ нашъ полкъ сбили. Одинъ я въ окопѣ остался; я все лежу и стрѣляю, все равно не убѣжать, совсѣмъ близко германцы, и офицеръ ихъ на меня шашкой машетъ. А я все одно стрѣляю, даже интересно, какъ прицѣлишься — онъ и падаетъ, не знаю попадалъ я, али они нарочи падали, только вдругъ и меня что-то сильно ударило въ шею; я только подумалъ: ну, и моя смерть пришла. Когда я пришелъ въ себя, смотрю никого нѣтъ, они значитъ рѣшили, что я мертвый, а я весь въ крови и такъ меня мутитъ и глаза слипаются... Посмотрѣлъ я, а ихъ лежитъ тоже масса, я и пошелъ понемногу... понемногу... и зашелъ въ лѣсъ; до вечера просидѣлъ тамъ, а ночью еле-еле до своихъ добрался, а какъ и самъ не знаю, Богъ помогъ... Навѣрное и у нихъ безпорядокъ бываетъ, что меня пропустили. Только и до сихъ поръ у меня голова побаливаетъ и шею повернуть совсѣмъ не могу".

При этомъ Афонинъ снялъ съ головы папаху и я увидѣлъ рубленую рану на головѣ, шея же была прострѣлена пулей. Очевидно, когда онъ свалился отъ раны, полученной въ шею, его старались мимоходомъ добить.

Но такого богатыря „мало убить, его надо еще свалить", а на это у нѣмцевъ не было времени.

„Ну, а когда ты опять вернулся въ роту?", спросилъ я. „Такъ что, Ваше Благородіе, я попалъ въ 8 ой Эстляндскій полкъ, а тамъ узналъ, что и нашъ полкъ тутъ, — я и убѣгъ. Да, ужъ нѣтъ старыхъ солдатъ совсѣмъ, повыбивало вѣрно", закончилъ свой разсказъ Афонинъ.

Когда же война приняла затяжной характеръ и ни офицерскихъ, ни солдатскихъ кадровъ не хватило, когда въ запасныхъ баталіонахъ появились необученные, вновь испеченные, прапорщики и „необученный народъ", пополненія стали приходить въ полки невозможныя. Тутъ сказалось все: безразличіе и отсталость командного состава запасныхъ частей, ибо въ

большинствѣ случаевъ запасными баталіонами командовали или отставные, или устроившіеся въ тылу — „убоявшіеся боевой дѣйствительности", а потому не имѣвшіе необходимаго опыта для веданія сложнаго современнаго боя.

Полная безграмотность въ военномъ дѣлѣ вновь испеченныхъ прапорщиковъ, которые не могли ничему научить солдата, даже если-бы и хотѣли, а самое главное, не умѣли къ нему подойти. И наконецъ, самое главное, катастрофическое, отсутствіе винтовокъ какъ для обученія, такъ и для вооруженія маршевыхъ ротъ.

Все вышеперечисленное заставило власть имущихъ оглянуться на организацію гвардейскихъ запасныхъ баталіоновъ. А тамъ былъ порядокъ слѣдующій: всѣ раненые офицеры и солдаты изъ госпиталей прибывали въ свои запасные гвардейскіе баталіоны. Дѣйствующіе полки вели учетъ всѣмъ офицерскимъ и солдатскимъ кадрамъ, назначая тѣхъ и другихъ по степени раненія или по инымъ соображеніямъ въ кадръ или перемѣнный составъ, соблюдая во всемъ очередь и послѣдовательность. Офицеры и солдаты гвардейскихъ запасныхъ частей знали, что они готовятъ людей для своего родного полка, а потому вкладывали максимумъ энергіи, весь пріобрѣтенный опытъ и свои знанія для наилучшей подготовки пополненій. Въ этомъ отношеніи всѣ гвардейскія запасныя части вели между собой соревнованіе.

И въ результатѣ достаточно было взглянуть на маршевую роту гвардейскаго запаснаго баталіона и на такую же изъ обыкновеннаго армейскаго, чтобы увидѣть рѣзко бросающуюся въ глаза разницу рѣшительно во всемъ.

Благодаря своимъ запаснымъ баталіонамъ, наша гвардія имѣла всю войну однообразно обученныхъ солдатъ, поддерживала въ своей средѣ старыя традиціи и духъ и несла со своими знаменами рѣшительный успѣхъ тамъ, гдѣ появлялась.

Поэтому намъ, армейцамъ, такое нововведеніе

нельзя было не привѣтствовать, и хотя оно пришло съ большимъ запозданіемъ, но время еще было, и многое можно было улучшить и исправить.

Означенное событіе совпало съ знаменитымъ наступленіемъ армій Юго-Западнаго фронта генерала Брусилова на нашемъ театрѣ и славной обороной Вердена на французскомъ. Оба эти фактора показывали, что переломъ въ войнѣ уже наступилъ явно въ нашу пользу, придавая намъ еще большія силы и увѣренность въ побѣдѣ.

Въ такой обстановкѣ въ срединѣ лѣта 1916 года закипѣла интенсивнѣйшая работа на пользу Арміи и родного полка. Всѣ сознавали, что грядущая весна положитъ конецъ войнѣ, были увѣрены въ побѣдѣ и дѣятельно къ ней готовились. Но какъ ни сильны были побудительныя причины, заставлявшія энергичнѣй работать, все же на каждомъ шагу приходилось встрѣчать много препятствій, тормозившихъ дѣло: нашъ 1-ый баталіонъ имѣлъ только на двухъ ротахъ своихъ кадровыхъ офицеровъ, двумя другими командовали офицеры чужихъ частей; 3-хъ линейныхъ винтовокъ было до смѣшного мало, напр., у меня въ ротѣ на 350 человѣкъ ихъ было всего 18, остальныя были или французской системы „Гра", или какой-то итальянской допотопной системы, къ тому же безъ затворовъ, Богъ вѣсть какими судьбами попавшими въ наши арсеналы. Не было ни ручныхъ гранатъ, ни ракетъ, чтобы каждый могъ наглядно познакомиться съ ихъ употребленіемъ и дѣйствіемъ. Вмѣсто ручныхъ гранатъ бросали колотушки, имѣвшія форму гранатъ „Новицкаго"; что же касается остального, то оно объяснялось на словахъ.

Долгое время не было даже „городка". Наконецъ въ Сентябрѣ построили маленькій „городокъ", но самаго примитивнаго устройства, напоминавшаго наши окопы начала 15-го года. Ни блиндажей отъ тяжелыхъ снарядовъ, ни лисьихъ норъ, ни даже щелей — послѣдней новости фортификаціи — для укрытія накапливающихся частей, предназначенныхъ для атаки

современной укрѣпленной позиціи, не было. Благодаря отсутствію послѣднихъ, обученіе атакѣ волнами не было столь показательно. Всѣ эти шероховатости объяснялись отсутствіемъ матеріальныхъ средствъ, но для Москвы и того громаднаго количества людей, проходившаго курсъ обученія, какое находилось на Ходынскомъ полѣ, всѣ вышепоименованныя пособія были буквально необходимы, хотя бы на весь лагерь въ единственномъ числѣ. Тогда войска, прошедшія предварительную подготовку, могли бы поперемѣнно ознакомиться съ современной „атакой и обороной" въ томъ видѣ, въ какомъ она примѣнялась на фронтѣ.

Не взирая на всѣ трудности, встрѣчавшіяся въ работѣ, мы все же не могли быть увѣрены, что наши маршевыя роты, надъ которыми мы такъ работали, попадутъ въ наши полки. Два раза наши маршевыя роты попали въ совершенно другія дивизіи. И почти всѣ попадали на какой-то промежуточный пунктъ, гдѣ онѣ долго обыкновенно держались и успѣвали разбалтываться къ моменту прибытія въ полкъ.

Что касается личнаго состава отправлявшихся маршевыхъ ротъ, то офицерская его часть лучше всего характеризовалась тѣмъ, что по прибытіи въ дѣйствующія части всѣхъ молодыхъ прапорщиковъ отправляли на дополнительные армейскіе курсы, гдѣ ихъ основательно доучивали; солдаты тоже не попадали сразу на позицію, а отшлифовывались въ 4-мъ баталіонѣ каждаго полка, находившемся обыкновенно въ ближайшемъ тылу и имѣвшемъ свой постоянный кадръ. Въ полкахъ 4 баталіонъ назывался запаснымъ.

Въ 16 году уже начинало бросаться въ глаза, что на укомплектованіе частей приходитъ все болѣе и болѣе слабый элементъ. Если приходилъ молодой возрастъ, то это были тѣ, что по слабости здоровья имѣли разныя отсрочки, и ихъ внѣшній видъ говорилъ самъ за себя. На занятіяхъ многіе падали, не вынося долгой непривычной работы. Если приходили здоровые люди физически, то лѣта ихъ значительно превышали средній возрастный коэффиціентъ военно-

служащихъ — и имъ тоже было тяжело, а съ ними еще тяжелѣе ротнымъ командирамъ, ибо въ большинствѣ это все были тяжкодумы. Пока это ему втолкуешь. Каждая маршевая рота обыкновенно имѣла взводъ еще изъ третьей категоріи лицъ, обыкновенно вполнѣ здоровыхъ, побывавшихъ уже на фронтѣ и по тѣмъ или инымъ причинамъ эвакуированнымъ. Это былъ самый безпокойный элементъ. Занималися они неохотно, „мы уже все это проходили", отвѣчали они обыкновенно учителямъ, и съ ними буквально приходилось вести борьбу.

Цѣлыя шеренги этой категоріи стаивали подъ ружьемъ за антидисциплинарные поступки, а наиболѣе упорные сидѣли и по карцерамъ. Что же касается политическихъ настроеній, то съ увѣренностью могу сказать, что общая масса была къ нимъ вполнѣ инертна, но мира желали всѣ и совершенно безразлично на какихъ условіяхъ, ибо въ понятіи большинства было: до насъ не дойдутъ, мы Пермскіе, другіе же — Подольскіе, Кіевскіе, Рязанскіе, Тамбовскіе — считали: „повоевали и буде".

Такой то матеріалъ послѣ 6-ти недѣльной подготовки одѣвался въ малюскиновую шинель, подъ которую неизмѣнно поддѣвалась стеганная безрукавка, получалъ папаху, пару сапогъ, 2 смѣны бѣлья, а изъ снаряженія — брезентовые подсумки, сухарный и „богомольскій" мѣшокъ...... и, глядя на сѣрую массу маршевой роты, безъ винтовокъ, не имѣвшую уже былого воинскаго вида, невольно думалось: Арміи ужъ нѣтъ. Вотъ онъ Русскій вооруженный народъ.

ТИФЛИССКОЕ МИХАЙЛОВСКОЕ ВОЕННОЕ УЧИЛИЩЕ. РЕВОЛЮЦІЯ.

1917 годъ.

Въ запасномъ полку я пробылъ до 3 Января 1917 г., когда получилъ новое назначеніе въ Тифлисъ въ свое родное военное училище въ качествѣ курсового офицера.

Въ военныхъ училищахъ шла замѣна постояннаго состава офицеровъ офицерами съ фронта и я попалъ въ число замѣняющихъ. Начальникомъ училища въ то время былъ Генеральнаго Штаба генералъ-маіоръ Загю, при которомъ я былъ юнкеромъ, и который меня лично зналъ.

По прибытіи въ училище я былъ назначенъ курсовымъ офицеромъ 7-го уч. отд. въ первую роту къ капитану Орловскому (Мингрельскаго полка). Въ училищѣ я встрѣтился со многими своими товарищами сверстниками, теперь представителями различныхъ полковъ Россійской Арміи. Большинство изъ нихъ были Георгіевскіе Кавалеры, всѣ неоднократно раненые и обвѣтренные въ боевой обстановкѣ. Тутъ былъ и мой бывшій взводный есаулъ Прихитько, прекрасный офицеръ и герой, которымъ гордится 3-й Пластунскій баталіонъ. Тутъ же встрѣтилъ я двухъ своихъ одноротниковъ и сверстниковъ по выпуску — Кубинца — Арсенашвили и Кавказскаго стрѣлка Мирошкина, слава о подвигахъ и доблести которыхъ вѣчно будетъ жить въ сердцахъ знавшихъ ихъ. Изъ штатныхъ офицеровъ почти никого не осталось, и самъ начальникъ училища готовился получить высшее назначеніе на фронтъ.

Курсъ обученія въ училищѣ былъ 4-хъ мѣсячный, послѣ чего юнкера производились въ прапорщики и разбирали вакансіи по запаснымъ полкамъ. За такой короткій срокъ, въ былое время, юнкеровъ едва-едва начинали пускать въ отпускъ, ибо считалось, что таковой срокъ необходимъ для усвоенія элементарныхъ знаній для нижняго воинскаго чина. Теперь въ этотъ же срокъ долженъ былъ быть подготовленъ никто иной, какъ ротный командиръ. Задача не выполнимая. Злобой дня къ моменту моего пріѣзда въ училище былъ отчетъ генéрала Адамовича, незадолго передъ этимъ производившаго инспекторскій смотръ училищу. Отчетъ былъ весьма нелестнаго свойства и произвелъ своего рода переворотъ. Генераломъ Адамовичемъ были преподаны указанія весьма цѣнныхъ

методовъ обученія, главнымъ образомъ въ полѣ — показомъ, и теперь все обученіе велось, именно, по нимъ и давало блестящіе результаты.

Я принялъ свое отдѣленіе въ серединѣ курса и уже готовился къ первому своему выпуску, какъ вдругъ, какъ громъ среди яснаго неба, разразилась революція. Я не считаю нужнымъ особенно останавливаться на этомъ деликатномъ моментѣ Русской Исторіи, у всѣхъ насъ онъ въ памяти. Все перевернулось сразу вверхъ дномъ. Грозное начальство обратилось въ робкое — растерянное, вчерашніе монархисты — въ правовѣрныхъ соціалистовъ, люди, боявшіеся сказать лишнее слово изъ боязни плохо связать его съ предыдущими, почувствовали въ себѣ даръ краснорѣчія и началось углубленіе и расширеніе революціи по всѣмъ направленіямъ. Въ общихъ чертахъ революція въ Тифлисѣ вышла дѣйствительно малокровной, все протекало удивительно мирно, некого было даже хоронить въ качествѣ жертвъ революціи. Городовые, напр. стояли на улицахъ дня три, пока постепенно не замѣнены были милиціей. Въ училищѣ тоже все было тихо. Растерянность была полная. Подавляющее большинство отнеслось къ революціи съ довѣріемъ и радостью; всѣ почему-то вѣрили, что она принесетъ съ собой, вмѣстѣ съ другими благами, и скорое окончаніе войны, такъ какъ „старорежимный строй“ игралъ въ руку нѣмцамъ. А теперь все будутъ вершить общественность и таланты... и каждый начиналъ чувствовать въ себѣ скрытые таланты и пробовать ихъ примѣнительно къ порядкамъ новаго строя. Какъ тяжелы по воспоминаніямъ эти первые мѣсяцы нашей революціи. Каждый день гдѣ-то глубоко въ сердцѣ что-то съ болью отрывалось, рушилось то, что казалось незыблемымъ, осквернялось то, что считалось святымъ.

Волна людского лицемѣрія, злобы, низкой подлости, разнузданнаго хамства и прочихъ земныхъ пороковъ захлестнула всю Россію.

Грусть и отчаяніе охватили меня.

Въ эти дни я думалъ: „Навѣрное найдется вождь, который кликнетъ кличъ и соберетъ вокругъ себя все честное, сильное духомъ и мужественное и продиктуетъ свое властное рѣшеніе“. Я мысленно перебиралъ въ умѣ имена всѣхъ нашихъ генераловъ съ большими именами, — ихъ было много, но всѣ молчали, какъ заколдованные.

А революція все ширилась и углублялась. 5-го Марта юнкера потребовали, чтобы ихъ представители вошли въ С. С. и Р. Д., такъ какъ въ городѣ носятся слухи, что училище наше настроено контръреволюціонно и умышленно оттягиваетъ выясненіе своей политической платформы.

Начальство рѣшило требованіе удовлетворить. Рѣшено было подчеркнуть лояльность училища, такимъ образомъ: все училище въ строю съ музыкой должно было идти къ Народному дому Зубалова, выстроить фронтъ и выпустить изъ своихъ рядовъ выбранныхъ делегатовъ. Все это было продѣлано, но желаннаго эффекта не получилось. Въ театрѣ, повидимому происходили жаркіе дебаты. Училища никто не встрѣтилъ, не привѣтствовалъ и „зарядъ“, какъ говорится, пропалъ даромъ.

Уже на другой день были образованы училищный и ротные комитеты и кончились занятія. Все вниманіе сосредоточено было на двухъ вещахъ: комитетахъ и несеніи караульной службы. Благодаря последней, въ городѣ поддерживался образцовый для революціоннаго положенія порядокъ. Мнѣ приходилось черезъ день бывать въ нарядахъ, неся караулы поперемѣнно во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Такъ продолжалось мѣсяца два. Мои питомцы были произведены въ офицеры и разъѣхались по запаснымъ полкамъ. Новый контингентъ юнкеровъ, прибывшій главнымъ образомъ изъ студенческихъ запасныхъ баталіоновъ, представлялъ собой опытный кадръ работниковъ революціи. Евреи проникли въ стѣны училища, въ огромномъ числѣ, такъ какъ всѣ ограниченія были отмѣнены. Ни о какой работѣ

нельзя было и мечтать. Митинги назначались училищнымъ комитетомъ для обсужденія такихъ вопросовъ, какъ напримѣръ, нуженъ ли миръ съ аннексіями и контрибуціями, или можно безъ нихъ обойтись. Нѣсколько дней подрядъ, напримѣръ, шли ожесточенные дебаты передъ выборами въ Краевой Совѣтъ, причемъ два выставленные кандидата въ теченіе нѣсколькихъ дней высказывали свое „политическое кредо"...

На фронтѣ шло братаніе и армія отказывалась наступать.

ЮНКЕРСКІЙ УДАРНЫЙ БАТАЛІОНЪ.

1917 годъ.

Такъ подошелъ Іюнь мѣсяцъ 17-го года. Не помню точно числа, когда командиръ баталіона, полковникъ Чхеидзе, приказалъ собраться всему составу училища въ столовой. Здѣсь онъ огласилъ телеграмму Керенскаго, призывавшаго юнкеровъ идти добровольцами въ ударные баталіоны, которые предназначались для прорыва непріательскаго фронта, съ одной стороны, и какъ средство моральнаго воздѣйствія на отказывающіяся драться войска, съ другой.

Призывъ популярнѣйшаго тогда министра, составленный въ соотвѣтствующихъ выражен яхъ, вызвалъ взрывъ энтузіазма. Начались сборы и выборы.

Отъ нашего училища вызвалось охотниковъ 145 человѣкъ, причемъ „ударники" немедленно обособились и потребовали созыва общаго собранія „ударниковъ". На этомъ собраніи единогласно было рѣшено просить меня ѣхать съ „ударниками". Я колебался, но не долго, порывъ захватилъ и меня. Такъ хотѣлось вѣрить, что не все еще погибло. Юнкера мнѣ клялись, что не оставятъ меня ни при какихъ обстоятельствахъ и, долженъ отдать имъ справедливость, свое обѣщаніе они выполнили.

26 Іюня 1917 года рота юнкеровъ была оконча-

тельно сформирована и готова къ посадкѣ, назначенной на 9 часовъ вечера. Въ училище пріѣзжалъ городской голова города Тифлиса, г. Хатисовъ, и произнесъ передъ фронтомъ роты теплое напутственное слово, говорили и другіе, — пожеланій было высказано много. Мы выступили вечеромъ, провожаемые остающимися юнкерами и массой посторонней публики. Царилъ давно не ощущаемый подъемъ.

Одновременно съ нами грузились команды Тифлисской и Душетской школъ прапорщиковъ, съ которыми мы образовали одинъ общій эшелонъ подъ командой штабсъ-капитана Шестакова, сопровождавшаго Тифлисскую школу прапорщиковъ. У меня въ качествѣ помощника находился прапорщикъ Мазаевъ отъ Тифлисскаго военнаго училища.

Согласно полученному предписанію, намъ надлежало прибыть въ Каменецъ-Подольскъ для полученія дальнѣйшихъ указаній и доформированія.

5-го Іюля нашъ эшелонъ прибылъ на ст. Каменецъ-Подольскъ, гдѣ и былъ поставленъ на запасный путь. Все время подходили команды отъ другихъ училищъ и школъ прапорщиковъ.

Но приказаній на счетъ насъ мы ни откуда не получали. Наконецъ юнкера рѣшили послать делегацію къ только что принявшему Юго-Западный фронтъ отъ генерала Гутора — генералу Корнилову. Были произведены выборы, причемъ въ числѣ прочихъ былъ избранъ и я.

7-го Іюля въ три часа дня мы были приняты генераломъ Корниловымъ въ его кабинетѣ. Обойдя всѣхъ делегатовъ и поздоровавшись со всѣми за руку, генералъ Корниловъ выслушалъ мой докладъ о томъ, что, согласно извѣстнаго приказа министра Керенскаго, въ распоряженіе Главнокомандующаго прибыли юнкера: Алексѣевскаго, Казанскаго, Тифлисскаго военныхъ училищъ, Второй Казанской, Владикавказской, Тифлисской и Душетской школъ прапорщиковъ, что кромѣ того получены свѣдѣнія о находящихся въ дорогѣ эшелонахъ и отдѣльныхъ командахъ другихъ

военно-учебныхъ заведеній. Я доложилъ также, что до сихъ поръ мы не получили ни отъ кого никакихъ указаній.

„Такъ вотъ что", обращаясь ко мнѣ, сказалъ генералъ Корниловъ, „Вы Георгіевскій Кавалеръ, безъ руки... Вы, конечно, останетесь съ юнкерами?"... „Такъ точно, Ваше Высокопревосходительство", отвѣтилъ я. „Ну, вотъ и формируйте баталіонъ. Обратитесь къ генералу Эльснеру, онъ снабдитъ Васъ всѣмъ необходимымъ, а черезъ 3 дня Вы мнѣ понадобитесь".

На этомъ пріемъ кончился. По началу все складывалось какъ будто хорошо. Генералъ Корниловъ, его имя, манера коротко и ясно приказывать внушало надежду, а вмѣстѣ съ нею радость.

На самомъ же дѣлѣ не все было такъ благополучно. Описываемый моментъ былъ исключительнымъ по своей трагичности. Подъ Тарнополемъ фронтъ былъ прорванъ, солдатская масса, сильно распропагандированная. отказывалась драться съ нѣмцами. Разнузданная, распоясанная волна дезертировъ хлынула на ближайшія станціи желѣзныхъ дорогъ, творя невообразимыя безчинства. Офицерство переживало трагедію. Самосуды и издѣвательства надъ офицерами обратились въ систему, благодаря попустительству демократическаго Временнаго Правительства. Всѣмъ памятенъ разстрѣлъ офицеровъ „Петропавловска", и многихъ ихъ присныхъ. Нужны были героическія мѣры, чтобы остановить развалъ. Генералъ Корниловъ рѣшилъ использовать для этой цѣли ударныя формированія полковника Манакина, въ каковыя вошелъ и нашъ „Юнкерскій Ударный Революціонный Баталіонъ". Когда я однажды спросилъ полковника Манакина, почему баталіонъ названъ революціоннымъ, онъ вполнѣ резонно заявилъ, что этого требуетъ обстановка и духъ времени. Въ то время этотъ ярлыкъ давалъ право на жизнь.

Получивъ приказаніе формировать баталіонъ, я въ тотъ же вечеръ распредѣлилъ роли между офицерами

и закипѣла работа. Изъ складовъ везли обмундированіе, снаряженіе, посланы были офицеры за лошадьми въ Бѣлую Церковь, спѣшно сколачивалась пулеметная команда и проч.

Въ разгаръ самой интенсивной работы, когда я въ вагонѣ вычислялъ необходимое количество снаряженія, мнѣ было доложено дежурнымъ офицеромъ, что послѣ обѣда въ 5 часовъ баталіонъ желаетъ повидать комиссаръ Юго-Западнаго фронта Борисъ Савинковъ, каковой будетъ держать рѣчь. Мнѣ такъ всѣ эти комиссары надоѣли и такая масса ихъ всюду насъ встрѣчала и провожала, что я рѣшилъ, что повторится одна изъ многочисленныхъ митинговыхъ картинъ, сопровождаемая очередной порціей революціонныхъ рѣчей, и рѣшилъ отъ этой затѣи просто отмахнуться, тѣмъ болѣе, что имя Савинкова мнѣ совершенно ничего не говорило. Я и не подозрѣвалъ, что насъ хочетъ посѣтить „генералъ отъ революціи".

Углубленный въ свою работу я не только забылъ про назначенное время, но и не замѣтилъ, какъ оно прошло. Вдругъ слышу чей-то громкій голосъ повелительнаго тона, справляющійся о томъ, гдѣ находится командиръ баталіона. Въ купэ вошелъ высокій блондинъ поручикъ 9-го гусарск. Кіевскаго полка.

„Вы командиръ баталіона?" задалъ онъ мнѣ вопросъ. Я отвѣчалъ утвердительно. „Почему вы не исполнили приказанія комиссара фронта?"... „Какого комиссара", хотѣлъ спросить я и тутъ только вспомнилъ утренній докладъ дежурнаго офицера. „Если комиссаръ желаетъ бесѣдовать съ юнкерами, то я ничего не имѣю противъ, они всѣ здѣсь въ эшелонѣ". „Комиссаръ приказалъ вамъ построить вашъ баталіонъ"... настаивалъ поручикъ. „Простите, но на это у меня нѣтъ времени". „Я такъ и передамъ ваши слова". „Пожалуйста".

Я продолжалъ работу. Черезъ пять минутъ адъютантъ Савинкова вернулся съ приказаніемъ мнѣ немедленно явиться. Я одѣлъ фуражку и вышелъ. Въ сѣткѣ остались мой револьверъ и шашка.

Перейдя всѣ запасные пути, на которыхъ стояли различные составы, мы вышли на перронъ. На перронѣ было всего нѣсколько человѣкъ.

Мой провожатый подвелъ меня къ группѣ изъ трехъ человѣкъ. Впереди всѣхъ стоялъ бритый господинъ въ френчѣ и фуражкѣ безъ кокарды. „Земгусаръ" мелькнула у меня презрительная мысль. Земгусаръ оглядѣлъ меня съ голосы до ногъ, когда я, подойдя къ нему и отдавъ обычное привѣтствіе, назвалъ свою фамилію и чинъ и опустилъ руку.

Земгусаръ оказался Савинковымъ. Онъ съ мѣста возвысилъ голосъ: „Во первыхъ, почему вы не выстроили баталіонъ. Вамъ было передано мое приказаніе? Во-вторыхъ, потрудитесь взять подъ козырекъ. Вы отрѣшаетесь отъ командованія баталіономъ и зачисляетесь въ резервъ чиновъ. Потрудитесь взять подъ козырекъ, когда съ вами говоритъ начальникъ!" гремѣлъ Савинковъ.

Я стоялъ не шелохнувшись, переживая совершенно неиспытанныя ощущенія. Съ невѣроятнымъ усиліемъ воли переборовъ себя, я, насколько могъ спокойно, возразилъ: „вы требуете отъ меня, чтобы я отдалъ честь, я этого не сдѣлаю ибо это мое право. Отданіе чести отмѣнено, а вамъ, какъ комиссару, это нужно знать лучше другихъ". „Вы арестованы! Поручикъ, отведите этого офицера", обратился онъ къ своему адъютанту.

Я рѣшилъ подчиниться, ибо зналъ, что юнкера этого дѣла не оставятъ; прибѣгнуть же къ демагогическому пріему мнѣ претило.

Одинъ или два юнкера, находившіеся на перронѣ и наблюдавшіе эту сцену, безмолвно исчезли. Я же съ поручикомъ шелъ по направленію къ городу.

Не прошли мы и 300 шаговъ, какъ насъ догналъ фаэтонъ съ Тифлисскими юнкерами. Вооруженные юнкера бросились къ офицеру, офицеръ взялся за револьверъ. Я подалъ знакъ остановиться. Какъ бы неправъ не былъ офицеръ, я еще не могъ видѣть такого нарушенія воинской субординаціи „Г-нъ по-

ручикъ, двое изъ насъ пойдутъ съ вами, а мы приведемъ сейчасъ весь баталіонъ, это безобразіе!" возмущались юнкера. „Мы уже арестовали этого „мерзавца Савинкова", навѣрное его поднимутъ на штыки", докладывали мнѣ, захлебываясь, одинъ передъ другимъ юнкера.

Въ это время мы увидѣли, что за нами несутся два автомобиля, биткомъ набитые юнкерами и издали казавшіеся ощетинившимися ежами. Подъѣхавъ вплотную, автомобили остановились. Съ криками „ура" соскочившіе юнкера подхватили меня на руки и внесли въ автомобиль. Съ такой же быстротой мы несемся обратно. Вокзалъ усѣянъ разобравшими винтовки, возбужденно жестикулирующими и кричащими юнкерами. Взрывъ восторженнаго „ура" прокатился по тысячной толпѣ юнкеровъ, когда мы подъѣхали къ вокзалу. Масса рукъ подхватила меня и понесла. Навстрѣчу другая волна юнкеровъ съ отборными ругательствами тащила арестованнаго Савинкова, блѣднаго, какъ полотно, но сохранявшаго внѣшнее спокойствіе. „Ну, вотъ видите результатъ", обратился я къ Савинкову, надъ которымъ со всѣхъ сторонъ нависли юнкерскіе штыки. Минута для Савинкова была смертельная. „Хотите со мной переговорить. Я къ вашимъ услугамъ", предложилъ я. Меня подкупило хладнокровіе этого человѣка, и я готовъ былъ ему многое простить.

Юнкера разступились, давая дорогу, все время оглашая стѣны вокзала неистовымъ „ура".

Войдя въ мое купэ, мы сѣли другъ противъ друга, не зная съ чего начать. Мы оба были взволнованы. Я — кровной обидой, только что полученной и смѣнившимъ и загасившимъ ее торжествомъ побѣдителя, Савинковъ — всѣмъ только что описаннымъ.

Савинковъ съ жаромъ началъ говорить о томъ, что онъ иначе поступить со мной не могъ, что фронтъ разваливается, что всѣ отказываются повиноваться, что въ моемъ лицѣ онъ также встрѣтилъ

противодѣйствіе его благимъ начинаніямъ, что онъ человѣкъ дѣйствія и дѣйствія рѣшительнаго, и вскорѣ ему удалось меня буквально заговорить. Я уже начиналъ вѣрить, что при помощи его и обѣщаннымъ имъ самыхъ крутыхъ мѣръ, намъ удастся остановить повальное бѣгство фронта.

Юнкера во все время нашего разговра, ощетинившись штыками, стояли подъ окнами нашего вагона и ждали конца разговора. „Прошу васъ", обра, тился ко мнѣ Савинковъ, „выйдите къ юнкерамъ· успокойте ихъ, дайте мнѣ возможность съ ними поговорить. Сейчасъ они меня не будутъ слушать".

Я исполнилъ его просьбу и, выйдя изъ вагона, приказалъ поставить на мѣста винтовки и собраться снова у вагона.

Когда юнкера собрались, вмѣстѣ со мной на площадку вагона вышелъ Савинковъ. Повидимому все происшедшее сильно повліяло на содержаніе имъ сказаннаго; это былъ простой наборъ революціонныхъ лозунговъ и фразъ. Говорилъ онъ очень недолго, послѣ него говорилъ его помощникъ Гобечіа, наговорившій тоже всякой ерунды, и на этомъ кончилось.

Желая показать свое вліяніе и власть, Савинковъ, тотчасъ же, послѣ митинга посовѣтывалъ мнѣ проѣхать съ нимъ къ генералу Эльснеру, чтобы какъ можно скорѣе кончить формированіе. Генералъ Эльснеръ дѣйствительно сдѣлалъ все возможное и черезъ три дня мы имѣли уже почти все необходимое.

10 го Іюля генералъ Корниловъ вызвалъ меня въ штабъ и далъ мнѣ задачу: возстановить порядокъ на Проскуровскомъ желѣзнодорожномъ узлѣ, причемъ для этой цѣли мнѣ даны были „самыя широкія полномочія„.

11-го Іюля утромъ нашъ эшелонъ отбылъ въ Проскуровъ. По прибытіи въ Проскуровъ пришлось много поработать. Тутъ царило что-то неописуемое, особенно на станціи. Мною былъ принятъ цѣлый

рядъ радикальныхъ мѣръ, которыя въ самый короткій срокъ дали благопріятные результаты.

13-го утромъ въ штабъ баталіона прибылъ комиссаръ всѣхъ ударныхъ баталіоновъ пр. Иткинъ. Послѣдній къ счастью оказался сторонникомъ рѣшительныхъ мѣръ и уже вечеромъ того же дня, получивъ тревожныя свѣдѣнія о массовомъ движеніи дезертировъ по шоссе „Гусятинъ — Проскуровъ“ и ввиду возстановленія смертной казни за воинскія преступленія, рѣшено было примѣнить эту мѣру для отрезвленія окончательно вышедшихъ изъ повиновенія бывшихъ солдатъ.

Огромная толпа дезертировъ въ 500 съ лишнимъ человѣкъ, везшая съ собой арестованныхъ офицеровъ, была остановлена юнкерами недалеко отъ Проскурова; послѣ короткаго опроса, дезертирами былъ выданъ главный агитаторъ, который тамъ же и былъ разстрѣлянъ.

Черезъ день послѣ этого, по приказанію цѣлаго совѣщанія изъ комиссаровъ, мнѣ пришлось вновь принять участіе въ экзекуціи надъ двумя рабочими Военно-дорожнаго отряда, нанесшими оскорбленія дѣйствіемъ своимъ начальникамъ и отказавшимся подчиняться приказаніямъ начальства. На этотъ разъ мнѣ назвали двѣ фамиліи рабочихъ, которыхъ нужно было разстрѣлять. Они были найдены и на мѣстѣ разстрѣляны. Такимъ образомъ пострадало всего три человѣка, но дѣйствіе этихъ мѣръ было буквально магическое.

На фронтъ донеслось все это въ преувеличенномъ до нельзя, размѣрѣ и возымѣло должное дѣйствіе — бѣгство прекратилось.

Но вокругъ этихъ злосчастныхъ разстрѣловъ поднялась цѣлая буча. Полетѣли телеграммы всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ и все какъ полагается.

Мы же въ это время получили приказаніе отправиться въ распоряженіе командующаго I арміей, штабъ котораго находился на румынской границѣ въ м. Липканахъ.

По прибытіи въ Липканы командующій арміей произвелъ баталіону смотръ, а на другой день мы шли въ распоряженіе 23 армейскаго корпуса, стоявшаго въ Румыніи у пограничнаго съ Австріей города Серетъ. Въ гор. Дорохой, остановившись бивакомъ, мы были привѣтствованы французской военной миссіей, причемъ одинъ изъ членовъ ея, французскій капитанъ, произнесъ на чисто-русскомъ языкѣ прекрасную рѣчь, очень понравившуюся юнкерамъ. Оратору устроили овацію. Французскіе офицеры пригласили меня и ротныхъ командировъ на обѣдъ, а меня помѣстили съ собой въ занимаемыхъ ими комнатахъ. Утромъ, чуть свѣтъ, мы распрощались.

Подходя къ штабу 23-го корпуса, мы думали, что вотъ-вотъ ввяжемся въ бой, такъ какъ надъ буграми впереди все время ложились снаряды. Вотъ мы подошли къ деревнѣ Михайлени и стали бивакомъ. Я отправился съ докладомъ къ командиру корпуса, генералу Промтову.

Выслушавъ меня, командиръ корпуса изъявилъ желаніе видѣть баталіонъ. На утро былъ произведенъ смотръ. Юнкерскій ударный баталіонъ насчитывалъ свыше 1000 юнкеровъ при 10 пулеметахъ. Послѣ смотра баталіонъ былъ назначенъ въ резервъ корпуса и такъ простоялъ съ недѣлю, послѣ чего былъ расформированъ за контръ-революціонность.

И такъ, стало быть, баталіонъ не оправдалъ свое громкое названіе по всѣмъ пунктамъ. По расформированіи баталіона мнѣ пришлось нѣсколько дней возиться съ отголосками Іюльскихъ репрессій, давая показанія комиссаріатамъ и слѣдователямъ. Въ результатѣ я былъ отпущенъ во свояси и измученный физически и нравственно вернулся въ Тифлисъ. Такъ кончилась бездарная затѣя Керенскаго.

ОПЯТЬ УЧИЛИЩЕ.

1917 годъ.

Возвращеніе мое въ училище совпало съ знаменитымъ моментомъ выступленія генерала Корнилова.

Вполнѣ понятно, что такое крупное событіе, взволновавшее всю Россію, нашло откликъ и у насъ въ училищѣ. Какъ обычно, созвано было общее собраніе всего состава училища. Начались горячія рѣчи. Среди юнкеровъ была масса сторонниковъ Корнилова, тѣмъ болѣе, что 145 человѣкъ юнкеровъ, только что вернувшихся по расформированіи ударнаго баталіона, могли наглядно нарисовать картину общаго положенія вещей, иллюстрируя ее красочными примѣрами. Только мѣрами, предлагаемыми генераломъ Корниловымъ, можно было спасти положеніе и Россію; но не въ духѣ времени было тогда высказывать и раздѣлять взгляды „царскаго генерала“ и большинство вполнѣ солидарныхъ съ Корниловымъ молчало. По моему этотъ періодъ Русской революціи особенно ярко подчеркнулъ, насколько опошлилась толща народа и насколько шкурный вопросъ заглушалъ вопросы чести, элементарнаго патріотизма и проч.

Что касается нашего училища, то большая половина юнкеровъ высказалась за Корнилова, ибо такъ ставился вопросъ, меньшинство же юнкеровъ, усиленное солдатской командой училища, настроенной непримиримо къ Корнилову и къ офицерству, получило общее количественное превосходство, и вопросъ о выступленіи Корнилова былъ рѣшенъ въ духѣ осужденія. По этому поводу Президіумомъ Собранія и была послана соотвѣтствующая резолюція въ соотвѣтствующую революціонную инстанцію.

Насколько распропагандированы были солдаты училищной команды можетъ характеризовать примѣръ эволюціонированія моего вѣстового Дмитрія Косова, того самаго, который былъ обязанъ мнѣ своею жизнью. Дмитрій Косовъ былъ великолѣпный солдатъ и повидимому и человѣкъ. Воспитанъ онъ былъ въ духѣ любви къ Родинѣ и Царю. Первое онъ запечатлѣлъ своею кровью и безпорочной службой, а второе показалъ особенно наглядно въ день отреченія Государя. Онъ плакалъ горькими слезами дня три, приговаривая: „Какъ же Россія будетъ безъ

Царя“. И этимъ самымъ трогалъ меня до глубины души. Я еще больше полюбилъ Косова. Но время шло. Его все чаще и чаще требовали въ команду на митинги. Сначала онъ робко отпрашивался у меня, добавляя: „Я ничего, Ваше Благородіе, не понимаю, что они говорятъ; только одно и говорятъ: не слушайте своихъ офицеровъ, что вы живете у нихъ лакеями“, и добавлялъ: „развѣ это возможно?“.

Потомъ онъ сталъ уходить самъ, и часто стало случаться, что его не бывало дома, когда въ немъ случалась необходимость. Косовъ мой сталъ мѣняться и въ поступкахъ и въ лицѣ, сталъ угрюмымъ и перестал смотрѣть мнѣ ласково и довѣрчиво въ глаза.

Когда я собирался уѣзжать съ „ударниками“, Косовъ отъ меня ушелъ въ команду, — такое вышло постановленіе. Помню, я вызвалъ его и просилъ во время моего отсутствія навѣщать мою старуху и кое въ чемъ ей помогать, конечно за плату. Онъ далъ слово. Велико было мое удивленіе, когда по пріѣздѣ я узналъ, что Косовъ пришелъ только разъ и то нагрубилъ и съ тѣхъ поръ не показывался.

Когда Косова по демобилизаціи отпустили домой, онъ не зашелъ даже со мной проститься, настолько сильно подѣйсвовалъ ядъ ненависти къ офицеру, влитый соціалистической агитаціей въ простое мужицкое сердце. Развѣ удивительно, что солдаты, менѣе обязанные своимъ офицерамъ, чѣмъ мой Косовъ, предавали, убивали и мучили офицеровъ? — конечно нѣтъ. Соціалисты на этомъ фронтѣ одержали крупную, но „Каинову побѣду“, имъ удалось обезглавить армію, вселивъ недовѣріе въ сердце простого мужика-солдата къ своему офицеру и тѣмъ самымъ окунуть всю Россію въ то море крови, насилія и позора, въ которомъ она находится и по сію пору. Но настанетъ время, когда они понесутъ и заслуженное возмездіе. Исторія оцѣнитъ ихъ роль, а прозрѣвшій народъ имъ этого не проститъ.

Октябрь 17-го года завершился большевистскимъ переворотомъ. Онъ обѣщалъ народу на плакатахъ

№ 5 — „миръ, хлѣбъ и свободу". Эти три слова могъ подсказать лишь самъ сатана, желая посмѣяться надъ Россіей и русскимъ народомъ. Насталъ моментъ, когда стыдно стало называться русскимъ и характерно, каждый сталъ вспоминать, не имѣлъ ли онъ когда либо какого нибудь отношенія къ Литвѣ, Латвіи, Эстоніи, Бѣлоруссіи, Украинѣ, Грузіи, Арменіи и проч., и проч.

Каждый старался достать себѣ немедленно соотвѣтствующій паспортъ, многіе начали коверкать родной русскій языкъ, дабы не походить на русскаго. Хотя это и имѣло свое объясненіе, но какъ противно и гадко было быть живымъ свидѣтелемъ подобныхъ фактовъ. Все выше къ горлу подступала накипь революціи.

Дорогой Тифлисъ! Онъ былъ оазисомъ, въ которомъ меньше всего чувствовалась революція, онъ не зналъ, что такое большевизмъ. Къ сожалѣнію, я не компетентенъ и не могу назвать имя или имена, предохранившія его отъ необузданныхъ проявленій революціи и большевизма. Событія слѣдовали одно за другимъ. Острой жгучей болью поразилъ Брестъ-Литовскій миръ. Казалось, можно было умереть отъ одного позора.

Въ Маѣ была объявлена самостоятельность Грузіи. И правильно, думалось мнѣ, почему грузины должны быть больше русскими, чѣмъ сами русскіе. Но грузины, нужно отдать имъ полную справедливость, въ своихъ шовинистическихъ стремленіяхъ сильно пересолили. День ото дня становилось хуже, буквально не хватало воздуха. Отъ моральнаго и національнаго русскаго „я" остались жалкіе туберкулезные остатки. Нѣмцы и турки разгуливали уже въ самомъ Тифлисѣ. Въ стѣнахъ родного училища нѣмцы производили ученія. Было отъ чего сойти съ ума. Гдѣ же вожди! гдѣ же люди, не потерявшіе еще совѣсть и честь? Оказывается ихъ было много, но необъятная Россія мѣшала имъ собраться. Пришлось замкнуться, притаиться и ждать боевого призыва

вождя. Въ тифлисскихъ демократическихъ газетахъ, время отъ времени появлялись смутные слухи о томъ, что гдѣ-то на Дону въ плавняхъ собираются офицеры, что будто бы существуетъ цѣлая дивизія, составленная исключительно изъ офицеровъ и тому подобное, но тутъ же рядомъ обыкновенно бывала другая замѣтка, что всѣ скопища офицерскихъ бандъ ликвидированы и т. д.

Соціалисты играли въ руку своимъ близнецамъ-большевикамъ. Провѣрить или узнать что-либо точно не представлялось возможнымъ, такъ какъ Владикавказъ былъ отрѣзанъ, Баку находилось въ рукахъ турокъ, море въ рукахъ нѣмцевъ, и тѣмъ самымъ кольцо замыкалось.

15-го Іюня отъ грузинскаго правительства пришло приказаніе расформировать Тифлисское Михайловское военное училище и передать имущество его лицамъ, назначеннымъ грузинскимъ правительствомъ. Это былъ предпослѣдній ударъ; за нимъ послѣдовало распоряженіе бывшимъ русскимъ офицерамъ снять погоны и сдать оружіе.

На этомъ кончились для меня злоключенія, какъ офицера и начались — общерусскія.

Оставшись безъ средствъ съ больной старухой на рукахъ, я былъ обезкураженъ. Физической работой заняться я не могъ, пришлось заняться моднымъ тогда комиссіонерствомъ по распродажѣ сначала своихъ, а потомъ чужихъ вещей (сдаваемыхъ на комиссію уѣзжавшими въ большомъ числѣ русскими).

Судьбѣ угодно было, чтобы офицеры лучшихъ полковъ испили горькую чашу униженій и ударовъ по самолюбію до дна. Я очутился съ тремя своими друзьями на знаменитомъ Тифлисскомъ „дезертирскомъ" базарѣ. Дальше идти было некуда...

ВОЙНА ГРАЖДАНСКАЯ

1918 годъ.

Послѣ объявленія самостоятельности Грузіи русскимъ съ каждымъ днемъ становилось все тяжелѣе и тягостнѣй жить на территоріи вновь образовавшейся республики. Правда, здѣсь не было кровавыхъ гоненій въ видѣ массовыхъ разстрѣловъ и прочихъ видовъ истребленія людей, инако мыслящихъ, какъ это имѣло мѣсто въ предѣлахъ Совѣтской Россіи, но объявленная націонализація всѣхъ государственныхъ учрежденій выкинула за бортъ громадное количество русскаго чиновничества и мелкихъ служащихъ, которые громадной волной устремились на Украину, гдѣ въ то время было у власти Гетманское правительство. Что касается бывшаго русскаго офицерства, то новое правительство ограничилось снятіемъ съ него формы и запрещеніемъ имѣть оужіе.

Въ другой республикѣ, образовавшейся на территоріи Закавказья, — Арменіи — обстановка для русскаго населенія сложилась болѣе благопріятно. Армяне относились къ русскимъ вполнѣ лойяльно и болѣе сердечно, русское офицерство, напримѣръ, широко принималось на службу въ Армянскія національныя части, дисциплина въ которыхъ по тому времени была на значительной высотѣ.

Зная это, часть нашихъ офицеровъ Эриванцевъ поступила на службу къ армянамъ; такъ, напримѣръ, мнѣ было извѣстно, что, кромѣ офицеровъ нашего полка армянской національности, у нихъ служили: нашъ бывшій командиръ полка, генералъ Вышинскій, мой командиръ баталіона, полковникъ Тимченко, нашъ бывшій адъютантъ, подполковникъ Шлиттеръ, капитанъ Тихоновъ и подполковникъ Снарскій. По ихъ отзывамъ, имъ служилось хорошо. Между прочимъ, когда умеръ у нихъ на службѣ генералъ Вы-

шинскій, государство приняло похороны его на свой счетъ, а вдовѣ назначило солидную пенсію.

Все это не улыбалось мнѣ, я отлично сознавалъ, что ни въ одной арміи, кромѣ родной Русской, служить бы не могъ, а потому предпочелъ временныя мытарства по базару, болѣе сносному положенію въ войскахъ.

Къ этому періоду времени относится мое сближеніе съ штабсъ-капитаномъ нашего же полка, Пивоваровымъ, жившимъ какъ разъ напротивъ меня по NN улицѣ. Миша Пивоваровъ, какъ называли его у насъ въ полку, былъ до того времени мнѣ мало извѣстенъ. Онъ незадолго передъ революціей перевелся къ намъ въ полкъ изъ 201 Потійскаго полка. Переводъ засталъ его въ госпиталѣ, гдѣ онъ лечился послѣ ужаснаго раненія въ область живота, полученнаго имъ 31 Мая 1915 года въ бою у Тухлы, въ которомъ онъ командовалъ одной изъ ротъ Потійскаго полка. Это былъ тотъ Пивоваровъ, который принималъ непосредственное участіе въ атакѣ нѣмцевъ на Бзурѣ у Конскаго Брода въ ночь съ 6 го на 7-ое Декабря 1914 года вмѣстѣ съ капитаномъ Сабелемъ. Стремленіе его въ нашъ полкъ было столь сильно, что будто бы, когда получилось извѣстіе о состоявшемся Высочайшемъ приказѣ о переводѣ, онъ сказалъ: „Ну, теперь я знаю, что не умру“. И дѣйствительно, оправившись отъ ранъ, онъ немедленно отправился въ полкъ, гдѣ его временно назначили командиромъ нестроевой роты, учитывая то обстоятельство, что онъ еще не вполнѣ оправился послѣ полученныхъ тяжелыхъ раненій. Про послѣднее назначеніе Миша всегда говорилъ: „Это единственное темное пятно въ моемъ послужномъ спискѣ“.

Въ Августѣ мѣсяцѣ 1918 года въ Тифлисъ пріѣхалъ послѣдній командиръ Эриванскаго полка полковникъ Пильбергъ — нашъ общій другъ. Отъ него мы узнали, что полкъ расформированъ въ Тулѣ, гдѣ сданы всѣ дѣла и архивы, а знамя отвезено

имъ въ... и сдано на храненіе одному вѣрному человѣку.

Однажды, зайдя какъ то вечеромъ ко мнѣ, Пильбергъ сообщилъ, что онъ рѣшилъ ѣхать въ Добровольческую Армію, о которой у него будто бы имѣются кое-какія свѣдѣнія. Ни Пивоварова, ни меня онъ съ собой не звалъ и вскорѣ дѣйствительно уѣхалъ.

Слухи о появленіи частей Добровольческой Арміи на Дону къ тому времени стали все шириться и какая-то смутная надежда не стала давать покоя. Вотъ я узнаю, что группа нашей молодежи, которыхъ я не зналъ даже въ лицо, а зналъ только по фамиліямъ, отправилась въ Добровольческую Армію. Я переговорилъ съ Мишей и увидѣлъ, что онъ полонъ тѣхъ же желаній, что и я, и мы принципіально рѣшили ѣхать, — какъ только представится первый удобный случай.

Прошелъ еще мѣсяцъ, какъ однажды я сталкиваюсь на улицѣ съ нашимъ бывшимъ уважаемымъ и любимымъ начальникомъ дивизіи генераломъ В. П. Шатиловымъ. Отъ него я узналъ, что ѣхать въ Добровольческую Армію можно и нужно, и что отъ него же можно будетъ получить необходимыя свѣдѣнія и указанія.

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМІЯ.

1918 годъ.

Ровно черезъ три недѣли, 2 Декабря 1918 года, мы съ Мишей, ликвидировавъ всѣ дѣла, а главнымъ образомъ всѣ вещи, ибо ѣхать приходилось на свой счетъ и нужны были деньги, садились на поѣздъ, отправлявшійся въ Поти. Съ нами ѣхала и жена Пивоварова, женщина-врачъ, пожелавшая также принести посильную помощь въ области, неразрывно связанной со всякими военными дѣйствіями.

Прождавъ два дня парохода, мы наконецъ попали

на прекрасный пароходъ „Великая Княгиня Ксенія", отходившій въ Новороссійскъ. Погода благопріятствовала путешествію и все было бы прекрасно, если бы Миша не простудился при погрузкѣ. Спустившись въ каюту, онъ сразу слегъ съ повышенной температурой.

Я полагалъ, что у него началась „испанка", свирѣпствовавшая въ то время въ Тифлисѣ, но оказалось впослѣдствіи, что заболѣлъ онъ воспаленіемъ легкихъ.

Два дня мы шли у береговъ Кавказской Ривьеры, любуясь прекрасными видами Сухума, Сочи, Гагръ и Афона и наконецъ... на внѣйшнемъ рейдѣ Новороссійска прошли мимо потопленныхъ судовъ нашего Черноморскаго флота, о которомъ, какъ надмогильные кресты, свидѣтельствовали торчащія изъ воды мачты потопленныхъ миноносцевъ...

Въ Новороссійскомъ порту стояло всего 2—3 парохода и не было обычнаго оживленія большого портоваго города.

При разгрузкѣ, на палубу къ намъ взошелъ какой-то офицеръ, въ которомъ я тотчасъ же узналъ бывшаго комиссара всѣхъ ударныхъ баталіоновъ прапорщика Иткина. Увидѣвъ меня, онъ подошелъ справиться, куда я желаю поступить, и выразилъ увѣренность, что я попаду въ Корниловскій полкъ. Мой отвѣтъ, что я думаю попасть въ Сводно-Гренадерскій баталіонъ, повидимому, его разочаровалъ, и онъ вскорѣ отъ меня отошелъ.

Высадить Мишу въ Новороссійскѣ не представилось возможнымъ, пришлось просить капитана парохода оставить больного въ каютѣ на нѣсколько часовъ.

Сойдя на берегъ, я готовъ былъ плакать отъ радости; всюду порядокъ, бодрыя русскія лица, офицеры въ формѣ, на площадяхъ производятся ученья и проч. Въ комендантскомъ управленіи сидѣли вѣжливые и предупредительные писаря, документы вы-

даны были моментально... все это рисовалось воображенію, какъ сказка.

Мишѣ я явился въ погонахъ и принесъ изъ города и его полушубокъ съ нашитыми на немъ нашими гренадерскими погонами. Мое радостное настроеніе и разсказы о видѣнномъ оживили его, и онъ, собравъ всѣ силы, всталъ, одѣлся, и мы отправились на вокзалъ, гдѣ поѣздъ на Екатеринодаръ долженъ былъ отойти въ двѣнадцать часовъ ночи. На вокзалѣ была масса народа, стояла страшная духота, бѣдный Миша претерпѣвалъ страшныя мученія, не имѣя возможности даже прилечь.

Наконецъ подали составъ. Съ большимъ трудомъ удалось втиснуть въ поѣздъ Мишу. Какой-то офицеръ, видя его безпомощное положеніе, слѣзъ съ верхней полки и предложилъ свое мѣсто Мишѣ. Я сидѣлъ на какомъ-то сверткѣ на полу. Корридоры вагоновъ были также забиты ѣдущими офицерами въ сидячемъ и лежачемъ положеніи.

Мишѣ сдѣлалось совсѣмъ плохо. Въ Екатеринодарѣ предстояло сдать его въ госпиталь. Въ вагонѣ до самаго утра шли боевые разсказы: тутъ я впервые услышалъ о знаменитомъ „Ледяномъ Походѣ", о всѣхъ ужасахъ гражданской войны, о томъ, что плѣнныхъ теперь не берутъ и т. п. Когда я на чей то вопросъ сказалъ, что я гренадеръ и желалъ бы найти своихъ, то голосъ съ верхней полки немедленно сообщилъ мнѣ всѣ подробности о гренадерахъ. Оказалось, что наша молодежь попала въ Марковскій полкъ, гдѣ и представлена была однимъ взводомъ, но нѣсколько дней тому назадъ получено было разрѣшеніе формировать изъ всѣхъ гренадеръ отдѣльный баталіонъ, и формированіе это поручено полковнику Кочкину, Московскому гренадеру. Формированіе первоначально производилось въ Екатеринодарѣ, а сейчасъ баталіонъ въ полусформированномъ видѣ перешелъ на дальнѣйшее формированіе въ Ставрополь. Послѣднее обстоятельство мнѣ было не по вкусу, но дѣлать было нечего. Утромъ мы прибыли

въ Екатеринодаръ, гдѣ на вокзалѣ, я обратилъ вниманіе, стоялъ прежній жандармъ, только какъ будто бы въ теперешнемъ жандармѣ не было того блеска, тѣхъ колодокъ съ медалями, того величественнаго вида старыхъ жандармовъ, которымъ они отличались. Какъ пріятно было видѣть этотъ синонимъ порядка. Я невольно задержался, отводя душу давно невиданнымъ зрѣлищемъ.

Начали выгружаться. Миша съ трудомъ передвигалъ ноги, мы вели его подъ руки.

Такъ какъ городъ Екатеринодаръ для насъ троихъ былъ совершенно незнакомъ, то рѣшено было, что Миша съ В. А. (его женой) останутся въ залѣ І-го класса, а я пойду на развѣдку.

Трамвай привелъ меня на уголъ Екатериненской и Красной улицъ. Былъ яркій солнечный день. На Красной, по которой я свернулъ, двигалось много народа, особенно военныхъ; пестрѣли всевозможныя формы. Здѣсь я впервые увидѣлъ Корниловцевъ въ ихъ причудливо кричащей формѣ, Марковцевъ въ черномъ, Шкуринцевъ въ волчьихъ папахахъ съ хвостами, черкесовъ съ зелеными повязками черезъ папаху и проч.; у всѣхъ на рукавахъ красовались углы изъ національныхъ лентъ, обращенные вершинами книзу, — символомъ добровольчества.

Откуда взялись эти формы, эти невѣроятныя сочетанія малиноваго цвѣта съ бѣлымъ, чернаго съ краснымъ, эти черепа, скрещенныя кости, смѣсь кавалерійскихъ отличительныхъ знаковъ съ пѣхотными и прочія невиданныя эмблемы, — невольно подумалъ я. Мнѣ, свѣжему человѣку, показалось, что каждый носитъ здѣсь ту форму, которая ему больше нравится.

Не прошелъ я и двухъ кварталовъ, какъ встрѣтилъ нашего Пильберга. Его гордая осанка и манера ходить при значительномъ ростѣ и богатырской комплекціи сразу бросалась въ глаза. Правая рука у него была на перевязи; оказывается, 1-го Октября, будучи помощникомъ командира какого-то пластунскаго баталіона, онъ былъ раненъ ружейной пулей

въ кисть правой руки съ раздробленіемъ костей. Видъ у него былъ, какъ всегда, молодцеватый и бодрый. Теперь онъ лечился въ госпиталѣ, помѣщавшемся въ зданіи мужской семинаріи.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій я изложилъ ему наше положеніе. „Мишу мы устроимъ въ госпиталѣ, а тебя тоже устроимъ... Хочешь, я тебя познакомлю съ очень милой семьей". Я сталъ отказываться: сейчасъ не время, другой разъ, Миша ждетъ на вокзалѣ и проч. „Ну, хорошо, тогда пойдемъ ко мнѣ". Я согласился и мы пошли.

„Вотъ мы и пришли", сказалъ онъ, входя въ подъѣздъ одного дома. Я машинально поднимался за нимъ.

Домъ, въ который мы вошли, съигралъ крупную роль въ судьбѣ многихъ Эриванцевъ, и всѣ мы, въ немъ жившіе, навсегда сохранимъ въ памяти все то свѣтлое и хорошее, что мы видѣли отъ дорогихъ и благородныхъ хозяевъ этого дома, и запечатлѣемъ въ сердцахъ своихъ — ихъ имена.

Послѣ короткихъ рекомендацій я получилъ приглашеніе остановиться въ имѣющейся свободной комнатѣ еще съ однимъ офицеромъ, прибывшимъ съ фронта; затѣмъ мнѣ были сообщены часы обѣда, завтрака и чая и тѣмъ самымъ давалось понять, что я желанный гость.

„Какъ тебѣ не стыдно, Густавъ,...", говорилъ я, выходя уже на улицу. „Ничего, это свои люди, увидишь самъ". Черезъ два дня дѣйствительно я увидѣлъ, что люди не только свои, но ближе всякихъ родныхъ, такъ далеко простиралась ихъ заботливость и вниманіе ко всѣмъ нуждамъ офицера, находившагося у нихъ въ домѣ; а таковыхъ постоянно было не меньше 8 человѣкъ. Потомъ уже, когда прошло довольно времени. когда многіе изъ насъ перешли по ту сторону бытія, когда въ домѣ мѣнялись лица офицеровъ. но не количество, надо мной любили подсмѣиваться, и обыкновенно за столомъ задавался вопросъ: „А скажите, пожалуйста, кто помнитъ,

сколько дней мы были съ Костей на Вы". Въ результатѣ горячихъ споровъ на эту тему единогласно рѣшили (а за столомъ бывало обыкновенно не менѣе 20 человѣкъ), что не больше одного дня.

Съ Полковникомъ Пильбергомъ мы пришли на вокзалъ съ тѣмъ, чтобы перевезти Мишу въ госпиталь. Миша былъ изъ рукъ вонъ плохъ, онъ мало говорилъ, а отъ высокой температуры у него текли слезу. Когда мы уже готовы были тронуться, я увидѣлъ знакомое лицо офицера, а Густавъ произнесъ: „Вотъ и Кумпаніенко, онъ только что вернулся изъ плѣна". Поручикъ Кумпаніенко предложилъ свои услуги въ дѣлѣ устройства Миши въ госпиталь, ибо въ госпиталѣ, помѣщавшемся въ № его родственница была сестрой милосердія. Рѣшено было везти его туда.

Госпиталь произвелъ на меня тягостное впечатлѣніе. Грубые сѣнники, такія же подушки, невѣроятно застиранное бѣлье, растерянность персонала, не справлявшагося съ количествомъ больныхъ, сразу бросались въ глаза. Въ громадной палатѣ, приблизительно на 40 кроватей, едва нашлось одно мѣсто. Бѣдный Миша попросилъ только принести ему подушку.

На другой день, имѣя уже всѣ необходимые документы, я зашелъ прощаться съ Мишей и занесъ ему подушку. „Плохо мнѣ, я не ожидалъ, что такъ сильно заболѣю. У меня нашли воспаленіе легкихъ"... Еще нѣсколько словъ и мы разстались навсегда; но еще разъ я увидѣлъ дорогого Мишу въ условіяхъ исключительныхъ по своей трагичности, къ описанію которыхъ я вернусь въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи.

Согласно полученнаго предписанія, я отправился въ Ставрополь. Баталіона тамъ уже я не засталъ, онъ былъ на позиціи у дер. Сѣверной. Въ Ставрополѣ же находилась только хозяйственная часть. Начальникомъ хозяйственной части былъ полковникъ Илларіонъ Ивановичъ Ивановъ, офицеръ Тифлисскаго полка, тотъ, что командовалъ баталіономъ въ нашемъ запасномъ полку. Встрѣтилъ меня онъ очень радушно

и сейчасъ же устроилъ мнѣ комнату. У него же я познакомился съ 70-лѣтнимъ старикомъ — штабсъ-капитаномъ — гренадеромъ — Мельницкимъ, бывшимъ предводителемъ дворянства Новгородской губерніи, — теперь добровольцемъ. Старикъ, кромѣ громадной шашки, носилъ еще кинжалъ, благодаря чему имѣлъ комическій видъ. Я сначала подумалъ, что все его добровольчество не идетъ дальше обоза 2-го разряда, но потомъ убѣдился, что этотъ удивительный старикъ также спокойно ходитъ и подъ пулями и дѣлаетъ свое дѣло безъ лишнихъ словъ, не за страхъ, а за совѣсть, — и невольно проникся къ нему глубокимъ уваженіемъ.

Что представлялъ изъ себя тогда Сводно Гренадерскій баталіонъ, я такъ и не уяснилъ себѣ, ибо назначенія я никакого не получалъ въ ожиданіи пріѣзда командира баталіона, полковника Кочкина; послѣдній почему-то задержался по дѣламъ. А черезъ два дня послѣ моего пріѣзда была получена телеграмма отъ Пильберга, извѣщавшая о смерти Миши и о днѣ его погребенія.

„Знаешь что“, обратился ко мнѣ Илларіонъ Ивановичъ, „поѣзжай на похороны, ты его близкій другъ, а на обратномъ пути привезешь заодно для баталіона деньги“. Дѣло было рѣшено въ пять минутъ, и я катилъ обратно въ Екатеринодаръ.

Новая потеря дорогого человѣка, прекраснаго офицера и джентльмена въ полномъ смыслѣ слова, тяжелымъ камнемъ давила мое сердце и съ невыразимо тяжелымъ чувствомъ, я переступалъ порогъ квартиры Мишиной вдовы. Но ея не оказалось дома, она только что уѣхала на кладбище откапывать еще наканунѣ похороненнаго Мишу, такъ какъ предъявленный ей въ мертвецкой штабсъ-капитанъ Пивоваровъ оказался вовсе не Мишей, а умершимъ въ одинъ день съ нимъ солдатомъ армяниномъ.

Узнавъ объ этомъ я помчался на кладбище и засталъ такую картину: изъ разрытой могилы вынутъ былъ досчатый гробъ; когда была снята крышка, то

глазамъ присутствующихъ представился совершенно голый мертвецъ съ запиской на груди: „Перебѣжчикъ Кеворкъ Саркисовъ". Этотъ перебѣжчикъ былъ никто иной, какъ Миша. Онъ лежалъ немного на боку и какъ будто ежился отъ холода... въ могилѣ было сыро, шелъ мокрый снѣгъ. Картина была столь потрясающа, что я буквально не могъ придти въ себя много дней... я ощущалъ весь ужасъ могильнаго холода и злой ироніи судьбы.

Наклонившись къ Мишѣ, я поцѣловалъ его въ ледяной лобъ. Такъ кончилъ свою жизнь этотъ доблестный офицеръ.

Оказалось, что когда м-мъ Пивоварова пришла за тѣломъ мужа, врачи объявили ей, что необходимо сдѣлать вскрытіе, что ей, какъ врачу, должно быть понятно, что для науки это необходимо и проч. Условились, что на завтра въ полдень его похоронятъ съ отданіемъ воинскихъ почестей. На другой день, т. е. въ день моего пріѣзда, въ 12 часовъ м-мъ Пивоварова пришла, какъ было условлено. На дворѣ ждали почетный караулъ и музыка... и вдругъ — одѣтымъ въ Эриванскій мундиръ Миши, — оказался чужой. Только послѣ тщательныхъ разспросовъ и справокъ удалось установить, что батюшка хоронилъ по описываемымъ признакамъ покойника вчера. Отправились на кладбище, разрыли могилу, и уже свидѣтелемъ остального я былъ самъ лично.

Въ Екатеринодарѣ я задержался на цѣлую недѣлю, такъ какъ подошло Рождество, а денегъ получить сразу не удалось. Помѣстился я вмѣстѣ съ Пильбергомъ въ домѣ N. Однажды парадную дверь мнѣ открылъ самъ Густавъ. „Знаешь, кого я тебѣ покажу, пойдемъ, увидишь", причемъ слово „увидишь" онъ произнесъ какъ-то особенно загадочно съ какимъ-то присвистываніемъ.

Зная всѣ его манеры, я приготовился къ сюрпризу, и, дѣйствительно, не успѣлъ я переступить порогъ нашей комнаты, какъ попалъ въ объятія Толи Побоевскаго, только что вернувшагося изъ Франціи

послѣ пребыванія на Салоникскомъ фронтѣ, куда онъ уѣхалъ въ началѣ революціи. Безпрерывной волной полились разсказы то печальные, то радостные; подъ вліяніемъ послѣднихъ зарождались свѣтлыя надежды на лучшее будущее.

Рѣшено было что 2-го Января мы вмѣстѣ выѣдемъ въ нашъ Сводно-Гренадерскій баталіонъ, такъ какъ Толя ѣхалъ сюда именно съ этой цѣлью. Онъ не заѣхалъ даже домой повидать своихъ родныхъ, которыхъ не видѣлъ столько лѣтъ.

Встрѣчали новый годъ все у тѣхъ же дорогихъ N., которые приняли и Толю подъ свое покровительство. Было очень весело, ибо твердо вѣрилось въ скорое воскресеніе нашей дорогой Родины. Предстоящія испытанія насъ не страшили и мы смѣло шли имъ на встрѣчу.

2-го Января мы выѣхали въ Ставрополь, причемъ ѣхали въ вагонѣ 4-го класса, буквально сидя другъ у друга на колѣняхъ; помню, Толя заснулъ въ необыкновенно комичной позѣ, склонивъ голову на спину своего сосѣда — казака въ то время, какъ тотъ спалъ, положивъ свою голову на колѣни Толи.

Въ Ставрополѣ мы получили приказаніе ждать особыхъ распоряженій относительно насъ и пока ничего не дѣлали. Въ это время мы узнаемъ, что въ госпиталѣ лежитъ нашъ офицеръ поручикъ Снарскій въ очень тяжеломъ положеніи. Мы тотчасъ же отправились къ нему и сначала было взяли его къ себѣ, но ему сдѣлалось хуже, пришлось вновь водворить его въ госпиталь.

Здѣсь же въ Ставрополѣ оказался и капитанъ Б., который велъ какой-то странный образъ жизни, почему-то уѣхалъ съ позиціи, жилъ въ гостинницѣ и на всѣ вопросы отвѣчалъ сбивчиво и туманно.

Здѣсь же встрѣтили мы и нашего артиллериста Бѣляева, съ которымъ, по его любимому выраженію, „посидѣли — поговорили".

Наконецъ, и мы получили приказаніе догнать баталіонъ, двигающійся на ст. Минеральныя Воды. Въ

этотъ же день пришло извѣстіе о гибели моего товарища по выпуску — Туркестантскаго стрѣлка капитана Земляницына, убитаго у деревни Сѣверной. Всѣ знавшіе его страшно сожалѣли объ этой тяжелой утратѣ, а я тѣмъ больше, что не видѣлъ его съ момента производства, много слышалъ о немъ еще въ Германскую войну, какъ о выдающемся офицерѣ, и жаждалъ его увидѣть. Но этому помѣшала все та же смерть.

Въ баталіонъ насъ отправлялось четверо: я, капитанъ Б., Побоевскій и еще одинъ прапорщикъ. Двигались мы медленно.

Въ это время части Добровольческой Арміи шли на освобожденіе Терской области отъ большевиковъ. Бои шли съ неизмѣннымъ успѣхомъ для насъ, наступленіе велось ускореннымъ темпомъ.

Когда мы прибыли на ст. Минеральныя Воды, то узнали, что баталіонъ нашъ ушелъ въ Георгіевскъ; намъ предстояло пересаживаться въ товарные вагоны. Поѣзда не было. Наконецъ намъ объявили, что гдѣ-то на 8-мъ пути стоитъ составъ, готовый къ отправленію. Отыскали этотъ составъ — влѣзли. Напротивъ нашего состава стоялъ громадный составъ, отбитый у большевиковъ. Мы обратили вниманіе, что, казаки, ѣхавшіе съ нами, шныряютъ по вагонамъ; мы заинтересовались и рѣшили посмотрѣть, что тамъ происходитъ. Увидѣли мы слѣдующее: въ каждомъ вагонѣ, груженномъ всякаго рода аммуниціей, сбруей, домашней мебелью и просто рухлядью, царилъ невообразимый хаосъ; все было перевернуто, исковеркано и забрызгано кровью. Изъ подъ хлама торчали руки и ноги разстрѣлянныхъ большевиковъ, причемъ въ каждомъ вагонѣ насчитывалось до десятка труповъ; между ними-то и рыскали казаки, снимали сапоги и все казавшееся нужнымъ — и уносили. Дѣлалось это безъ всякой брезгливости, дѣловито и серьезно. Подавленные этой картиной, мы только переглянулись и пошли къ себѣ.

На станціи мы слѣзли и пошли пѣшкомъ въ ст.

Екатериноградскую, гдѣ расположился нашъ баталіонъ. Въ штабѣ полка мы получили назначеніе: капитанъ Б. долженъ былъ формировать 5-ую роту изъ взятыхъ плѣнныхъ красноармейцевъ, я назначался къ нему помощникомъ командира роты, а Толя Побоевскій — фельдфебелемъ.

Получивъ назначеніе, мы пошли повидать своихъ. День былъ морозный, невылазная грязь станицы была скована, а потому идти было легко. На окраинѣ, около громаднаго оврага, шли занятія съ ротами.

Увидя насъ, нѣсколько офицеровъ тотчасъ отдѣлилось и подошло къ намъ. Здѣсь я впервые увидѣлъ поручика Бориса Силаева, младшаго Бѣлинскаго, штабсъ-капитана Засыпкина, поручика Линькова и другихъ офицеровъ 4-ой роты.

Тутъ же на краю оврага лежали трупы разстрѣлянныхъ большевиковъ. Никто и не думалъ обращать на это вниманіе — нервы не реагировали. Въ этотъ же день послѣ обѣда были выстроены люди новой 5-ой роты. Картина представилась невиданная. Если изъ 50-ти человѣкъ, назначенныхъ въ роту, хоть двое имѣли сносный видъ, то и то слава Богу; остальные были въ какихъ-то рубищахъ, большинство было босикомъ, съ ногами, завернутыми въ тряпки; всѣ поголовно дрожали отъ холода, а многіе носили явные слѣды заболѣванія сыпнымъ тифомъ. Это были только что взятые въ плѣнъ красноармейцы, до бѣлья раздѣтые побѣдителями. Таковъ былъ обычай.

„Послушай! куда мы съ ними пойдемъ"? спрашивалъ Толя, „развѣ они могутъ воевать"?

И дѣйствительно, это были тѣни, а не люди. Такъ или иначе, черезъ два дня насъ погрузили въ вагоны для слѣдованія въ Моздокъ. Уже по дорогѣ 15 человѣкъ окончательно слегло. Сыпной тифъ неудержимо свирѣпствовалъ, больные валялись на полу по всѣмъ станціямъ, заражая еще здоровыхъ. Спастись отъ насѣкомыхъ не представлялось возможнымъ.

На станціи Моздокъ намъ представилось вновь рѣдкое по своему ужасу зрѣлище. На путяхъ стояло два громадныхъ состава, одинъ совершенно сгорѣвшій, но сгорѣвшій вмѣстѣ съ людьми, въ немъ находившимися. Въ вагонахъ стояли желѣзныя кровати, на которыхъ лежало по одному или по два обуглившихся трупа. Черепа скалили зубы, какъ бы смѣясь. Въ другомъ поѣздѣ я зашелъ только въ одинъ вагонъ III класса, на которомъ красовалась красная надпись: „Коммунистъ № 1". Этотъ вагонъ былъ биткомъ набитъ сыпнотифозными, изъ которыхъ больше половины были мертвы и валялись голыми по полу... Картины въ стилѣ гражданской войны, ожидающія своего художника.

Изъ Моздока мы двинулись на станицу Вознесенскую, гдѣ намъ предстояло усмирить непокорныхъ ингушей, но, простоявъ два дня въ первой за Моздокомъ станицѣ, мы получили приказаніе вернуться обратно въ Моздокъ.

Приказаніе было крайне своевременно, такъ какъ Толя почувствовалъ себя скверно и я понялъ, что онъ заболѣлъ сыпнякомъ. Идти онъ уже не могъ, я уложилъ его на подводу, а самъ съ вольноопредѣляющимся М. С., сыномъ нашего же Эриванца, проконвоировалъ Толю до больницы, куда и сдалъ его немедленно. Въ этотъ же день вечеромъ у меня началась страшная головная боль и поднялась температура; я переборолъ себя и отправился на собраніе господъ офицеровъ баталіона, назначенное въ этотъ день. Что рѣшалось на этомъ собраніи, я совершенно не помню; когда я обратился къ находившемуся тамъ доктору съ просьбой осмотрѣть меня, онъ мнѣ прямо сказалъ: „Чего васъ осматривать, вамъ нужно ложиться въ госпиталь, — у васъ сыпнякъ".

Здѣсь же онъ написалъ мнѣ препроводительную бумагу, и я отправился въ ту же больницу, куда наканунѣ сдалъ Толю. Положили меня сначала отдѣльно, а на другой день перекатили мою кровать въ

сосѣднюю палату и поставили рядомъ съ Толиной. Толя былъ безъ сознанія. Я почувствовалъ какъ бы облегченіе, — все-же рядомъ со своимъ, а въ голову навязчиво лѣзла мысль — выкрутимся-ли мы на этотъ разъ? Неужели суждено такъ безславно умереть? Дальше шелъ періодъ забытья... Временами, когда я приходилъ въ себя, я просилъ согрѣть мнѣ ноги и справлялся, живъ ли Толя. Мнѣ ставили бутылки, говорили, что Толя живъ, и я опять впадалъ въ забытье.

Толя боролся съ тифомъ съ большимъ трудомъ, ему постоянно вспрыскивали камфору. У меня организмъ былъ значительно сильнѣе и я обходился своими средствами.

Прошло недѣли двѣ — было 15-ое Февраля, Толя впервые со мной заговорилъ, кризисъ миновалъ. Мы были страшно счастливы, что такая опасность насъ миновала. Теперь мы могли наблюдать, куда мы попали и въ какихъ условіяхъ мы находились.

Наша больница была какъ разъ въ центрѣ города противъ церкви, она была очень мала и вмѣщала всего 15 – 20 кроватей. Лежали въ ней только офицеры. Оборудованіе больницы оставляло желать многаго, а питаніе было изъ рукъ вонъ плохо. Мы буквально голодали. На всѣхъ больныхъ была одна сестра и одинъ санитаръ, доктора же почему-то мѣнялись чуть ли не черезъ день. Все выносила на своихъ плечахъ героиня — сестра, не знавшая абсолютно отдыха. Къ глубокому сожалѣнію ни имени, ни фамиліи, ни облика ея я не помню, въ то время передъ глазами стояла какая-то сѣтка, въ ушахъ шумѣло, все казалось въ туманѣ.

Мы неудержимо стремились какъ можно скорѣй уйти отсюда, уйти изъ этой душной обстановки — стона и безумнаго бреда. Нужно было дождаться какого-то дня, не то пятницы, не то вторника, и идти на комиссію. Еще наканунѣ мы сдѣлали репетицію вставанія, но не совсѣмъ удачно и я побаивался, что и на завтра ничего не выйдетъ и намъ при-

дется ждать еще цѣлую недѣлю. Страхъ этотъ придалъ намъ силы, и мы къ назначенному времени встали, одѣлись и, поддерживая другъ друга, отправились на комиссію, которая засѣдала за три или четыре квартала, — тоже въ госпиталѣ. Съ нами же отправился на комиссію и нашъ сосѣдъ — ротмистръ графъ Стенбокъ, одновременно съ нами воскресшій изъ мертвыхъ.

Госпиталь, въ который мы явились, былъ биткомъ набитъ тифозными, которые, за неимѣніемъ кроватей, лежали на сѣнникахъ безъ простынъ прямо на полу. Впечатлѣніе получалось безотрадное.

Комиссія, къ счастью, насъ не задерживала, — тифъ кладетъ серьезные отпечатки не только на лицѣ, но и на всемъ силуэтѣ, посему каждому изъ насъ троихъ, безъ долгихъ размышленій дали отпускъ на два мѣсяца. Но отпускъ — отпускомъ, а гдѣ же и на какія средства поправлять свое здоровье. Въ карманѣ у меня и у Толи оказалось всего пять рублей Ставропольской городской Управы, которые не имѣли цѣнности въ Моздокѣ, но намъ повезло, за нихъ мы получили пять бубликовъ.

Видя наше затруднительное положеніе, графъ Стенбокъ пришелъ намъ на помощь и далъ взаймы пятьдесятъ рублей какими-то болѣе употребительными деньгами.

Всѣ мы рѣшили ѣхать въ Екатеринодаръ. Графъ Стенбокъ имѣлъ тамъ знакомыхъ, а мы рѣшили ѣхать къ своимъ дорогимъ N. За время нашей болѣзни станцію Моздокъ привели въ относительный порядокъ, но буфетъ работалъ слабо и, когда-то изобиловавшій всякой снѣдью, теперь не имѣлъ въ достаточномъ количествѣ даже хлѣба. Поѣзда на Минеральныя Воды пришлось ждать до 2-хъ часовъ ночи, причемъ поѣздъ оказался обыкновеннымъ товарнымъ, гдѣ вагоны не имѣли никакихъ печей. Съ большимъ трудомъ удалось выпросить у коменданта станціи одну теплушку, въ которой, кромѣ печки, абсолютно ничего не было. Дровъ не было и негдѣ было до-

стать, всѣ наши поиски въ этомъ направленіи не увѣнчались серьезными результатами. Къ намъ попросилось въ вагонъ еще два офицера, точно въ такомъ же состояніи, какъ и мы, только что перенесшіе тифъ, — мы ихъ приняли. Посадка въ вагонъ теперь сильно усложнилась и была дѣломъ общимъ, никто изъ насъ не могъ самостоятельно взобраться на такую высоту, какой являлся для насъ товарный вагонъ, не имѣвшій ступенекъ, и потому всѣ подталкивали снизу перваго, а затѣмъ по очереди втаскивали остальныхъ. Наша полная безпомощность особенно рельефно сказалась на первой же станціи, когда намъ понадобилось открыть дверь. Какъ не напрягали мы усилія всѣ впятеромъ, — дверь не поддавалась, пришлось звать на помощь извнѣ. Мы начали стучать въ дверь и кричать, но никто не откликался. Наконецъ послышались шаги и голоса: два какихъ-то казака вняли нашимъ мольбамъ и съ шумомъ откатили дверь.

Мы объяснили имъ, что ослабѣли послѣ сыпного тифа, разсказали, что не имѣемъ дровъ, и, когда узнали, что имъ съ нами по дорогѣ, пригласили ихъ ѣхать въ нашемъ вагонѣ. Станичники охотно согласились, крикнули еще двухъ своихъ пріятелей, и уже въ дальнѣйшемъ пути мы не испытывали ни недостатка дровъ, ни другихъ неудобствъ, о которыхъ я только что говорилъ.

Трудно было намъ добраться до Минеральныхъ Водъ, откуда начиналось въ то время правильное сообщеніе пассажирскими поѣздами съ Екатеринодаромъ.

Такъ какъ мы были безъ денегъ, то рѣшено было сначала отправиться въ хозяйственную часть въ Армавиръ, чтобы получить наше скудное жалованье и получить возможность заплатить долги. Я бы и не останавливался на этомъ незначительномъ эпизодѣ, если бы на ст. Армавиръ не произошла бы встрѣча, о которой мнѣ пріятно вспомнить. Получивъ жалованье, мы съ Толей рѣшили пообѣдать на

вокзалѣ въ ожиданіи поѣзда. Поѣздъ долженъ былъ идти ночью; неизбѣжно приходилось ждать поѣзда. Толя отъ усталости и слабости за столомъ уснулъ.

Вдругъ къ нашему столу подходитъ генералъ. „Вы что тутъ дѣлаете"? Толя проснулся, вскочилъ и сразу просіялъ. Передъ нами стоялъ генералъ Купцовъ. „Ну, вотъ что, ѣдемте ко мнѣ, со мной экипажъ, относительно поѣзда не безпокойтесь, я васъ доставлю своевременно обратно", — скомандовалъ Александръ Никифоровичъ.

Генералъ Купцовъ оказался начальникомъ гарнизона Армавира. Въ гостинницѣ, въ которой жилъ Александръ Никифоровичъ, былъ сервированъ столъ и къ нашему глубокому изумленію на столѣ появилась бутылка Кахетіи № 2. Часа три мы провели въ дружеской бесѣдѣ, вспоминая все пережитое и дѣлясь впечатлѣніями на современныя темы, и незамѣтно подошло время отправляться на вокзалъ. На этотъ разъ заботами Александра Никифоровича насъ ожидали всѣ удобства, и черезъ часъ мы спали мертвецкимъ сномъ, мѣрно раскачивась на диванахъ отдѣльнаго купэ. Пробудились мы отъ сильнаго расталкиванія кондуктора. Оказалось, онъ забылъ насъ разбудить въ Тихорѣцкой, и мы подходимъ уже къ Сосыкѣ. Кондукторъ рѣшилъ исправить ошибку и предложилъ намъ слѣзть на первой же станціи, ибо на встрѣчу долженъ пройти скорый поѣздъ на Екатеринодаръ, который хотя и не останавливается здѣсь, но онъ обѣщалъ принять мѣры, чтобы поѣздъ замедлилъ ходъ. Предстояла трудная операція, но желаніе попасть скорѣе въ Екатеринодаръ было такъ сильно, что мы согласились на это рискованное предпріятіе. Вотъ мы вылѣзли, нашъ проводникъ переговорилъ съ кѣмъ надо, и мы остались ждать. Скоро громадные фонари приближающагося поѣзда ослѣпили насъ и, замедляя ходъ, но не останавливаясь, онъ готовъ былъ отъ насъ ускользнуть. Въ эту рѣшительную минуту Толю кто-то подтолкнулъ, и онъ благополучно взобрался на платформу, я же

потерялъ равновѣсіе и готовъ былъ скатиться подъ колеса, какъ чьи-то сильныя руки приподняли меня и швырнули на площадку, вслѣдъ за этимъ на голову мнѣ упали одинъ за другимъ наши свертки... Я былъ не только спасенъ, но и не опоздалъ на поѣздъ.

Утромъ двѣ шатающіяся и поддерживающія другъ друга фигуры звонили въ домѣ N. по N. улицѣ.

Увидя насъ пъ такомъ состояніи, застоналъ отъ сочувствія весь домъ и были приняты радикальныя мѣры, чтобы въ кратчайшій срокъ поставить насъ на ноги. Мѣры привели очень скоро къ блестящимъ результатамъ и черезъ мѣсяцъ мы съ Толей уже подумывали, куда бы намъ поѣхать. Въ Сводно-Гренадерскій баталіонъ насъ не тянуло, такъ какъ все тамъ видѣнное не могло прельщать насъ. Густавъ же поддерживалъ въ насъ увѣренность, что вскорѣ разрѣшится вопросъ съ самостоятельнымъ формированіемъ полка изъ Кавказскихъ гренадеръ и тогда мы будемъ ему нужны. Рѣшено было, что Толя поступитъ въ танковый дивизіонъ, а я во вновь открывающееся Кубанско-Софійское военное училище. Такъ мы и сдѣлали. Кубанско-Софійское военное училище считало свое начало отъ одной изъ Кіевскихъ школъ прапорщиковъ, находившейся на Софійской площади и эвакуированной въ свое время на Кубань.

Юнкера этой школы участвовали въ Кубанскомъ походѣ и въ большинствѣ погибли въ многочисленныхъ кровавыхъ бояхъ. Желая сохранить названіе столь доблестной школы, Кубанское правительство, взявшее на себя содержаніе вновь формируемаго училища, постановило наименовать училище Кубанско-Софійскимъ.

Къ сожалѣнію, молодое, но имѣющее свою боевую исторію училище попало въ весьма неподходящія руки бр. Щербовичей, изъ которыхъ одинъ былъ начальникомъ уч-ща, другой – командиромъ батал-на, третій—преподавателемъ артиллеріи и четвертый все ожидался для кафеды исторіи. Ротъ или, какъ ихъ

называли, согенъ было двѣ. Училище расквартировано было въ двухъ различныхъ мѣстахъ по частнымъ квартирамъ. Помѣщенія были малы, оборудованіе чрезвычайно скудное, пособій учебныхъ почти никакихъ, всѣ лекціи заучивались по запискамъ. Элементъ, комплектовавшій училище,—кубанскіе казаки—въ боевомъ отношеніи былъ отличный, но отличался крайне скудной общей подготовкой. Средній образовательный уровень колебался между 4 и 5 классами среднеучебныхъ заведеній. Ко всему этому прибавилась еще политика на самостійной почвѣ, что создало совершенно невозможную для занятій обстановку. Не было даже извѣстно, какой срокъ обученія должны пройти юнкера, а отсюда вытекала полная безсистемность въ занятіяхъ.

Попалъ я въ первую роту къ полковнику Пуценко, бывшему ротному командиру еще Кіевской Софійской школы прапорщиковъ. Этотъ милѣйшій человѣкъ и прекрасный офицеръ только разводилъ руками и говорилъ: „Ну, что я то могу сдѣлать". Три мѣсяца пробылъ я въ училищѣ въ качествѣ курсового офицера, когда, наконецъ, пришло долго жданное извѣстіе, что въ Царицынѣ формируется сводный полкъ Кавказской гренадерской дивизіи. Густавъ писалъ мнѣ: „Если ты еще можешь воевать, для тебя всегда найдется мѣсто". Дальше перечислялось, кто изъ Эриванцевъ пріѣхалъ, кто можетъ пріѣхать и прочія новости. Толя получилъ аналогичное письмо.

Я выѣхалъ черезъ три дня. Со мной изъявило желаніе ѣхать человѣкъ пятнадцать юнкеровъ, но изъ нихъ пустили только одного и то послѣ усиленныхъ просьбъ.

2-ой ГРЕНАДЕРСКІЙ ПОЛКЪ. ЦАРИЦЫНСКОЕ НАПРАВЛЕНІЕ.

1919 годъ.

Въ Царицынѣ на вокзалѣ я встрѣтился съ полковникомъ нашего полка Гранитовымъ, который уже

побывалъ въ полку, а сейчасъ возвращался изъ служебной командировки изъ Екатеринодара; мы ѣхали такимъ образомъ въ одномъ поѣздѣ и этого не знали.

Царицынъ — большой торговый городъ, въ то время почти мертвый, понемногу начиналъ возвращаться къ жизни. Большевики наложили свою сатанинскую печать на весь обликъ города и жителей.

Къ моменту моего прибытія бывшій „Сводно-Гренадерскій" баталіонъ, пользовавшійся, въ свое время, чрезвычайно мало лестной боевой репутаціей, переформировывался въ дивизію, причемъ предположено было каждую изъ бывшихъ гренадерскихъ дивизій представить однимъ полкомъ съ тѣмъ, чтобы баталіонъ имѣлъ названіе соотвѣтствующаго полка. Такимъ образомъ, нашъ Сводный полкъ Кавказской гренадерской дивизіи долженъ былъ имѣть первый баталіонъ Эриванскій, второй Грузинскій и т. д.

На дѣлѣ этого не получилось. Сформированными оказались два полка: 1-ый Сводно Гренадерскій полкъ изъ Московскихъ гренадеръ и нашъ 2-ой Сводно-Гренадерскій полкъ, каковые и вошли въ составъ 6-ой пѣхотной дивизіи генерала Писарева.

1-ый Сводно-Гренадерскій полкъ былъ 3-хъ баталіоннаго состава, тогда какъ нашъ полкъ — только однобаталіонный — 4-хъ ротнаго состава. Каждая рота нашего полка называлась по своимъ полкамъ, причемъ количественно мы — Эриванцы — были представлены сильнѣе другихъ, за нами въ порядкѣ постепенности шли Мингрельцы, Тифлиссцы и Грузинцы. Послѣдніе не имѣли въ своемъ составѣ ни одного кадроваго офицера.

Полкъ имѣлъ знамя и одну изъ серебрянныхъ трубъ Мингрельскаго полка, каковыя были привезены изъ Тифлиса офицерами-мингрельцами.

Командныя должности въ полку разпредѣлены были такъ: 1) Командиръ полка полковникъ Пильбергъ (Эрив.), 2) Полковой адъютантъ шт.-капитанъ Рычковъ (Эр.), 3) Помощникъ адъютанта шт.-капитанъ Александровъ (Грузинецъ), 4) Помощн. команд.

полка полковникъ Ивановъ (Тифл.), 5) Начальн. хозяйств. части полк. Кузнецовъ (Эрив.), 6) Командиръ баталіона полк. Талише (Мингр.), 7) Командиръ 1-ой Эрив. роты полк. Гранитовъ (Эрив.), 8) Помощникъ команд. роты шт.-капитанъ Поповъ (Эрив.), 9) Мл. офицеръ поручикъ Борисъ Силаевъ (Эрив.), 10) Мл. офицеръ поручикъ Богачъ (Эрив.), 11) Мл. офицеръ поручикъ Ціалковичъ (Эрив.), 12) Мл. офицеръ поручикъ Моховъ (Эрив.), 13) Мл. офицеръ прапорщикъ Шаталовъ (Эрив.), 14) кадровый подпрапорщикъ 13 роты Гончаровъ (Эрив.).

Грузинская рота. 1) Командиръ -- штабсъ-капитанъ Засыпкинъ, 2) Помощникъ — прапорщ. Осадчій (б. подпр. Гр. полка), 3) Прапорщикъ Абтъ, 4) Поруч. Жильцовъ.

Тифлисская рота. 1) Командиръ роты — поручикъ Рѣзаковъ, 2) Фамиліи не помню, 3) Фамиліи не помню.

Мингрельская рота. 1) Командиръ — штабсъ-капитанъ Лепинъ, 2) Помощникъ подпоручикъ Шахъ Назаровъ, 3) . . .

Пулеметная команда: Начальникъ Поручикъ Братшау младшій, шт. капитанъ Братшау старшій, младшіе офицеры: поручикъ Линьковъ, поручикъ Павловъ.

Команда связи — капит. Гавриловъ (Мингр.)

При штабѣ полка: поруч. Богомоловъ (Мингр.), командир. нестр. роты — шт.-кап. Мельницкій.

Въ такомъ составѣ засталъ я формирующійся полкъ. Для формированія дивизіи были отведены, такъ называемыя, студенческія казармы б. казармы N полка, стоящія на высокомъ мѣстѣ недалеко отъ Волги. Мы, Эриванцы. собравшіеся въ далекій и чуждый Царицынъ для формированія полковой ячейки, понимали, что насъ мало, что многіе могли быть съ нами, но ихъ не было. Причинъ, почему ихъ не было съ нами, было много. Одни, да будетъ имъ стыдно, какъ всегда, старались не дѣлать того, что могутъ сдѣлать другіе; это тѣ самые, что въ Германскую войну не успѣли побывать ни въ одномъ бою, это

типичные тыловики-„ловчилы“, за которыми не должно сохраниться почетное имя „Лейбъ-Эриванца“, имена ихъ всѣмъ Эриванцамъ хорошо извѣстны, и я не возьму на себя труда перечислять ихъ имена. Ко вторымъ относятся тѣ, что изъ-за причинъ матеріальнаго свойства не могли оторваться отъ семьи, отъ полученной уже службы и пр.

Тѣхъ жаль, потому что они забыли слова: „И для славы его не жалѣй ничего“.

Третьи, возвращаясь изъ плѣна, заблудились, если такъ можно выразиться. Такъ заблудились наши доблестные однополчане подпоручики Зуевъ и Долженковъ; первый, попавъ въ 11-ый Донской полкъ, а второй — въ Лейбъ-Гвардіи Гренадерскій. Оба они съумѣли поддержать славу полка на сторонѣ и, конечно, не ихъ вина, что они не нашли насъ, а мы ихъ.

И, наконецъ, къ послѣдней группѣ нужно отнести тѣхъ, что погибли героями въ самомъ началѣ гражданской войны, предпочитая смерть позору.

Мы знаемъ и запомнимъ свѣтлыя имена: капитана Бориса Гаттенбергера, капитана Николая Четыркина, поручика Дмитрія Бѣлинскаго и подпоручика Солнцева. Мы гордимся этими именами, какъ и тѣмъ, что нѣтъ ни одного Эриванца съ революціоннымъ именемъ, что нѣтъ ни одного Эриванца въ красной арміи. Этимъ мы доказали, что двумъ богамъ не молились... Насъ было мало, но не даромъ говорятъ: „Дѣло не въ количествѣ, а въ качествѣ“, и, дѣйствительно, если разобрать всѣхъ начальствующихъ съ точки зрѣнія военныхъ качествъ, то аттестація получится выдающаяся и не будетъ удивительно, что четырехротный полкъ сначала силою 500, а потомъ 400 штыковъ дѣлалъ такія дѣла, которыя могли сдѣлать честь исторіи любого полка старой Императорской Арміи. Кто изъ Эриванцевъ не зналъ спокойнаго, выдержаннаго, умнаго и хитраго Густава, кто не побаивался его колючаго языка. Этотъ офицеръ увелъ съ честью съ фронта остатки Эриванскаго

полка, унесъ его святыню знамя и передалъ его въ надежныя руки, вѣря въ свѣтлое будущее Россіи и въ воскресеніе полка.

Этой вѣрой Густавъ заражалъ младшихъ и, указывая имъ вѣрный путь, обильно и часто орошалъ его своею благородной кровью.

Таковъ былъ командиръ. Его помощникъ Илларіонъ Ивановичъ Ивановъ, офицеръ Тифлисскаго полка, закаленный въ бояхъ воинъ, еще въ Японскую войну пронизанный двумя пулями на-вылетъ въ грудь, невозмутимый на полѣ боя, высокогуманный человѣкъ, тонко понимающій психологію русскаго солдата. Его невольныя ошибки искуплены его геройской смертью.

Что касается третьяго героя, А. Г. Кузнецова, этого желѣзнаго человѣка, съ необычайной силой воли и духа, то при одномъ воспоминаніи о томъ, что его уже быть можетъ нѣтъ въ живыхъ, становится жутко, ибо на немъ и на его имени у меня зиждилась и зиждется надежда о будущемъ полка.

О Гранитовѣ, моемъ ротномъ командирѣ въ гражданскую войну, я получалъ представленіе, какъ о боевомъ офицерѣ — впервые, точно также, какъ и онъ обо мнѣ. И долженъ признать, что будь Гранитовъ въ полку съ самаго начала войны, его имя стояло бы наравнѣ съ именемъ Сабеля, Пильберга, Геттенбергера, Хржановскаго, а полкъ несомнѣнно увеличилъ бы форматъ страницъ своей исторіи, дабы дать мѣсто описанію дѣлъ и этого офицера.

Признавая, что всѣ остальные офицеры полка были доблестны и храбры, что будетъ видно изъ дальнѣйшаго повѣствованія, я хочу сказать нѣсколько словъ о дорогомъ и незабвенномъ Борисѣ Силаевѣ.

У насъ въ полку было много сверстниковъ Бориса — сыновей или родственниковъ нашихъ же офицеровъ, но изъ нихъ настоящимъ Эриванцемъ былъ только Борисъ Въ немъ первомъ закипѣла молодая горячая кровь, которая по непроторенной дорожкѣ толкнула его въ туманную еще тогда

Добровольческую Армію. Это онъ въ многочисленныхъ и никому изъ насъ неизвѣстныхъ, но страшныхъ по жестокости бояхъ подъ Армавиромъ, Ставрополемъ, въ Ингушетіи и на Манычѣ, среди чужихъ, гордо произносилъ имя родного полка, когда случайные соратники его, удивленные неустрашимостью и никогда не покидающимъ его прекраснымъ настроеніемъ, интересовались именемъ полка, его воспитавшимъ. Онъ былъ тѣмъ мстителемъ отъ нашего полка, которые дали понять русскому народу въ тотъ особенно страшный періодъ гражданской войны, что офицеръ тоже человѣкъ, что онъ такъ же хочетъ жить, какъ и всѣ, и имѣетъ на это больше правъ, такъ какъ больше и сознательнѣе любитъ Родину... и что когда преступно направленная рука народа попыталась задушить офицерство, то оно въ лицѣ такихъ же, какъ Борисъ, не дало зарѣзать себя, подобно агнцу, а рѣшило умереть съ оружіемъ въ рукахъ, какъ подобаетъ каждому храброму офицеру; Четыркинъ и Бѣлинскій могутъ спать спокойно... они отомщены.

Таковъ былъ офицерскій составъ полка. Гренадеры изъ мобилизованныхъ и плѣнныхъ красноармейцевъ на первый взглядъ не внушали довѣрія, да многіе и въ дѣйствительности больше симпатизировали краснымъ, чѣмъ намъ, но и среди нихъ были не только лояльные солдаты, но и убѣжденные противники большевиковъ. Изъ старыхъ кавказскихъ гренадеръ къ намъ попали двое, 9-го года службы — Эриванецъ и Тифлисецъ, оба вѣрные люди.

Въ общемъ, нужно сознаться, идти въ первый бой „со многими неизвѣстными" было довольно жутко, но я возлагалъ большія надежды на то, что послѣ перваго боя все ненужное и вредное отсѣется; такъ оно и случилось. Такъ стоялъ вопросъ укомплектованія личнымъ составомъ; что касается вооруженія, то нужно отмѣтить, что новоявленное чудо Гражданской войны — пулеметъ на тачанкѣ — имѣлся у насъ въ полку въ количествѣ шести экземпляровъ

„Максима“ и съ этой стороны мы, казалось, были обезпечены, Обмундированіе у офицеровъ и солдатъ было пестрое — добровольческое. Особенно курьезнымъ былъ Борисъ Силаевъ въ штатскихъ ситцевыхъ брюкахъ въ полоску съ обмотками и въ онучахъ, такъ какъ незадолго передъ этимъ, когда онъ былъ еще въ Сводно-Гренадерскомъ баталіонѣ, его вещи, вмѣстѣ съ обозомъ, достались послѣ какого-то неудачнаго боя краснымъ. Купить же новое въ то время не представлялось никакой возможности по скудности офицерскаго жалованья.

26-го Іюля въ 4 часа дня мы выступали изъ Царицына по Саратовскому тракту въ направленіи на Камышинъ, который въ то время уже былъ занятъ нашими частями.

Первая ночевка была у деревни Орловки, которая мѣсяцъ спустя сдѣлалась центромъ кровавыхъ боевъ за обладаніе Царицынымъ. Шли мы вдоль Волги, проходя по очереди Ерзовку, Пичугу, Дубовку, Песковатку, Водяное, Пролейку, Балаклею.

Наконецъ 6-го Августа пришли въ Камышинъ, гдѣ насъ встрѣтилъ нашъ начальникъ дивизіи, генералъ Писаревъ, занимавшій впослѣдствіи крупные посты въ Добровольческой и Русской Арміяхъ.

Въ Камышинѣ къ нашему полку были присоединены 2 роты Астраханскаго полка съ ихъ командой развѣдчиковъ, что увеличило нашъ полкъ по численности вдвое. Къ тому же оказалось, что Астраханцы — все добровольцы, великолѣпно дравшіеся съ красными, не за страхъ, а за совѣсть. Если не ошибаюсь, эти двѣ роты представляли собой остатокъ полка, незадолго передъ нашимъ приходомъ геройски погибшаго на лѣвомъ берегу Волги. Астраханскія роты сохранили цѣликомъ свою организацію и влились въ нашъ полкъ, какъ 5 и 6 роты.

Въ Камышинѣ мы не задерживались и, не доспавъ ночи, вышли изъ города по направленію къ колоніи Маріенфельдъ.

Идя по степи, я никакъ не думалъ встрѣтить

еще одного стараго знакомаго, — смотрю, скачетъ съ ординарцемъ, никто иной, какъ полковникъ Манакинъ. Я искренно обрадовался этой встрѣчѣ и мы расцѣловались. Я цѣнилъ полковника Манакина за то, что онъ удивительно быстро оцѣнивалъ обстановку въ очень отвѣтственные моменты въ 17 году и тонко проводилъ за носъ соціалистическихъ дѣятелей, ему довѣрявшихъ. Онъ проводилъ въ жизнь принципы революціонной инициативы. Никакихъ препятствій для него не существовало, когда нужно было что-нибудь быстро и неотложно сдѣлать. Не было кажется такихъ героическихъ мѣръ, на которыя бы онъ не рѣшился. Въ Добровольческой Арміи его не баловали... и, помню въ Ноябрѣ 19 года я встрѣтилъ его въ Ростовѣ, гдѣ, если не ошибаюсь, онъ держалъ уже путь къ адмиралу Колчаку.

Въ этотъ день мы получили боевую задачу: сдержать напоръ красныхъ на окраинѣ деревни Барановки и не дать имъ переправиться черезъ р. Иловлю у той же деревни. Фронтъ давался баталіону 4 версты. Дистанція солидная.

Когда роты разошлись, насъ осталось совсѣмъ мало — горсточка. Разставили взводы, навели пулеметы и начали осматриваться. Вперди шелъ бой. Можно было видѣть лавы конницы, то подававшейся назадъ, то опять переходившей въ наступленіе. Гудѣли орудія. Справа выкатился нашъ доморощенный бронепоѣздъ и стрѣлялъ куда то вдаль.

Вечерѣло... затихалъ бой... и только одинъ бронепоѣздъ не унимался. Отъ времени до времени рѣзкій звукъ орудійнаго выстрѣла прорѣзалъ воздухъ и молнія освѣщала темные силуэты близъ растущихъ деревьевъ. На утро бой возобновился. Уже чаще била артиллерія съ обѣихъ сторонъ, дымки шрапнели не успѣвали расходиться надъ лавой, какъ появлялись новыя. Бой какъ будто приближался.

Я съ Гранитовымъ полѣзли на крышу сосѣдняго дома — оттуда было все видно, какъ на ладони. У Володи сохранился еще „Цейссъ“.

Послѣ полдня къ орудійному огню присоединилась трескотня пулеметовъ, лавы нашей конницы начали поддаваться назадъ. Со стороны красныхъ показался пушечный броневикъ, который и рѣшилъ исходъ боя. Наша кавалерія бросилась стремительно назадъ. Даже проскакавъ версты двѣ, она не могла сдержать своихъ коней и неслась мимо насъ. Громыхали повозки и орудія. Мы не остались безучастными и приняли нѣкоторыя мѣры къ остановкѣ паническаго бѣгства. Преслѣдованіе велъ броневикъ. Положеніе было серьезное.

Тогда, бывшій съ отступающими частями генералъ Щеголевъ, командиръ конно-артиллерійскаго дивизіона, остановилъ одно орудіе и лично открылъ огонь по броневику, чѣмъ заставилъ его немедленно ретироваться. Паника сразу улеглась и части стали собираться... но обозы... нашей кавалеріи были увы .. утеряны.

Къ намъ всю ночь подъѣзжали конные и справлялись, не знаемъ ли мы, есть уже въ балкѣ красные, „тамъ наши повозки застряли“,— поясняли они... и видно было — страдали станичники.

Подъ утро былъ полученъ приказъ отходить за деревню, а когда прошли деревню, то, не останавливаясь, углубились въ степь. Шли мы долго, пока не подошли къ деревнѣ Олени, гдѣ переночевали въ полѣ, лежа въ цѣпи. На утро насъ перевели еще верстъ на пять вправо. Безъ карты очень трудно было оріентироваться, а карты этого раіона были и очень рѣдки и къ тому же не точны.

Роты были разведены по участкамъ и опять мы, Эриванцы, остались въ одиночествѣ. Телефоновъ и не думали тянуть, ибо слишкомъ велики были интервалы. Рота окопалась.

Съ праваго фланга къ намъ подошли двѣ Кубанскихъ тачанки съ пулеметами и стали на линіи нашихъ окоповъ, совершенно не маскируясь. Такъ простояли мы цѣлый день. Къ вечеру небо нахмурилось и хлынулъ дождь. Дождь шелъ всю ночь и вымо-

чилъ насъ до костей. Мы терпѣливо ждали, что будетъ.

Ночью Кубанцы получили свѣдѣнія отъ перебѣжчика, что къ краснымъ подошла бригада Донской конницы и что въ сосѣдней деревнѣ цѣликомъ стоитъ 28 „Желѣзная“ дивизія товар. Азина, которая прибыла съ фронта Колчака, и что на завтра имъ назначено наступленіе.

Пришелъ Гранитовъ, ходившій къ Пильбергу. Свѣдѣнія, которыя онъ принесъ, были неутѣшительныя. Все, что говорили казаки, подтвердилось. „Повидимому будетъ данъ приказъ отступать“, добавилъ онъ.

Черезъ часъ, когда начало свѣтать, началась гдѣ-то справа перестрѣлка, но никого и ничего не было видно. Дождь въ это время прекратился. Перестрѣлка усиливалась, всѣ повернули изъ окопа головы на меня и Гранитова, какъ бы вопрошая, какъ быть. Кубанцы уже часъ тому назадъ отъ насъ ушли. Но вотъ бѣжитъ связникъ... приказано немедленно отходить.

Всѣхъ охватываетъ нервное настроеніе, шагъ невольно ускоряется.

Проходимъ версты двѣ и спускаемся въ деревню N. и идемъ по дну лощины, гдѣ расположены огороды.

Ни на комъ изъ насъ нѣтъ сухой нитки. Въ деревнѣ, когда мы ее проходили, начиналась паника; обозы и артиллерія съ трудомъ вылѣзали по раскисшей дорогѣ.

У красныхъ появился броневикъ съ пушкой Гочкиса, который то тамъ, то здѣсь разбрасывалъ свои маленькіе снаряды, не причиняя никакого вреда.

Путались по балкамъ мы довольно долго. Увидѣвъ хорошую горку, мы поползли на нее. Когда мы добрались до самаго верха и увидѣли всю панораму наступленія красныхъ, настроеніе у всѣхъ еще больше понизилось. Намъ приказано было спуститься съ высоты и принять влѣво на скатъ значительной сѣдловины.

Добравшись до назначеннаго намъ мѣста, мы разсыпались въ цѣпь, пулеметы на тачанкахъ по тактикѣ гражданской войны расположились въ цѣпи при каждой ротѣ. На той горѣ, откуда мы только что ушли, располагался нашъ 1-ый Гренадерскій полкъ. Значительно дальше, вправо, на большихъ относительно высотахъ окапывались пластуны. Но вотъ пошелъ опять дождь, стало холодно и темно, — облака шли низко, низко. Около меня лежитъ какой-то гренадеръ въ порванной рубахѣ, подъ которой видно голое тѣло, онъ дрожитъ.

Черезъ часъ дождь прекратился, облака мѣстами разорвались, показались клочки голубого неба и мгновенно началась стрѣльба. Стрѣляли десятки пулеметовъ. Красные возобновили наступленіе.

„Что съ нами будетъ, если насъ обстрѣляетъ артиллерія, когда мы лежимъ ногами вверхъ безъ всякаго укрытія, какъ мокрыя курицы“, заговорилъ я съ Владиміромъ. „Да, сегодня плохая для насъ обстановка, а впрочемъ увидимъ“.

Показались цѣпи красныхъ. Ихъ было такъ много, что только первая ихъ цѣпь была вдвое гуще и длиннѣе всего нашего расположенія, а за ней показывались все новыя и новыя.

На самомъ командующемъ пунктѣ нашей позиціи, на сѣдловинѣ, стоялъ Густавъ, мы попросили его передать нашей 5-ой гренадерской батареѣ открыть огонь. Батарея почему-то медлила, красные надвигались, а тачанки ихъ засыпали насъ пулями. Артиллерія красныхъ безмолвствовала. Вотъ мы видимъ, показывается всадникъ съ краснымъ знаменемъ. Роты открываютъ огонь. Красные не ложатся — идутъ. Заговорила наша артиллерія, одинъ снарядъ попадаетъ въ тачанку и пулемета нѣтъ. Поручикъ Линьковъ на ближайшей тачанкѣ изготовился къ бою. На правофланговой тачанкѣ замеръ въ ожиданіи команды поручикъ Павловъ. Вотъ сразу всѣ наши пулеметы неувѣренно проводятъ строчку. Потомъ пауза и огонь на пораженіе. Цѣпи красныхъ рѣдѣ-

ютъ, они падаютъ, поднимаются, видно, какъ пулеметъ скашиваетъ подрядъ 3—4 человѣкъ, но порывъ ихъ силенъ, они идутъ. Уже насъ отдѣляетъ 200 – 300 шаговъ, огонь достигаетъ наибольшаго напряженія. У Линькова задержка; онъ не справляется съ ней и перебѣгаетъ на другой пулеметъ. Тачанка ползетъ на сѣдловину, на нее косятся изъ цѣпи. Пули роютъ землю то тутъ, то тамъ, мы несемъ серьезныя потери; все время тянутся раненые, то въ цѣпи кто нибудь вдругъ вздрогнетъ и повернется на бокъ или замретъ, эти оставались на мѣстѣ.

Первая цѣпь красныхъ спустилась уже въ оврагъ, что шелъ параллельно нашему фронту. Вторая цѣпь остановилась и открыла огонь съ колѣна. Положеніе принимало серьезный оборотъ. Принять штыковую атаку ни я, ни Гранитовъ не рѣшались, ибо не увѣрены были въ людяхъ. Инициатива всецѣло была въ рукахъ красныхъ. Густавъ, наблюдавшій все это и переживавшій тѣ же чувства, что и мы, въ последній моментъ подалъ сигналъ отходить. Вырвался вздохъ облегченія, теперь только перевалить за сѣдловину. Перевалили благополучно. Рота не понесла потерь въ офицерскомъ составѣ, зато треть гренадеръ, по крайней мѣрѣ, осталась добровольно въ окопахъ. Такъ началось наше отступленіе, остановившееся только 23 Августа, послѣ упорнаго боя на укрѣпленной Царицынской позиціи.

Съ этого дня мы потеряли вѣру въ свои силы и красные тѣснили насъ все время, не имѣя даже артиллеріи. И только тогда, когда мы подходили близко къ Волгѣ и хотя бы узенькая ленточка рѣки находилась въ полѣ нашего зрѣнія, мы неизмѣнно попадали подъ обстрѣлъ тяжелой судовой артиллеріи Волжской флотиліи красныхъ.

Отходили мы той же дорогой, по которой пришли, причемъ всѣ мобилизованные гренадеры, проходя мимо своихъ деревень, дальше не шли, а вдругъ безслѣдно исчезали. Мы перенесли цѣлый рядъ боевъ, причемъ одинъ, 15 Августа, едва не

кончился для всѣхъ насъ трагически. Занимая обычную позицію, мы были внезапно атакованы передъ разсвѣтомъ — матросскимъ дессантомъ. Оба пулемета, находившіеся при нашей ротѣ, „отказали" послѣ первыхъ же выстрѣловъ. Красные были въ 100 шагахъ и съ громкимъ „ура" бросились на насъ. Мы бѣжали. Насъ преслѣдовали огнемъ на протяженіи 2 хъ верстъ. По пути все время падали раненые, мы тянули за собой только тѣхъ, кто могъ хоть какъ нибудь передвигаться. Я потерялъ всякую надежду уйти живымъ, такъ какъ буквально задыхался отъ быстрой ходьбы... ноги переставали повиноваться. Душу раздирающіе вопли оставленныхъ раненыхъ неслись намъ вслѣдъ. Шедшій рядомъ со мной Борисъ Силаевъ, вдругъ закачался и поблѣднѣлъ. „Скажи, пожалуйста, я не раненъ?" сказалъ онъ, снимая фуражку и проводя рукой по головѣ. „Нѣтъ, нѣтъ. Иди. Давай твою винтовку", предложилъ я. Вдругъ глаза его расширились и онъ показалъ мнѣ свою фуражку, прострѣленную пулей. Дѣйствительно чудеса. Вѣдь блинъ, а не фуражка и все же какъ-то пронесло.

Но вотъ спасительный оврагъ. Мы вышли изъ-подъ обстрѣла. Наша 5 батарея, остановившись у дороги, бѣглымъ огнемъ сдерживала порывъ красныхъ. Подкатили санитарныя двуколки и начали забирать раненыхъ.

... Вечеромъ, сидя у огня и доѣдая какой-то двузначный по порядку арбузъ, мы дѣлились впечатлѣніями. Всѣ разсматривали фуражку Бориса. Онъ уже былъ веселъ и, улыбаясь говорилъ: „Чуть-чуть не пошелъ на удобреніе Саратовской губерніи".

Въ общемъ каждый изъ насъ былъ чѣмъ-нибудь недоволенъ. Гранитовъ потерялъ свой бинокль, что по тѣмъ временамъ была крупная утрата, Богачъ жалѣлъ объ англійскихъ консервахъ и хлѣбѣ, которые мы получили поздно вечеромъ и, не начавъ, оставили на утро, а утромъ было не до нихъ и все это досталось краснымъ, и т. п.

Съ питаніемъ было бы совсѣмъ плохо, если бы

мы не находились въ царствѣ прекрасныхъ арбузовъ въ самый разгаръ сезона. Наши кухни въ первомъ же бою по ошибкѣ завезли нашъ обѣдъ краснымъ, а мы остались безъ кухни. Нашъ артельщикъ, взятый нами впослѣдствіи въ плѣнъ, уморительно разсказывалъ намъ объ этомъ эпизодѣ. Такъ или иначе, мы не видѣли горячей пищи и мяса. Питались исключительно арбузами съ хлѣбомъ и вдругъ англійскіе мясные консервы — новинку, и не удалось попробовать... Поручикъ Богачъ былъ неутѣшенъ. То бывало ни у кого ничего нѣтъ, а Богачъ снимаетъ свой мѣшокъ и говоритъ: „Въ мѣшкѣ у стараго солдата долженъ быть трехдневный запасъ продовольствія“... и извлекалъ изъ мѣшка то полъ-курицы, то ногу утки или нѣсколько яицъ и все поровну между всѣми дѣлилъ. „На сколько дней у стараго солдата осталось запасовъ въ мѣшкѣ“? смѣялись мы... и только что пережитое отходило въ даль.

„Какъ ты думаешь, Густавъ, почему насъ гонятъ красные“? спросилъ какъ-то я послѣ новой неудачи Пильберга, „Не умѣете воевать“... „Да, не умѣете“, неподражаемо язвительно произнесъ онъ, а потомъ уже серьезно добавилъ: „противъ насъ большія силы. Остановимся у Царицына“.

22-го Августа мы остановились сѣвернѣе дер. Орловки, наша же кавалерія была выдвинута къ дер. Ерзовкѣ. Въ ночь съ 22 на 23 вдругъ началась впереди насъ стрѣльба, части слѣва отъ насъ открыли огонь, на насъ что то надвигалось, слышался конскій топотъ. Мы затаили дыханіе и приготовились. „Свои, свои, не стрѣляйте“! послышались голоса. Наша батарея сдѣлала всего одинъ выстрѣлъ, и граната взрыла землю у нашей цѣпи. „Встать!“ скомандовалъ я, чтобы дать пройти сквозь наши ряды отходившей кавалеріи.

Измученные, издерганные, оборвавшіеся, грязные и обросшіе проходили мы черезъ проволочное загражденіе Царицынской укрѣпленной позиціи утромъ 23-го Августа 1919 года, пройдя свыше 500 верстъ.

По обѣимъ сторонамъ дороги въ окопахъ было полно солдатъ въ новенькомъ англійскомъ обмундированіи; это былъ Саратовскій полкъ. „Вотъ она сила-то гдѣ накопилась“, шутили оставшіеся гренадеры. „Ничего, братцы, теперь вы поработайте, а мы немного поотдохнемъ“, продолжали тѣ же голоса. Дальше по дорогѣ мы повстрѣчали генерала Б. Запольскаго съ 4 Пластунскимъ баталіономъ, пришедшимъ только что съ Украйны. „Ты что тутъ дѣлаешь“? обратился онъ ко мнѣ, „куда ты лѣзешь“?.. „Воюемъ“, отвѣчалъ я на ходу. „Ну, воюй“, донеслось мнѣ вслѣдъ.

Пришли мы въ с. Городище, что въ глубокой лощинѣ — Мокрой Мечетки, какъ разъ внизу противъ ст. Разгуляевки, и остановились противъ церкви. Намъ назначенъ былъ привалъ. Роту мы размѣстили въ двухъ ближайшихъ дворахъ, а сами, т. е. офицеры, въ ожиданіи дальнѣйшихъ инструкцій, расположились подъ стогомъ соломы вздремнуть. Прошелъ какой нибудь часъ или два. Помню, первымъ проснулся я. Кругомъ гудѣла артиллерія, отчетливо выводили строчки пулеметы и трещали ружья. Я разбудилъ Гранитова. Мы прислушались. Пули визжали высоко въ воздухѣ. Мы сразу безъ словъ поняли, что что-то творится неладное, разбудили всѣхъ и приказали быть на готовѣ; но Густавъ уже самъ шелъ къ намъ. Съ командующихъ надъ Городищемъ высотъ спускались цѣпи. „Батенька! наши отходятъ. Не удержали такой позиціи!“, невольно воскликнуло нѣсколько голосовъ. „Да это не наши, это красные!“, воскликнули еще болѣе удивленные голоса. И дѣйствительно на насъ спускались красные. Черезъ Городище неслись карьеромъ какія-то двуколки, повозки, скакали конные, появилась какая-то дѣвушка ординарецъ, умолявшая спасти оперативную часть штаба дивизіи. Начинался какой-то сумбуръ. И въ этомъ хаосѣ отчетливо и дѣловито раздавались гулкіе выстрѣлы какой-то нашей батареи, стоявшей въ 300 шагахъ за церковью, — бившей по краснымъ.

討 Густавъ шелъ впереди насъ, мы всѣ по-ротно за нимъ. Сбоку изъ улицы вытягивались и присоединялись къ намъ Астраханскія роты. Вдругъ мы замѣтили на высотахъ у ст. Разгуляевки группу начальствующихъ лицъ: появился генералъ Писаревъ съ частью штаба. Два конныхъ орудія немедленно были установлены тамъ же и открыли огонь. Мы остановились и нашимъ глазамъ представилась рѣдкая по своей красотѣ картина атаки нашей 4-ой Кубанской дивизіи полк. Скворцова на красную пѣхоту, спускающуюся въ Городище. Сверху — намъ казалось, что лошади поднимаются по отвѣсной горѣ, всюду замелькали всадники. Въ атаку неслись 2 Кавказскій и 2 Уманскій полки. Красные открыли безпорядочный огонь. Лавина нашей конницы все поднималась, и вотъ на солнце блеснули шашки. Въ моментъ все было кончено. Съ горъ спускались уже не цѣпи, а толпы плѣнныхъ. Намъ же предстояло выбить красныхъ изъ занятыхъ ими окоповъ Саратовскаго полка, который только что цѣликомъ сдался краснымъ, перебивъ своихъ командировъ. Мимо насъ вели плѣнныхъ, трубачи играли сборъ, отовсюду спускались казаки, многіе вытирали шашки.

Наши четыре роты взяли направленіе на то мѣсто, гдѣ Саратовскій трактъ прорѣзаетъ окопы и проволочное загражденіе. Кубанцы же спѣшили къ орудійному заводу, гдѣ положеніе было критическимъ и вызвало даже появленіе на полѣ боя самого генерала Врангеля, который лично направлялъ свои послѣдніе резервы... Чуткость нашего высшаго командного состава встала во весь ростъ. По дорогѣ двѣ случайно разорвавшихся шрапнели ранятъ нѣсколько гренадеръ. Мы идемъ, все ускоряя шагъ. Вотъ мы выходимъ на Саратовскій трактъ, разсыпаемся цѣпью и сейчасъ же насъ встрѣчаетъ сильный пулеметный огонь засѣвшихъ въ окопахъ коммунистовъ. Я иду съ крайняго лѣваго фланга, Гранитовъ — съ праваго. Не обращая вниманія на огонь и потери, мы дѣлаемъ порывистое движеніе впередъ, но встрѣчаемъ сильный отпоръ.

такъ какъ къ краснымъ подошли еще новыя тачанки. Насъ отдѣляетъ отъ нихъ уже 100—150 шаговъ, когда вдругъ, не выдержавъ огня, мы попятились назадъ. Ко мнѣ подошелъ блѣдный, шатающійся и окровавленный съ ногъ до головы поручикъ Ціалковичъ. „Спасите, я еле иду", едва проговорилъ онъ. Онъ былъ раненъ въ руку и въ грудь. Я взялъ его подъ руку, съ цѣлью помочь ему выбраться изъ подъ обстрѣла. Поле густо было усѣяно трупами атакующихъ, уцѣлѣвшіе накоплялись въ ближайшемъ оврагѣ. По близости оказался Бражинскій съ ротной повозкой. Я немедленно сдалъ Ціалковича и повернулъ обратно. Въ этотъ критическій моментъ намъ на помощь двумя красивыми лентами подошли двѣ роты Астраханцевъ, съ которыми непосредственно шелъ замѣститель начальника дивизіи, храбрый полковникъ Икишевъ. Всѣ встрепенулись, Гранитовъ подалъ команду, и мы снова всѣ двинулись впередъ. На этотъ разъ произошла форменная свалка. Поручикъ Богачъ, громаднаго роста и силы, закололъ трехъ матросовъ. Красные были смяты и обратились въ бѣгство. Поле еще гуще покрылось трупами убитыхъ. Пулеметы съ тачанками перешли въ наши руки. Среди убитыхъ обнаружено было нѣсколько китайцевъ, матросовъ съ „Андрея Первозваннаго", п. л. „Нерпы" и одна красная сестра. Бригада туземной дивизіи была пущена преслѣдовать, но по дорогѣ порубила двухъ нашихъ пулеметчиковъ... несчастныхъ еле спасли.

Положеніе хотя и было востановлено, но все же оставалось неопредѣленнымъ. Все такъ перепуталось и перемѣшалось, что не было никакой возможности въ наступившей темнотѣ разобраться. Къ утру начали разбираться и собираться. Намъ прислали изъ резерва учебную команду Саратовскаго полка съ двумя офицерами, фамиліи которыхъ, къ великому моему сожалѣнію, я не помню. Оба они, особенно начальникъ команды, поручикъ Н., отличались храбростростью и невозмутимымъ спокойствіемъ.

Когда мы подсчитались, то оказалось, что насъ осталось въ четырехъ ротахъ всего 60 человѣкъ при трехъ пулеметахъ. Полковникъ Гранитовъ принялъ командованіе на правахъ баталіоннаго надъ Саратовцами, нашими остатками и Астраханцами.

Осмотрѣвшись, мы увидѣли, что занимаемъ полукольцевой окопъ. Справа, до пластуновъ, окопавшихся у орудійнаго завода, былъ интервалъ съ версту, влѣво до окоповъ 1-го гренадерскаго полка интервалъ былъ шаговъ восемьсотъ. Окопы наши были построены чрезвычайно безталанно. Отъ проволочнаго загражденія, до котораго было не больше 30 шаговъ, начинался довольно крутой спускъ въ ту же Мокрую Мечетку, и такимъ образомъ атакующіе только тогда становились видимыми, когда вплотную подходили къ проволочному загражденію. Нашъ секторъ обороны мы заняли такимъ образомъ: на флангахъ по ротѣ Астраханцевъ, въ центрѣ мы и остатки Саратовцевъ.

24 Августа бой начался съ 9-ти часовъ утра, когда красные сосредоточили по всей нашей позиціи огонь судовой тяжелой артиллеріи. Полевая артиллерія красныхъ стрѣляла шрапнелью. Окопы наши, вырытые въ слежавшемся песчаномъ грунтѣ, не представляли серьезнаго препятствія для 6-ти дюймоваго калибра орудій и насъ спасало только то, что, благодаря нашей малочисленности, мы занимали окопы не сплошь, а группами по 6-10 человѣкъ.

За день 24 Августа въ наши окопы попало свыше десяти тяжелыхъ и десяти легкихъ снарядовъ, причемъ въ силу вышеизложенныхъ обстоятельствъ мы понесли довольно незначительныя потери.

Сначала красные матросы атаковали пластуновъ у французскаго завода и потѣснили ихъ, затѣмъ атака произведена была на нашъ 1 Сводный Гренадерскій полкъ и лѣвѣе до самого земляного вала. Насъ почему-то не трогали, хотя наши наблюдатели, стоявшіе на брустверѣ окопа, когда поднимались на цыпочки, видѣли, какъ и противъ насъ внизу залегло

нѣсколько густыхъ цѣпей. Въ полдень бой достигъ наивысшаго напряженія. Наконецъ мы видимъ, что и сосѣди слѣва отходятъ. Наши фланги повисли въ воздухѣ.

Въ это время къ намъ въ роту пришелъ офицеръ артиллеристъ отъ гаубичной батареи, стоявшей за нашимъ полкомъ. Узнавъ, что внизу противъ насъ скапливается противникъ, онъ предложилъ его обстрѣлять. Жутко стало сидѣть въ окопѣ, когда черезъ голову одинъ за другимъ, нагнетая воздухъ близко, близко, такъ что казалось вотъ-вотъ сотретъ съ лица земли, загудѣли снаряды. Я невольно вспомнилъ эпизодъ съ потерей руки, но дѣлать было нечего. Огонь артиллеріи былъ весьма дѣйствителенъ, это мы узнали на другой день. Снаряды великолѣпно ложились по цѣпямъ красныхъ и убивали ихъ духъ. Тѣмъ не менѣе положеніе становилось съ каждой минутой все болѣе критическимъ. Пластуновъ мы уже не видѣли, стрѣльба шла гдѣ-то за горизонтомъ. Вдругъ слѣва, по расположенію нашихъ гренадеръ часто открыла огонь наша артиллерія, 1-ый полкъ перешелъ въ контръ-атаку и скоро не только возстановилъ положеніе, но и преслѣдовалъ огнемъ бѣгущихъ красныхъ.

Къ наступавшей ночи лѣвый флангъ былъ обезпеченъ. Что дѣлалось у пластуновъ было неизвѣстио. Ночь прошла тревожно. Гранитовъ боялся за наши большіе интервалы и я предложилъ ему, въ случаѣ, если бы насъ обошли, сомкнуть кольцо, такъ какъ рельефъ мѣстности позволялъ это сдѣлать безъ всякихъ помѣхъ, сохраняя обстрѣлъ во всѣ стороны. Когда я объявилъ объ этомъ офицерамъ, Борисъ Силаевъ подошелъ ко мнѣ и потихоньку спросилъ: „Ну какъ, не останемся мы здѣсь на удобреніе Саратовской губерніи"? и скорчилъ прекомичную гримасу... всѣ начали хохотать.

Подъ утро мощные крики „ура" у французскаго завода заставили насъ насторожиться. Крики слышались явственно, поднялась ружейная трескотня. По

телефону вскорѣ передали, что положеніе возстановлено и на правомъ флангѣ. Утромъ бой возобновился. Красные повели атаку по всему фронту. Нашъ секторъ атаковали 258 и 259 совѣтскіе стрѣлковые полки. Часовые дали знать, что цѣпи идутъ. Я поднялся на брустверъ и сначала справа, а потомъ противъ всего нашего участка увидѣлъ быстро поднимавшіяся цѣпи. Всѣ приготовились. Красные то тамъ, то тутъ стали какъ бы выростать изъ земли прямо передъ проволокой; мы открыли убійственный огонь. Былъ моментъ, когда насъ, казалось, не хватало, ибо красные стояли у проволоки сплошной стѣной; въ насъ полетѣли ручныя гранаты. Какой-то коммунистъ подъѣхалъ къ проволокѣ верхомъ. „Борисъ!“ крикнулъ я, „стрѣляй!“ и показалъ ему верхового. У Бориса глаза заблестѣли отъ волненія, онъ приложился, и всадникъ грохнулся съ лошади. Трескотня стояла невообразимая, моментами ее заглушало „ура“ очередной цѣпи красныхъ. Пулеметы рыли около проволоки землю, вздымая песокъ фонтаномъ, такъ что атакующіе были какъ бы въ туманѣ. Красные дрогнули и какъ бы провалились сквозь землю. Гренадеры, почувстовавъ, что наша беретъ, повыскакивали изъ окопа и бросились къ проволокѣ. „Назадъ“! кричалъ я изо всѣхъ силъ; красные дали очередь шрапнели, и три человѣка остались лежать у проволоки, пронзенные десятками пуль. Бой затихалъ, и только красные, лежа внизу подъ проволокой, отчетливо командовали: рота — пли, рота — пли... и пули, не принося намъ никакого вреда, уносились въ высь. Тревожно и тягостно было на душѣ. Столько жертвъ, столько доблести проявлено съ обѣихъ сторонъ, но идемъ ли мы впередъ,—конечно нѣтъ, мы все дальше уходимъ назадъ, своими собственными руками разрушая наше могущество.

Вѣдь, если бы тогда, когда начиналась революція, хоть на моментъ можно было показать народу картину сегодняшняго боя русскихъ противъ русскихъ, ведущагося съ такимъ ожесточеніемъ и упор-

ствомъ, онъ бы понялъ, насколько путь къ дѣйствительному миру черезъ войну внѣшнюю былъ короче и дешевле пути, выбраннаго революціей черезъ немедленный миръ — къ миру и хлѣбу... и война была бы выиграна еще въ 17 году. Но этого боялись рѣшительно всѣ, и наши союзники особенно англичане, и нѣмцы, не терявшіе надежды безъ Россіи справиться съ врагами, и наши революціонные круги, боявшіеся усиленія престижа Монарха и Монархіи послѣ выигрыша такой исключительной кампаніи. И всѣ приложили дружныя усилія къ тому, чтобы побѣды не было во что бы то ни стало. И гибнетъ русская сила въ междоусобной борьбѣ, подъ смѣхъ всей Европы, глумящейся надъ нашей простотой. „Какой ужасъ", мысленно повторялъ я.. а „рота, пли"... все звучало. Повидимому, какой-то командиръ усердствовалъ въ угоду своему комиссару. Наступила ночь, прекрасная лунная ночь — немного холодная. Красные все стрѣляли, чѣмъ страшно дѣйствовали на нервы. Хотѣлось отдохнуть, ибо нервы натянулись, какъ струны, а сердце билось въ груди такъ сильно, что, казалось, біеніе его слышно посторроннимъ. За проволокой кто-то надрывающимъ душу голосомъ молилъ о помощи. Онъ употреблялъ всѣ дорогія когда-то имена. „Ползи къ намъ! Мы ничего тебѣ не сдѣлаемъ", кричали ему наши... „Не могу", неслись стоны. Красные били по проволокѣ, и не было необходимости рисковать новыми жизнями.

„Разрѣшите, я вынесу раненаго, онъ ужъ больно на нервы дѣйствуетъ", произнесъ подошедшій прапорщикъ Абтъ. „Куда вы? Жить надоѣло?", старался отговорить его я. Крики все неслись, раздались рыданія. „Ну, что не прошло у васъ желаніе?", спросилъ я Абта, полчаса спустя. „Никакъ нѣтъ, я сейчасъ".

Черезъ 5 минутъ, Богъ вѣсть какимъ способомъ, раненый былъ доставленъ. Рана была въ животѣ и, повидимому, задѣтъ былъ позвоночникъ, такъ какъ

ноги не дѣйствовали. Я приказалъ его перевязать. Онъ плакалъ, стараясь поймать мою руку.

Володя вызвалъ меня къ себѣ для прочтенія только что полученнаго приказа. „Ну, поздравляю, пришли танки", встрѣтилъ онъ меня.

На утро намъ приказано было перейти въ наступленіе. Танкамъ приказано было со станціи „Разгуляевка" черезъ Городище атаковать въ направленіи на Орловку. Конницѣ Бабіева и 4 Кубанской дивизіи давалась задача преслѣдованія. Мы должны были атаковать прямо передъ собой по полученіи особаго приказа.

И такъ завтра увидимъ дѣйствіе магическихъ танковъ. Всѣ воспрянули духомъ. Ночь прошла въ нервномъ ожиданіи этого рѣшительнаго боя. Пусть смерть, чѣмъ такое напряженіе нервовъ.

Едва забрезжилъ разсвѣтъ, какъ далеко влѣво... затарахтѣли пулеметы часто-часто, забухала артиллерія. Бой разгорался и все ближе подвигался къ намъ. Вдругъ — чудо. Противъ 1-го полка все поле покрылось бѣгущими людьми. 4-ая Кубанская дивизія неслась по Саратовскому тракту, охватывая отступающихъ красныхъ. Вотъ вѣеромъ разсыпались Кубанцы, блеснули шашки...

„Впередъ", скомандовалъ появившійся Гранитовъ и полѣзъ черезъ проволоку. Ему помогали другіе разбрасывать колья. Вотъ мы за проволокой... спустились прямо на голову краснымъ. „Стой, стой, будемъ стрѣлять", кричали гренадеры. Изъ красныхъ кто остановился, кто бѣжалъ. Раздались одиночные выстрѣлы по убѣгающимъ. Все равно не уйдутъ, вотъ она — наша кавалерія. Наша кавалерія дѣйствительно была уже далеко впереди, никто уйти не могъ.

Верхомъ, въ сопровожденіи ординарца, показался Густавъ. Глядя на разбросанныхъ по всему фронту красноармейцевъ, онъ произнесъ только одно слово: „мало" и проѣхалъ дальше. Я подошелъ къ одному убитому. Это былъ тотъ самый, что подъѣхалъ къ проволокѣ верхомъ. Молодой, рыжій, кудластый, въ

офицерскихъ рейтузахъ, при шашкѣ, весь обвѣшанный красными кумачевыми лентами. На красномъ поясѣ висѣли у него четыре ручныхъ гранаты. Пуля пробила ему черепъ, а запекшаяся кровь еще больше придала его облику красныхъ тоновъ. Повидимому, это былъ красный командиръ.

Мы двинулись впередъ, по пути, въ балкахъ, забирая плѣнныхъ. Сдѣлавъ большую петлю въ нѣсколько верстъ и пройдя Большой Яръ цѣпью, мы вышли на Саратовскій трактъ. Борисъ выстраивалъ плѣнныхъ, которыхъ набралось до 100 человѣкъ. Изъ Царицына показался быстро ѣдущій автомобиль. Я узналъ генераловъ Врангеля и Шатилова. „Это гренадеры", обратился онъ ко мнѣ. „Такъ точно, Ваше Превосходительство", отвѣтилъ я. „Благодарю васъ за лихое дѣло", прогремѣлъ онъ и понесся дальше. Казаки везли мимо насъ 13 взятыхъ орудій. Побѣда была полная. Разгромъ 28 Совѣтской Желѣзной дивизіи оказался рѣшительнымъ.

Когда плѣнные были выстроены, я обратился къ нимъ съ вопросомъ, нѣтъ ли среди нихъ желающихъ пойти въ наши ряды. Сначала вышли два уфимскихъ татарина, какъ оказалось потомъ, коммунисты, что не помѣшало имъ, однако, быть вѣрными солдатами. Немного подумавъ, вышелъ одинъ русскій — Мотковъ. Изъявившимъ желаніе драться на нашей сторонѣ были выданы винтовки, остальныхъ отправили въ тылъ. Что особенно порадовало нашихъ гренадеръ, это то, что все англійское обмундированіе, снятое красными съ Саратовцевъ, попало къ намъ. Красные, боясь, чтобы въ нихъ не признали по обмундированію бывшихъ измѣнниковъ Саратовцевъ, побросали все сами. Весь путь отступленія былъ заваленъ шинелями и френчами. Нѣкоторые гренадеры ухитрились забрать про запасъ по 4 шинели. Нашему сильно порѣдѣвшему полку приказано было вернуться въ Городище. Впередъ была послана кавалерія, а намъ былъ данъ заслуженный отдыхъ.

Въ Городище пришли мы поздно ночью и раз-

мѣстились по квартирамъ. Утромъ торжественно хоронили убитыхъ нашей роты и прапорщика Жильцова, погибшаго за минуту до общаго отступленія красныхъ.

На четвертый день отдыха заболѣлъ полковникъ Гранитовъ. По всему было видно, что у него начался тифъ. Раздумывать долго не приходилось, вызвана была санитарная линейка и дано знать Густаву. Густавъ подошелъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Володя собирался садиться. Послѣ короткихъ пожеланій начали прощаться. „Знаешь что, Густавъ, возьми мой „Наганъ", у тебя вѣдь нѣтъ револьвера, онъ тебѣ пригодится", сказалъ Володя, протягивая Пильбергу свой „Наганъ"; тотъ его машинально взялъ. Повозка тронулась,

„Теперь твоя очередь принимать роту", обращаясь ко мнѣ, сказалъ Густавъ и пошелъ въ штабъ, унося и револьверъ. Я принялъ роту въ 25 гренадеръ. Настроеніе, въ связи съ полученнымъ отдыхомъ, рѣзко измѣнилось у всѣхъ къ лучшему. Каждый день послѣ вечерней молитвы я велъ бесѣды съ гренадерами на злободневныя темы, а потомъ садились и разучивали полковыя пѣсни. Черезъ три дня Густавъ даже былъ пораженъ тѣмъ, какъ хорошо пѣла рота. Пѣсни пришелъ слушать и начальникъ дивизіи генералъ-маіоръ Чичинадзе, старый Кавказскій стрѣлокъ. Теперь хоть мало было насъ, но я видѣлъ каждаго въ бою и уже былъ увѣренъ, что „эти" не подведутъ. Залогомъ этого было то, что каждый весело смотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза.

Отпущенный въ Царицынъ поручикъ Богачъ привелъ съ собой трехъ нашихъ дезертировъ. Начальникъ дивизіи приказалъ дать двумъ по 15, а одному 20 плетей. Какъ не хотѣлось гренадерамъ пороть, какъ ни мошенничали они со жребіемъ — кому пороть — приказаніе нужно было исполнить. Тогда, чтобы не было обидно, виновныхъ пороли взводные. Пороли побожески — безъ крови.

7 Сентября, когда я зашелъ къ Густаву въ штабъ

полка, я засталъ его лежащимъ на постели. На другой день утромъ эвакуировали и его, заболѣвшаго сыпнымъ тифомъ. Полкъ принялъ полковникъ Илларіонъ Ивановичъ Ивановъ. Ряды смыкались. 8-го въ полдень получены были тревожныя свѣдѣнія о готовящемся наступленіи красныхъ, получившихъ вновь сильныя подкрѣпленія.

Мы получили теперь совсѣмъ другой участокъ отъ Грязной балки до Земляного вала. Полковникъ Ивановъ позвалъ меня къ себѣ на обѣдъ и объявилъ мнѣ: „Знаешь, Котэ, я дамъ тебѣ выпить три рюмки водки, закуси какъ слѣдуетъ, забирай весь баталіонъ и отправляйся на нашъ участокъ, я вышлю отсюда проволоку и колья. Ты долженъ самъ распредѣлить роты на участки. На ночь будете оставаться на мѣстахъ работъ, какъ гарнизонъ". „Понялъ. Такъ точно", отвѣчалъ я. „Ну, такъ вотъ и отправляйся".

За два дня работы мы прибавили по всему фронту по одному ряду проволоки, прорыли въ нужныхъ мѣстахъ ходы сообщенія, устроили легкіе блиндажи, а на третій день отдыхали.

Къ намъ на участокъ пріѣзжали артиллеристы выбирать позицію — все было готово. 10-го утромъ штабъ полка переѣхалъ въ блиндажъ въ 400 шагахъ отъ окоповъ и связался телефономъ со всѣми ротами.

8 пулеметовъ „Максима" и 5 пулеметовъ-ружей были на мѣстахъ. Можно было начинать.

Въ этотъ день, 10 Сентября, прибылъ къ намъ въ полкъ шт.-капитанъ Ващанинъ. Кадровый офицеръ, очень горячій и храбрый. На правой рукѣ у него былъ только одинъ палецъ. Кромѣ того онъ имѣлъ еще нѣсколько весьма тяжелыхъ раненій, полученныхъ въ обѣ войны. Его временно оставили при штабѣ осмотрѣться, такъ какъ офицеровъ было достаточно. Свѣдѣнія о красныхъ оказались вѣрными, объ этомъ свидѣтельствовала все приближающаяся канонада. Часа въ три дня уже стали видны въ верстѣ отъ позиціи разрывы шрапнели. На этотъ разъ мы

ничего не боялись. Рота наша пополнилась влитыми къ намъ учебниками и насчитывала въ своихъ рядахъ 62 штыка. Кромѣ меня въ ротѣ были: поручикъ Силаевъ, поручикъ Богачъ, поручикъ Моховъ и прапорщикъ Шаталовъ.

Помню, всѣ мы сидѣли на брустверѣ окопа и ѣли тыквенную кашу, только что принесенную Бражинскимъ. Вдругъ меня вызвали въ штабъ полка. Получено было приказаніе перейти намъ въ контръ-наступленіе и сбить наступающихъ. „Вотъ такъ вещь, а мы старались, укрѣпляли позицію", воскликнули всѣ. Даже досада взяла.

Въ наступленіе приказано было перейти съ полученіемъ сего, выждавъ только, когда двѣ Астраханскія роты зайдутъ плечомъ. Роты спустились изъ окоповъ вздвоенными рядами и пошли вдоль Грязной балки. По дорогѣ мнѣ приказано было принять баталіонъ и вести его вмѣсто подполковника Талише. Это для меня не дѣлало никакой разницы, такъ какъ, въ сущности, весь баталіонъ былъ ротой. Передъ выходомъ изъ балки я вылѣзъ осмотрѣться. Впереди былъ небольшой удлиненный бугоръ, примѣрно, съ версту длиною, пересѣкавшій намъ путь. За нимъ шелъ бой. Пока же ничего не было видно.

Взявъ направленіе на возвышенность, роты на ходу разсыпались въ цѣпи. Солнце садилось, когда силуэты наши, если смотрѣть со стороны противника, обрисовались на фонѣ неба. Впереди въ двухъ верстахъ шла перестрѣлка, но опредѣлить, гдѣ наши, гдѣ красные — я не могъ. Два орудія красной батареи повели по насъ пристрѣлку, но какъ-то неудачно. Уже пули все чаще начинаютъ посвистывать. Часть ротъ двигается по пахоти, другая часть — по землѣ, оставленной подъ паръ. Около меня ѣдутъ двѣ тачанки съ пулеметами, сзади идетъ въ полномъ порядкѣ первая рота. Правѣе ея — четвертая, лѣвѣе — вторая и, наконецъ, третья. Астраханскихъ ротъ еще не видно. На встрѣчу намъ скачетъ казакъ. „Кто у васъ командиръ", обратился казакъ ко мнѣ. „Я".

„Нашъ 8 баталіонъ не можетъ продвинуться, красные сбили нашъ лѣвый флангъ“, докладывалъ онъ. „Нашъ командиръ просилъ васъ его поддержать“. „А гдѣ кончается вашъ лѣвый флангъ“, не замедляя темпа движенія, спросилъ я. „А вонъ тачанка наша стоитъ“, указалъ онъ рукой. Я дѣйствительно увидѣлъ тачанку. Кромѣ тачанки ничего не было видно.

Огонь все усиливался. Направленіе было взято нами удачно, мѣнять ничего не приходилось. Роты шли спокойнымъ шагомъ. Вотъ мы поравнялись съ тачанкой. Я приказалъ нашимъ всѣмъ тачанкамъ выѣхать впередъ и открыть огонь. Тачанки понеслись карьеромъ, причемъ одна тотчасъ же перевернулась. Вторая открыла огонь. Слѣва наши тачанки тоже открыли огонь, мы неудержимо продвигались впередъ, неся сильныя потери. Огонь красныхъ буквально косилъ наши ряды. Два раза, когда я оглядывался назадъ, видѣлъ, какъ падало сразу по 4 – 5 человѣкъ — молча безъ стоновъ.

Слышу, меня зоветъ голосъ Богача, оглянулся — онъ лежитъ. „Я тяжело раненъ“, проговорилъ онъ, „передайте всѣ мои деньги и вещи моей женѣ въ...

Останавливаться было нельзя, я оставилъ Богача и, обогнавъ остатки цѣпи, выбѣжалъ впередъ. До красныхъ было 50 шаговъ. „Ура“, крикнулъ я, извлекая „Маузеръ“. „Ура“, прокатилось по всей линіи и замерло. Послѣ короткаго боя позиція была взята. Красные бѣжали. Мы преслѣдовали ихъ частымъ огнемъ. Стемнѣло. Я подошелъ къ Богачу, онъ былъ безъ сознанія и находился въ агоніи. Трое старались его поднять, но не могли, на рукахъ у насъ онъ и скончался. Пуля попала ему въ пахъ и перебила артерію; съ момента раненія не прошло и 15 минутъ. Я подошелъ къ командиру полка, полковнику Иванову, и доложилъ ему о взятіи позиціи красныхъ. „Какія ужасныя потери“, буквально простоналъ онъ. „Я видѣлъ пронесли Бориса Силаева, раненаго въ животъ“. „Какъ, и Бориса“, еле выговорилъ я, „это ужасно“. Знаешь, Котэ, я вотъ провожу третью

кампанію, но такого ужаснаго огня еще не испытывалъ; какъ вы только дошли. Мои нервы на этотъ разъ не выдержали, я залегъ", сознался Илларіонъ Ивановичъ и ласково потрепалъ меня по плечу. „Сдай баталіонъ Ващанину и иди, отдохни и похорони убитыхъ".

Нашъ бѣдный студентъ-доброволецъ Митя не справлялся въ этотъ день съ количествомъ раненыхъ, ихъ несли отовсюду. Большинство было ранено тяжело.

Трупъ Богача положили на пулеметную тачанку. Я сѣлъ съ нимъ рядомъ, и мы тронулись. Не проѣхали мы и 100 сажень, какъ изъ канавы донесся слабый голосъ: „Возьмите меня, меня некому нести". Я приказалъ остановиться и поднять раненаго. Имъ оказался подпоручикъ Шахъ-Назаровъ, тяжело раненый въ грудь. Лицо у него вздулось, а голова увеличилась въ объемѣ въ $1^1/_2$ раза. Несчастный пытался еще говорить и высказывать сожалѣніе, что не пришлось повоевать.

Въ Городищѣ, куда мы прибыли, въ домѣ противъ церкви былъ устроенъ перевязочный пунктъ. 4 большихъ комнаты были полны лежащими ранеными. Здѣсь лежалъ и Борисъ, а рядомъ съ нимъ тотъ русскій Мотковъ, что былъ 26 взятъ нами въ плѣнъ, тоже, какъ и Борисъ, раненый въ животъ. Борисъ былъ въ сознаніи и попросилъ лимона. Трогать его и перекладывать докторъ не разрѣшилъ. Стонъ стоялъ въ комнатахъ отчаянный. Въ слѣдующей комнатѣ лежалъ поручикъ Моховъ съ перебитымъ бедромъ, а докторъ приступалъ къ перевязыванію Шахъ-Назарова. Тутъ же лежалъ и подпрапорщикъ Гончаровъ, тоже серьезно раненый. Я, какъ оглядѣлся, увидѣлъ здѣсь всю свою роту и мнѣ стало страшно... что же будетъ дальше. Съ кѣмъ же дальше воевать, вставалъ невольно вопросъ.

. . . .

Наши части утромъ продолжали наступленіе и взяли Ерзовку, понеся сравнительно ничтожныя по-

тери. Я же чуть свѣтъ отправился въ околодокъ и съ замираніемъ сердца пріоткрылъ дверь, гдѣ лежалъ Борисъ. Борисъ былъ живъ, живы были и его сосѣди. Предстояло погрузить раненыхъ для отправки въ тылъ. Подводы подходили одна за другой. Въ каждую, наполненую до краевъ соломой, клали двухъ тяжело раненыхъ.

Бориса положили одного. Рядомъ съ нимъ уложили его винтовку, которую онъ не выпустилъ изъ рукъ въ моментъ раненія; съ нею онъ не хотѣлъ разстаться и теперь. Онъ сдѣлалъ съ ней всю кампанію, она уже однажды была на Манычѣ полита его кровью, и естественно онъ ею дорожилъ. Трогательно распрощался я съ Борисомъ, слезы душили меня, я успѣлъ привязаться и полюбить этого юношу.

Когда проходилъ этотъ печальный кортежъ, гренадеры копали братскую могилу въ оградѣ церкви... кирки съ трудомъ врывались въ каменистый грунтъ. Я пошелъ къ мѣсту расположенія роты. Тамъ обмывали Богача и сколачивали шесть гробовъ для убитыхъ гренадеръ. Еще и до сихъ поръ не могли отыскать двухъ убитыхъ, оставшихся на полѣ, за ними пошла подвода. Послѣ обѣда назначены были похороны. Сельская церковь была полна народа. Большинство присутствующихъ плакало, другіе же, въ томъ числѣ и я, не могли подавить своего волненія.

На другой день поздно вечеромъ остатки первой Эриванской роты, въ количествѣ 18 человѣкъ, вошли въ деревню Орловку, гдѣ сталъ нашъ полкъ,— съ пѣсней: „Эриванцевъ насъ не мало мертвыхъ и живыхъ"... Гренадеры сами попросили запѣть эту пѣсню.

И, какъ бы въ потвержденіе этихъ словъ, на другой день послѣ обѣда къ крыльцу штаба полка подъѣхала таратайка, въ которой сидѣли полковникъ Кузнецовъ и Толя Побоевскій. Они же привезли радостное извѣстіе, что Силаевъ живъ и проситъ

всѣмъ передать привѣтъ, а у насъ готовились служить панихиду, ибо говорили, что онъ умеръ.

Толя принялъ 1 роту, а я былъ назначенъ командиромъ баталіона. Несчастный Толя пріѣхалъ въ полкъ съ душевной драмой. Ему хотѣлось подѣлиться своими мыслями, такъ какъ онѣ, повидимому, его давили. Мы пошли въ поле къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ стояли наши заставы. Я догадывался, о чемъ будетъ рѣчь, но все таки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его разсказа у меня невольно вырвался возгласъ удивленія.

„Тяжелая вещь—неудачная любовь“, думалъ я, дѣлая экскурсію въ свое недалекое прошлое. Какъ безумно тяжелы первые дни утраты воображаемаго идеала, какъ хочется тогда забвенія и смерти и какъ потомъ время и логика излечиваютъ эту смертельную, казалось бы, болѣзнь.

Мы шли по тому полю, гдѣ позавчера шелъ бой; я скоро нашелъ то мѣсто, гдѣ упалъ Богачъ. „Вотъ его кровь“, сказалъ я. А вотъ и канава, служившая большевикамъ окопомъ. Лучшаго нельзя было и выдумать, маскировка природная. Мѣста нахожденія пулеметовъ были ярко выражены громадными кучами стрѣляныхъ гильзъ. Повсюду лежали неубранные, распухшіе и почернѣвшіе трупы красноармейцевъ. „Ну, и мѣсто“, сказалъ Толя. Обстрѣлъ на двѣ версты и ложись — не ложись, все равно не укрыться.

Вечеромъ насъ перевели изъ Орловки въ Городище. Мы съ Толей получили приглашеніе отъ командира Пластунской бригады генерала Вс. Запольскаго прибыть къ нему на обѣдъ. Это былъ другъ и дальній родственникъ Толи. Черезъ нѣсколько дней мы воспользовались приглашеніемъ и поѣхали въ Орловку, гдѣ стоялъ штабъ Пластунской бригады.

Нѣсколько часовъ, которые мы тамъ провели, показались мнѣ незабываемыми. Пѣлъ хоръ казаковъ. Одна пѣснь была лучше другой и хватали за душу.

Но задерживаться долго не пришлось, такъ какъ получено было извѣстіе, что красные перешли въ наступленіе. Пріѣхали мы въ полкъ, когда уже темнѣло. Всѣ офицеры баталіона уже ложились, такъ какъ чувствовалось, что будетъ дѣло. Въ часъ ночи меня разбудили. Приказано было на разсвѣтѣ атаковать противника, наступающаго на Царицынъ. По свѣдѣніямъ, части противника подходятъ уже къ Орловкѣ.

На разсвѣтѣ 27 Сентября мы уже подошли къ Орловкѣ. Съ нами поднималась наша 5-ая гренадерская батарея полковника Фихнера.

Занявъ исходное положеніе для атаки, мы залегли. Красная батарея обстрѣливала насъ гранатой, снаряды ложились у самой цѣпи. Вотъ осколкомъ снаряда ранитъ нашего общаго любимца студента санитара Митю, всѣ офицеры бросаются къ нему. Раненъ онъ въ голову, ушибъ силенъ, но рана не серьезна. „Звенитъ въ ушахъ“, поясняетъ онъ.

Показывается группа конныхъ. Я узнаю генерала Зэпольскаго и подхожу къ нему. „Ты вотъ вчера съ Толей хвастались, что поддержите пластуновъ, вотъ я пріѣхалъ на васъ посмотрѣть“. „Прекрасно, мы какъ разъ сейчасъ двинемся“, отвѣтилъ я.

Сзади насъ, въ лощинѣ, скрытно сталъ полкъ Кубанской кавалеріи.

„Ну, Котэ, у тебя все готово“? спросилъ подошедшій Ивановъ, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, сказалъ: „Веди съ Богомъ“. „Встать“! скомандовалъ я, но какъ на зло въ этотъ моментъ разорвалось сразу четыре гранаты и гренадеры, вмѣсто того, чтобы встать, еще больше прижались къ землѣ. „Господа офицеры“, повысилъ я голосъ, „не заставляйте повторять команды“. „Встать“, повторилъ Толя. „Вставайте“! кричалъ маленькій прапорщикъ Шаталовъ. „Встать! встать“! донеслось съ лѣваго фланга. Трудно было раскачаться. „Впередъ по первой ротѣ“! скомандовалъ я и вышелъ впередъ. „По первому взводу на отдѣльное дерево“... „по первому

отдѣленію"... послышались команды. „Не сбивайтесь въ кучу, шире разомкнись", подбадривалъ фельдфебель.

Послышалось учащенное дыханіе и, казалось, что слышно біеніе сердецъ. Мы двинулись двумя длинными цѣпями. Я шелъ, рядомъ съ Толей, на правомъ флангѣ первой роты. Четырехорудійная батарея красныхъ, стоявшая на полузакрытой позиціи, слала къ намъ очередь за очередью, стараясь взять насъ въ вилку... Шли мы ускореннымъ шагомъ. „Бѣгомъ!", скомандовалъ я, завидя глубокую лощину, пересѣкавшую намъ путь. Очередь пронеслась близко надъ нашими головами и ударила во вторую нашу цѣпь. Куски окровавленнаго мяса долетѣли до насъ. Разорвало бывшаго поручика N., разжалованнаго за службу у красныхъ въ рядовые. Толя все время шелъ, безучастно заложивъ винтовку за шею, держа ее, какъ коромысло. Мысли его витали не здѣсь. И быть, можетъ, смерть была ему въ этотъ моментъ желаннымъ концомъ.

Спустились въ оврагъ благополучно и, не останавливаясь, вышли изъ него. Линія нашихъ цѣпей отчетливо была видна на большомъ разстояніи. Успѣхъ былъ обезпеченъ. „Ну, навались!", подбадривалъ кто-то сзади. Ружейный и пулеметный огонь не наносилъ намъ вреда, велся онъ сегодня красными безпорядочно. Вотъ онъ внезапно прекратился, когда мы не дошли до окоповъ 400 шаговъ. Изъ окоповъ красныхъ повыскакивали отдѣльныя фигуры и пустились удирать. Пулеметчики „Льюиса" открыли по нимъ огонь. Мы подошли вплотную къ окопамъ. На встрѣчу намъ, побросавъ винтовки, выскочило около ста человѣкъ. Всѣ держали руки поднятыми кверху. Испугъ былъ нарисованъ яркими красками на каждомъ лицѣ. „Мы мобилизованные, мы только что вернулись изъ германскаго плѣна", на перебой сообщали они. „Не хотимъ съ вами воевать, мы и стрѣляли побольше въ воздухъ, а не въ васъ". Правдивость ихъ заявленій была вполнѣ вѣроятной. „Кто же

изъ васъ хочетъ идти съ нами?“. „Я хочу“, увѣренно отозвался какой-то корявенькій мужиченка Черниговской губерніи. Ему дали винтовку. Остальные заявили, что они, кто три, кто четыре года были въ плѣну и воевать совсѣмъ не хотятъ. „А вы думаете, мы хотимъ, что-ли, воевать со своими“, увѣщевалъ ихъ я. Но мои доводы не помогли, да и некогда было ихъ уговаривать. Плѣнныхъ забралъ подошедшій дѣдушка Мельницкій, шедшій сейчасъ же за второю цѣпью, и повелъ ихъ въ тылъ. Снимать одежду и отбирать что-либо изъ вещей у насъ въ полку не практиковалось, такъ какъ за этимъ всѣ строго слѣдили.

Мы опять двинулись впередъ, пройдя мимо двухъ труповъ комиссаровъ.

Передъ нами открылась деревня Ерзовка. Первая рота, а вмѣстѣ съ нею и я, шла по главной улицѣ, тянувшейся, по крайней мѣрѣ, версту.

Пройдя примѣрно половину деревни, мы наткнулись на повозку, изъ которой неслись жалобные стоны. Я подошелъ посмотрѣть. Въ повозкѣ лежалъ молодой раненый красноармеецъ. Онъ устремилъ на меня умоляющій взоръ, повторяя запекшимися губами: „Ваше Благородіе, за что я умираю, мнѣ хочется жить. За что?“... и по пыльнымъ щекамъ его катились слезы. Не зная, что ему отвѣтить, я растерялся и сконфуженно отошелъ.

На окраинѣ деревни, у двухъ вѣтрянныхъ мельницъ, мы остановились. Мельницы носили многочисленные слѣды шрапнельныхъ пробоинъ, свидѣтелей боя происходившаго здѣсь 11 Сентября. Я полѣзъ на мельницу, чтобы осмотрѣться. Съ мельницы открывался прекрасный видъ, такъ какъ она, кромѣ собственной значительной высоты, находилась на командующемъ пунктѣ надъ деревней.

То, что я увидѣлъ съ мельницы, заставило меня вновь принять боевой порядокъ. На насъ двигались густыя цѣпи матросовъ, высадившихся съ Волги, сопровождаемыя десяткомъ пулеметныхъ тачанокъ.

Около 2 ой мельницы поручикъ Браттау спѣшно приготавливалъ пулеметы для боя. Четыре наши тачанки ждали только появленія цѣли. Двѣ роты залегли за низкой каменной оградой, а двѣ въ громадной промоинѣ. О контръ-наступленіи красныхъ я сообщилъ въ штабъ. Первыми открыли огонь красные. Пули неслись роемъ и расщепляли доски мельницы, около которой теперь я стоялъ. Браттау младшій, храбрый и спокойный офицеръ, скомандовалъ прицѣлъ, и сначала четыре, а потомъ шесть нашихъ пулеметовъ открыли огонь. Браттау младшій, бывшій на пулеметѣ, былъ тотчасъ раненъ и перебрался въ промоину, гдѣ его перевязали. Вода въ кожухахъ пулеметовъ кипѣла и парила. Матросы приближались.

Вдругъ по дорогѣ изъ Ерзовки къ намъ на подмогу карьеромъ подкатило 6 пластунскихъ легковыхъ кабріолетовъ съ пулеметами. Не ожидая никакихъ указаній, всѣ 6 пулеметовъ выстроились въ рядъ и открыли огонь. Еще ни разу въ жизни я не былъ свидѣтелемъ дѣйствія 12 пулеметовъ на такомъ незначительномъ участкѣ; уже не стало слышно ни свиста пуль, ни голосовъ. Цѣпи противника разсѣялись и больше мы ихъ не видѣли.

Вечеромъ мы оставили Ерзовку и двинулись впередъ безъ дорогъ, въ направленіи высоты съ отмѣткой 471, что на линіи Пичужинскихъ хуторовъ. Ночевали мы на какихъ-то высотахъ въ старыхъ, но прекрасно выбранныхъ окопахъ. Утромъ изъ нашихъ окоповъ видно было буквально на 8–10 верстъ. Зато и насъ было хорошо видно съ Волги.

Начался день такъ: группа нашихъ офицеровъ, во главѣ съ командиромъ полка, полковникомъ Ивановымъ, стояла съ двумя командирами батарей — легкой и гаубичной. О чемъ то спорили, шутили. Батареи наши стояли тутъ же за скатомъ. Кто то обратилъ вниманіе, что съ высотъ со стороны противника спускается группа конныхъ Конные приближались. Когда сомнѣній не было, что это красные, сила которыхъ оцѣнивалась въ полуэскадронъ, рѣшено было

дать выйти имъ на гладкое мѣсто. Командиръ гаубичной батареи на минуту скрылся. Вдругъ прогремѣлъ первый выстрѣлъ. Бомба разорвалась очень удачно, но красные не обратили на это особеннаго вниманія и продолжали идти шагомъ. Тогда бѣгло заговорила вся батарея. Картина получилась рѣдкая. Какъ пыль разлетѣлись всадники, а между ними то тамъ, то тутъ грозными черными столбами взметались рвущіеся снаряды. Обезумѣвшіе кони, потерявъ сѣдоковъ, неслись во всѣ стороны. Это зрѣлище промелькнуло и исчезло. Началось болѣе внушительное. Весь крутой и высокій берегъ рѣчки Пичуги вдругъ покрылся людьми. Насколько хваталъ глазъ, можно было видѣть ряды густыхъ цѣпей, сопровождаемыхъ безконечнымъ количествомъ тачанокъ. Я досчиталъ до сорока и бросилъ считать, ибо появлялись все новыя и новыя. Всѣ наши батареи открыли огонь. Справа въ 100 саженяхъ примостился наблюдательный пунктъ какой то Кубанской батареи и пошла канонада. Мы въ этомъ ужасномъ для красныхъ бою были только зрителями. Работала исключительно артиллерія. Красные ложились, вставали, сбивались въ кучу, то бросались назадъ, а артиллерія, не переставая, поддерживала губительный огонь. И трудно было сказать, что нужно было: радоваться или плакать... Вѣдь гибли русскіе. Красные тоже въ долгу не оставались и ихъ судовая артиллерія все время старалась поддержать свои наступающія части. Наши артиллеристы въ этотъ день понесли потери, мы же отдѣлались только „испугомъ": подъ одну изъ нашихъ тачанокъ попалъ снарядъ, но не разорвался

Въ этотъ день бой выиграла наша отличная артиллерія. Ночью намъ было приказано перейти еще лѣвѣе, и остановиться на высотѣ 471. Накрапывалъ осенній дождь; утро было столь туманно, что въ 20 шагахъ ничего не было видно.

Оказалось, что штабъ дивизіи находится тутъ же въ оставленномъ шалашѣ. Кругомъ, радіусомъ на десять верстъ, не было никакого жилого помѣщенія.

Прибылъ какой-то казакъ изъ разъѣзда съ донесеніемъ. Роты прижались около стоговъ соломы.

Вдругъ меня подзываетъ командиръ полка и говоритъ: „Начальникъ штаба нашелъ, что мы остановились не тамъ, гдѣ нужно. Тебѣ придется пойти вотъ въ этомъ направленіи", онъ указалъ рукой (карты у меня не было) „и остановиться на перекресткѣ дорогъ". „А есть ли тамъ этотъ перекрестокъ"? на ходу переспросилъ я. „Долженъ быть по свѣдѣніямъ штаба дивизіи", сказалъ Илларіонъ Ивановичъ и, подумавъ моментъ, добавилъ: „Не ходи, достаточно будетъ послать одну роту. Пошли Побоевскаго. Для донесеній пусть возьметъ двухъ конныхъ". „Толя, собирайся", сказалъ я, повторяя полученное приказаніе. Толя, молча, выслушалъ и всталъ. Рота была вся тутъ же. „Сколько у тобя? Это все"? „У меня всего 25 человѣкъ", отвѣтилъ Толя и черезъ минуту скрылся въ туманѣ.

Прошло какихъ нибудь полчаса. По направленію, куда двинулся Толя, послышалось нѣсколько выстрѣловъ. Я не обратилъ на это никакого вниманія; прошло еще столько же времени, дождь усилился. Я забрался на то мѣсто, гдѣ только что сидѣлъ Толя, и машинально смотрѣлъ въ ту сторону, куда онъ ушелъ. Изъ тумана началъ вырисовываться силуэтъ лошади, рядомъ шелъ человѣкъ. Вотъ они уже въ 10 шагахъ, я тогда только обратилъ вниманіе, что на сѣдлѣ свисаетъ какая-то фигура, а идущій рядомъ держитъ ее за ногу. „Раненаго везутъ", сказалъ кто-то. Лошадь поравнялась со мной. Лицо раненаго было сплошь залито кровью. „Позвать доктора", крикнулъ я. Раненаго сняли и положили на разостланную солому, покрытую палаткой.

Подошелъ докторъ и сталъ осматривать рану. Пуля попала въ темя и вышла ниже лѣваго виска. Когда производилась эта операція, я увидѣлъ на шинели рененаго свои собственные погоны, которые я подарилъ Толѣ. Я вглядѣлся пристальнѣе въ лицо раненаго и только тогда узналъ Толю. Сердце сжа-

лось отъ боли и жгучей досады. Ушелъ и онъ... и ноги ощутили тяжесть моего тѣла. Минуты двѣ я не могъ вымолвить ни слова. Вѣсть о раненіи Толи разнеслась повсюду. Всѣ шли выразить свое сочувствіе... Каждый, подходя, снималъ фуражку. „Еще можетъ выжить", увѣрялъ докторъ, „сейчасъ я его отправлю". Но страшно было подумать — 30 верстъ отвратительной дороги на повозкѣ, это и въ здоровой головѣ мозги перевернутся. Въ печальномъ исходѣ... я не сомнѣвался.

Оказалось, что когда рота прошла съ полторы версты, дорогу ей пресѣкъ глубокій оврагъ, какими изобилуетъ вся Саратовская губернія. Только рота начала въ него спускаться, какъ изъ за кустовъ противоположной стороны грянулъ залпъ, за нимъ второй. Вторымъ залпомъ былъ сраженъ Толя. Рота бросилась сначала вразсыпную, но потомъ опомнилась и тѣло Толи вынесла. За кустами оказался спѣшенный разъѣздъ въ пять человѣкъ.

Большихъ трудовъ стоило потомъ мнѣ, многимъ общимъ знакомымъ и родной сестрѣ Толи навести справки о его мѣстопребываніи. Наконецъ, когда я былъ черезъ недѣлю раненъ и случайно попалъ въ тотъ же санитарный поѣздъ, что и Толя, мнѣ разсказали, что въ поѣздѣ Толѣ произвели трепанацію черепа, послѣ которой ему будто бы стало легче. Наконецъ много времени спустя, было установлено, что его привезли въ Екатеринодаръ, гдѣ онъ и скончался 8-го Октября въ госпиталѣ Коммерческаго училища. Вещи его дѣйствительно оказались всѣ на лицо и были переданы его сестрѣ, но могилы его найти такъ и не могли, несмотря на всѣ принятыя мѣры. Извѣстно только, что штабсъ-капитанъ Побоевскій погребенъ на офицерскомъ кладбищѣ Екатеринодара подъ №№. Несчастный умеръ, не приходя въ сознаніе.

Въ полдень, когда туманъ немного разсѣялся, противникъ пытался нерѣшительно наступать, но тотчасъ былъ отбитъ нашей артиллеріей. Простояли мы

на этомъ памятномъ мѣстѣ три дня. Холода давали себя чувствовать. Моя рука начинала меня съ каждымъ днемъ все больше мучить, но подошла развязка.

СВОДНЫЙ ПОЛКЪ КАВКАЗСКОЙ ГРЕНАДЕРСКОЙ ДИВИЗІИ.

1919 годъ.

1-го Октября вечеромъ насъ смѣнила конница, и мы вернулись въ Ерзовку. Въ Ерзовкѣ произведена была маленькая перегруппировка ротъ и нашъ полкъ видоизмѣнилъ свое названіе теперь ему было присвоено наименованіе „Своднаго полка Кавказской Гренадерской Дивизіи". Считавшіяся до сего самостоятельными Саратовская и двѣ Астраханскихъ роты были распредѣлены по ротамъ и такимъ образомъ получилось два баталіона, изъ коихъ первымъ командовалъ я, а вторымъ — недавно прибывшій подполковникъ Тифлисскаго полка Гофетъ. Считалось такъ, что у меня двѣ роты Эриванскихъ и двѣ Грузинскихъ, а у подполковника Гофета двѣ роты Тифлисскихъ и двѣ роты Мингрельскихъ.

Въ эти же дни подвезли намъ немного англійскаго обмундированія и снаряженія — роты пріодѣлись и пріобрѣли вполнѣ приличный видъ. Но продолжалась эта идиллія всего три дня.

Въ 12 часовъ ночи съ 3 на 4 Октября полученъ былъ приказъ уничтожить Дубовскую группу красныхъ, причемъ нашему полку давалась какая-то неопредѣленная задача. Мы должны были держать связь между пластунами и первымъ полкомъ, долженствовавшими наступать. Объектомъ дѣйствій была та же пресловутая высота 471. Поднялись мы очень рано, потомъ долго чего то ждали, будучи построенными. Наконецъ тронулись. Шли долго русломъ рѣки Сухой Мечетки, потомъ взобрались на ея лѣвый бе-

регъ и сдѣлали привалъ. Тутъ же стояла наша пятая гренадерская батарея полковника Фихнера. Дальше тронулись вмѣстѣ. Вскорѣ мы подошли къ исходному пункту. Было около 10 часовъ дня. Влѣво шелъ сильный бой. Красные били по какимъ-то скирдамъ шрапнелью. Наши, повидимому, наступали. Первый полкъ тоже занялъ исходное положеніе. Пластуновъ не было видно. Я вышелъ впередъ осмотрѣть впереди лежащую мѣстность вмѣстѣ съ командиромъ батареи. Красные замѣтили передвиженіе перваго полка и открыли огонь изъ двухъ батарей гранатой. Одна батарея красныхъ стояла на полузакрытой позиціи, взблестки выстрѣловъ которой каждый разъ были отчетливо видны. Снаряды ихъ попадали и въ нашъ раіонъ.

Первый полкъ поднялся и перешелъ въ наступленіе. Онъ сталъ принимать все влѣво-влѣво и куда-то скрылся. „Что дѣлать теперь намъ, мы не выполнимъ своей задачи. Намъ нужно или двигаться впередъ, или мы зря только будемъ нести потери", говорилъ я Илларіону Ивановичу. Полковникъ Ивановъ колебался, не зная, на что рѣшиться. „Ну, веди впередъ", съ тяжелымъ вздохомъ вырвалось у него изъ груди, „второй баталіонъ пойдетъ за тобой". Наша батарея заняла позицію. Я отдалъ необходимыя распоряженія. Всего въ баталіонѣ у меня оказалось 214 штыковъ.

Указавъ направленіе, я подалъ команду къ наступленію. Только мы поднялись, какъ насъ обдали шрапнелью. На этотъ разъ артиллерія красныхъ била удивительно мѣтко, мы все время несли потери отъ ея огня. На ходу я затребовалъ отъ ротъ по одному связнику. Пришло двое отъ Грузинцевъ. Я шелъ сначала по серединѣ боевого участка, но огонь былъ такъ силенъ, что части, ускоряя шагъ, все больше и больше разрывались. Голоса моего не хватало. Пули жужжали роемъ. Я подалъ команду „Бѣгомъ", но еще ухудшилъ дѣло. Двѣ Эриванскихъ роты рванулись вправо и уже не было силъ ихъ

остановить. Я присталъ къ Грузинцамъ. Намъ пресѣкъ дорогу громадный оврагъ. Не отдыхая, мы съ разбѣга вышли изъ него, не нарушивъ даже равненія. Наши тачанки не могли взять оврага и пытались его обойти; когда же и это не удалось, — открыли съ фланговъ огонь. Уже видны отдѣльные люди, перебѣгающіе вдоль окоповъ у красныхъ, намъ легче держать по нимъ направленіе. Но вотъ опять такой же большой оврагъ. На этотъ разъ мы спустились шагомъ. Ряды наши страшно порѣдѣли. Со мной оказалось не болѣе 50 человѣкъ. Надъ краями оврага витала смерть, пули неслись дождемъ. Казалось, первому, кто высунетъ изъ оврага голову, ее срѣжетъ, какъ бритвой. „Моя очередь"... подумалъ я и вышелъ на верхъ. До красныхъ было рукой подать. „Впередъ, бѣгомъ", крикнулъ я и стремительно рванулся впередъ. Меня ревностно старались обогнать. Осталось всего 60 70 шаговъ. Я извлекъ на бѣгу свой прекрасный Маузеръ. „Ура", хотѣлъ было крикнуть я, но споткнулся и упалъ. Пуля раздробила мнѣ малую берцовую кость правой ноги чуть выше щиколотки. Мимо меня пробѣжало не болѣе 15 человѣкъ. „Баталіоннаго ранило", воскликнули молодые связники и оба легли около меня.

„Все кончено", думалъ я, „теперь добьютъ". Еще разъ-два, красный пулеметчикъ провелъ строчку надъ нашими головами... это были тяжелыя секунды, смерть коснулась меня своимъ крыломъ, обдала холодомъ... и понеслась дальше!

На встрѣчу нашимъ гренадерамъ выскочило нѣсколько коммунистовъ, но бывшій вахмистръ Лейбъ-Гвардіи Уланскаго Ея Величества полка, теперь доброволецъ гранадеръ Грузинской роты, перваго же пронзилъ штыкомъ. Штабсъ-капитанъ Михневичъ застрѣлилъ другого, прочіе не отставали. Короткая, но исключительная по рѣшимости атака завершилась полной побѣдой. Никто не ушелъ. Тутъ нами было взято сорокъ шесть человѣкъ плѣнныхъ и четыре пулемета, дѣйствовавшихъ до послѣдняго момента.

Когда плѣнные увидѣли меня лежащимъ, то рѣшили, что я прикажу ихъ всѣхъ разстрѣлять, но каково было ихъ изумленіе, когда ихъ не только не разстрѣляли, но даже не раздѣли. Когда же я приказалъ имъ меня нести, то отъ радости они не знали, какъ меня поудобнѣе взять. Наконецъ рѣшили такъ: двое взяли винтовку и усадили меня на нее, я же обнялъ ихъ шеи. Двое другихъ просунули мнѣ подъ вытянутую лѣвую ногу другую винтовку, а на нее я положилъ раненую. Несли они меня рысью. За ними бѣжали всѣ остальные плѣнные. Когда одни уставали, ихъ тотчасъ же безъ всякихъ указаній съ моей стороны замѣняли слѣдующіе. За вторымъ оврагомъ ко мнѣ подъѣхалъ полковникъ Ивановъ. Не знаю, какія чувства волновали его, но голосъ у него задрожалъ, мы расцѣловались. Тутъ же оказался и дѣдушка Мельницкій. Я передалъ ему казенный бинокль и плѣнныхъ. „Да хранитъ Васъ Господь“, напутствовалъ онъ меня.

Подъѣхала санитарная двуколка, меня перевязали вторично, такъ какъ повязка сильно промокла. Моими сосѣдями въ двуколкѣ оказались: одинъ — татаринъ, взятый въ плѣнъ у Царицына, и сѣренькій мужичокъ, взятый подъ Ерзовкой. Оба страшно сіяли, ибо были легко ранены. Съ грохотомъ разорвалась вблизи послѣдняя граната.

„Уѣзжайте ка отсюда“, приказалъ я, „еще не доставало, чтобъ теперь прикончило“. Сразу проснулись чувство самосохраненія и жажда жизни... Только что одержанная побѣда убаюкивала нервы, отъ сердца отлегло. Добровольческая Армія была на вершинѣ кривой своихъ успѣховъ.

Въ этотъ же день нашими частями занята была Дубовка и взяты крупные трофеи. Въ описываемомъ бою Эриванскія роты тоже взяли два пулемета, причемъ дальнѣйшее стремленіе нашего полка овладѣть батареей не увѣнчалось успѣхомъ, такъ какъ люди буквально выбились изъ силъ и совершенно перемѣшались. Въ Ерзовкѣ мнѣ наложили новую повязку

и снесли на подводу для отправки на станцію Разгуляевку. Впечатлѣніе отъ сегодняшняго боя въ Ерзовкѣ было сильное. „Ну и гудѣло же сегодня“, говорили всѣ, „какъ въ Германскую войну“.

Провезли меня черезъ ту же Орловку. Теперь тамъ стоялъ штабъ корпуса. Командиръ корпуса, генералъ Писаревъ, принесъ мнѣ стаканъ вина и просилъ дать списокъ особо отличившихся, что я и исполнилъ. На Разгуляевку меня привезли ночью. Долго лежалъ я на носилкахъ, наконецъ меня понесли въ вагонъ. Вагоны были „скотскіе“, такъ какъ даже навозъ не совсѣмъ былъ вычищенъ. Насъ довезли въ этихъ вагонахъ до ст. Гумракъ, но дышать этимъ воздухомъ, раненымъ пришлось всю ночь, и только утромъ насъ перенесли въ стоящій рядомъ санитарный поѣздъ „Торгово-Промышленныхъ дѣятелей“. Три дня простояли мы на Гумракѣ. Мухи и вши окончательно измучили меня. Бѣлья чистаго не было, я начиналъ нервничать. Но вотъ наконецъ мы тронулись, прошли Царицынъ и остановились въ Котельниково. Поѣздъ стоялъ долго; вѣстовой, сопровождавшій меня, встрѣтился на вокзалѣ съ вѣстовымъ Силаева, который, какъ оказалось, лежалъ здѣсь въ госпиталѣ. Борису стало извѣстно, что я прибылъ раненымъ. Онъ и Шахъ-Назаровъ немедленно собрали свои вещи и явились ко мнѣ. Радости не было конца. Два мертвеца воскресли. Рѣшили ѣхать туда, куда повезутъ меня. Въ результатѣ, въ тотъ же день мы всѣ трое попали въ Великокняжескую, въ лазаретъ, находившійся въ реальномъ училищѣ. Рана моя, хотя и относилась къ разряду серьезныхъ, но опасеній не вызывала. Я стремился какъ можно скорѣе попасть въ Екатеринодаръ. Борисъ Силаевъ и Шахъ-Назаровъ уже выглядѣли молодцами и собирались ѣхать со мной. Я же ждалъ того момента, когда смогу встать на костыли. Наконецъ, подошелъ и этотъ день, но ни Борисъ, ни Шахъ-Назаровъ ѣхать со мной не смогли, а обѣщали пріѣхать въ Екатеринодаръ нѣсколькими днями позже. Мои зна-

комые устроили меня въ лазаретъ № 17 или, какъ онъ послѣ сталъ называться, № 23, что былъ рядомъ съ Екатеринодарской гауптвахтой, визави Городского сада. Это былъ прекрасный лазаретъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Докторъ Плоткинъ, старшій врачъ лазарета, пользовался славой отличнаго хирурга, а уходъ и даже питаніе были вполнѣ удовлетворительны. Я рѣшилъ использовать такое благопріятное стеченіе обстоятельствъ и произвести операцію раненой руки по удаленію нерва. Докторъ Плоткинъ произвелъ мнѣ операцію, но, увы, облегченія отъ нея не послѣдовало. Натерпѣлся же я отъ нея вдоволь. Такъ какъ рана на ногѣ уже зажила и я могъ передвигаться при помощи палки, я рѣшилъ выписаться изъ госпиталя.

Утромъ въ день моей выписки въ нашу палату вбѣжала сидѣлка и съ ужасомъ объявила, что рядомъ съ нашимъ госпиталемъ на площади виситъ повѣшенный. Повѣшеннымъ оказался Калабуховъ, приговоренный къ смертной казни полевымъ судомъ за измѣну. Наступали тревожные дни Въ Екатеринодарѣ наводилъ порядокъ генералъ Покровскій. Мнѣ предстояло довольно длительное леченіе водами и массажемъ. Я переѣхалъ въ городъ къ своимъ друзьямъ. Въ эти дни въ Екатеринодаръ долженъ былъ пріѣхать и Густавъ, уже оправившійся отъ тифа. Я получилъ отъ него письмо изъ Ростова гдѣ онъ лежалъ въ одномъ изъ госпиталей.

Гранитовъ тоже поправился. Я же былъ занятъ розысками могилы Толи Побоевскаго, бродилъ по Екатеринодарскому кладбищу, видѣлъ, какъ въ громадныя могилы сваливали трупы умиравшихъ въ госпиталяхъ, а дѣлалось это очень просто: въ дежурные гробы укладывались голые мертвецы; нѣсколько гробовъ ставилось на подводу а трупы подвозились къ вырытымъ могиламъ. Здѣсь гробы выворачивались, трупы умершихъ, какъ дрова, летѣли внизъ, и когда могила заполнялась до нужнаго предѣла — ее засыпали. Можетъ быть, и нужно такъ было дѣ-

лать, можетъ быть и дорого стоили гробы и саваны, но въ моемъ мозгу и сердцѣ это не находило никакого оправданія. Не удивительно, что могилу несчастнаго Толи найти мнѣ не удалось.

Летѣли дни. Я ежедневно ходилъ и на массажъ. Раны мои зарубцевались. Врачебная комиссія дала мнѣ шестинедѣльный отпускъ. Вдругъ утромъ 23 Ноября пришла телеграмма о смерти Пильберга. Онъ застрѣлился. Застрѣлился изъ револьвера Гранитова. Тайну своей смерти онъ унесъ съ собою въ могилу и, только зная его характеръ, его взгляды на жизнь, его любовь къ жизни, можно исключительно предполагать, что его неожиданная смерть явилась послѣдствіемъ только что перенесеннаго сыпного тифа. Другихъ видимыхъ причинъ для самоубійства у Густава быть не могло.

Чуть ли не на другой день послѣ этого событія пришло новое ошеломляющее извѣстіе: нашъ полкъ въ составѣ двухъ баталіоновъ получилъ какую-то боевую задачу сѣвернѣе Пичужинскихъ хуторовъ. Выполняя ее при сильномъ туманѣ, поднявшемся съ Волги, полкъ сбился съ направленія, былъ обстрѣлянъ какими-то частями, свернулъ на выстрѣлы и атаковалъ мнимаго противника. Завязался жестокій бой. Не зная за послѣднее время пораженій, полкъ бросился въ атаку и взялъ окопы, откуда въ него стрѣляли. Противникъ бѣжалъ, оставивъ своихъ убитыхъ въ окопахъ. Но каковъ былъ ужасъ, когда по убитымъ и раненымъ, оставшимся въ окопахъ, было установлено, что бой происходилъ съ нашимъ 9-мъ Пластунскимъ баталіономъ. Потери съ нашей стороны были очень велики, моральное потрясеніе соотвѣтствовало трагизму происшедшаго. Въ такомъ состояніи, продолжая выполненіе задачи, полкъ въ тотъ же день былъ атакованъ дивизіей красной конницы. неожиданно вынырнувшей изъ тумана. Первый баталіонъ построилъ подобіе карре и отбилъ три сильнѣйшихъ послѣдовательныхъ атаки. Второй баталіонъ, атакованный съ тыла, не успѣлъ построить

боевой порядокъ и былъ изрубленъ во главѣ съ командиромъ подполковникомъ Гофетъ.

Полковникъ Ивановъ, пронзенный пулей въ грудь на вылетъ, упалъ съ коня и былъ дорубленъ. Четвертый валъ захлестнулъ и первый баталіонъ, спасся только одинъ адъютантъ полка, штабсъ-капитанъ Рычковъ, бывшій верхомъ, бросившись въ сторону красныхъ. Отъ него мы узнали подробности боя. Полковникъ Кузнецовъ, „послѣдній могиканъ", принялъ полкъ. Все способное носить оружіе поставлено было въ строй.

Удары слѣдовали одинъ за другимъ... Я получилъ письмо отъ Бориса Силаева изъ одного изъ Ростовскихъ госпиталей. Ему предстояла сложная операція въ области живота. Полученная рана дала нагноеніе. Я отправился въ Ростовъ его навѣстить. Онъ лежалъ, какъ всегда, веселый, но видно было, что предстоящая на завтра операція его тревожила. Разставаясь, онъ не удержался отъ своей обычной шутки: „Какъ ты думаешь, не останусь я здѣсь на удобреніе"... „Ну, что ты", говорилъ я, обнимая его въ послѣдній разъ.

27 Ноября ему была сдѣлана операція. Я съ тревогой ждалъ отъ него писемъ. Ихъ не было. Въ двадцатыхъ числахъ Декабря ко мнѣ зашелъ его отецъ, полковникъ В. Силаевъ. „Какъ Борисъ"? задалъ я вопросъ, вмѣсто привѣтствія... „Вчера его похоронили въ Кисловодскѣ... онъ умеръ", прозвучало въ моихъ ушахъ.

Дальше уже не было просвѣта. Горизонтъ заволокли грозныя тучи. Гренадеры долго и упорно держали Царицынъ; оффиціалныя сводки склоняли слово „гренадеръ" во всѣхъ падежахъ.

Но всему есть предѣлъ... Какъ и съ какой быстротой откатывался отъ Орла нашъ фронтъ — всѣмъ памятно; гренадерамъ пришлось оставить безъ боя политыя ихъ кровью поля Царицына. Вѣтка Царицынъ—Тихорѣцкая мѣрно и упорно измѣрялась ихъ шагами. На станціи Абганерово измученныя и устав-

шія части гренадеръ были ночью внезапно атакованы сравнительно малочисленной, но „дерзающей" конной частью противника. Произошла паника, которая была ликвидирована усиліями полковника Кузнецова, и хотя въ результатѣ командиръ лихой конной части и украсилъ своей персоной одинъ изъ телеграфныхъ столбовъ, — результаты набѣга были тягостны. Нашъ доблестный начальникъ дивизіи, генералъ-маіоръ Чичинадзе, и значительное количество офицеровъ и гренадеръ были изрублены. На Манычѣ произошла задержка, его стоячимъ водамъ суждено было вновь поглотить тысячи жертвъ Гражданской войны. Январь мѣсяцъ 1920 года былъ необычайно суровъ, холода стояли страшные. Въ Екатеринодарѣ скопилось громадное количество бѣженцевъ со всего Юга Россіи. Уплотненіе жилищъ достигло анекдотическихъ размѣровъ. Плотность населенія въ незанятой еще части Кубанской области превысила навѣрное плотность таковой же Китая во много разъ. Въ тылу были приняты мѣры къ эвакуаціи семей военнослужащихъ въ случаѣ дальнѣйшихъ неудачъ — за границу. По мѣрѣ уменьшенія территоріи Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи падалъ курсъ бумажныхъ денегъ всѣхъ наименованій. Офицеры фронта, а въ особенности ихъ семьи буквально нищенствовали, такъ какъ оклады жалованья, прогрессивно увеличиваясь, все же не успѣвали за темпомъ жизни. Добровольческая Армія агонизировала, истекая кровью. Напрасно гибли тысячи людей у Батайска и Ростова, совершая легендарные подвиги; имъ не удалось возстановить положенія.

Не удалось спасти положенія и цѣлымъ рядомъ мѣръ, принимавшихся командованіемъ Добровольческой Арміи для усиленія офицерскаго состава боевыхъ частей. Ни частая повѣрка документовъ, ни облавы, ни регистраціи и серіи переосвидѣтельствованій не помогали. На переосвидѣтельствованія обычно являлось много офицеровъ; это были тѣ, что, въ силу тяжелыхъ раненій, самымъ добросовѣстнымъ

образомъ потеряли боеспособность, имъ переосвидѣтельствованія были не страшны. Тѣ же, кого переосвидѣтельствованія или даже просто освидѣтельствованіе могли поставить въ строй, прочно сидѣли по тыловымъ учрежденіямъ всѣхъ наименованій. Временами, попадая въ тылъ и заходя въ то или иное учрежденіе его, невольно хотѣлось воскликнуть: „Ба! знакомыя все лица!", до того похожи и тождественны были лица „патентованныхъ ловчилъ" въ Великой и Гражданской войнахъ.

АГОНІЯ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІИ.

1920 годъ.

Въ описываемый періодъ въ провалѣ Добровольческой эпопеи рѣшающую роль суждено было сыграть все же казакамъ, — на этотъ разъ Кубанцамъ. Кубанцы и Донцы были наиболѣе сильными и значительными мускулами въ тѣлѣ Добровольческой Арміи, но обладали удивительной особенностью не подчиняться центрально мозговой системѣ, а посему почти всегда дѣйствовали вразбродъ. Донцы раньше Кубанцевъ очнулись отъ большевистскаго угара и дали возможность въ 18 году на своей территоріи зародиться Добровольческой Арміи.

Въ началѣ 19 года въ умахъ Донцовъ произошелъ поворотъ на 180 градусовъ, что чуть было не погубила дѣла, если бы не помогли очнувшіеся къ тому времени Кубанцы; сейчасъ въ 20 году затмеваться была очередь Кубанцамъ. По улицамъ Екатеринодара расклеены были воззванія Донцовъ, обвиняющія Кубанцевъ въ измѣнѣ общему дѣлу. Кубанцы отказывались драться, — Донцы изъявляли готовность, а въ результатѣ Добровольческая Армія, родившись на Дону, умерла на Кубани.

Въ концѣ Января остатки нашихъ гренадеръ держались у Бѣлой Глины. Общее положеніе вещей складывалось такимъ образомъ, что отходъ въ Ново-

россійскъ (который думали защищать) или Крымъ обрисовывался съ достаточной ясностью. Боясь потерять связь съ полкомъ во время возможнаго безпорядочнаго отступленія, я рѣшилъ ѣхать въ полкъ, не взирая на не вполнѣ зажившія раны. Штабъ полка находился въ Бѣлой Глинѣ, но самого полка почти не существовало, ибо всего на всего къ моменту моего прибытія кадръ офицеровъ и старыхъ солдатъ выражался цифрой — 60 человѣкъ. Въ Бѣлую Глину пришло пополненіе для всѣхъ гренадеръ до 1000 человѣкъ мобилизованныхъ, но было уже поздно. Конецъ наступилъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: 11 Февраля получено было приказаніе частямъ нашей дивизіи идти въ Тихорѣцкую на формированіе. На другой день утромъ, въ ясный морозный день мы вышли походнымъ порядкомъ въ Горькую Балку, гдѣ предполагалось устроить большой привалъ и обѣдъ, туда же посланы были наши кухни. Прибывшее къ намъ пополненіе шло безъ ружей, причемъ полки шли въ такомъ порядкѣ: кадръ, пополненіе, обозы, кадръ, пополненіе, обозы и т. д., и такимъ образомъ разстояніе между кадрами было довольно значительное.

Такъ какъ я плохо ходилъ, то командиръ полка, не давая мнѣ особаго назначенія, посадилъ меня на свою таратайку, на которой я и слѣдовалъ съ полкомъ. Кадромъ командовалъ на правахъ командира баталіона только что вернувшійся по излеченіи отъ ранъ старый полковникъ Чудиновъ, который въ первый день своего прибытія въ нашъ полкъ 15-го Августа 19 года былъ раненъ въ обѣ ноги навылетъ.

Только мы вошли въ деревню, назначенную для большого привала, какъ гдѣ-то за околицей послышалась рѣдкая ружейная стрѣльба. Я слѣзъ съ подводы и подошелъ къ полковнику Кузнецову. „Ты чего слѣзъ? Ѣзжай на ту сторону оврага“, сказалъ А. Г., „сейчасъ можетъ начаться бой“.

Не предвидя ничего особеннаго, я спокойно влѣзъ въ повозку и возница стегнулъ лошадей. Черезъ

нѣсколько минутъ мы перебрались черезъ балку, и глазамъ нашимъ представилась такая картина: весь горизонтъ, на сколько хваталъ глазъ, покрылся всадниками, мы оказались атакованными красной конницей. Ихъ конная батарея открыла бѣглый огонь по походной колоннѣ. Полковникъ Кузнецовъ выставилъ кадръ для встрѣчи противника. Кадры прочихъ полковъ растерялись. Произошла заминка. Наши открыли огонь, но ихъ было такъ мало, что лава обскакала ихъ со всѣхъ сторонъ — въ одинъ моментъ. Началась рубка. Поднялась невообразимая паника, — повозки и конные понеслись во всю прыть, мобилизованные кричали „ура“ и не давали стрѣлять кадру. Красная конница, порубивъ хвостъ колонны, начала обтекать и захватывать остальное. И это ей удалось. На мою повозку успѣло сѣсть три офицера и мы съ замираніемъ сердца, оглядываясь назадъ, наблюдали картину погони. Вотъ пятеро особенно ретивыхъ гонятся за нашей тачанкой, блестятъ ихъ шашки, нашъ возница гонитъ лошадей насколько позволяютъ средства. Лошади сильныя, дорога, къ счастью, великолѣпно укатана. Разстояніе между нами и всадниками все уменьшается, но одновременно увеличивается общее разстояніе, отдѣляющее нашихъ преслѣдователей отъ ихъ главныхъ силъ, — тѣ грабятъ обозъ. Лишь бы еще спереди не выскочили красные, а отъ этихъ отобьемся, рѣшилъ я; и, вынувъ свой Маузеръ, засунулъ его за бортъ полушубка. Предстоялъ бой не на жизнь, а на смерть... Я молилъ Бога, чтобы Маузеръ только не отказалъ. Въ противномъ случаѣ конецъ... проносилось у меня въ мозгу. Но, увы, красные замедлили ходъ, остановивились, помахали шашками и повернули шагомъ обратно. Мы были спасены. Но что сталось съ остальными, мучилъ насъ вопросъ. Ночевали въ станицѣ Тихорѣцкой, а утромъ поѣхали на станцію. На станціи, къ великой радости и изумленію, я увидѣлъ полковника Кузнецова. Въ послѣдній моментъ, когда все погибло, его вынесла его прекрасная кобыла.

Состояніе у всѣхъ спасшихся было ультра-подавленное, на душѣ тяжелымъ балластомъ лежала смѣсь стыда и скорби. На третій день послѣ прибытія на станцію Тихорѣцкую наши остатки едва совершенно не погибли отъ страшнаго взрыва снарядовъ, произведеннаго большевистскими агентами, которые, почуявъ успѣхъ, смѣло подняли голову.

Когда мы оставили Тихорѣцкую и перешли въ станицу Кореновскую, къ намъ неожиданно вернулись одиннадцать человѣкъ офицеровъ, безъ вѣсти пропавшіе въ Горькой Балкѣ 12-го Февраля. Вотъ что они разсказали: первымъ, на кого набросились красные, оказался полковникъ Чудиновъ, старый кадровый офицеръ и великолѣпный стрѣлокъ, имѣвшій большое количество Императорскихъ призовъ.

Почуявъ неминуемую смерть, старикъ приложился въ командира, обвѣшаннаго красными лентами, рука его не дрогнула. Красный командиръ упалъ съ лошади, пронзенный пулей, въ тотъ же моментъ, когда полковникъ Чудиновъ съ разрубленной головой уткнулся головой въ снѣгъ. Нашъ офицеръ пулеметной команды, поручикъ Павловъ, не успѣвшій открыть огонь изъ пулемета, тоже получилъ сабельный ударъ, и полчерепа его скатилось подъ тачанку. Что дѣлать! что дѣлать? повторялъ георгіевскій кавалеръ капитанъ Павловъ, 1-го гренадерскаго полка и, не находя отвѣта, пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Мобилизованные кричали „ура“ и кидали вверхъ папахи.

Кто могъ идти на компромиссъ съ совѣстью, тотъ срывалъ погоны и знаки офицерскаго отличія. Въ какіе нибудь полчаса все было кончено. Гренадеры не выдали своихъ офицеровъ. Тогда красные, отдѣливъ изъ плѣнныхъ начальствующихъ лицъ и раздѣливъ ихъ на двѣ части, раздѣли ихъ до бѣлья (въ 20-ти градусный морозъ) и погнали одну часть разстрѣливать въ Бѣлую Глину, а другую въ направленіи на Егорлыкскую. Вернувшіеся принадлежали къ послѣдней группѣ. Случилось такъ, что, подходя

къ станицѣ Егорлыкской, красные были атакованы конницей генерала Павлова. Наши, пользуясь замѣшательствомъ, разбѣжались, и вотъ они здѣсь — эти счастливцы. Но въ какомъ они видѣ, и что они пережили, описать невозможно...

Изъ Кореновки мы шли въ Екатеринодаръ. Я ѣхалъ на тачанкѣ со знаменемъ Мингрельскаго полка. Черезъ Екатеринодаръ тянулись безпрерывной лентой обозы. Въ Екатеринодарѣ насъ размѣстили на Дубинкѣ. Въ день прибытія въ Екатеринодаръ полковникъ Кузнецовъ слегъ въ сыпномъ тифѣ. Остатки гренадеръ опять были сведены въ баталіонъ, который принялъ полковникъ Кочкинъ.

Эвакуація была въ полномъ ходу. Нужно было во что бы то ни стало вывезти полковника Кузнецова. Съ большимъ трудомъ удалось помѣстить его въ санитарный поѣздъ только 3-го Марта. Мало того, я вазначилъ особый офицерскій нарядъ, которому вмѣнялось въ обязанность прослѣдить моментъ отправленія поѣзда. За шесть дней до оставленія Екатеринодара оставшимся гренадерамъ и Кавказскимъ стрѣлкамъ, построившимся подъ желѣзнодорожнымъ віадукомъ, генералъ Деникинъ произвелъ смотръ. Послѣ смотра, генерала Деникина окружили офицеры, задавая цѣлый рядъ вопросовъ на животрепещущія темы. Главнокомандующій въ своихъ отвѣтахъ подавалъ надежду на могущій еще произойти въ настроеніи массъ переломъ, упомянулъ о томъ, что насъ въ любой моментъ поддержитъ англійскій флотъ, а въ крайнемъ случаѣ нами прочно еще удерживается Крымъ. Относительно выступленія капитана Орлова Главнокомандующій сообщилъ, что движеніе это благополучно ликвидировано.

4-го Марта въ 8 часовъ утра остаткамъ гренадеръ, въ количествѣ 45 человѣкъ приказано было перейти на станцію Крымскую, гдѣ они должны были присоединиться къ Добровольческому корпусу. Въ этотъ день Екатеринодаръ оставлялся нашими частями. Повозки стояли сплошной стѣной отъ Екате-

риненскаго парка до моста, всѣ прилегающія улицы къ раіону мостовъ также были забиты. Еле-еле можно было пробираться между ними пѣшеходу. Отходившія части грабили винный складъ, разнося оттуда спиртъ, кто въ чемъ могъ.

Въ городѣ началась отрѣльба. Въ полдень мы перешли Кубань по желѣзнодорожному мосту и остановились въ Георгіеафинской. Въ тотъ же день желѣзнодорожный мостъ черезъ Кубань былъ взорванъ нашими частями. Половина моихъ вещей не успѣла переѣхать черезъ мостъ и осталась на двуколкѣ въ Екатеринодарѣ. Другая половина вещей съ обозомъ 1-го разряда перешла мостъ еще наканунѣ и находилась гдѣ-то въ пути. На мнѣ была маленькая англійская сумка съ кружкой, двумя фунтами сахару, мыломъ, зубной щеткой и полотенцемъ. Кромѣ того на мнѣ висѣли палетка съ документами и неизмѣнный другъ „Маузеръ“. Больше со мной рѣшительно ничего не было.

6 го вечеромъ, остатки гренадеръ во главѣ со мной прибыли на станцію Крымскую, гдѣ мы должны были получить указанія нашего командира, полковника Кочкина. Въ ожиданіи его прибытія прошли 7 и 8 Мартъ. Вечеромъ 8 Марта я почувствовалъ себя плохо. У меня поднялась температура, и я примостился въ одномъ изъ стоявшихъ на запасномъ пути вагонѣ. Вдругъ, взволнованные вбѣгаютъ ко мнѣ нѣсколько нашихъ офицеровъ и докладываютъ, что на станціи появились Дроздовцы, которые арестовали всѣхъ бывшихъ на перронѣ офицеровъ, въ томъ числѣ нѣсколькихъ нашихъ. Оказалось, Дроздовцы демонстрировали свой коронный номеръ — „мобилизацію“. Тутъ уже конечно никакія силы не помогали. Офицеры подвергались незаслуженнымъ оскорбленіямъ и даже побоямъ. Я вышелъ на совершенно обезлюдѣвшій перронъ и какъ разъ наткнулся на полковника Туркула, шедшаго въ сопровожденіи конвоя. У насъ произошелъ, разговоръ, въ которомъ я указалъ властителю положенія на всю

непріемлемость употребляемыхъ по отношенію къ офицерамъ пріемозъ со стороны ввѣренныхъ ему частей и просилъ освободить арестованыхъ. „Вы должны присоединиться къ намъ", заявилъ онъ мнѣ. „Прекрасно, но у насъ есть свои начальники, приказанія которыхъ мы и исполняемъ". „Хорошо, я вамъ достану приказъ", сказалъ полковникъ Туркулъ и пошелъ по направленію къ штабному поѣзду. Я отправился съ себѣ въ вагонъ. Черезъ часъ меня вызвали къ мѣсту разположенія Дроздовцевъ. Послѣдніе, въ количествѣ роты, размѣстились у костровъ, расположенныхъ въ паркѣ, прилегающемъ къ станціоннымъ постройкамъ. Нѣсколько поотдаль на деревѣ висѣлъ трупъ повѣшеннаго. У отдѣльнаго костра сидѣли наши „мобилизованные". Мнѣ предложили подписать именной списокъ сдаваемыхъ подъ расписку офицеровъ.

Пришлось подписать. „Ну, вотъ теперь повоюете, а то вы, какъ видно, не воевали еще", донеслись до меня реплики Дроздовцевъ.

Мы стали „Дроздовцами".

Чуть свѣтъ полученъ былъ приказъ погрузиться для слѣдованія въ Новороссійскъ. Погрузились. У меня сразу начался сильный жаръ; на одной изъ остановокъ пришлось обратиться къ доктору. „Боюсь, что у васъ тифъ, сказалъ докторъ. „Вы болѣли сыпнякомъ"? „Болѣлъ", отвѣтилъ я. „Завтра посмотрю васъ еще разъ", сказалъ докторъ и ушелъ.

Къ вечеру мы прибыли въ Тоннельную. Мнѣ сдѣлалось совсѣмъ плохо. Наши гренадеры приняли во мнѣ участіе и устроили меня, наконецъ, въ классный вагонъ. Я просилъ ихъ меня не бросать въ случаѣ, если я потеряю сознаніе. Всю ночь я бредилъ. Подъ утро я немного забылся. Въ это время мои новые однополчане сгрузились съ эшелона и ушли въ Новороссійскъ, оставивъ меня на произволъ судьбы. Къ счастью, утромъ мнѣ стало легче. Я лежалъ одинъ въ вагонѣ. „Ну, нужно уходить, пока не поздно",

сказалъ я вслухъ и, собравъ послѣднія силы, всталъ, и тронулся въ путь.

Придя въ Новороссійскъ, я не зналъ, кого и гдѣ искать, но случай помогъ. Идя по путямъ, я вдругъ услышалъ, что меня кто-то окликнулъ. „Котэ, ты-ли это?“, встрѣтилъ меня поручикъ Богомоловъ. „Здѣсь наша хозяйственная часть, вотъ въ этомъ вагонѣ“, указалъ онъ рукой, „идемъ къ намъ, для тебя найдется мѣсто“. Въ теплушкѣ было уютно и тепло. Меня напоили чаемъ и уложили. На утро пришелъ Гранитовъ. Посмотрѣвъ на меня, онъ сказалъ: „Знаешь что, сегодня идетъ пароходъ на Кипръ. Уѣзжай-ка ты, подлечись. Сейчасъ тебѣ здѣсь все равно нечего дѣлать“. Я колебался. Путешествіе въ полную неизвѣстность безъ гроша денегъ въ карманѣ казалось мнѣ рискованнымъ. Нехотя, пошелъ я за Владимиромъ. Пришли мы въ бюро на Серебряковской улицѣ, тамъ была масса народа. „Ну, становись въ очередь, а я сейчасъ приду“, сказалъ Володя и ушелъ. Я постоялъ, постоялъ въ очереди, мнѣ стало плохо, и я рѣшилъ не ѣхать. Когда я вернулся въ вагонъ и легъ, мнѣ передали, что только что былъ Гранитовъ, который меня розыскивалъ. Вскорѣ Володя пришелъ опять. „Ты почему же не остался“? возмущался онъ. „Ну-ка идемъ вмѣстѣ“... Черезъ часъ, получивъ необходимые документы, я шелъ на восточный молъ, гдѣ стоялъ цѣлый рядъ громадныхъ пароходовъ. Мои документы написаны были на пароходъ „Бургомистръ Шредеръ“. Громадный корпусъ „Шредера“, какъ трехъэтажный домъ, возвышался надъ пристанью. Усиленнымъ темпомъ шла погрузка при помощи командъ съ англійскаго дредноута „Императоръ Индіи“. Грузили автомобили, орудія, обмундированіе и всякіе другіе грузы, тарахтѣли лебедки и звенѣли цѣпи. Въ ушахъ у меня стоялъ стонъ. Съ большимъ трудомъ поднялся я по трапу. На мостикѣ у меня потребовали, черезъ переводчика, документы. „Съ вами есть оружіе?“, послѣдовалъ вопросъ. „Есть“. „Сдайте его сейчасъ, вы получите его обратно по прибытіи

на мѣсто". Я снялъ свой Маузеръ и передалъ его морскому офицеру. Къ слову сказать, Маузера своего я уже больше не увидѣлъ англичане его мнѣ не вернули.

Затѣмъ мнѣ указано было, въ какой трюмъ мнѣ идти. И на этомъ процедура погрузки кончилась. Въ трюмѣ № 2, въ который я былъ назначенъ, было полно. Ни одного свободнаго мѣста на полу уже не было. Долго я бродилъ, пока не примостился около сорнаго ящика. Къ счастью, въ этотъ же день мнѣ дали два одѣяла. Я получилъ возможность прилечь. Когда я очнулся, мы были уже въ Севастополѣ. У меня оказался возвратный тифъ. Не помню, сколько дней мы простояли, помню только, что многіе волновались, что какая-то комиссія будетъ свидѣтельствовать отъѣзжающихъ на предметъ годности ихъ къ строю. Потомъ что-то долго грузили...

„Ну, господа, сейчасъ уходимъ", сказалъ кто-то. „Уходимъ", старался собрать я мысли, „уходимъ въ полную неизвѣстность, всецѣло полагаясь на милость нашихъ союзниковъ", звучало въ головѣ, и болѣзненно хотѣлось взглянуть еще разъ на то, что мы покидали.

Собравъ всѣ силы, я поднялся по сходнямъ на палубу. Мы выходили на внѣшній рейдъ Севастополя. На палубѣ было много народа. Каждому хотѣлось не пропустить момента вынужденнаго прощанія съ Родиной. Вотъ контуры берега стали сливаться въ утреннемъ туманѣ, — лица у всѣхъ стали серьезными. Многіе плакали, другіе крестились.

„Прощай Россія", вырвалось и у меня.

Половина чистаго дохода съ настоящаго изданія поступитъ въ пользу

ЗАРУБЕЖНЫХЪ РУССКИХЪ ВОЕННЫХЪ ИНВАЛИДОВЪ,

возглавляемыхъ Ц. Правленіемъ Союза Р. В. И. заграницей, подъ предсѣдательствомъ Ген.-отъ-Кав. Н. Н. Баратова.

••••

Адресъ Ц. Пр. Союза:
Belgrad, Dalmatinska 54.

! 6000 !

русскихъ военныхъ инвалидовъ влачатъ на чужбинѣ жалкое полуголодное существованіе.

Помните это

Русскіе люди!